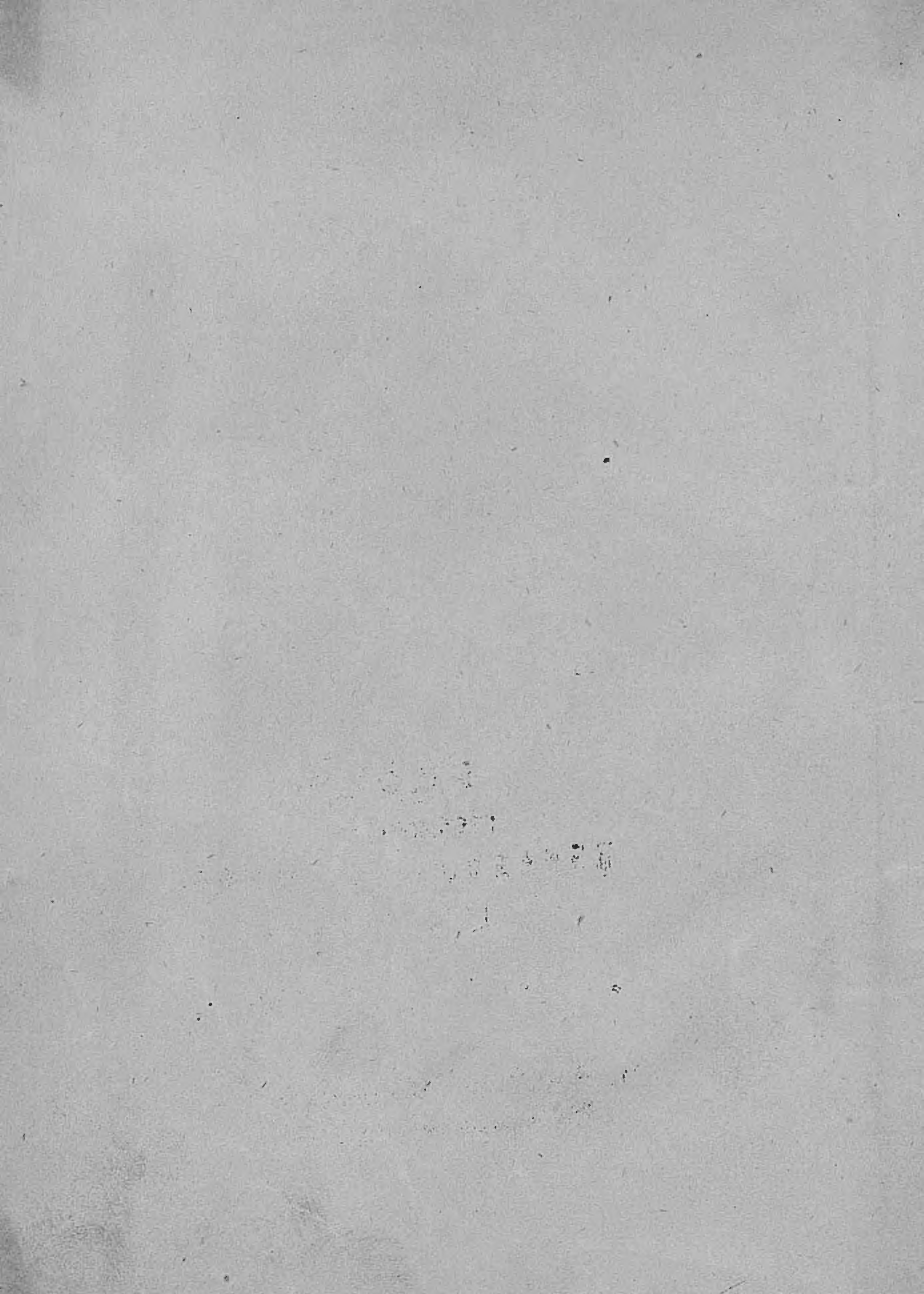


АВРААМЪ ЛИНКОЛЬНЪ

и

ВЕЛИКАЯ БОРЬБА

между

СѢВЕРНЫМИ И ЮЖНЫМИ АМЕРИКАНСКИМИ ШТАТАМИ

въ продолженіе

1861 — 1865 годовъ

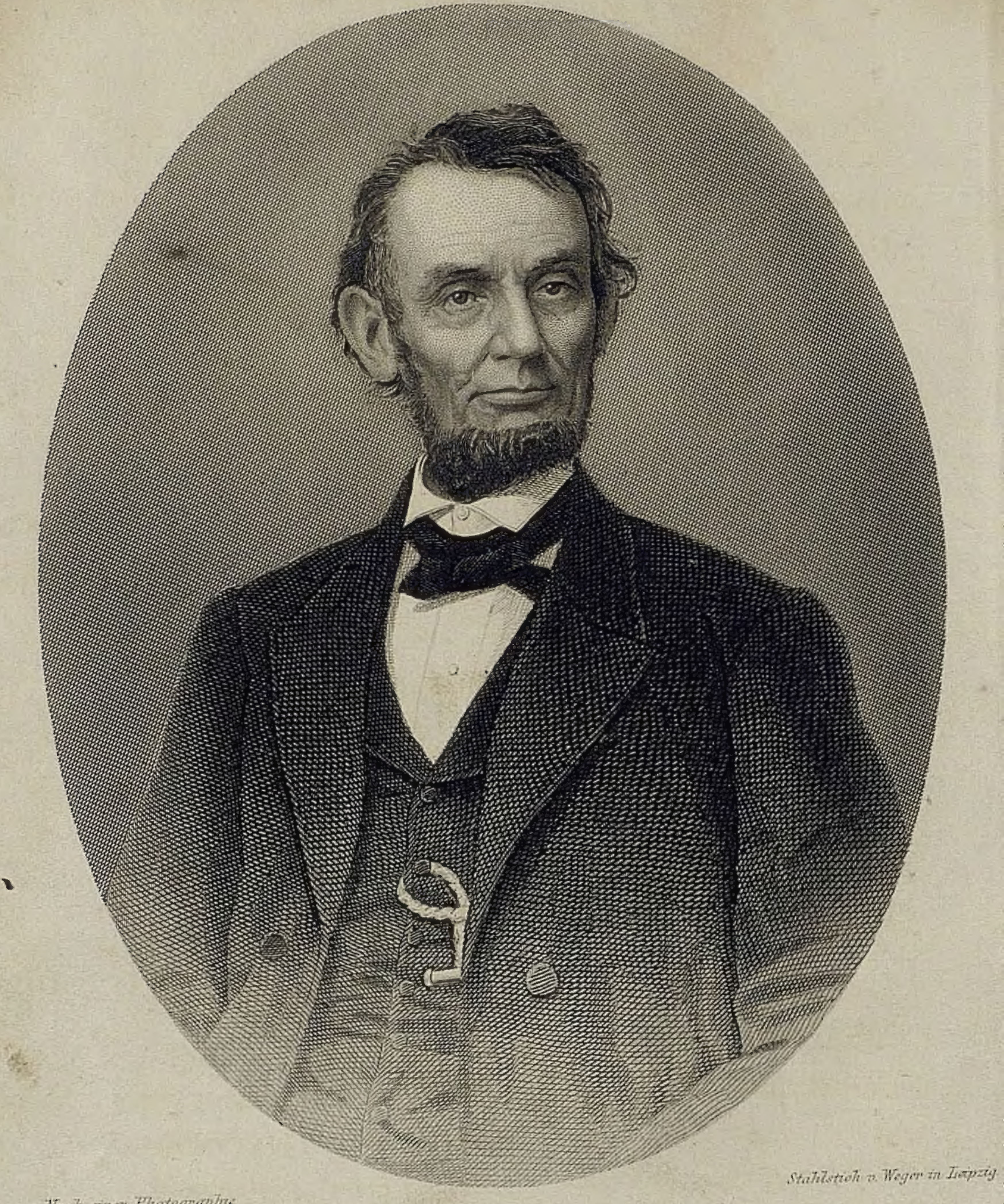
Д-ра МАКСА ЛАНГЕ

переводъ съ нѣмецкаго

Съ портретомъ Линкольна

С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1867.

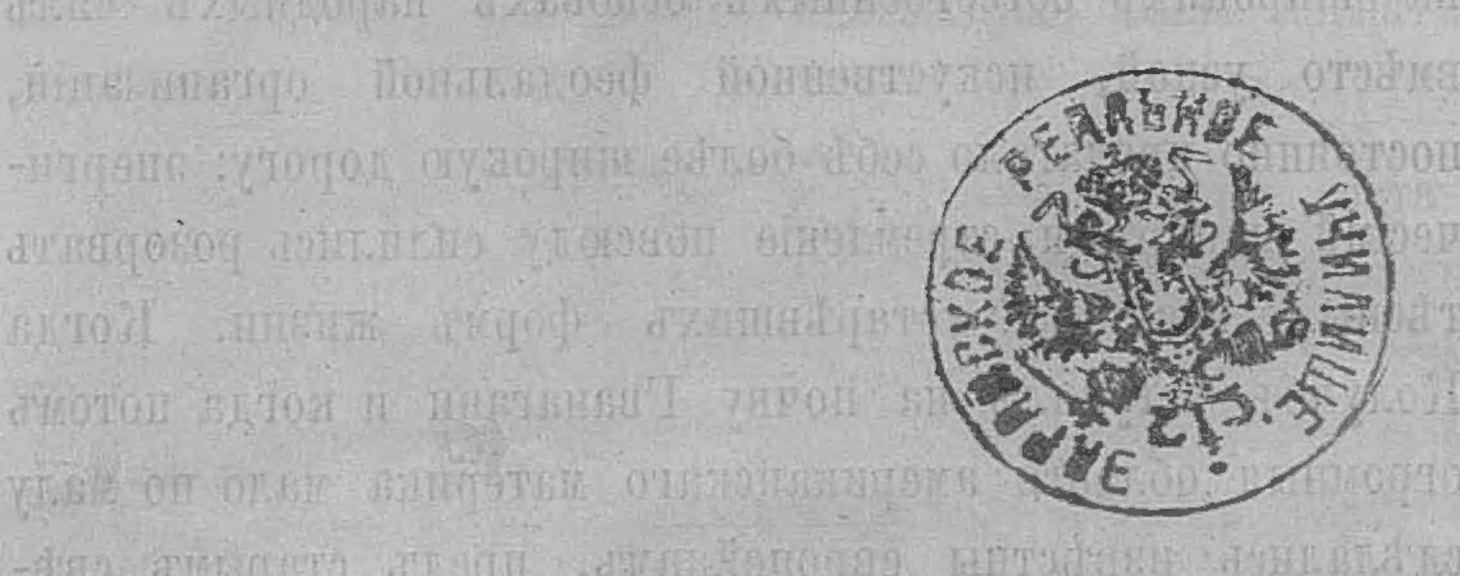
ТИПОГРАФІЯ КУКОЛЬ-ЯСНОПОЛЬСКАГО
Малая Мѣщанская и Столярный пер. д. № 6 и 14



Nach einer Photographie

Stahlstich v. Weger in Leipzig

A. Lincoln



ВВЕДЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ АМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА.

1. Новый свѣтъ и движеніе народовъ на западъ.

Расширеніе средневѣковаго кругозора. — Романскія и германскія племена въ новомъ свѣтѣ. — Жажда золота и рабство. — Британскіе кавалеры и пуритане. — Процвѣтаніе колоній.

Прогрессъ человѣчества въ современномъ смыслѣ этого слова начинается вмѣстѣ съ открытіемъ Америки Христофоромъ Колумбомъ. Средніе вѣка съ ихъ мистическими отголосками отжили свое время, постепенно созрѣвала здравая трезвость въ образѣ мыслей людей и просвѣтляла ихъ взглядъ на жизнь. Клерикальный періодъ въ наукѣ, искуствѣ и преимущественно въ политикѣ приближался къ своему концу.

Образованіе государствъ новаго времени, утвержденное на широкихъ естественныхъ основахъ народныхъ силъ вмѣсто узкой, искуственной феодальной организаціи, постоянно пролагало себѣ болѣе широкую дорогу; энергическій напоръ и стремленіе повсюду силились розорвать тѣсныя границы устарѣвшихъ формъ жизни. Когда Колумбъ вступилъ на почву Гванагани и когда потомъ огромныя области американскаго материка мало по малу сдѣлались извѣстны европейцамъ, предъ старымъ свѣтомъ открылся неизмѣримый горизонтъ и широкое поле для новой дѣятельности, значеніе которой тогда едва ли можно было предугадывать.

Подобно стремительному потоку бросились въ новый свѣтъ тысячи и притомъ тысячи жадно искавшихъ подвиговъ европейскихъ завоевателей; за ними слѣдовали толпы изъ Кастиліи, Леона, потомъ конквистадоры. Они разрушили могущественныя государства средней Америки, которыя достигли не ничтожнаго культурнаго развитія, и при помощи огня и меча старались проложить путь христіанству и европейской цивилизаціи. За испанцами послѣдовали португальцы и направились къ югу только что открытой части свѣта; французы изслѣдовали сѣверъ и старались утвердиться тамъ. Но едва только показали дорогу романскія племена, какъ туда же пошли и германцы, чтобы принять участіе въ господствѣ надъ новымъ свѣтомъ. Англійскіе и голландскіе флоты пристали къ сѣвернымъ берегамъ Америки, а гдѣ

германское племя разъ вступило на землю, тамъ оно прочно утверждалось и его нельзя уже было изгнать оттуда.

Въ настоящее время мы съ трудомъ можемъ составить себѣ вѣрное представленіе о томъ безмѣрномъ возбужденіи, которое должно было охватить всю тогдашнюю Европу и въ особенности Испанію, при извѣстіи объ открытіи новой части свѣта. Также мало понятна остается для насъ и та близорукость, съ которою тогдашніе европейцы, почти до конца шестнадцатаго столѣтія, судили о новомъ свѣтѣ. Даже самъ Колумбъ, который хотѣлъ открыть новый морской путь въ богатую Индію, цѣнилъ открытую имъ часть свѣта прежде всего только въ той увѣренности, что думалъ найти здѣсь страну золота Катею. Это была лихорадочная жажда золота, гнавшая конквистадоровъ вдаль, главнымъ образомъ въ Мехику и Перу, гдѣ должны были находиться неизмѣримыя сокровища. Самыя возмутительныя жестокости съ американскимъ населеніемъ считались позволенными, для того чтобы вынудить у нихъ золото. Испанцы въ полномъ смыслѣ слова поработили побѣжденныя первобытныя племена новаго свѣта и обратили ихъ въ вьючныхъ животныхъ и невольниковъ. Но когда центральные американцы, вслѣдствіе слабаго сложенія, гибли подъ жестокимъ гнетомъ, тогда на американскій материкъ стали привозить цѣлыя полчища африканскихъ негровъ, которые вмѣстѣ съ индѣйцами принуждены были для своихъ бѣлыхъ господъ

работать въ рудникахъ и обработывать землю. Испанецъ, отправлявшійся въ Америку, считалъ для себя всякій тѣлесный трудъ неизгладимымъ позоромъ. Вслѣдствіе этого испанскія колоніи съ самаго начала были уже лишены своей будущности, и при этомъ исторія еще разъ представила доказательство того, что мечь даже и въ Америкѣ не можетъ долго замѣнять плуга.

Общественное устройство, лишенное силъ гражданственности, которой недостаетъ еще и теперь американскимъ испанцамъ, безсильно по самому существу своему; и эта смѣсь изъ европейцевъ и разныхъ послѣдовательныхъ степеней креоловъ, пропитанная индѣйскимъ элементомъ, не была способна ни къ органическому развитію, ни къ культурному прогрессу и оставалась безъ значенія.

Хотя французы, утвердившіеся въ нижнихъ частяхъ Миссиссипи и въ Канадѣ, рѣшительно были подвижнѣе и воспріимчивѣе испанцевъ, но и они все таки обнаружили извѣстное качество всѣхъ романскихъ народовъ: въ чужой странѣ вѣчно оставаться чужестранцами. Французъ никогда не могъ подавить въ себѣ влеченія сдѣлать изъ своихъ колоній въ сѣверной Америкѣ вторую Францію. Его чувства мало воспріимчивы къ красотамъ природы, но за то онъ тѣмъ чувствительнѣе къ удобствамъ общественной жизни. Хотя и одаренный въ высшей степени живымъ характеромъ, онъ однако боится тяжелаго труда, особенно если ему приходится долгое время ожидать полной награды за свое упорное прилежаніе. Кро-

потливая обработка сырыхъ матеріаловъ, выжиданіе послѣдовательнаго органическаго развитія совершенно противно его природѣ. Быстрота, напряженіе доходящее до высокой степени и немедленый результатъ—вотъ истинный девизъ француза. Съ тѣхъ поръ какъ Жакъ Картье изслѣдовалъ Канаду, а пронырливый Шампленъ основалъ Квебекъ, французы думали уже, что завладѣли всею Америкою. Они основались высоко на сѣверѣ и подвигались на югъ, къ устью Миссисипи. Французскіе пиллигримы, гугеноты, конечно потерпѣли въ своихъ предпріятіяхъ въ Каролинѣ почти полное фіаско; но вѣдь эти бѣглецы, по мнѣнію Парижа и всей Франціи, не могли считаться истинными представителями націи. Канада и Луизіана были утѣшеніемъ для французовъ, въ то время когда государственный бюджетъ возросъ до чрезвычайныхъ размѣровъ; ради колоній, предназначенныхъ обогатить цѣлую Францію, не страшились никакихъ денежныхъ пожертвованій. Но они не хотѣли или не могли приложить къ колоніямъ своихъ рабочихъ силъ. Спекуляція на непочатыя сокровища французской сѣверной Америки доходила до безумія, но самъ французъ никакъ не хотѣлъ добывать это богатство. Эти **спекулирующіе французы, избѣгавшіе грубыхъ земледѣльческихъ работъ, и насадили рабство внутри сѣверной** Америки и преимущественно въ Иллинойсѣ. Значеніе этого факта въ политическомъ смыслѣ и въ отношеніи къ внутреннему развитію американскаго сѣвера нисколько не

ослабѣвается тѣмъ, что участь французскихъ рабовъ-негровъ была вообще довольно сносна. Невольничество, подобно прилипчивой проказѣ, проникло изъ центральной Америки къ верховьямъ Миссисипи и съ теченіемъ времени приняло огромные размѣры, особенно когда англичане утвердились въ сѣверной Америкѣ и съ проницательностію безжалостныхъ торгашей поняли ту неизмѣримую выгоду, которую можно было извлекать изъ живого чернаго товара.

Колонизація сѣверной Америки была дѣломъ германскихъ народовъ. Главная часть этой эмиграціи составилась изъ англичанъ, къ которымъ потомъ примкнули голландцы, шведы и норвежцы, а въ болѣе недавнія времена и массы нѣмцевъ. Основаніемъ для нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ послужили тѣ тринадцать англійскихъ колоній, которыя развились на сѣвероамериканскомъ восточномъ берегу, отъ Акадіи до Флориды.

Передній отрядъ англосаксонцевъ состоялъ по большей части изъ всякаго сброда, вышедшаго изъ Лондона и другихъ большихъ городовъ, перемѣшаннаго съ бѣглецами, желавшими удалиться отъ варварскихъ войнъ, свирѣпствовавшихъ тогда въ Англіи и Шотландіи. Болѣе организованную эмиграцію представляютъ пиллигримы пуритане, которые направились въ теперешнюю Новою Англію и положили основаніе колоніямъ Коннектикутъ, Родъ-Эйландъ, Массачузетсъ, а также способствовали развитію Мэна, Нью-Гемпшира, Мэриланда

и Пенсильваніи, въ которыхъ впрочемъ скоро получили перевѣсъ квакеры. Противники индепнедентовъ, ройялистскіе кавалеры, представлявшіе собою англонорманнскій элементъ, появились въ Мэрилaндѣ рядомъ съ круглоголовыми и придали Виргиніи и Каролинѣ, которая впослѣдствіи какъ королевская англійская провинція распалась на двѣ части, свой особенный характеръ, который въ цѣломъ представляетъ только самое незначительное сходство съ характеромъ Новой Англіи. Въ то время какъ пуритане, враждебные ко всякому ограниченію ихъ self-gouvernment'а, проводили принципы демократіи, ройялисты возстановляли въ маломъ объемѣ феодальныя государства; они оставались вѣрны англійской господствующей церкви, формально получали въ ленъ отъ англійской короны свои земли и селенія и придерживались, какъ коронные вассалы, англійскихъ учрежденій. Будучи вообще только ленниками короны, они естественно также мало работали и на американской почвѣ, какъ прежде въ своей метрополіи. Помѣстья этихъ землевладѣльцевъ наполнились въ скоромъ времени рабами. И только когда большіе участки, пріобрѣтенные въ собственность этими дворянами ленниками, перешли мало по-малу къ мелкимъ землевладѣльцамъ, свобода, которою наслаждались сѣверныя колоніи, и здѣсь получила свои права.

Съ развитіемъ тринадцати первыхъ колоній переселеніе въ Америку принимаетъ громадные

размѣры. Всего больше было здѣсь голландцевъ, шотландцевъ, французскихъ кальвинистовъ, швейцарцевъ и нѣмцевъ. Хотя положенie колонiй по отношенiю къ англiйской метрополiи опредѣлялось законами и привилегiями, но ихъ внутреннее развитie шло долгое время своимъ самостоятельнымъ путемъ. Едва протекла первая половина XVIII ст., англосаксонская раса уже развила въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы руководить судьбою американскаго сѣвера. На американской почвѣ вспыхнула война между Францiею и Англiею, и, при энергическомъ содѣйствiи колонистовъ, Францiя потерпѣла такое рѣшительное пораженie, что на будущее время ея власть никогда не могла подняться на столько, чтобы снова принять дѣятельное участie въ исторiи розвитiя Сѣверной Америки. Акадiя и Канада были уступлены Англiи на вѣчныя времена; Миссиссипи объявлена границею между англiйскими и французскими владѣнiями. Вмѣстѣ съ тѣмъ испанцы были вытѣснены изъ Флориды и другихъ владѣнiй, находящихся къ востоку отъ Миссиссипи. Въ англiйскихъ колонiяхъ, увеличенныхъ такимъ образомъ, считалось 1,300,000 жителей, изъ которыхъ 500,000 въ Новой Англiи, и онѣ владѣли количествомъ рабовъ, которое въ южныхъ колонiяхъ чуть не равнялось числу бѣлыхъ. Колонисты восточныхъ штатовъ почти безостановочно начали подвигаться къ западу. Въ то время индѣйцы еще держались среди своихъ лѣсовъ и полей, въ горныхъ странахъ

между Миссиссипи и Атлантическимъ океаномъ. На вершинѣ Стэндингъ Рока, возвышающагося теперь среди отлично обработанныхъ полей Союза, ярко пылали надъ первобытными лѣсами сигнальные огни краснокожихъ. Но скоро новая земля была „очищена“ отъ самыхъ храбрыхъ индѣйскихъ племенъ и плугъ бѣлаго человѣка пролагалъ свою борозду на западъ.

2. Метрополія и колоніи.

Эксплуатація Англіею колоній.—Обремененіе ихъ торговли. — Поощреніе рабства и усиленіе различія въ производствѣ сѣверовосточныхъ и южныхъ колоній. — Отношеніе метрополіи и колоній къ индѣйскимъ племенамъ.

Въ Англіи, гдѣ зорко наблюдали за развитіемъ колоній, казалось, только теперь начали понимать огромное значеніе заатлантическихъ поселеній. Несчастная мысль эксплуатировать колоніи, которыя, положимъ, и стоили метрополіи тяжелыхъ пожертвованій, сдѣлалась девизомъ торіевъ; даже король придерживался этой мысли съ своимъ обыкновеннымъ упрямствомъ. Съ этою цѣлью парламентскимъ актомъ, въ мартѣ 1764 года, было вмѣнено колоніямъ въ обязанность принимать участіе въ уплатѣ національнаго долга. Не давши сформировавшимся колоніяльнымъ конгрессамъ даже совѣщательнаго права, а тѣмъ менѣе права подачи голосовъ, въ Лондонѣ рѣшили обложить колоніи налогомъ.

И вотъ тогда уже сказаны были въ Бостонѣ роковыя слова: „обложеніе податями безъ народнаго представительства есть тираннія“ (Taxation without representation is tyranny).

Въ сѣверовосточныхъ колоніяхъ, не смотря на церковный ригоризмъ, демократическій элементъ достигъ своего полнаго развитія. Обитатели Новой Англіи дали толчекъ, произведшій всемірно историческій поворотъ въ судьбѣ американскихъ колоній. Области, лежащія южнѣе, послѣдовали за ними и неожиданно очутились среди пламени сѣвероамериканской войны за свободу.

Собственно война началась только тогда, когда метрополія стѣснила свои колоніи до крайности. Сѣверовосточныя колоніи съ самаго начала имѣли всѣ задатки къ большому промышленному производству. Въ то время, какъ на югѣ рабскій трудъ производилъ огромныя массы сырыхъ продуктовъ, на сѣверѣ возвышалось свободное умственное развитіе, чтобы парализовать этотъ рабскій трудъ индустріальнымъ производствомъ. Эта существенная черта въ органическомъ устройствѣ сѣвероамериканскаго положенія дѣлъ удержалась даже и до настоящихъ временъ. Мы впослѣдствіи встрѣтимся съ этимъ различіемъ, но уже какъ съ главною причиной страшной, кровавой борьбы, окончившейся только вмѣстѣ съ ниспроверженіемъ южныхъ штатовъ.

Англія, обложивши свои колоніи налогомъ, могла

извлечь отсюда только ту выгоду, что энергически удерживала бы промышленное производство ихъ на низкой степени, и сырые американскіе продукты отправлялись бы къ англійскимъ фабрикантамъ, которые придавали бы имъ болѣе высокую цѣнность. Уже тогда, въ 1775 г., англійская политика въ отношеніи къ заатлантическимъ колоніямъ слѣдовала совершенно тому же пути, котораго придерживалось министерство Пальмерстона во время сепаратистской войны при Аврамѣ Линкольнѣ.

Съ 1688 года до самаго объявленія независимости колоній англійское правительство издало рядъ парламентскихъ постановленій, которыя явнымъ образомъ клонились къ тому, чтобы стѣснить торговлю колоній. Колонистамъ запрещалось торговать, а вмѣсто нихъ право это предоставлялось англійскимъ купцамъ. Неангличанамъ рѣшительно возбранялась всякая торговля съ колоніями и сами колонисты даже въ своихъ взаимныхъ пограничныхъ сношеніяхъ должны были обращаться къ англійскимъ торговцамъ-посредникамъ. Сырые продукты, какъ-то: табакъ, рисъ, хлѣбныя растенія и проч., можно было привозить на продажу только въ англійскіе порты. Собственно промышленность, какъ напримѣръ, выдѣлка желѣзныхъ и стальныхъ товаровъ, хлопчатобумажныхъ тканей и проч., не была терпима; разрѣшались занятія только самыми необходимыми ремесленными издѣліями и то только потому, что вѣдь иначе

и быть не можетъ. Жители Массачузетса, Коннектикута, Родъ-Эйланда, Нью-Джерси, Пенсильваніи, Мэрпланда и Южной Каролины, послѣ обнародованія такъ называемаго генеральнаго акта 1764 года, которымъ облагались ввозными пошлинами разные товары, доставляемые въ гавани Америки, какъ-то: сахаръ, кофе, вино, индиго, остындскій шелкъ и проч., раздраженные также указомъ 1765 года о гербовой бумагѣ, собрались на конгрессъ и объявили оба эти постановленія противозаконными. Хотя штемпельный актъ и былъ отмѣненъ, но вмѣсто его появился извѣстный приказъ лорда Норта брать пошлины съ чая, привозимаго въ колоніальные порты. Извѣстно, какъ бостонцы, замаскированные индѣйцами, бросили въ море, въ ноябрѣ 1773 года, 342 ящика англійскаго чая и какъ тринадцать штатовъ, рѣшившись на отчаянное сопротивленіе, составили 1 сентября 1774 г. въ Филадельфіи національный конгрессъ. При деревнѣ Лексингтонѣ, между Бостономъ и Конкордомъ, колонисты удачно выдержали первую боевую схватку съ англійской бригадой подъ командою лорда Перси, которою собственно и началась борьба сѣвероамериканцевъ за свободу.

Великобританія, вслѣдствіе своего вмѣшательства въ европейскія дѣла, особенно участія въ семилѣтней войнѣ, запуталась въ долги и поэтому совершенно не располагала достаточными военными силами для усмиренія колоній. Но ея коварная политика ловко съумѣла оты-

скать для себя даже въ самой Сѣверной Америкѣ сильную поддержку, которая во время войны оживляла надежду на побѣду ея эгоистической системы. Правительство острова прежде всего устремило свое вниманіе на то, чтобы утвердить въ колоніяхъ рабство негровъ на прочныхъ основаніяхъ. По утрехтскому миру, 1713, Англія гарантировала себѣ право привозить на испанскіе Антильскіе острова, а также и вообще въ испанскую Америку африканскихъ невольниковъ. Но извѣстно, что ливерпульскія, лондонскія и др. компаніи, торговавшія неграми, кромѣ испанскихъ областей, наполнили ими и англійскія колоніи. Барбадосъ считался главнымъ невольничьимъ рынкомъ для цѣлой Америки, и англійскіе торговцы рѣдко когда нибудь получали бóльшіе барыши, чѣмъ впродолженіе тѣхъ тридцати лѣтъ, когда ихъ монополія на торговлю неграми стояла на высшей степени своего процвѣтанія.

Съ намѣреніемъ и удивительнымъ постоянствомъ они продавали цѣлыя орды негровъ почти за безцѣнокъ въ американскія колоніи. Сѣверныя провинціи неоднократно протестовали противъ этой системы, поощряемой короной, вслѣдствіе которой сырые продукты южныхъ штатовъ брали опасный перевѣсъ надъ скудными промышленными продуктами Сѣвера. Да и сами южныя провинціи старались остановить этотъ наплывъ негровъ, такъ какъ онѣ предчувствовали, что этотъ черный элементъ, рано или поздно, поставитъ ихъ внутреннее

развитіе на совершенно другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ сѣверныхъ провинціяхъ.

Такимъ образомъ первый толчекъ тому острому клину, которымъ предполагалось расколоть на двѣ отдѣльныя части Сѣверъ и Югъ Союза, собственно данъ былъ еще Великобританіею. Безъ быстро и внезапно наступившей борьбы за свободу, южные штаты именно по причинѣ своего рабскаго элемента естественно стали бы въ ряды англійской арміи, какъ почти и случилось въ новѣйшее время. Невольническое населеніе вліяло на весь общественный строй провинцій и притомъ въ пользу англійскихъ интересовъ. Ройялистская партія насчитывала въ среднихъ и южныхъ провинціяхъ самое большее количество своихъ приверженцевъ. На рабовъ смотрѣли какъ на самую важную опору монархизма и всѣхъ „благонамѣренныхъ“. Думали, что негры никогда не могутъ возвыситься до степени свободныхъ колонистовъ, а тѣмъ болѣе республиканцевъ; во всякомъ случаѣ эти черныя орды были опасной язвой колоній.

Колонисты поняли ту грозу, которая собиралась надъ ихъ головами, и немедленно запретили ввозъ черныхъ союзниковъ его величества короля Англіи. Умный Джефферсонъ нисколько не преувеличивалъ дѣла, когда въ объявленіи о независимости колоній въ слѣдующихъ словахъ обрисовывалъ вѣроломную британскую политику и ея отношеніе къ рабству: „Король Великобританіи, говоритъ онъ, ведетъ жестокую войну даже противъ

самой человѣческой природы, потому что онъ приказываетъ схватывать подданныхъ далеко живущаго народа, который не причинилъ ему ни малѣйшаго зла, и влечетъ ихъ въ другую часть свѣта на рабство или же на ужасную смерть во время самаго переѣзда. Это настоящій морской разбой, составляющій позоръ даже для невѣрныхъ державъ, между тѣмъ имъ занимается христіанскій король Великобританіи!... И чтобъ достойно завершить эти мерзости, отчего дѣло становится еще очевиднѣе, тотъ же монархъ подстрекаетъ этихъ людей (негровъ), поселенныхъ среди насъ, взяться за оружіе и возвратить свою свободу, которую онъ самъ же отнялъ у нихъ, истребленіемъ народа, которому насильно навязалъ ихъ". . . . .

Но значеніе при тогдашнихъ обстоятельствахъ обѣихъ Каролинъ и Георгіи, гдѣ рабство находилось въ въ самомъ цвѣтущемъ своемъ состояніи, настоятельно требовало вычеркнуть изъ объявленія независимости эту часть изображенія Т. Джефферсономъ британской политики по отношенію къ рабству. И дѣйствительно, вышеупомянутыя провинціи не колеблясь заявили свою готовность, въ случаѣ принятія и одобренія этого публичнаго осужденія ихъ „домашняго учрежденія", считавшагося у нихъ законнымъ, искать своего спасенія въ болѣе тѣсномъ сближеніи съ метрополіею. Очень мало было утѣшенія въ томъ, что депутаты новоанглійскихъ провинцій объявили, что отдѣленіе трехъ

южныхъ колоній отъ такъ называемаго континентальнаго Союза будетъ по меньшей мѣрѣ уравновѣшено ожидаемою помощью со стороны Франціи.

Для внутренняго развитія Сѣверной Америки было важно то обстоятельство, что всѣ элементы, необходимые для отдѣленія рабовладѣльческихъ штатовъ отъ свободныхъ, отчетливо обозначились еще при первоначальномъ зарожденіи Союза. Стремленіе къ отдѣленію, которое было подавлено въ едва только оконченной страшной борьбѣ вѣрныхъ Союзу штатовъ, должно было, прошедши рядъ соціальныхъ превращеній, съ неумолимою неизбѣжностью естественнаго закона наконецъ разразиться настоящимъ взрывомъ.

Не менѣе ловко была разсчитана британская политика и въ отношеніи къ индѣйцамъ, съ которыми метрополія, еще за долго до начала борьбы съ своими колоніями, обращалась очень предупредительно. Исключая квакеровъ, благодаря вліянію Пенна очень гуманно относившихся къ индѣйцамъ (Пеннъ, напримѣръ, купилъ у краснокожихъ ту землю, которую пожаловала ему британская корона, вмѣсто того чтобы силою оружія прогнать ихъ оттуда), всѣ вообще англосаксонскіе эмигранты запятнали себя невыразимыми жестокостями въ отношеніи къ этимъ несчастнымъ краснымъ людямъ. Шагъ за шагомъ индѣйцы были оттѣсняемы на западъ; если же они не рѣшались добровольно уступать свои участки, то обыкновенно длинныя винтовки коло-

нистовъ указывали имъ дорогу. Ни одинъ правильный, хорошо организованный походъ не причинилъ индѣйцамъ столь страшнаго вреда, какъ эти отдѣльныя, частныя стычки съ колонистами, когда этимъ послѣднимъ приходилось защищать отъ краснокожихъ свои жилища и обработанныя поля.

Наконецъ независимыя воинственныя шайки индѣйцевъ были вытѣснены колонистами на западъ. Многія сотни авантюристовъ, гнушающіеся обыкновенной работой, исключительно посвящали себя охотѣ и расчисткѣ лѣсовъ, вели противъ туземцевъ хладнокровно разсчитанную истребительную войну, какъ будто противъ какихъ-нибудь медвѣдей и волковъ. Конечно, если и краснокожіе захватывали своего бѣлаго врага, точно также не могло быть рѣчи о какой-нибудь пощадѣ, потому что они и сами не ожидали пощады. Безконечное множество договоровъ было заключено между индѣйцами и колонистами, но всегда бѣлый человѣкъ, а не индѣецъ, являлся нарушителемъ своего слова и своей клятвы. „Больше земли!“ было постояннымъ девизомъ колонистовъ. Едва только краснокожіе уступали подъ поселеніе свой охотничій участокъ, какъ цѣлыя компаніи бѣлокожихъ охотниковъ (отъ 8 до 20 человѣкъ вмѣстѣ), трапперы, піонеры или первоначальные воздѣлыватели почвы, вмѣстѣ съ Squatters'ами, переступали границы только что уступленнаго подъ поселенія и переносили борьбу съ краснокожими еще далѣе, на но-

вый охотничій участокъ. Подобно волнамъ морскаго прилива, неудержимо идущимъ впередъ, стремились эти предтечи цивилизаціи на западъ и прокладывали путь просвѣщенію въ глушь тѣхъ дѣвственныхъ мѣстностей, которыя до этихъ поръ знали только Wigweem и узкія охотничьи тропинки индѣйцевъ.

Піонеры проходили дикія пустыни и приготовляли, такъ сказать, квартиры для первыхъ поселеній. Въ слѣдъ за ними двигались вторыя колонны „войска" и начинали расчищать почву. Эти Squatters'ы основывали здѣсь свои переносныя жилища и потомъ продавали ихъ обыкновенно за дешевую цѣну тѣмъ настоящимъ, истиннымъ колонистамъ, которые уже окончательно утверждались тутъ, т. е. оставались на постоянную, осѣдлую жизнь.

Шесть большихъ индѣйскихъ племенъ, которыхъ обыкновенно называютъ ирокезами (Iroquois или Irokees), могущественныя своимъ дѣйствительно замѣчательнымъ политическимъ устройствомъ, исчезли съ лица земли предъ нахлынувшими колонистами, какъ исчезаетъ снѣгъ предъ лучами солнца. Родоначальники эмигранты уже покончили съ племенами, живущими на Сѣверѣ и извѣстными подъ названіемъ Ohnelots (отъ рѣки — собранія многихъ водъ). Настоящей же ареной жестокой борьбы между колонистами и индѣйцами были берега восхитительнаго озера Мэрримакъ и области Соубоoратосъ, Гильфордъ, Мередитъ и Гэрбуръ. Въ снѣ-

говыхъ горахъ совершались тѣ геройскія ужасныя дѣла, о которыхъ еще и теперь повѣствуютъ саги. Здѣсь обезсмертилъ себя британскій капитанъ Ловелль: съ незначительнымъ отрядомъ англійской пѣхоты и съ помощью 50 кавалеристовъ онъ навсегда сокрушилъ могущество краснокожихъ. Союзъ изъ шести племенъ, подававшійся все болѣе и болѣе назадъ—къ океану, былъ совершенно разсѣянъ. Колонисты ссорили между собой онеидскихъ и синекскихъ индѣйцевъ; наконецъ десятая часть ихъ была истреблена. Ужасные могоки, которыхъ восточные индѣйцы называли истребителями людей, по одиночкѣ уничтожены были въ Коксахрагѣ (въ долинѣ рѣки Могока). Тускарурасы, кэйюгасы, могиганносы (могиканцы) и стокбриджи не могли удержаться въ нынѣшнемъ штатѣ Нью-Іоркъ, послѣ того какъ палъ великій союзъ. Насилу могли добиться краснокожіе уступки имъ тѣхъ большихъ охотничьихъ округовъ, которые заключаютъ въ себѣ почти милліонъ акровъ земли. Но эти земли, предоставленныя индѣйцамъ, точно также мало уважались въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, какъ и пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, потому что въ это время вашингтонскій конгрессъ всѣ эти участки къ востоку отъ оз. Эріо, оставленные собственно для туземцевъ, безцеремонно присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, а обманутыхъ индѣйцевъ, уже сдѣлавшихъ замѣчательные успѣхи въ колонизаціи и воздѣлываніи своихъ полей, приказалъ перевести, по боль-

шей части въ цѣпяхъ и въ сопровожденіи драгуновъ и пѣхоты, къ западнымъ границамъ Миссури. Понятно, что индѣйцы должны были питать смертельную ненависть къ европейскимъ колонистамъ.

Напротивъ англійская корона считала для себя очень выгоднымъ человѣколюбиво обращаться съ индѣйскими туземцами. Она требовала отчета у колонистовъ въ той жестокой борьбѣ и въ той непримиримой враждѣ, которую они выказывали противъ краснокожихъ; и поступки ихъ, обусловливаемые по большей части необходимостію обороны, навсегда и положительнымъ образомъ были осуждены британской короной. Еще за долго до возстанія колоній, Англія формально заискивала у индѣйцевъ. Такъ напримѣръ, сраженіе при Point-Pleasant'ѣ въ Виргиніи 1774 г., гдѣ полковникъ Льюисъ только съ 1200 человѣкъ впродолженіе десяти часовъ выдерживалъ напоръ въ пять разъ сильнѣйшаго войска индѣйцевъ (делаваровъ, віандотіевъ, кэйюгасовъ, шавніевъ и проч.), это сраженіе довольно открыто порицалось въ Англіи; поспѣшный миръ (7 января 1775 г.) долженъ былъ все предать забвенію. Однакожъ при Point-Pleasant'ѣ было поставлено на карту не что-нибудь маловажное, а жизнь и собственность всѣхъ бѣлыхъ обитателей Виргиніи! Но за эту поддержку, которую Англія всегда оказывала индѣйцамъ чрезъ своихъ коронныхъ чиновниковъ, напр. чрезъ своего намѣстника лорда Денмора, краснокожимъ при-

шлось поплатиться довольно дорого. Колонисты не давали „красному хищнику“ никакой пощады, все равно, гдѣ бы и какимъ бы образомъ онъ ни попался имъ въ руки, и настоящимъ вихремъ ринулись на западъ, чрезъ Огіо, между тѣмъ тамъ по условіямъ прежняго мира ни одинъ бѣлый человѣкъ не долженъ былъ даже охотиться, а тѣмъ болѣе селиться. Само собою разумѣется, что индѣйцы взялись за оружіе. Такимъ образомъ на огромномъ протяженіи отъ источниковъ Аллеганы до рѣкъ Кумберланда и Тенесси загорѣлась битва колонистовъ съ шестью индѣйскими племенами шавніевъ, чирокезовъ, криксовъ и чикказасовъ. Извѣстно, что индѣйцы добывали себѣ изъ Англіи карабины, порохъ и свинецъ.

3. Война за независимость и Георгъ Вашингтонъ.

Союзъ Англіи съ индѣйцами. — Характеръ борьбы за свободу. — Характеристика Вашингтона какъ полководца, политика и какъ человѣка. — Сравнительныя указанія относительно Авраама Линкольна.

Когда наступилъ серьезный разрывъ между колонистами и Англіею, возникъ вопросъ объ индѣйцахъ, по важности своей не уступавшій вопросу о невольничествѣ. — Индѣйцы обѣщали колонистамъ, если вспыхнетъ война между провинціями и метрополіею, соблюдать строгій нейтралитетъ; но въ отношеніи къ англичанамъ краснокожіе обнаруживали совершенно иное расположеніе.

Они охотно выслушивали обѣщанія великаго короля Британіи, который сулилъ имъ груды золота и огромное количество рому; они торжественно обязались предъ нимъ скальпировать всякаго колониста, который попадется имъ въ руки, а остальныхъ трусовъ прогнать къ Атлантическому морю. Такимъ образомъ англичане, заключивши наступательный и оборонительный союзъ съ индѣйцами, поступили гораздо практичнѣе, нежели колонисты. Каждый способный къ войнѣ индѣецъ, явившійся въ собраніе совѣта въ Освего, на Онтаріо, получалъ въ подарокъ два походныя шерстяныя одѣяла, кремневое ружье съ 15 кремнями, топоръ въ родѣ аллебарды, маленькій мѣдный котелокъ, шеффильдскій ножикъ для скальпированія, порохъ, свинецъ и одну гинею. Въ особенности благопріятное впечатлѣніе произвело на индѣйцевъ обѣщаніе, что за каждаго скальпированнаго колониста будетъ выдаваться имъ серебрянная крона. Какъ ловко англичане спекулировали на свойства индѣйцевъ, это обнаружилось вскорѣ послѣ начала непріязненныхъ дѣйствій. Едва ли можно себѣ представить тѣ отвратительныя жестокости, которымъ индѣйцы и агличане подвергали колонистовъ; если положимъ, что и послѣдніе скоро сравнялись въ свирѣпости съ своими врагами, то все таки за англичанами остается жалкое преимущество вызыва на эти звѣрства.

Индѣецъ, который во время войны за независимость

игралъ такую важную роль, уже давно устраненъ какъ факторъ въ исторіи развитія Сѣверной Америки. Краснокожіе, эти первобытныя дѣти новаго свѣта, сдѣлались теперь для республиканцевъ предметомъ презрѣнія и насмѣшки. Теперь уже не остается никакого сомнѣнія, что индѣйцы наконецъ должны быть принесены въ жертву западной культурѣ и великой республикѣ. Ихъ наконецъ вытѣснятъ и за Орегонъ, къ противуположному океану, если только послѣдній краснокожій до того времени не найдетъ себѣ смерти. Но для отцовъ сѣверо-американской свободы краснокожіе были страшными противниками, предъ которыми пали бы всѣ колоніи, если бы только Англія могла на сѣверо-американскомъ материкѣ разыгрывать роль провидѣнія.

Между тѣмъ вспыхнувшая война имѣла именно тѣ результаты, о которыхъ предсказывалъ министръ Питтъ въ верхней палатѣ. Онъ говорилъ: „Большинство членовъ этой палаты конечно не станетъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ наши усилія поработить такихъ мужей, каковы депутаты филадельфійскаго конгресса, и подчинить слѣпому деспотизму такую могущественную націю, какъ сѣверо-американскія колоніи, навсегда должны остаться тщетными."

Уже война свирѣпствовала въ различныхъ колоніальныхъ провинціяхъ, когда на конгрессѣ въ Филадельфіи, 4-го іюля 1776 г., сначала семь „штатовъ," а скоро за тѣмъ и остальные шесть объявили свою независи-

мость отъ Англіи. Формальное образованіе союзнаго государства воспослѣдовало 4-го октября того же года. Не смотря на чрезмѣрную гордость, съ которою американцы всегда превозносили храбрость своихъ „отцовъ свободы,“ ихъ борьба за независимость не можетъ заявлять никакого притязанія на высокій стратегическій и тактическій характеръ; это была обыкновенная партизанская война. Движенія американцевъ или англичанъ почти никогда не были свободны въ военномъ смыслѣ слова; — на поле битвы появлялись только незначительные отряды регулярныхъ войскъ, и если принять въ разсчетъ численность силъ, то ихъ такъ называемыя генеральныя битвы вообще небольше, какъ обыкновенныя стычки. Конечно, по своимъ послѣдствіямъ многія изъ этихъ стычекъ и битвъ могутъ равняться съ тѣми огромными сраженіями, которыя были даны въ наполеоновское время.

Вся эта борьба за свободу со стороны американцевъ велась геніемъ одного человѣка, геніемъ Георга Вашингтона. Когда всѣ распоряженія къ правильному и мужественному веденію войны противорѣчили одно другому, когда сѣверные и южные штаты каждое мгновеніе ссорились изъ-за того, какіе штаты прежде всего должно защищать отъ нападеній англичанъ, или какой контингентъ долженъ быть употребленъ для непосредственной защиты страны; когда не было въ наличности ни денегъ, ни военныхъ припасовъ, а сражаться нужно было, — Георгъ

Вашингтонъ былъ тою личностью, которая разрѣшала всѣ эти противорѣчія. Онъ былъ „скалою среди бури“ или, какъ сказалъ Джефферсонъ,—„Вашингтонъ былъ головою выше всего народа,“ потому что при немъ никто не могъ похвалиться, что имѣетъ голову.

Георгъ Вашингтонъ (род. 11-го февраля 1732 г. въ Оффъ-Попсъ-Крикѣ на Потомакѣ) обладалъ всѣмъ величіемъ англо-американскаго характера, совершенно проникнутаго гуманною идеальностью. Это былъ въ тоже время человѣкъ дѣла и мысли. Вашингтонъ былъ плутарховскимъ мужемъ; — онъ съ торжествомъ выдерживаетъ сравненіе съ благороднѣйшими, внушающими наибольшее удивленіе героями древней Греціи и Рима, даже превосходитъ ихъ своимъ чисто христіанскимъ величіемъ.

Вашингтонъ былъ великъ какъ стратегикъ, какъ воинъ и какъ солдатъ; храбръ какъ Баярдъ и Фрундебергъ; никакое несчастіе не могло сломать его: при неутѣшительномъ положеніи своего отечества и своей вѣчно разрозненной арміи онъ всегда находилъ въ своемъ богатомъ умѣ новыя средства къ борьбѣ съ непріятелемъ. Его часто сравнивали съ Фабіемъ Кунктаторомъ, но медленность совершенно была не въ его духѣ. Если вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ въ конгрессѣ ему приходилось медлить, все таки онъ постоянно опять находилъ удобный случай нанести своими по

большей части слабыми войсками жестокое пораженіе непріятелю.

Во время веденія этой болѣе нежели осьмилѣтней ожесточенной войны Вашингтонъ не потребовалъ отъ колоній никакихъ жертвъ; за весь этотъ періодъ борьбы онъ взялъ изъ общественной казны совершенно ничтожную сумму, 16,680 фунтовъ стерлинговъ. Для себя лично онъ никогда не просилъ никакого жалованья, и когда благодарный конгрессъ напередъ соглашался на всякое его требованіе, онъ удовольствовался тѣмъ, что ходатайствовалъ предъ націей за нѣсколькихъ бѣдныхъ офицеровъ, отличившихся особенно хорошею службою. Этотъ герой никогда не воспользовался диктатурою, которою облекъ его конгрессъ, хотя это давало ему полнѣйшее право покрывать военныя издержки контрибуціею, гдѣ-бы и въ какое бы время ни представилась ему нужда въ томъ.

Георгъ Вашингтонъ былъ прототипъ англо-саксонскаго американца. Нравственныя стремленія отцовъ эмигрантовъ ясно проглядываютъ въ его характерѣ; но по своему пламенному темпераменту, по удивительной силѣ воображенія, по остротѣ ума онъ истинный сынъ Виргиніи. — Можно безъ преувеличенія сказать, что Виргинія, этотъ могущественный штатъ, преклонялся только предъ славой Вашингтона; что онъ только движимый удивленіемъ къ безсмертному величію своего благороднѣйшаго сына, вопреки своимъ задушевнымъ интересамъ, былъ

увлеченъ и присталъ къ сѣверному, а не къ южному Союзу.

Союзъ просто обоготворялъ Вашингтона. И дѣйствительно, онъ для своего отечества сдѣлалъ все, что способенъ сдѣлать такой великій человѣкъ, — исключая развѣ того, что не принесъ въ жертву Союзу свою жизнь какъ мученикъ. Государственный человѣкъ, батюшка Джоржъ былъ не менѣе великъ и какъ герой. Онъ возвышался надъ духомъ партій, не былъ доступенъ никакимъ предубѣжденіямъ, а тѣмъ болѣе лести; склонный къ энергическимъ мѣрамъ, обладающій непоколебимою твердостью духа, онъ всегда однакожъ сохранялъ благородную умѣренность и кротость, которая происходила у него изъ чистаго человѣколюбія. Обращаясь какъ съ лакеями съ тѣми бездарными офицерами, которыхъ навязывали ему по претекціи нѣкоторые штаты, онъ обнаруживалъ истинно дѣтскую нѣжность чувствъ ко всѣмъ храбрымъ и угнетеннымъ. Для своей старушки — матери онъ не былъ могущественнымъ освободителемъ отечества, не былъ героемъ, государственнымъ человѣкомъ, въ величіи котораго уже современники видѣли неизгладимую печать безсмертія, — для нея онъ навсегда оставался добрымъ, честнымъ Джоржемъ; и когда почтенная мать прислала ему, уже президенту Союза, шелковые вязанные собственными ея руками чулки, Вашингтонъ съ слезами благодарности глядѣлъ на ея работу, на ея материнскую заботливость, какъ

будто онъ былъ все еще бѣднымъ землемѣромъ, который совершалъ свои утомительныя путешествія на западъ, для измѣренія вновь заселяемыхъ участковъ.

Въ этихъ знаменательныхъ чертахъ такъ живо представляется намъ сходство между Вашингтономъ и президентомъ Авраамомъ Линкольномъ, что уже здѣсь мы не можемъ не обратить вниманія на это обстоятельство. Въ Вашингтонѣ впрочемъ больше видѣнъ солдатъ, англійскій джентельменъ; между тѣмъ какъ въ великомъ мученикѣ за цѣлость Союза, въ Линкольнѣ, каждая черта ясно говоритъ, что онъ былъ истиннымъ, природнымъ сѣверо-американцемъ, по преимуществу человѣкомъ запада.

Ни одинъ государственный человѣкъ Америки не слѣдовалъ такъ строго закону, какъ Ваншингтонъ,— и только Авраамъ Линкольнъ равенъ ему въ этомъ отношеніи. Ни одному президенту никогда не вручалась такая громадная власть, какъ Вашингтону и Линкольну — батюшкѣ Джоржу и батюшкѣ Абе. Обстоятельства, при которыхъ дѣйствовали оба эти человѣка, рѣшительно выступаютъ изъ ряда всѣхъ прочихъ какъ относительно внѣшней, такъ и внутренней исторіи развитія Соединенныхъ Штатовъ; и никогда такъ не господствовали раздоры, вызывающіе представителя штатовъ къ произвольнымъ мѣрамъ, какъ во время управленія дѣлами этихъ двухъ людей. Они не могли сдѣлать ни шагу безъ опасности перейти предѣлы закона и учрежденій,

что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ не только извиняется, но почти даже нужно.

Ничто не могло превзойти государственныхъ актовъ Вашингтона въ томъ, что касается мудрости, правдивости, горячей любви къ свободѣ, отечеству и гуманности. Его свѣтлый глубокій умъ восхищаетъ образованнаго человѣка, но при этомъ все излагаемое имъ было понятно и для дѣтской сообразительности народа. Его удаленіе отъ государственной дѣятельности (1797) представляетъ высокое величіе. Тронутый до глубины души, онъ отклонилъ отъ себя третье избраніе въ президенты, сказавши: „благоденствіе и счастье народа менѣе зависитъ отъ дѣятельности нѣсколькихъ отдѣльныхъ людей, нежели отъ того, когда граждане будутъ слѣдовать законамъ добродѣтели и свободы.“ Его завѣщаніе свободнымъ гражданамъ Америки, — извѣстное прощальное письмо Вашингтона, ясно обдуманное и глубоко прочувствованное, составляетъ такъ сказать одно цѣлое съ основными учрежденіями Союза, которыя до сихъ поръ едва ли что нибудь въ состояніи превзойти, хотя этой конституціи и можно сдѣлать упрекъ за то, что она допустила институтъ рабства, который съ самаго начала са́мостоятельности Сѣверо-американскихъ Штатовъ носилъ въ себѣ зародышъ самой безпощадной гражданской войны.

4. Образованіе Союза и борьба партій.

Государственное устройство и управленіе „Соединенныхъ Штатовъ." — Рабство, какъ основаніе различія между сѣверными и южными штатами.—Федералисты и демократы.—Централизація и децентрализація.—Краткій обзоръ исторіи Союза подъ управленіемъ президентовъ до Авраама Линкольна.

По государственному устройству Соединенныхъ Штатовъ, основывающемуся главнымъ образомъ на союзномъ актѣ 1778 года, а равно на такъ называемомъ палладіумѣ свободы — конституціи 1787 г. и добавочныхъ къ ней пунктахъ 1789 года, Союзъ есть свободное (демократическое) союзное государство, а не союзъ республиканскихъ государствъ. Союзъ есть единый и нераздѣльный. Одно нераздѣльное общественное управленіе обнимаетъ всѣ штаты и территоріи Союза (E pluribus unum). Но эти основные законы предоставляютъ законодательной власти каждаго отдѣльнаго штата извѣстную свободу въ учрежденіяхъ и управленіи. Общее правительство Союза состоитъ изъ палаты представителей и сената, т. е. изъ національнаго конгресса. Исполнительная власть находится въ рукахъ президента, избираемаго націею на четыре года посредствомъ такъ называемыхъ непрямыхъ выборовъ. Второе, даже третье избраніе допускаются. Но такъ какъ Георгъ Вашингтонъ отклонилъ отъ себя третье избраніе въ президенты, изъ чувства благоговѣ-

нія предъ закономъ, а также чтобы не заслужить нареканія, то и всѣ слѣдующіе за нимъ президенты не рѣшались допускать третьяго своего избранія.

Представители (депутаты) націи выбираются прямо народомъ на два года. Право избранія представителей обусловливается числомъ населенія, которое поэтому повѣряется каждыя десять лѣтъ народною ревизіею, чтобы не было несоотвѣтствія между числомъ населенія и его депутатами.

Сенатъ составляется иначе, нежели палата депутатовъ. Именно, каждый принадлежащій къ Союзу штатъ посылаетъ двухъ сенаторовъ, избираемыхъ мѣстнымъ законодательнымъ собраніемъ штата на шесть лѣтъ.

Президентъ созываетъ и распускаетъ конгрессъ, имѣетъ главное начальство надъ арміею, флотомъ и надъ милиціею всѣхъ штатовъ, назначаетъ, съ нѣкоторыми незначительными ограниченіями, всѣхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и можетъ отрѣшать ихъ отъ должности, за исключеніемъ только перваго судьи Союза и его помощниковъ, которые избираются на всю жизнь.

Въ числѣ правъ, исключительно принадлежащихъ конгрессу, нужно въ особенности упомянуть о правахъ его относительно войны: право объявлять войну, предписывать вооруженія и репрессальныя дѣйствія, снаряжать армію, содержать военный флотъ, созывать милицію; далѣе, заботиться о соблюденіи законовъ, о по-

давленіи возстанія и объ отраженіи непріятельскихъ вторженій; наконецъ, назначать судъ для изслѣдованія нарушеній международныхъ правъ, каковы морскіе разбои и т. под.

Законодательныя собранія отдѣльныхъ штатовъ, организованныя согласно съ ихъ внутреннимъ устройствомъ, во всѣхъ своихъ постановленіяхъ и предписаніяхъ должны постоянно соображаться съ общею конституціею Союза.

Знакомство съ изложенными здѣсь основными чертами внутренняго устройства огромнаго сѣвероамериканскаго государства необходимо для правильнаго понимакія той борьбы партій, которая грозила раздѣлить Союзъ вскорѣ послѣ удаленія Вашингтона.

Существеннымъ различіемъ между сѣверными и южными штатами, основаніемъ или поводомъ ко всѣмъ почти значительнымъ внутреннимъ столкновеніямъ всегда было и осталось рабство. Основной законъ Союза оставилъ это учрежденіе неприкосновеннымъ. Рабовладѣльческіе штаты, съ которыми конкурировали англійскія вестындскія колоніи, послѣ уничтоженія у нихъ рабства стали бы беззащитны по отношенію къ Англіи и вслѣдствіе угрожавшаго уменьшенія и одновременнаго съ этимъ вздорожанія сырыхъ продуктовъ были бы осуждены на бѣдность и погибель.—Но уже скоро послѣ заключенія мира, филантропы серьезно занялись великою идеею уничтоженія невольничества въ

предѣлахъ Союза, которое достигло уже тогда до 800,000 негрскаго населенія, какимъ нибудь гуманнымъ законодательнымъ актомъ или при помощи выкупа. Оказалось впрочемъ, что негровъ совершенно нельзя было оцѣнивать на деньги, такъ какъ дѣло шло объ отмѣнѣ и окончательномъ запрещеніи рабства. Кто долженъ былъ обработывать землю въ южныхъ штатахъ, гдѣ бѣлый не можетъ сравняться въ трудной полевой работѣ съ негромъ? Между тѣмъ эманципированный африканецъ даже за вознагражденіе только въ рѣдкихъ случаяхъ возмется по собственному побужденію за трудную работу.

Поэтому число рабовъ въ Союзѣ, вмѣсто того чтобы уменьшиться, возрастало съ поразительною быстротою. Южные штаты, а въ особенности обѣ Каролины, достигли необыкновеннаго развитія, благодаря сильно увеличивающимся дешевымъ рабочимъ силамъ. Начали образовываться обширныя рисовыя, хлопчатобумажныя и сахарныя плантаціи, а вслѣдствіе этого и торговые обороты Союза расширились до неслыханныхъ въ прежнее время размѣровъ. Вмѣстѣ съ привозомъ рабовъ начали теперь заниматься и размноженіемъ ихъ. Зло въ скоромъ времени стало выше силъ республиканцевъ: черное и цвѣтное населеніе южныхъ штатовъ скоро составляло одну треть, а наконецъ даже почти половину всего населенія. Центръ тяжести вліянія склонялся теперь на сторону южанъ; и съ ними-то Англія теперь начала свою борьбу. Слово „гуманность“ сдѣ-

лалось въ Европѣ лозунгомъ дня. Англичане, прежде самые отъявленные торговцы неграми, вдругъ стали самыми непримиримыми врагами невольничества. 31-го мая 1824 года Великобританія издала запрещеніе торговать неграми, а 28 августа 1833 г. парламентъ утвердилъ уничтоженіе рабства на вѣчныя времена.

Друзья рабовъ Уильберфорсъ, Едмундъ Боркъ, Ричардъ Кларксонъ, Веллеслей и пр. и ихъ идеи одержали верхъ; купцы лондонскаго сити, какъ полагали, выиграли свою игру. Англія прикрѣпила остындскихъ рабовъ къ землѣ большею частію маленькихъ островов, причемъ можно было надѣяться, что эти отпущенники въ скоромъ времени опять возвратятся на работу въ англійскія плантаціи. Но послѣдуй Союзъ примѣру Англіи, его негры разсыпались бы какъ прахъ по обширнымъ областямъ его. Между тѣмъ англичанамъ кромѣ принужденія не оставалось никакого другого средства привлечь лѣнивыхъ негровъ къ работѣ на плантаціяхъ. Такимъ образомъ Англія, однимъ ударомъ стѣснивши и задержавши вестындское производство, оказалась въ затруднительномъ положеніи, когда не осуществились ея ожиданія, что и Соединенные Штаты рѣшатся на эманципацію рабовъ и что также нанесутъ себѣ, въ лицѣ южныхъ штатовъ, глубокія, мучительныя раны. Англія обманулась. И такъ какъ рабовладѣльческіе штаты Союза сохранили свое учрежденіе, то ей ничего больше не оставалось, какъ только под-

держивать, насколько хватитъ силъ, сѣверные дружественные неграмъ штаты и принять энергическія мѣры противъ негроторговли по берегамъ Африки и въ открытомъ морѣ. Американцы всѣми силами сопротивлялись этой „морской полиціи“ англичанъ, которые, въ силу своего права осматривать корабли, размѣстились въ пунктахъ большею частію проходимыхъ невольническими кораблями. Вашингтонское правительство, вслѣдствіе происшедшихъ по этому случаю столкновеній, скорѣе въ интересѣ своихъ подданныхъ, чѣмъ по враждѣ къ Британіи, даже до новѣйшихъ временъ оказывало при случаѣ сильную поддержку тѣмъ судамъ Союза, которыя, какъ нагруженныя неграми, были захватываемы англійскими крейсерами.

Напоминая отъ времени до времени какими нибудь незначительными мѣрами противъ судовъ Союза свою морскую полицію, Англія однакожъ все болѣе и болѣе запутывалась въ противорѣчіе сама съ собою. Ея важнѣйшіе экономическіе интересы сливались уже по большей части съ „домашнимъ учрежденіемъ“ Юга, съ тѣмъ самымъ учрежденіемъ, которое Великобританія впродолженіе цѣлой четверти столѣтія преслѣдовала съ такимъ усердіемъ. Хлопокъ сталъ царемъ Великобританіи. Хлопчатая бумага и желѣзо съ этихъ поръ фактически господствовали надъ островомъ и его всемірною торговлею.

Относительно именно добыванія хлопка ни одна страна на земномъ шарѣ не могла вступить въ состязаніе

съ южными штатами. Тутъ произрасталъ насущный хлѣбъ для многихъ милліоновъ анлійскихъ работниковъ, тутъ были тѣ неисчерпаемые золотые рудники, изъ которыхъ многія великія фирмы лондонскаго сити добывали огромные барыши и откуда хлопчато-бумажные лорды туго набивали свои кошельки. Съ этихъ поръ въ Англіи начали смотрѣть на уничтоженіе рабства въ Союзѣ какъ на національное несчастіе.

Съ своей стороны и южные штаты извлекали изъ Англіи силы, чтобы противиться враждебно смотрѣвшему на рабство Сѣверу; они находились съ своими англійскими покупателями, даже изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ. Въ хлопчатобумажныхъ портахъ для плантаторовъ въ продолженіе цѣлаго года были открыты счеты ихъ торговыми друзьями, которые платили имъ или наличными деньгами, или же произведеніями своей собственной промышленности. Часто продавалась или закладывалась половина или даже весь сборъ жатвы гораздо прежде, чѣмъ начинали зеленѣть хлопчато-бумажныя плантаціи. Капиталъ, затраченный на рабовъ, обыкновенно не приносилъ между тѣмъ выше $2^3/_4 — 3^1/_4$ %; а хозяева плантацій пріобрѣтали очень роскошныя привычки и поэтому изъ года въ годъ подчинялись за получаемыя ссуды все болѣе и болѣе тяжелымъ для себя условіямъ: высокому дисконту и дороговизнѣ предметовъ промышленности. Чтобы освободиться отъ гнета нью-іоркскихъ и бостон-

скихъ торговыхъ домовъ и вырваться изъ когтей купцовъ сити, жители юга видѣли въ будущемъ только одинъ выходъ для себя: привлеченіе болѣе дешевыхъ иностранныхъ фабричныхъ издѣлій, — слѣдовательно развитіе свободной торговли и увеличеніе доходовъ съ земли чрезъ умноженіе числа рабовъ.

Вотъ та цѣпь, которая связывала южные штаты и Англію; и въ этихъ-то торговыхъ оборотахъ заключалась таинственная сила южныхъ штатовъ, которые, безъ помощи и энергіи британцевъ и ихъ единомышленниковъ въ большихъ приморскихъ городахъ Сѣвера, никогда не осмѣлились бы сопротивляться Союзу, не были бы въ состояніи выдерживать ожесточенную борьбу съ нимъ.

Внутреннее поличическое развитіе республики могло заключать въ себѣ въ высшей степени знаменательные факты, но все это отступаетъ на задній планъ предъ вышеизложенными роковыми побужденіями, подъ вліяніемъ которыхъ южные штаты почти безсознательно были вовлечены въ войну. Борьба партій есть только слабый отблескъ того пожара, который горѣлъ то сдержанно, то вздымался высоко и озарялъ все своимъ страшнымъ пламенемъ. Вашингтонъ былъ первымъ и послѣднимъ главою правительства, избраннымъ всею вообще націею; изъ остальныхъ президентовъ каждый былъ поднятъ на щитъ только своею собственною партіею.

Первыя партіи, въ 1786 году, состояли изъ феде-

ралистовъ (виговъ) и демократовъ. Вигъ желалъ сильной централизаціи, а демократъ стремился къ децентрализаціи и къ усиленію власти отдѣльныхъ штатовъ. Среди разнообразной окраски мѣняющихся интересовъ, подъ разными наименованіями партій, вопросъ объ увеличеніи или ограниченіи власти общаго правительства въ Вашингтонѣ, какъ оно было установлено союзною конституціею, занялъ второе мѣсто непосредственно послѣ вопроса о невольничествѣ. Побѣда децентрализаціи заключала бы въ себѣ не только сохраненіе, но и полное господство системы рабства.

Президентъ Томасъ Джефферсонъ, родомъ виргинецъ (1801—1809), былъ демократическаго образа мыслей, но онъ вовсе не поддерживалъ рабства. Демократическое направленіе Джемса Маддисона, также виргинца (1809 — 1817), благопріятствовало провинціальнымъ банкамъ на счетъ національнаго; онъ обнаружилъ свой политическій образъ мыслей на мирѣ въ Гентѣ, 1814 г., гдѣ прямо объявилъ, что торговля неграми должна быть уничтожена Союзомъ. Война съ Великобританіею со всѣми ея послѣдствіями, разрушеніемъ союзнаго капитолія, страшными и опустошительными набѣгами англичанъ на прибрежныя мѣста, побѣдою ихъ надъ американцами при Балтиморѣ (сентября 1814) и при Новомъ Орлеанѣ (декабря 1814) составляютъ главнѣйшіе эпизоды президенства Маддисона. Въ правленіе вир-

гинца Джемса Монроэ (1817—1825) Союзъ торжественно отказался отъ политики вмѣшательства Священнаго союза и заявилъ, что онъ ни за одной европейской державой не признаетъ права вмѣшиваться въ дѣла государствъ Сѣверной и Южной Америки, ни даже права расширять свои владѣнія въ Америкѣ (1824).

Первымъ президентомъ изъ виговъ или федералистовъ былъ Джонъ Квинси Адамсъ, изъ Массачузетса (1825 — 1829). Его новый таможенный тарифъ на столько же былъ полезенъ для сѣверныхъ штатовъ, на сколько вреденъ для южныхъ, рѣшительно пострадавшихъ отъ него. Уже при этомъ первомъ ударѣ, прямо направленномъ противъ Юга, южане объявили, что вслѣдствіе повышенія ввозныхъ пошлинъ на предметы промышленности, при стѣсненіи производства сырыхъ продуктовъ и постепеннаго обезцѣненія труда негровъ, имъ лучше было бы совсѣмъ выйти изъ Союза (secession). Въ Южной Каролинѣ этотъ новый законъ о пошлинахъ былъ объявленъ недѣйствительнымъ и нисколько необязательнымъ, и „южане“ открыто протестовали противъ предложеннаго „сѣверянами“ акта объ уничтоженіи рабства.

Это движеніе обнаружилось въ правленіе генерала Андрью Джаксона, изъ Тенесси, кандидата со стороны демократовъ (1829 — 1837). При немъ оказался несостоятельнымъ долго оспариваемый принципъ націо-

нальнаго банка въ Филадельфіи. Банкъ формально сдѣлался банкротомъ и страна вслѣдствіе этого должна была подвергнуться страшному денежному кризису 1836 года. Также демократически былъ настроенъ и Мартинъ фанъ-Бюренъ, изъ Нью-Іорка (1837—1941), при которомъ были побѣждены семинолы, флоридскіе индѣйцы. Въ лицѣ генерала Вильяма Генри Гаррисона (1841), изъ Огіо, федералисты овладѣли кормиломъ правленія. Но спустя четыре недѣли, этотъ президентъ умеръ и новымъ президентомъ сталъ виргинецъ Джонъ Тайлеръ, съ демократическими убѣжденіями (1845). При немъ былъ рѣшенъ вопросъ о Техасѣ и Орегонѣ. Техасъ и новопріобрѣтенная Флорида были причислены къ рабовладѣльческимъ штатамъ.

Ожесточенная борьба, предшествовавшая выбору тенессійца Д. Ноксъ Полька (1845—1849), ясно показала, какіе важные интересы для партій становились при этомъ на карту. Демократы собрали 1,335,834 голоса въ пользу Полька, между тѣмъ какъ федералистъ Генри Клэй получилъ только 1,297,033 голоса. Вмѣстѣ съ предложеніемъ Клэя въ кандидаты на президентство послѣдовало и раздѣленіе самой вигской партіи,—консерваторы отдѣлились отъ прогрессистовъ. Первыхъ по большей части называютъ республиканцами. Изъ прогрессивныхъ виговъ, изъ умѣренныхъ демократовъ и аболиціонистовъ (враговъ рабства) главнымъ об-

разомъ составилась новая партія свободныхъ землевладѣльцевъ (freesoilers).

Захарія Тэйлоръ, изъ Луизіаны (1849—1850), избранный въ президенты за свои заслуги въ качествѣ главнокомандующаго во время войны противъ Мехики, видя свое безвыходное положеніе, старался сдѣлаться независимымъ отъ гнета и тенденцій различныхъ партій. Теперь вопросъ о рабствѣ выступалъ на первый планъ въ болѣе и болѣе грозномъ видѣ. Биль Клэя предлагалъ компромиссъ (1856 г.), который позволялъ надѣяться, что рабство будетъ удержано и на будущее время. Мѣсто Тэйлора занялъ (1850) вице-президентъ Мильярдъ Фильморъ, изъ Нью-Іорка (до 1853). Что уже и тогда предвидѣли то время, когда Союзъ подвергнется серьезной опасности быть расторгнутымъ, на это ясно указываетъ образованіе партіи уніонистовъ, составившейся изъ виговъ и демократовъ. Вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ и затрудненій по управленію, равно какъ вслѣдствіе регулированія границъ вниманіе президента Франклина Пирса (1853—1857) было на время отклонено отъ внутренней язвы республики. Но съ вступленіемъ въ эту должность Джемса Буханана (до 1861) началась прелюдія къ той опасной борьбѣ, которая наконецъ разразилась во время незабвеннаго президентства мученика за національныя и гуманныя идеи Союза, Авраама Линкольна, и продолжалась до самой побѣды.

Замѣчательныя обстоятельства, при которыхъ выступилъ и дѣйствовалъ Авраамъ Линкольнъ, такъ тѣсно связаны съ его личностію, что гораздо лучше будетъ изложить ихъ въ связи съ разсказомъ о его жизни.

И мы прежде всего представимъ краткій очеркъ юности, періода образованія и окончательнаго сформированія мужественнаго характера того, которому предназначено блистать вмѣстѣ съ Вашингтономъ въ храмѣ безсмертія.

ГЛАВА I.

СЕМЕЙСТВО ДРОВОСѢКА И МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

---

1. Изъ Кентукки въ Индіану.

Осенью 1816 года тяжело нагруженная повозка ѣхала по узкой и извилистой проселочной дорогѣ, направляясь на сѣверо-западъ къ штату Индіана въ Сѣверной Америкѣ. На этой повозкѣ помѣщались мущина и женщина, одѣтые какъ лѣсные жители. Семилѣтній мальчикъ, шедшій подлѣ, помахивалъ кнутомъ и подгонялъ тощую лошаденку. По временамъ его замѣняла дѣвочка, немногимъ старше своего брата.

Это были поселенцы, оставившіе дремучіе лѣса и отправлявшіеся теперь искать себѣ новаго отечества гдѣ нибудь далѣе на западѣ. Взоры четы, съ тоскою обращаемые назадъ, слезы на лицѣ блѣдной женщины — все показывало, что разлука съ семейнымъ кровомъ не

легка была переселенцамъ. Дѣти тоже были печальны; но какъ въ дѣтскомъ сердцѣ горе и радость быстро смѣняютъ другъ друга, то они скоро повеселѣли. Братъ и сестра затянули веселую пѣсенку, которой самъ отецъ началъ подтягивать вполголоса, тогда какъ мать только бормотала себѣ подъ носъ.

Такъ подвигался этотъ маленькій поѣздъ съ каждымъ днемъ все дальше и дальше впередъ, изрѣдка останавливаясь только для скромнаго обѣда или ночлега. Наконецъ онъ достигъ великолѣпной рѣки Огіо, которую индѣйцы не безъ основанія называютъ „прекрасной рѣкой.“ Здѣсь этотъ сухопутный караванъ пересѣлъ на плоскодонное судно; легко скользило оно по глубокой, переполненной осенними дождями рѣкѣ. Но превосходные виды, окаймляющіе берега рѣки, едва были въ состояніи исторгнуть у нихъ крикъ восторга. Только дѣти съ полнымъ удовольствіемъ смотрѣли на роскошныя виноградныя гирлянды, гнущіяся подъ тяжестію плодовъ. По временамъ они весело вскрикивали при видѣ стаи дикихъ утокъ, которыя, испугавшись приближающагося судна, съ крикомъ летѣли прочь. Небольшими волнообразными возвышеніями поднимались ряды зеленыхъ холмовъ, заросшихъ чанарами, букомъ, орѣшникомъ и акаціями, то показывался привѣтливый бѣлый сельскій домикъ, окруженный фруктовымъ садомъ и огородомъ. На широкихъ равнинахъ паслись лошади и коровы, на изгородяхъ сидѣли на корточкахъ бѣлки, — настоящій рай для фермера! Но озабоченное семейство переселенцевъ, казалось, только тогда

почувствовало истинную радость, когда лодка остановилась у берега на тридцать нѣмецкихъ миль ниже Луисвилля.

Впрочемъ настоящая цѣль ихъ путешествія находилась еще далеко впереди. Не въ дальнемъ разстояніи отъ нынѣшняго города Джентривилля, въ то время принадлежавшаго къ округу Перри, но который черезъ два года послѣ того былъ причисленъ къ вновь образовавшемуся графству Спенсеръ, наши усталые путешественники остановились въ послѣдній разъ.

Прозрачный источникъ привелъ ихъ къ тому самому мѣсту, гдѣ Томасъ Линкольнъ пожелалъ съ своимъ семействомъ основать новый для себя очагъ. Съ усердіемъ принялись они сколачивать незатѣйливое жилище, причемъ и маленькій Абе взялся за топоръ. Нужно было поскорѣй нарубить деревьевъ и обтесать ихъ; каждый членъ семейства долженъ былъ принять непосредственное участіе въ общей работѣ; и вотъ въ какихъ нибудь три дня было готово жилище, которое бы сдѣлало честь названію бревенчатой избы. Только одна комната была въ этомъ деревянномъ строеніи. Чердакъ служилъ вмѣсто столовой и платяного шкапа. Кромѣ того онъ употреблялся еще и для другой цѣли. Каждый вечеръ взбирался туда Абе по простой лѣстницѣ, чтобы устроить свою постель въ этомъ прохладномъ мѣстѣ. Два шерстяныя одѣяла составляли всю его постель, — одно на подстилку, другое на покрышку, — чего жъ ему нужно было еще? На этой жесткой постели онъ засыпалъ сладкимъ, пріятнымъ сномъ, какъ

могутъ спать только невинныя дѣти, чтобы грезить играми и работой, лѣсомъ и небомъ.

Быть можетъ еще тогда богъ сновидѣній представлялъ ему въ грезахъ образъ его будущаго величія? Быть можетъ онъ разсказывалъ ему о восторженныхъ крикахъ освобожденнаго народа? Или быть можетъ показывалъ ему мученическій вѣнецъ?

Кровать для отца и матери, столъ и четыре стула были единственною домашнею мебелью этихъ неизбалованныхъ дѣтей природы. Величественный, зеленый лѣсъ былъ для нихъ самымъ любимымъ мѣстопребываніемъ, а для нашего Абе онъ составлялъ почти все, послѣ отца и матери. Его открытая душа была воспріимчива къ жизни въ свободномъ божьемъ мірѣ. Еще въ Кентукки онъ выучился читать по складамъ и теперь ревностно продолжалъ свои занятія на новомъ мѣстѣ жительства. Но гораздо лучше книги онъ понималъ ту науку, которая открывалась ему подъ открытымъ сводомъ чистаго, голубого неба. Хотя книжка сопровождала его бѣганье по лѣсу и по полю, но лишь только прилежный Абе выучивалъ свой скучный урокъ, тотчасъ откладывалъ сѣдую школьную мудрость въ сторону, чтобы у деревьевъ и цвѣтовъ, у травъ и плодовъ учиться тайнамъ жизни. Всякая бабочка, всякая птичка знакомила его съ чѣмъ-нибудь новымъ, прекраснымъ. Ему нисколько не былъ чуждъ языкъ растеній и животныхъ; на немъ онъ умѣлъ говорить съ ними; онъ охотнѣе бесѣдовалъ даже съ своимъ небеснымъ отцомъ въ зеленомъ лѣсномъ храмѣ,—воздвиг-

путомъ самимъ Создателемъ„ для тѣхъ смиренныхъ христіанъ, которые ищутъ общенія съ Господомъ. Коллонады, говорящія о высотѣ и величіи, ни однимъ словомъ не напоминаютъ о людской гордости. Искусно завитые карнизы не свидѣтельствуютъ о суетномъ высокомѣріи людей; которые измѣняютъ форму его творенія. Здѣсь присутствуетъ Онъ Самъ и Самъ все наполняетъ!“

Первый подарокъ, осчастливившій нашего Авраама въ новомъ отечествѣ, было ружье, и первая дичь, которую убилъ этотъ маленькій охотникъ, была индѣйка, слишкомъ близко подошедшая къ дому. Но едва прошелъ годъ со времени прибытія въ Индіану, какъ онъ испыталъ первую и самую тяжкую въ своей жизни потерю: онъ навсегда лишился своей матери. Это была первая смерть въ семействѣ новаго поселенія, а потому и самое замѣчательное для всѣхъ событіе. Сколько было просто погребеніе умершей, положенной въ грубо-сколоченный гробъ, который былъ опущенъ въ свѣжевырытую могилу, на маленькомъ холмикѣ въ лѣсу, безъ пѣнія и музыки,—столько же было возвышенно и торжественно грустное настроеніе всѣхъ сосѣдей, доходившее при воспоминаніи о любви и добротѣ ко всѣмъ умершей до глубокой и искренней печали. Но больше всѣхъ былъ безутѣшенъ Абе; онъ лишился существа, съ которымъ его юная душа была связана самою искреннею преданностью. До послѣднихъ дней своей жизни онъ приписывалъ вліянію матери многія благородныя черты своего характера, съ которыми мы часто встрѣтимся въ исторіи его жизни. Даже свою способность терпѣливо

сживаться съ чуждыми для него взглядами, безъ ропота переносить оскорбленія Линкольнъ позднѣе объяснялъ рѣшительнымъ вліяніемъ его обходительной, кроткой и чувствительной матери.

2. Семейство Линкольнъ.

Все семейство, изъ котораго вышелъ Авраамъ Линкольнъ, было истинно американское. Оно вполнѣ принадлежало новому свѣту. Возращенное непосредственно „самою природою", оно отличалось рослостью, здоровьемъ, способностью къ земледѣльческой жизни. Предки его были англійскаго происхожденія. Въ области Беркъ (въ штатѣ Пенсильваніи) мы находимъ первые слѣды, хотя и не первоначальное мѣсто ихъ поселенія. Вѣроятно они принадлежали къ той фамиліи, которая гораздо прежде, по религіознымъ основаніямъ, вмѣстѣ съ Вильямомъ Пенномъ распростилась навсегда съ своимъ отечествомъ и поселилась въ колоніи Ольдъ-Плимутъ.

Во всякомъ случаѣ область Беркъ не могла долго оставаться отечествомъ предковъ Линкольна. Она была какъ бы мѣстомъ отдыха, пока фамилія 1750 не переселилась въ Рокингэмъ-Конти (въ Виргиніи). Новое отечество, пересѣкаемое прекрасною долиною Шенандоа, было богато всѣми дарами природы, но тогда еще отчасти покрыто дѣвственными лѣсами; только спустя тринадцать лѣтъ послѣ прибытія сюда пенсильванскихъ Линкольновъ, этотъ округъ достигъ своего полнаго политическаго значенія. Отсюда, въ 1780 году, Авраамъ

Линкольнъ старшій пошелъ на западъ чрезъ Аллеганскія горы, по направленію къ рѣкѣ Кентукки, вблизи которой Даніель Бунъ, одинъ изъ первыхъ извѣстнѣйшихъ героевъ піонерства, нашелъ для себя плодоносную и прекрасную мѣстность. Тутъ же и дѣдъ Линкольна нашелъ цѣль своей страннической жизни — обильныя средства для постояннаго поселенія. Его безпокойному, дѣятельному характеру представилась здѣсь обильная пища. Нужно было разчистить дикую, еще дѣвственную почву и обратить ее въ пахатную. Далѣе, дѣятельный житель лѣса обязанъ былъ заниматься охотой на четвероногихъ и пернатыхъ обитателей первобытнаго лѣса и думать о защитѣ своей особы и своего имущества отъ хитрыхъ и кровожадныхъ шаекъ индѣйцевъ.

Кажется даже, что одинъ изъ молодыхъ членовъ фамиліи Линкольна былъ въ дружбѣ съ Даніелемъ Буномъ; во всякомъ случаѣ Линкольны, какъ ближайшіе сосѣди, должны были съ живѣйшимъ участіемъ слѣдить за послѣдующею жизнью Буна и вдохновляться его подвигами.

Собственно Бунъ открылъ и изслѣдовалъ обширныя долины Кентукки. Съ именемъ этого кентуккскаго патріарха въ памяти народа связано представленіе о трудолюбивѣйшей жизни, исполненной романическихъ приключеній. Его примѣръ увлекъ многихъ другихъ переселенцевъ, въ числѣ которыхъ восторженными послѣдователями его были Авраамъ Линкольнъ и его сыновья. Въ скоромъ времени послѣ роковой битвы съ индѣйцами при Блю-Линксъ они переселились въ Кентукки. Между 1776 и 1784 годами странники добрались до же-

ланной земли. Мѣсто ихъ первой осѣдлости вѣроятно находилось въ нынѣшней области Бюлли. Къ несчастію здѣсь не осуществились лучшія ихъ ожиданія, потому что Авраамъ Линкольнъ въ лучшій періодъ своего возраста, на тридцатомъ году, только что принявшись за рубку лѣса, во время работы (1782 г.) былъ захваченъ и убитъ однимъ краснокожимъ. Бѣдная вдова была теперь въ довольно печальномъ положеніи; три сына и двѣ дочери были единственною опорою и заботою ея. Одинокая на чужой сторонѣ, при ничтожныхъ средствахъ, она должна была бороться съ суровою нуждою. Она не могла долго оставаться въ своемъ новомъ отечествѣ. Въ позднѣйшемъ графствѣ Вашингтонъ она думала поправить свое положеніе и дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе. Обѣ ея дочери вышли замужъ, а сыновья оставались въ Кентукки до тѣхъ поръ, пока не сдѣлались совершеннолѣтними.

Одинъ изъ этихъ сыновей, Томасъ, при смерти своего отца имѣлъ только шесть лѣтъ. Судьба этихъ осиротѣвшихъ мальчиковъ была похожа на судьбу другихъ дѣтей лѣсныхъ жителей. Они работали съ утра до вечера и въ награду за всѣ труды имъ оставалась только надежда на лучшія времена. Но тяжелые года юности не прошли совсѣмъ безъ пользы для молодого Томаса Линкольна. Постоянное движеніе на чистомъ воздухѣ сильно развило и укрѣпило его мускулы, сдѣлало тонкимъ его слухъ и зрѣніе. Вообще всѣ тогдашніе обитатели Кентукки отличались высокимъ, статнымъ ростомъ, открытымъ, искреннимъ обращеніемъ и

и юмористическою рѣчью. Они также отличались особенною любовью къ охотѣ, страстью къ различнымъ приключеніямъ, мужествомъ и неустрашимою предпріимчивостью.

3. Поселенцы первобытныхъ лѣсовъ.

Первые поселенцы были какіе-то особенные люди. За исключеніемъ ружья, топора и библіи, эти обитатели лѣсовъ еще въ очень немногомъ другомъ нуждались для того, чтобы вполнѣ наслаждаться жизнью. Высочайшимъ его благомъ была его жена; его „право“ въ томъ, что онъ пріобрѣлъ для себя своею собственною рукою; онъ это называлъ „правомъ томагока“. Въ образѣ жизни онъ по большей части стремился подражать дѣтямъ лѣсовъ — индѣйцамъ: если онъ хотѣлъ отправиться на охоту, то обыкновенно надѣвалъ на голову мѣховую шапку, а ноги окутывалъ макассиномъ изъ дикихъ шкуръ. Затѣмъ надѣвалъ длинныя панталоны, охотничій армякъ и подпоясывался ремнемъ. Естественно, что самыми необходимыми вещами для него были винтовка, охотничья сума и рожокъ съ порохомъ. Для особенной защиты отъ холода и сырости онъ надѣвалъ еще такъ называемые Leggins, или панталоны изъ мягкой оленьей шкуры. Вообще весь его костюмъ былъ очень приспособленъ къ обстоятельствамъ и очень практиченъ. Широкій охотничій армякъ,—лѣтомъ холщевой или бумажный, а зимою кожаный, служилъ ему въ тоже время и котомкой, въ которую онъ могъ по-

ложить всѣ свои съѣстные припасы и разныя мелкія необходимыя въ дорогѣ вещи. Западный поселенецъ находилъ высочайшее удовольствіе въ охотѣ, причемъ онъ почти и жилъ въ лѣсахъ, гдѣ въ то время еще очень много бродило оленей, медвѣдей и всякой другой дичи. Часто домашніе не видали его по цѣлымъ недѣлямъ; потому что онъ могъ переночевать или въ какой нибудь пещерѣ, или подъ какимъ нибудь вѣтвистымъ деревомъ, или просто на голой травѣ, имѣя надъ собою небесный сводъ, роскошно усѣянный звѣздами. Медвѣжья кожа согрѣвала его во время холодовъ и защищала отъ сырости и мокроты во время дождей и росы. Мясомъ убитой дичи охотникъ обыкновенно питался самъ съ своимъ семействомъ, а кожу и шерсть продавалъ и на вырученныя деньги покупалъ порохъ, свинецъ, соль и другіе необходимые въ хозяйствѣ предметы. Когда затѣвался общій охотничій походъ, то обыкновенно всѣ участвующіе собирались на одно какое нибудь опредѣленное мѣсто: тутъ навьючивали лошадей маисовою и ржаною мукою, кухонной посудой и нѣсколькими одѣялами, — затѣмъ весь этотъ обозъ весело отправлялся въ путь.

Дѣти лѣсовъ разбивали свой охотничій лагерь по большей части въ такой долинѣ, которая была защищена отъ пронзительныхъ, холодныхъ вѣтровъ какою нибудь цѣпью горъ. Самый лагерь состоялъ обыкновенно изъ просторнаго, съ трехъ сторонъ закрытаго шалаша, косая крыша котораго доходила почти до земли. У

входа пылалъ веселый огонь, вдоль стѣнъ поставлены были простыя койки для ночи.

Лѣсъ былъ настоящей стихіей такого человѣка. Онъ зналъ тамъ всѣ дороги, зналъ каждую тропинку, по которой ему случилось только разъ пройти; онъ смѣло, не боясь заблудиться, бродилъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ еще не ступала ни одна человѣческая нога. Смѣлость охотниковъ была такова, что они безъ страха рѣшались пускаться въ безконечные первобытные лѣса, мрачная темень которыхъ такъ часто наполняетъ невольнымъ ужасомъ сердца мирныхъ поселянъ; потому что чѣмъ глубже проникаешь въ мрачную чащу, тѣмъ болѣе немѣешь, будь ты себѣ и очень словоохотливый человѣкъ. Роскошная глушь одѣта какъ бы сумерками, торжественная тишина царитъ надъ исполинскими деревьями и тропинками, усѣянными листьями; развѣ только изрѣдка мелькнетъ свѣтъ и жизнь солнечнаго луча въ этотъ таинственный мракъ. По временамъ надъ головою путешественника раздается воркованіе стаи дикихъ голубей, у ногъ его распрямляются и свертываются въ кольцо змѣи: тутъ и удавъ съ своей блестящей кожей, играющей всѣми цвѣтами радуги, тутъ и неповоротливая змѣя-быкъ съ шипѣніемъ, похожимъ на мычаніе, медленно поднимается на дыбы. Лѣсъ опасное жилище, но смѣлый охотникъ побѣдилъ его околдовывающую силу: его избѣгаетъ, предъ нимъ склоняется то, что для другихъ гибельно.

Рѣдко эти охотники возвращались домой безъ богатой добычи. Если кому нибудь изъ нихъ удавалось

застрѣлить оленя, то онъ обыкновенно снималъ съ него кожу, и высокій сукъ служилъ на нѣкоторое время мѣстомъ склада; тутъ его добыча была безопасна отъ хищныхъ волковъ. Вечеромъ онъ снималъ мясо и кожу съ сука и относилъ къ себѣ въ палатку. Сытный ужинъ заключалъ трудовой день; веселый разговоръ служилъ приправой простому столу, а дымящаяся трубка завершала картину безъискусственнаго довольства.

Воскресный день свято соблюдался этими американскими потомками Нимврода, ни одинъ выстрѣлъ не смѣлъ огласить лѣсъ во время дня субботняго: въ противномъ случаѣ можно было ожидать, что какое нибудь несчастіе постигнетъ стрѣлка.

Когда оканчивались эти утомительныя охотническія странствованія, трудолюбивый сынъ лѣсовъ наслаждался семейнымъ покоемъ. Его простая бревенчатая избенка доставляла ему всѣ необходимыя жизненныя удобства. И какъ скромны были его требованія? Бревна, изъ которыхъ была сколочена его изба, иной разъ были еще не совсѣмъ очищены отъ своей сырой, грубой и толстой коры. Четыреугольная внутренняя комната обыкновенно имѣла въ вышину не болѣе 10 футовъ; на густо положенныхъ балкахъ устроивалась кровля и потолокъ.

Съ довольно большимъ трудомъ и напряженіемъ можно было разсмотрѣть предметы въ этой мрачной хатенкѣ, потому что не всегда считалось дѣломъ достойнымъ труда прорубить окно и открыть входъ днев-

ному свѣту. Напрасно также стали бы вы искать здѣсь чего нибудь въ родѣ пола; положить нѣсколько балокъ для предотвращенія сырости считалось у нихъ большою роскошью.

Совершенно достаточнымъ вечернимъ освѣщеніемъ былъ для нихъ или огонь разложенный на очагѣ, устроенномъ рядомъ съ избушкой, или же сальная свѣча изъ буйволоваго жира. На стѣнахъ развѣшивались въ видѣ украшенія платья, топоры, сѣкиры, буравы, ножи и другіе ремесленные предметы. Кровать, колыбель, скамейка, столъ и разныхъ видовъ кадки — все это въ самыхъ грубыхъ формахъ приготовленное самимъ же отцомъ семейства — дополняли украшеніе этой комнаты. Около печки разставлялась деревянная кухонная посуда. Конечно, забота по домашнему хозяйству поручалась женѣ, но она не была чрезмѣрно завалена разнообразными хлопотами, какъ это обыкновенно случалось съ ея краснокожею сестрой —женою индѣйца; напротивъ, она была свободна отъ всѣхъ тяжелыхъ работъ. Какъ все домашнее устройство, былъ также простъ и скроменъ и самый образъ жизни лѣсныхъ обитателей. Уже много было, если они позволяли себѣ удовольствіе имѣть за обѣдомъ мясныя блюда—изъ жирной дичи, изъ сочной медвѣжины, оленины, лосины и мяса буйвола; приготовляли также куропатокъ, дикихъ голубей, индюковъ и фазановъ; не пренебрегали зайцами, бѣлками и опоссумами.

Завтракъ и ужинъ лѣснаго обитателя состоялъ ежедневно изъ маисоваго хлѣба „Iohnny Cake"; изъ ово-

щей употребляли только варенную кукурузу, подававшуюся или съ молокомъ, или съ сиропомъ и медвѣжьимъ жиромъ. Впослѣдствіи любимымъ блюдомъ этихъ охотниковъ сдѣлалась маисовая каша и свинина.

Не менѣе домашней жизни былъ сообразенъ съ природою и гражданскій бытъ этихъ первыхъ поселенцевъ. Общественное мнѣніе считалось у нихъ единственнымъ судейскимъ трибуналомъ. Горе тому, кто долженъ былъ явиться предъ этимъ судомъ! Если это былъ лѣнтяй, онъ подвергался гнѣву и презрѣнію своего сосѣда, а иной разъ даже и чувствительнымъ побоямъ. При болѣе серьезныхъ преступленіяхъ являлся мстителемъ страшный судья Lynch. Если какой нибудь конокрадъ, обманщикъ или бродяга долго и упорно занимался этимъ безчестнымъ ремесломъ, то обыкновенно собирались на совѣтъ почтенные мужи извѣстнаго округа и разсуждали сообща о томъ наказаніи, которому слѣдовало подвергнуть виновнаго. Подобные очистители страны назывались у нихъ „регуляторами“ (распорядителями); изъ нихъ составлялось нѣчто въ родѣ тайнаго судилища (Vehme). Они садились ночью на коней и, отыскавъ преступника, влекли его къ отчету. Высшій трибуналъ, судья Birch, имѣлъ свое засѣданіе подъ какимъ нибудь деревомъ; судья Lynch, какъ исполнитель приговора, совершалъ въ присутствіи „Judge Birch“ наказаніе, произнесенное надъ виновнымъ. Онъ привязывалъ осужденнаго къ дереву, сѣкъ его кнутомъ до крови и, если требовалось наказаніе вполнѣ убѣдитель-

ное, въ заключеніе намазывалъ раны преступника не масломъ, а дегтемъ и обсыпалъ перьями.

Кромѣ этой столь суровой любви къ справедливости, поселенецъ запада былъ проникнутъ также глубокою религіозностью. Въ лѣсахъ еще царила простодушная, ребяческая, святая вѣра, хотя въ свободныхъ штатахъ уже стали выдѣляться одна изъ другой различныя секты. Библія была единственною книгою, по которой мать учила своихъ дѣтей чтенію; посѣщеніе духовнаго праздновалось въ семьѣ какъ какое нибудь особенное торжество. Сосѣди, живущіе за милю и болѣе, стекались обыкновенно въ этотъ домъ, чтобы внимать словамъ „странствующаго проповѣдника“, къ которому въ то же время можно было обратиться и за медицинскими совѣтами; кромѣ того онъ рѣшалъ различныя недоумѣнія, крестилъ дѣтей, достигшихъ иногда уже десятилѣтняго возраста и роздавалъ въ „кустахъ“ вѣрующимъ священную евхаристію. Въ то время эти странствующіе духовные еще отличались своимъ простымъ, апостольскимъ характеромъ. И дѣйствительно, нужна была почти героическая рѣшимость, чтобы проповѣдывать истины евангелія лѣснымъ обитателямъ, раздавать имъ библіи и другіе подобные трактаты, учить дѣтей переселенцевъ начальнымъ правиламъ чистописанія. Но тогда простодушіе было въ полной своей силѣ, тогда еще господствовала и между этими отшельниками-фермерами почти пуританская строгость въ исполненіи религіозныхъ предписаній и только впослѣдствіи появилась здѣсь методистская зараза съ

своими полевыми богослуженіями, съ своими вдохновенными возбужденіями, со всѣми безчинствами ея религіозныхъ собраній.

Семейство Линкольна, съ своею библейскою стойкостью, съ строгою вѣрою въ букву закона, принадлежало еще той генераціи, которая основывала свои религіозныя мнѣнія на строгихъ древне-британскихъ положеніяхъ.

4. Радости и горе переселенца-мальчика.

Среди этихъ только-что описанныхъ нами жизненныхъ условій взросъ Томасъ Линкольнъ, отецъ нашего героя. Ему уже было четырнадцать лѣтъ, когда Кентукки въ видѣ самостоятельнаго штата отдѣлился, въ 1792 году, отъ Виргиніи. Съ этихъ поръ страна эта начала все гуще и гуще населяться; нѣкоторыя части ея въ невѣроятно короткое время превратились изъ пустыни въ настоящіе цвѣтущіе сады.

На 28 году своей жизни, въ 1806, Томасъ женился на дѣвушкѣ Нанси Ганксъ, родомъ изъ Виргиніи, послѣ чего онъ поселился съ своею молодою женой въ тогдашнемъ графствѣ Гарденъ (Кентукки).

Оба они принадлежали въ сектѣ баптистовъ, въ особенности его жена Нанси была строгая христіанка. Ея умственныя силы, кажется, не были незначительны, но ей недоставало необходимаго образованія. Все, чему успѣла научиться эта простая женщина — было одно

только чтеніе; но во всякомъ случаѣ и этого было довольно, особенно если мы вспомнимъ, что и такія ничтожныя познанія покупались въ то время довольно дорогою цѣною. Здравый, свѣтлый умъ и замѣчательная теплота чувствъ дополняли въ ней то, чего она была лишена по своему образованію. 12-го февраля 1809 года у этой четы родилось четвертое дитя, получившее въ честь своего дѣда имя Авраама, которое при нѣжномъ, ласкательномъ произношеніи сократилось въ Абе. И это названіе долго удерживалось за нимъ, даже и тогда, когда этотъ Абе уже занималъ президентское кресло. Единственная сестра Абе была двумя годами старше его, а младшій братъ его умеръ еще въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ. Авраамъ помнилъ, что онъ предъ выселеніемъ изъ Кентукки часто вмѣстѣ съ своею матерью посѣщалъ его могилу.

Область La Rue, мѣсто родины нашего мальчика, изобилуетъ на своихъ болѣе возвышенныхъ мѣстахъ свѣжими пастбищными лугами, между тѣмъ какъ долины даютъ хорошіе урожаи хлѣба и табаку. Городъ Годженвилль, вблизи котораго Абе въ первый разъ увидѣлъ свѣтъ, красиво расположенъ при одной небольшой бухтѣ Нолинъ-Крикъ и причисляется къ довольно значительнымъ торговымъ пунктамъ. Въ недальнемъ разстояніи отъ него пенсильванскій выходецъ Филиппъ Филипсъ устроилъ крѣпость одновременно съ тѣмъ, какъ предки Линкольна пришли сюда изъ Виргиніи (1780—1781). Джонъ La Rue, давшій округу свое имя, вышелъ тоже изъ Виргиніи и, сопровождае-

мый толпою поселенцевъ, основался вблизи форта Филипсъ. Его шуринъ Робертъ Годженъ купилъ и обработалъ ту самую землю, на которой впослѣдствіи былъ основанъ Годженвилль. Оба эти піонера были люди строгой честности и высокихъ нравственныхъ достоинствъ. Они принадлежали къ обществу баптистовъ и уже двадцатью годами раньше прибытія Томаса Линкольна распространили благодѣтельное вліяніе этой секты на всю страну.

Когда основался здѣсь Линкольнъ, то этотъ штатъ уже заключалъ въ себѣ до 400,000 душъ населенія и наслаждался всѣми благами законности и порядка, которыхъ еще недоставало первымъ здѣшнимъ земледѣльцамъ. Въ то время столь извѣстный впослѣдствіи Генри Клэй начиналъ свою блистательную политическую карьеру, пробывши сначала два года членомъ сената Соединенныхъ Штатовъ.

Несмотря на всѣ полезныя перемѣны, скромнымъ труженикамъ Нолинской гавани все-таки не выпало на долю никакого другого жребія, кромѣ безпрестанныхъ несчастій и трудовъ изъ-за насущнаго куска хлѣба, кромѣ постоянной борьбы съ дикою природою, еще не совсѣмъ обращенною съ пахатную землю. Здѣсь маленькій Абе провелъ первые годы своего дѣтства; еще будучи нѣжнымъ мальчикомъ, онъ уже отправлялся вмѣстѣ съ своимъ отцомъ въ мѣста, лежащія среди непроходимыхъ пустынь. Въ Кентукки онъ прожилъ первыя семь лѣтъ своей жизни. Говорятъ, что впечатлѣнія, полученныя имъ въ эти года его возраста, дали

направленіе всему его характеру, а потому въ этомъ смыслѣ на Авраама Линкольна можно по всей справедливости смотрѣть какъ на истаго и кореннаго жителя Кентукки.

Тогда еще не было въ этой странѣ школъ для бѣднаго народа; однако нѣкоторые болѣе образованные люди уже и тогда трудились въ различныхъ частныхъ домахъ, стараясь сообщить сосѣдней молодежи самыя необходимыя, первоначальныя познанія. Такимъ то образомъ и Авраамъ успѣлъ запастись кой какими свѣдѣніями. Самымъ первымъ учителемъ его былъ Захарія Риней, строгій католикъ, характерныя особенности котораго на долгое время удержались въ памяти его знаменитаго ученика.

Вторымъ учителемъ Абе былъ нѣкто Калебъ Газель, также управлявшій школою въ вышеупомянутомъ родѣ. Но кромѣ простаго чтенія и чистописанія и этотъ учитель ничего не могъ сообщить своему воспитаннику, — притомъ же Абе еще только началъ при немъ читать по складамъ. Юноша страшно желалъ какъ можно скорѣе поравняться съ своею набожною матерью, которая такъ хорошо читала священное писаніе и такъ понятно объясняла по воскресеньямъ тексты изъ библіи.

„Когда то я буду такъ ученъ?“ — часто онъ спрашивалъ самого себя съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ. И однакожъ у Газеля онъ не долженъ былъ такъ далеко пойти, потому что отецъ Абе уже не могъ болѣе вытерпѣть жизни у Нолинской бухты. Его возмущала тамошняя жизнь: онъ долженъ былъ постоянно видѣть

жестокое обращеніе хозяевъ съ рабами. Въ Кентукки и не такъ цѣнили бѣлыхъ работниковъ, какъ въ другихъ, болѣе сѣверныхъ штатахъ. Къ непріятностямъ подобной жизни присоединялась еще и непреодолимая охота Линкольна къ постояннымъ странствованіямъ и передвиженіямъ; однимъ словомъ, тысячи причинъ понуждали его искать для себя новаго жилища гдѣ нибудь далѣе на сѣверовостокѣ — по ту сторону Огіо. Поэтому онъ продалъ все свое маленькое имущество за 10 бочекъ вина и 20 долларовъ и отправился вмѣстѣ съ семействомъ въ путь; пошелъ отыскивать такого мѣста, которое бы болѣе могло соотвѣтствовать его желаніямъ и видамъ, нежели его настоящее мѣстопребываніе.

Вотъ какимъ образомъ случилось, что фамилія Линкольнъ, осенью 1816 года, направила свой путь въ южную Индіану.

Мы уже прежде сказали, что два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ ангелъ смерти отозвалъ ихъ добрую мать въ небесную родину. Горько оплакиваемая всѣми, она скончалась 1818 года. Часто бѣдныя сироты посѣщали могилу своей матери, особенно Абе съ глубокою сердечной привязанностію любилъ долго оставаться въ уединенномъ и безыскуственномъ мѣстѣ ея упокоенія.

И какъ тяжело было на сердцѣ у Авраама, когда онъ возвращался домой съ этого тихаго, лѣснаго холмика! Если несносно жить въ дикой глуши, гдѣ тягостныя лишенія слѣдуютъ за лишеніями, то какъ же должно увеличиться горе, когда то существо, которое дѣлало для насъ эту пустыню довольно сносною,

покидаетъ насъ и скромная избушка лишается своей единственной прелести!

Абе долженъ былъ до дна испить чашу подобныхъ страданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ и тѣ цѣлительныя силы, которыя заключаетъ въ себѣ этотъ горькій напитокъ. Онъ дѣлался все болѣе и болѣе серьезнымъ, его мысли начали чаще устремляться ко всему возвышенному и благородному, онъ часто повторялъ себѣ то, что когда-то ему приходилось слышать отъ своей скромной и благочестивой матери, и старался прилежаніемъ и дружескою предупредительностью увеселять своего отца въ минуты тяжелыхъ невзгодъ; онъ теперь, болѣе нежели когда нибудь, сталъ помогать ему и участвовать во всѣхъ его работахъ.

Однажды вечеромъ отецъ пришелъ съ какимъ-то загадочнымъ выраженіемъ въ лицѣ къ своему маленькому Аврааму. Въ рукахъ у него былъ тщательно завязанный узелокъ.

Неужели подарокъ? Или награда? Едва ли можно было думать объ этомъ!

Отецъ медленно развязываетъ узелъ. — Появляется книжка, правда, истрепанная и невзрачная, но для нашего мальчика имѣющая гораздо большую цѣну, нежели самая дорогая игрушка.

Съ удивленіемъ читаетъ онъ ея заглавіе: „The Pilgrim's Progress“ (Странствованіе Пиллигрима). До этихъ поръ Абе почерпалъ свои познанія только изъ священнаго писанія, изъ катихизиса и букваря; теперь же представлялся ему новый источникъ привлекатель-

наго знанія. Съ пылкимъ усердіемъ, какъ будто дѣло шло о покореніи вселенной, принялся онъ за чтеніе этого неоцѣненнаго творенія. Въ короткое время онъ довольно порядочно познакомился съ его содержаніемъ и хотѣлъ уже во второй разъ начать чтеніе, какъ съ нимъ случилось еще другое неожиданное счастіе. Его добрая сосѣдка, Бренеръ, дала ему прочитать Езоповы Басни. Эти басни скоро завлекли его гораздо больше, чѣмъ всякая другая книжка, которую ему когда-либо удавалось читать: онъ понималъ ихъ лучше, различные типы животныхъ забавляли его, а шутки развлекали и восхищали. И съ такимъ постоянствомъ, съ такою охотою читалъ онъ эту новую книжку, что незамѣтно для себя выучилъ наизусть большую часть ея.

И дѣйствительно мы вездѣ видимъ въ президентѣ Линкольнѣ и знатока библіи, и человѣка, начитавшагося басенъ. Что касается сравненій, метафоръ, остротъ, ясности изложенія отвлеченныхъ предметовъ, то рѣдко даже самый величайшій умъ могъ превзойти его въ этомъ. Многія изъ его выраженій въ этомъ родѣ сдѣлались теперь, —вѣрный признакъ истинной народности, —общимъ достояніемъ американской націи; онѣ живутъ въ устахъ многихъ милліоновъ и, какъ истинно мѣткія пословицы, считаются у нихъ источникомъ житейской, практической мудрости. „Я убѣжденъ,“ сказалъ ученый знатокъ людей Р. В. Емерсонъ въ день погребенія нашего героя, „что если бы этотъ человѣкъ жилъ во времена преданій, когда еще искусство книгопечатанія не было открыто, —то его изрѣченія и его

сравненія пріобрѣли бы ему славу божественнаго мудреца и окружили бы его такимъ миѳическимъ ореоломъ, въ какомъ представляются намъ теперь Езопъ, Пильпай, или семь великихъ мудрецовъ древности."

5. Основы всякаго знанія.

Около этого же времени Абе долженъ былъ найти еще и другого рода пищу для своей страсти къ ученію и для своей любознательности. Вблизи отцовской избенки жилъ нѣкто Гэнксъ, который нѣсколько смыслилъ въ искусствѣ чистописанія. Этотъ Гэнксъ предложилъ свои услуги, чтобы научить мальчика первоначальнымъ пріемамъ этого искусства. Началось обученіе. Абе дѣлалъ теперь столь же быстрые успѣхи въ черченіи буквъ, какъ прежде того въ разбираніи ихъ. Учитель смотрѣлъ на него почти какъ на какое-нибудь чудо и никакъ не могъ нахвалиться способностями и неутомимымъ прилежаніемъ своего даровитаго ученика. Но у бѣдныхъ лѣсныхъ жителей не могло быть въ изобиліи бумаги, перьевъ и чернилъ, а потому часто приходилось браться за кусокъ мѣлу, иногда обугленная палка замѣняла необходимый для писанія матеріалъ. Абе писалъ и писалъ безъ устали, пока не превзошелъ своего наставника, который все съ большимъ удивленіемъ смотрѣлъ на успѣхи мальчика и съ особенно радостнымъ чувствомъ торжествовалъ благород-

нѣйшій тріумфъ учителя, потому что ученикъ превосходилъ его самого.

При всемъ пламенномъ усердіи къ чтенію и писанію, Авраамъ однакожъ не забывалъ быть и послушнымъ сыномъ; онъ не забывалъ своихъ занятій въ лѣсу, никогда не доводилъ себя до того, чтобы отцу приходилось два раза звать его на работу. Можно только сказать, что онъ чаще желалъ бы остаться съ своей книжкой, нежели съ топоромъ на плечахъ отправляться на рубку лѣса.

Будучи въ полѣ, онъ всякій разъ, какъ только рука его уставала, бралъ палку и съ глубокомысленной миной чертилъ на землѣ красивыя буквы. Однажды сосѣдскій мальчикъ засталъ его за этой работой.

— Что ты тутъ дѣлаешь? —спросилъ его Давидъ.

— Пишу, отвѣчалъ Абе съ гордой и довольной улыбкой.

— Вотъ что! Да гдѣ же ты научился писать? Скажи, что означаютъ эти знаки?

— Это мое имя.

Давидъ однако не хотѣлъ вѣрить ему. Онъ привелъ своего отца, который дѣйствительно по складамъ разобралъ:

А-в-р-а-а-м-ъ Л-и-н-к-о-л-ь-н-ъ,

написанное большими и четкими буквами на первобытной почвѣ Индіаны, — какъ предзнаменованіе будущаго великаго значенія этого имени.

Съ этого времени Авраамъ Линкольнъ началъ все болѣе и болѣе возвышаться, пока въ качествѣ прези-

дента не сталъ подписывать своего имени подъ важнѣйшими актами Соединенныхъ Штатовъ.

Спустя почти девять мѣсяцевъ послѣ смерти г-жи Линкольнъ, отецъ призвалъ къ себѣ маленькаго писаку-героя и сдѣлалъ ему слѣдующее важное порученіе:

— Ты уже теперь хорошо научился писать. Что если бы ты написалъ письмо?

— Попробую, — сказалъ весело Абе. Тотчасъ же сходивши за бумагой, чернилами и перомъ, онъ сѣлъ съ важнымъ дѣловымъ выраженіемъ лица къ треногому столику посреди комнаты и нетерпѣливо смотрѣлъ на своего отца, который продиктовалъ ему довольно длинное письмо къ одному сосѣднему духовному лицу. Въ этомъ письмѣ онъ приглашалъ мистера Элкинса — такъ звали священника, — притти въ воскресенье къ нему на ферму и здѣсь сказать надгробную рѣчь въ честь умершей жены Линкольна. Абе, поставивъ послѣднюю точку, вслухъ прочиталъ свое художественное произведеніе. Его выслушали очень внимательно сестра и отецъ; послѣдній, разинувъ ротъ и широко раскрывъ глаза, представлялъ собою истинную картину отцовской радости, удивленія и гордаго довольства.

Авраамъ первый изъ фамиліи Линкольновъ умѣлъ написать письмо. Замѣчательный фактъ.

Спустя три мѣсяца послѣ отправки этого письма, къ избенкѣ Линкольна подъѣхалъ на старой лошаденкѣ почтенной наружности человѣкъ. Абе узналъ въ немъ священника Элкинса. Онъ пошелъ къ нему на встрѣчу

*

и, послѣ первыхъ привѣтствій, спросилъ его: „господинъ священникъ, вы получили мое письмо?“

— Твое письмо?—Вѣрно ты хочешь сказать—письмо твоего отца, милый мой?

— Нѣтъ, мое письмо. Вы вѣдь знаете, что отецъ мой не умѣетъ писать.

— А если и дѣйствительно ты написалъ это письмо, то тебѣ не слѣдуетъ конфузиться.

— Это мое первое письмо!

Между тѣмъ библіотека Абе увеличилась еще однимъ новымъ сочиненіемъ и притомъ ни больше ни меньше какъ „Жизнью Вашингтона.“

Вашингтонъ и Линкольнъ—какія мысли пробуждаютъ въ насъ эти имена!

Дѣдъ Абе былъ современникомъ Вашингтона, этого знаменитаго человѣка, памятникомъ которому служатъ Соединенные Штаты; дѣдъ-Линкольнъ принималъ участіе въ его побѣдахъ и ни о чемъ другомъ не говорилъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ объ этомъ величайшемъ американскомъ героѣ.

Его одушевленіе перешло и на Томаса Линкольна, такъ что Авраамъ уже въ малыхъ лѣтахъ былъ хорошо знакомъ съ имечемъ Вашингтона, окруженнымъ какимъ-то суевѣрнымъ почитаніемъ. Впечатлѣнія, вынесенныя дѣятельнымъ и живымъ мальчикомъ изъ жизнеописанія этого національнаго героя, поэтому тѣмъ неизгладимѣе должны были врѣзаться въ его памяти.

Опять прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Для Абе долженъ былъ начаться новый періодъ жизни. Отецъ оты-

скалъ для него вторую мать въ лицѣ вдовы Салли Джонстонъ, изъ Елизабеттоуна (Кентукки). Эта достойная преемница настоящей матери Абе нашла удобнымъ продолжать образованіе даровитаго мальчика. Новый прилежный ученикъ былъ отведенъ, по ея распоряженію, въ частную школу, которую скоро послѣ ея прибытія открылъ господинъ Крауфордъ; въ то же время она, подобно своей предшественницѣ, наблюдала и за тѣмъ, чтобы мальчикъ почаще читалъ священное писаніе и вообще жилъ въ страхѣ божіемъ. Авраамъ въ скоромъ времени превзошелъ въ чтеніи, письмѣ и считаньи всѣхъ своихъ товарищей. При этомъ онъ все-таки оставался добрымъ, ласковымъ юношей, избѣгалъ всякихъ раздоровъ и вслѣдствіе своего мягкаго, примирительнаго характера заслужилъ лестное названіе „миротворца."

Мать, довольная Абе, купила ему новую занимательную книжку: „Жизнь Генри Клэя," чтеніе которой оставило очень глубокое впечатлѣніе въ нашемъ юномъ читателѣ.

Едва онъ успѣлъ окончить эту книжку, случилось обстоятельство, которое можетъ дать намъ ясное понятіе о честности и любознательности Авраама. Онъ узналъ отъ одного изъ своихъ товарищей, что у господина Крауфорда есть жизнеописаніе Вашингтона, гораздо лучшее того, съ которымъ ему пришлось уже познакомиться. Достать эту интересную книгу сдѣлалось теперь для него цѣлью всѣхъ его самыхъ пламенныхъ желаній.

Съ этою мыслью онъ отправляется на квартиру сво-

его учителя и проситъ у него „Жизнь Вашингтона,“ соч. Рамсея. Конечно его просьба охотно была исполнена; кромѣ того владѣтель книжки сказалъ, что Абе можетъ не торопиться возвращать ее и читать спокойно и медленно.

Съ восхищеніемъ взялъ онъ къ себѣ домой это сокровище и постоянно носилъ его съ собою. Даже во время работы онъ не могъ вполнѣ разлучиться съ своей любимой книжкой и пряталъ ее куда нибудь въ дупло дерева, чтобы покрайней мѣрѣ всегда имѣть ее подъ руками.

Онъ отыскалъ, какъ ему казалось, самое удобное и безопасное помѣщеніе для этой драгоцѣнности. Но каковъ былъ его ужасъ, когда послѣ сильнаго, проливного дождя онъ вынулъ свою книжку и увидѣлъ, что она совершенно измокла, совершенно испорчена. Горячія слезы слились съ безжалостными дождевыми каплями, замочившими любезные листки. Что тутъ дѣлать? По его винѣ испорчена чужая вещь,—какъ теперь умилостивить хозяина?

Прежде всего онъ разложилъ книгу на солнцѣ, чтобы какъ-нибудь высушить ее; потомъ постарался очистить ее отъ пятенъ и наконецъ уже прямо отправился къ господину Крауфорду, рѣшившись во всемъ чистосердечно признаться.

Крауфордъ, казалось, былъ нѣсколько удивленъ, когда увидѣлъ, что мальчикъ такъ скоро опять явился къ нему.

— Я принесъ къ вамъ „Жизнь Вашигтона,“ —началъ юноша.

— Какъ, уже готова? Ты могъ бы дольше держать ее.

— Нѣтъ, я еще не прочиталъ ее до конца; но у меня случилось несчастіе.—При этомъ онъ развязалъ свой узелъ и показалъ слѣды опустошеній, произведенныхъ дождемъ.

— Жаль,—проговорилъ Крауфордъ.

— Я могу возвратить вамъ новую книжку, господинъ учитель. Правда, у меня нѣтъ денегъ, но я могу работать. Дайте мнѣ какую-нибудь работу.

— Въ работѣ никогда не бываетъ недостатка. Вонъ тамъ жнутъ хлѣбъ, не хочешь ли помогать имъ?

— Съ удовольствіемъ. Когда же мнѣ начать?

— Да хоть-себѣ завтра. Тогда ты уже совсѣмъ получишь книжку, потому что честнымъ трудомъ заработаешь ее.

Съ разсвѣтомъ дня Абе уже былъ на полѣ и такъ усердно работалъ, что потъ ручьемъ катился по его щекамъ.

Вечеромъ, совершенно довольный, онъ возвратился въ родительскій домъ вмѣстѣ съ тяжело добытою наградою за свои труды.

Съ какимъ жаромъ читалъ теперь Абе книжку, которая была уже его собственностью!

Мы никакъ не думаемъ этой біографической сценой иллюстрировать извѣстную пословицу: „видѣнъ соколъ по полету.“ Но въ жизни каждаго человѣка всегда

можно подмѣтить такія характеристическія черты, которыя съ поразительною ясностью могутъ освѣтить предъ нами умственный горизонтъ человѣка и познакомить насъ съ его внутренними стремленіями. Въ настоящемъ случаѣ предъ нами — „честный Линкольнъ.“

ГЛАВА II.

ГОДЫ ОБУЧЕНІЯ АМЕРИКАНЦА.

1. Гонка плотовъ.

Четыре года спустя послѣ только что описаннаго нами происшествія, Авраамъ праздновалъ восемьнадцатый годъ своего рожденія. Многообѣщающій мальчикъ въ этотъ промежутокъ времени успѣлъ уже сдѣлаться цвѣтущимъ и здоровымъ юношей. По наружности онъ былъ выше и мускулистѣе своего отца, на его рукахъ было столько же мозолей отъ топора, сколько и на рукахъ стараго Линкольна. Онъ слылъ за хорошаго работника, а потому вездѣ въ сосѣдствѣ, гдѣ только предпринималось что-нибудь важное, его призывали на помощь и всегда находили въ немъ готоваго къ услугамъ работника, подъ сильными ударами котораго скоро падали на землю самыя толстыя деревья.

Но Авраамъ не пренебрегалъ и своимъ умственнымъ развитіемъ. Гдѣ бы только онъ ни заслышалъ о какой нибудь новой книжкѣ, непремѣнно старался достать ее; онъ перечитывалъ также и старыя книги. Въ это же время къ своей скромной библіотекѣ онъ успѣлъ присоединить еще два другія сочиненія: Жизнь Франклина и переводъ Плутарха, такъ что все его книжное богатство состояло теперь, не считая катехизиса и букваря, изъ библіи, Езоповыхъ басенъ, Странствованія Пиллигрима, изъ двухъ біографій Вашингтона, изъ біографіи Клэя, Франклина и наконецъ изъ Плутарха — все извѣстныя сочиненія, которыя должны были оказывать сильное вліяніе на живой и разсудительный умъ Авраама.

И перо не было отложено въ сторону. Всѣ сосѣди, имѣвшіе нужду переписываться съ своими далекими знакомыми, обращались къ Абе. Онъ такимъ образомъ сдѣлался письмоводителемъ всего околодка и научился чрезъ это примѣняться къ ходу мыслей другихъ людей и давать правильное, соотвѣтственное выраженіе чужимъ идеямъ.

Скоро послѣ смерти его единственной родной сестры, предъ Линкольномъ долженъ былъ раскрыться болѣе широкій горизонтъ. Сосѣдъ Линкольна, мистеръ Питтъ, сплавлялъ по Миссиссипи барки съ дровами и съѣстными припасами, которые назначались на продажу въ южныхъ плантаціяхъ и въ Новомъ Орлеанѣ. Абе предложили гнать барку въ Кресцентъ-Сити.

Въ то время барочники, лодочники, называемые так-

же багорщиками, принадлежали къ проводникамъ культуры на западѣ Союза. Они были собственно перевозщики грузовъ и кладей, подобно обыкновеннымъ извощикамъ до введенія желѣзныхъ дорогъ. Барочники заработывали себѣ тяжелыя деньги тяжелымъ трудомъ. Сплавлять внизъ по рѣкѣ барку считалось у нихъ просто забавой, но дѣло другое идти вверхъ, противъ теченія; тутъ они должны были двигаться при помощи багровъ, если дулъ неблагопріятный вѣтеръ, и мѣрить всю длину дороги по борту судна.

Миссиссипи тогда была гораздо больше нынѣшняго завалена вывороченными, прямостоящими стволами деревьевъ (Planters), бревнами, плавающими и кружащимися на поверхности (Wälzern); разбои и убійства на берегахъ этой исполинской рѣки, въ особенности въ нижнихъ частяхъ ея, совершенно не принадлежали тогда къ какимъ нибудь рѣдкимъ явленіямъ. Барочники вели трудную, но въ тоже время веселую и привольную жизнь.

Абе долженъ былъ узнать эту жизнь. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ этой поѣздки, отъ которой надѣялся получить тысячи удовольствій. Въ назначенное утро онъ отплылъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Джономъ въ Новый Орлеанъ. Сцены, раскрывавшіяся теперь предъ глазами нашихъ двухъ пріятелей, представляли имъ неисчерпаемый матеріалъ для наблюденій. По временамъ встрѣчались съ ними другія барки, съ которыхъ обыкновенно лодочники кричали имъ: „Откуда идете?“ — „Куда?“ — „Какая кладь?“

Однако небо не долго оставалось надъ ними яснымъ и безоблачнымъ. Бури начали бросать судно то въ одну, то въ другую сторону; проливные дожди промачивали нашихъ путешественниковъ до костей. Кромѣ того, прежде нежели они подъѣхали къ Новому Орлеану, ихъ ожидала еще болѣе серьезная опасность.

Абе, прикрѣпивъ вечеромъ барку къ берегу, прилегъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ уснуть. Около полуночи его разбудилъ какой-то шумъ.

— „Что тамъ такое?“—вскрикнулъ онъ и сейчасъ же растолкалъ Джона.

Джонъ началъ протирать заспанные глаза. Потомъ вдругъ, испуганный, вскочилъ.

„Негры!“—успѣлъ пробормотать онъ.

— „Кто тутъ?“ спросилъ Авраамъ.

Отвѣта не было. Только можно было разслышать какіе-то шопотомъ говорившіе голоса.

Немного спустя молодые люди увидѣли предъ собою четыре черныя фигуры, которыя при лунномъ свѣтѣ казались еще болѣе страшными. Затѣмъ услышали они хорошо извѣстный имъ негритянскій языкъ и болѣе грозныя, чѣмъ жалобныя слова:

— „Ole Niggers“ (старые негры).

Абе и Джонъ вдругъ сообразили, что за намѣреніе было у этого чернаго общества и приготовились къ защитѣ. Къ несчастью у нихъ не было никакого огнестрѣльнаго оружія; такимъ образомъ они должны были положиться на силу своихъ мышцъ и на свои дюжіе кулаки.

Одинъ изъ черныхъ уже вскочилъ на бортъ барки, высоко замахнулся огромной дубиной и хватилъ по Джону. Абе вырвалъ у него палку, схватилъ его за горло и бросилъ въ глубокую рѣку.

Сначала послышался плескъ, потомъ настала мертвая тишина....

Остальные три негра ничего не могли подѣлать противъ геркулесовской силы молодыхъ полѣсовщиковъ. Порядочно поколоченные, они должны были безъ всякаго успѣха удалиться во свояси. Но все-таки и Абе не совсѣмъ безнаказанно вышелъ изъ этой схватки: правая рука была сильно повреждена ударомъ дубины, а правый глазъ едва совсѣмъ не былъ выбитъ ножемъ. Къ счастію пароходъ, который шелъ изъ С. Луи и у котораго что-то испортилось въ колесахъ, принялъ къ себѣ нашихъ барочниковъ и нѣсколько человѣкъ изъ его экипажа помогли гнать барку. Не встрѣтившись на дальнѣйшемъ своемъ пути съ другимъ подобнымъ несчастіемъ, за исключеніемъ развѣ того, что имъ во время грозы пришлось выдержать почти крушеніе у Ботонъ-Ружа, на скалистомъ берегу рѣки, они пристали наконецъ къ полукруглой набережной Новаго Орлеана.

Хотя обольстительныя чудеса этого большого города и сильно расширили узкій кругозоръ неопытныхъ полѣсовщиковъ, все-таки они не могли завлечь и задержать ихъ болѣе, чѣмъ сколько того требовали самыя ихъ поручения.

Впослѣдствіи Джонъ и Авраамъ, возвратившись въ

свои родные лѣса, часто разговаривали между собою о совершонномъ ими странствованіи и объ умно исполненныхъ порученіяхъ. Всеобщая молва о точномъ исполненіи обязанностей, объ энергическомъ преодолѣніи всѣхъ опасностей очень много содѣйствовала къ тому, чтобы укрѣпить всеобщее довѣріе къ счастію, расторопности и трудолюбію молодаго Линкольна.

2. Изъ Индіаны въ Иллинойсъ.

Въ послѣднее время снова начали проникать въ Индіану извѣстія о необыкновенномъ плодородіи сосѣдняго штата Иллинойса. Томасъ Линкольнъ тоже слышалъ объ этомъ и нѣсколько разъ уже обдумывалъ планъ основаться еще далѣе на западѣ, въ той землѣ, „гдѣ течетъ медъ и молоко“. Наконецъ онъ рѣшился послать одного родственника своей жены на розыски въ этотъ хваленный штатъ, и когда его посланецъ, Денисъ Гэнксъ, по возвращеніи, началъ безъ устали превозносить посѣщенную имъ страну, какъ въ полномъ смыслѣ „райскую“, тогда Томасъ Линкольнъ уже серьезно началъ помышлять о новомъ переселеніи.

Штатъ Иллинойсъ лежитъ между Индіаной, Кентукки, Миссури, Іовой, Висконсиномъ и озеромъ Мичиганъ. Почва его по большей части ровная и только на сѣверѣ поднимается нѣсколько холмовъ. На югѣ ростутъ роскошные лѣса, въ серединѣ тянутся частію сухія, частію влажныя долины и луга. Болѣе возвы-

шенныя мѣста часто терпятъ недостатокъ въ водѣ, а потому все здѣсь стремится къ берегамъ рѣкъ. Иллинойсъ, главная рѣка этого штата, образуется изъ Фокса, вытекающаго изъ Висконсина и Плэнса; вторая рѣка Рокъ-Риверъ течетъ изъ Висконсина въ Иллинойсъ. Внутри штата находятся источники Каскаскіа. На границахъ протекаютъ Огіо и Миссиссипи. Первая отдѣляетъ его отъ Кентукки, а послѣдняя отъ Іовы и Миссури. Главныя произведенія этой плодоносной почвы—рожь, табакъ и стручковыя растенія.

Напротивъ Индіана—страна густо покрытая лѣсомъ; изъ почвы ея можно добывать находящіяся въ ней сокровища только необыкновеннымъ трудомъ и усиліями. Одинъ американецъ даетъ намъ слѣдующее описаніе этого штата:

„Штатъ Индіана, принятый въ Союзъ съ 1816 года, имѣлъ въ то время до 65,000 населенія. Только немногія области его были воздѣланы. Средняя, сѣверная и сѣверо-западная части находились еще во власти индѣйцевъ и были непроницаемой глушью“.

Въ мартѣ 1830 г. фамилія Линкольнъ отправилась въ свое путешествіе. Въ этомъ обществѣ считалось 12 лицъ, такъ какъ двѣ замужнія дочери госпожи Линкольнъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми и мужьями присоединились къ походу. Авраамъ имѣлъ уже въ то время 21 годъ, слѣдовательно былъ совершеннолѣтнимъ. Онъ могъ бы теперь самъ по себѣ быть хозяиномъ, но какъ добрый сынъ предпочелъ остаться при старомъ отцѣ и помогать ему до тѣхъ поръ, пока новое отечество

не доставитъ старику спокойнаго и удобнаго мѣстопребыванія.

Въ черырнадцать дней окончили они путь изъ графства Спенсеръ (Индіаны) въ Декатуръ (Иллинойсъ). Мѣсто, выбранное ими для постояннаго поселенія, лежало на $2^1/_2$ мили къ западу отъ Декатуръ, на сѣверной сторонѣ рѣки Сангамонъ.

Здѣсь, при дѣятельномъ содѣйствіи Авраама, немедленно была выстроена бревенчатая изба. Затѣмъ подумали объ укрѣпленіи и обнесеніи оградой новыхъ владѣній, плодородіе которыхъ далеко превзошло всѣ ихъ ожиданія. Абе долженъ былъ доставлять колья, необходимые для изгороди.

Онъ съ своею обыкновенною ловкостью принялся за топоръ и въ невѣроятно короткое время успѣлъ приготовить колья для десяти десятинъ земли. Эти плоды его прилежанія должны были впослѣдствіи времени получить еще другое, особенное значеніе. Во время засѣданій республиканскаго конвента къ двумъ изъ этихъ кольевъ прикрѣпили знамя и снабженное приличною надписью принесли въ собраніе, причемъ среди восторженныхъ восклицаній всѣхъ присутствовавшихъ представили членамъ собранія. Народъ скоро послѣ того носилъ это знамя съ великимъ тріумфомъ по всѣмъ тѣмъ штатамъ, въ которыхъ свободный трудъ получилъ свое почетное значеніе.

Если вѣрно то, что сказалъ Луи-Филиппъ при своемъ восшествіи на французскій престолъ, что тотъ больше всѣхъ годится въ правители, который умѣетъ

лучше всего въ себѣ самомъ находить помощь (ouvrir des ressources), то Авраамъ Линкольнъ навѣрно былъ созданъ быть президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Первая зима, проведенная ими въ Иллинойсѣ, была самая суровая, какую только могутъ запомнить жители этой страны: они назвали эту зиму зимою „глубокихъ снѣговъ“, потому что надъ всею равниною въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ лежало бѣлое покрывало въ три фута толщиною. Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ необыкновенныхъ холодовъ былъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Несмотря на снѣжныя мятели, Абе долженъ былъ отправляться на охоту и добывать свѣжее мясо. Онъ вовсе не былъ хорошимъ стрѣлкомъ, но любовь къ роднымъ—эта въ высшей степени замѣчательная черта въ характерѣ Абе — научила его исполнять и непривычныя для него порученія съ усердіемъ и съ полнымъ успѣхомъ.

3. На чужой сторонѣ и въ полѣ.

Что-то первобытно-американское заключается въ той изображенной нами настойчивости Линкольна, съ которою онъ до сихъ поръ трудился вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Старинная англійская добродѣтель—любовь къ „семейному очагу“, эта черта, наслѣдованная англосаксонцами отъ своихъ нѣмецкихъ праотцевъ, господствовала до сихъ поръ и надъ молодымъ Авраамомъ. Но съ этого времени въ немъ стали замѣтно выступать

черты истаго американца: Абе сдѣлался уже мущиной, а потому, зрѣло обдумавъ свое рѣшеніе, быстро снярядился въ путь и рѣшился оставить свою родную избенку.

Безъ всякаго опредѣленнаго плана на счетъ своей будущности, безъ всякаго другого капитала, кромѣ непоколебимой твердости своего характера, непреклонной честности и твердаго рѣшенія во что бы то ни стало возвыситься собственнымъ трудомъ, выступилъ теперь молодой Абе въ свѣтъ.

Прежде всего онъ направился къ окрестностямъ Питерсбурга (въ графствѣ Менардъ) и сталъ работать, гдѣ только находилась работа, но чаще всего бывалъ у мистера Армстронга.

Въ теченіе зимы, проведенной въ Питерсбургѣ, нашъ молодой человѣкъ у всѣхъ снискалъ себѣ любовь и уваженіе. Чаще всего онъ проводилъ длинные вечера, сидя у весело пылающаго камина въ семействѣ Армстронга, гдѣ его любили какъ сына. Обыкновенно старикъ Армстронгъ потиралъ и грѣлъ свои морщинистыя руки, скромная жена его задумавшись глядѣла на красное пламя, а Абе прилежно читалъ книгу, которую ему удавалось вытащить изъ забытой пыльной библіотеки своихъ воспитателей, какъ онъ по всей справедливости могъ называть старыхъ Армстронговъ. Положимъ, сюртукъ у него былъ потертъ, но на такія вещи Линкольнъ не обращалъ вниманія; по его понятіямъ хорошее чтеніе должно имѣть гораздо большее предпочтеніе, нежели хорошій костюмъ.

Словомъ, кажется, онъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ.

Съ наступленіемъ весны Авраамъ былъ прерванъ въ своихъ ученыхъ занятіяхъ. Онъ получилъ порученіе отвести барку въ Новый Орлеанъ.

Съ чувствомъ благодарности и горести оставилъ Авраамъ гостепріимный кровъ своихъ добрыхъ воспитателей; онъ, конечно, не предчувствовалъ, при какихъ обстоятельствахъ ему придется опять слышать объ этомъ семействѣ.

Въ Новомъ Орлеанѣ, казалось, на этотъ разъ соединилось все, для того чтобы лишить храбраго Линкольна его обычнаго хладнокровія. Именно, въ этомъ огромномъ городѣ свирѣпствовала тогда холера — очень скромное названіе для желтой лихорадки (Yellow Iack);— всѣ дѣла остановились; идущіе и ѣдущіе дѣлали громаднѣйшіе „крюки“ (обходы), лишь бы только не повстрѣчаться съ кѣмъ-нибудь на улицѣ. Зараза приняла свой демоническій характеръ. Всѣ лазареты были наполнены народомъ; у Поншартрена построены были воздушные барраки. Католическое духовенство вышло изъ мертвой тишины своихъ церковныхъ домовъ на набережную и на грязныя улицы города, среди которыхъ на открытомъ воздухѣ можно было принимать паровыя ванны, и братства Іисусова сердца, матери семи болѣзней, св. Роха осмѣлились взяться за погребеніе мертвыхъ.

Впечатлѣніе, вынесенное теперь Линкольномъ изъ этого царя Юга, сильно подѣйствовало на молодого человѣка. Однажды вечеромъ онъ шелъ по улицѣ и

вдругъ наткнулся на какой-то предметъ, лежащій поперегъ дороги. Когда одинъ негръ, у котораго не было правой руки (въ Новомъ Орлеанѣ обыкновенно отрубали руки у рабовъ, которые осмѣливались поднимать ихъ на своихъ господъ), поднесъ поближе фонарь, Линкольнъ увидѣлъ предъ собою пять труповъ, лежащихъ на тротуарѣ, а по серединѣ улицы нѣсколько гробовъ, совсѣмъ уже приготовленныхъ къ отправкѣ на дельту (на песчаное кладбище).

Линкольнъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на это суровое и печальное занятіе братствъ; при немъ около пятнадцати труповъ было сложено на одни дроги. Въ лихорадочномъ состояніи побѣжалъ онъ къ своей квартирѣ. Скрипъ и стукъ погребальныхъ повозокъ продолжались цѣлую ночь. На другой день, омывшись старательно, Авраамъ былъ уже совершенно готовъ распрощаться съ злополучнымъ городомъ. Онъ говорилъ самъ себѣ: „послѣ того, какъ я видѣлъ Новый Орлеанъ подверженнымъ этой ужасной желтой горячкѣ, у меня уже болѣе не остается никакого сомнѣнія на счетъ того, что только на Сѣверѣ и могутъ процвѣтать настоящіе республиканцы, а Югъ непремѣнно погибнетъ, если только мы, цѣлый годъ здоровые и способные къ работѣ, братски не потащимъ его на привязи вслѣдъ за собою“.

Не смотря на это, второе путешествіе Линкольна въ Новый Орлеанъ по своимъ дѣловымъ результатамъ оказалось даже болѣе удачнымъ, чѣмъ первое. Та смѣтливость и расторопность, съ которыми молодой шкиперъ

велъ порученныя ему дѣла, упрочили за нимъ хорошее мнѣніе, составившееся о немъ еще прежде, при первой его службѣ у хозяина барки, мистера Оффута.

Оффутъ пожелалъ привязать къ себѣ такого молодого человѣка и предложилъ ему постоянное мѣсто въ своей конторѣ. Абе принялъ это предложеніе, и такимъ образомъ мы видимъ, что Линкольнъ сдѣлался изъ барочника прикащикомъ. Скоро онъ сталъ извѣстнымъ лицомъ въ цѣломъ Нью-Салемѣ. Всякій покупалъ охотнѣе въ той лавкѣ, гдѣ привѣтливый молодой Линкольнъ выдавалъ товары. Честность, съ которою онъ обращался съ своими покупателями, въ скоромъ времени обратилась въ пословицу въ цѣломъ селеніи.

Кромѣ того и въ отношеніи къ своему хозяину онъ всегда былъ прикащикомъ проворнымъ, вѣрнымъ, прилежнымъ и постоянно думающимъ о выгодахъ хозяина. Впрочемъ дѣла ихъ не имѣли желаннаго успѣха, и скоро способнаго молодого прикащика не стало болѣе видно за прилавкомъ.

Линкольнъ желалъ болѣе веселой жизни, стремился къ болѣе просторному кругу дѣйствій. Но прежде нежели онъ успѣлъ высказаться на этотъ счетъ предъ своимъ хозяиномъ, одинъ непредвидѣнный, но тѣмъ не менѣе благопріятный случай освободилъ его отъ этой постоянной возни съ вѣсами и бумажными кипами.

Раздался призывъ на войну. Индѣйскій начальникъ „Black Hawk“ (черный соколъ) своими разбойническими набѣгами сталъ особенно сильно безпокоить страну. Нужно было усмирить непріятеля; и вотъ было издано

воззваніе къ молодой милиціи этого округа; ее приглашали взяться за оружіе. Абе также присоединился къ толпѣ волонтеровъ, желавшихъ отправиться на сраженіе съ предводителемъ индѣйцевъ.

Въ 1830 году нѣкоторые второстепенные кацики уступили Соединеннымъ Штатамъ по договору, безъ позволенія „Чернаго Сокола", области, лежащія между рѣками Иллинойсомъ и Висконсиномъ. Американцы устремились въ эту новопріобрѣтенную страну, грабили и раззоряли все, что только находили тамъ. „Черный Соколъ" долгое время спокойно смотрѣлъ на эти безчинства; но когда одинъ изъ его солдатъ былъ убитъ бѣлымъ, у него закипѣла кровь и онъ схватился за свою большую сѣкиру.

Black-Hawk издалъ родъ манифеста, который скоро, посредствомъ устной передачи, распространялся на далекое пространство.

„Воры, а не воины продали наши охотничьи участки, находящіеся между рѣками Иллинойсомъ и Миссиссипи, отцу бѣлыхъ въ Вашингтонѣ; мы въ свое время заявили объ этомъ и терпѣли. Но трапперъ пошелъ за нами чрезъ Миссиссипи, началъ стрѣлять въ краснаго человѣка, въ его жену и дѣтей, какъ будто въ какихъ нибудь степныхъ волковъ. Наши вигвамы (хижины) сожжены, нашъ скотъ побитъ или раскраденъ, наши юныя squaws сдѣлались добычею этихъ чудовищъ. Такъ вотъ же теперь Black-Hawk идетъ чрезъ большую рѣку, чтобы поступить съ вами также, какъ вы поступали съ его близкими".

Существовало довольно распространенное мнѣніе, будто бы южане не совсѣмъ были чужды этой воинственной выходкѣ „Чернаго Сокола“. Самъ Линкольнъ лично никогда не раздѣлялъ этого взгляда. „Было довольно сдѣлано, говоритъ онъ, со стороны бѣлыхъ охотниковъ и скваттеровъ, чтобы и овцу заставить кусаться“.

Первые признаки жизни, обнаруженные индѣйцами, были довольно грозны. Бѣлымъ было извѣстно, что опаги, команчи и другія южныя племена вплоть до дальняго сѣвера, какъ то: крики, индѣйцы съ собачьими ногами, индѣйцы съ черными ногами, ассинобойны, поттаватоміи — всѣ эти племена были созваны на войну. Англичане, благодаря неспособности своихъ представителей въ Сѣверной Америкѣ, пропустили съ самаго начала этотъ важный для себя случай. А то можетъ быть и появилась бы какая нибудь организація въ нападающихъ войскахъ индѣйцевъ. Теперь же всѣ тѣ, которые не сгруппировались въ плотные ряды вокругъ Black-Hewk'а, сражались врознь, каждый самъ по себѣ. И хотя впослѣдствіи, когда открылась кампанія, эта такъ сказать забавная травля, у индѣйцевъ начали появляться англійскія орудія и ружья, но эта несвоевременная помощь не могла имѣть рѣшительнаго вліянія на ходъ дѣла.

Съ самаго начала непріязненныхъ дѣйствій обнаружилось крайне дикое раздраженіе. Появились чисто разбойническія нападенія на собственность фермеровъ. Индѣйцы опустошали поля, разрушали изгороди, уго-

няли скотъ и съ томагокомъ (каменный топоръ) и карабиномъ въ рукѣ принуждали бѣлыхъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

Поселенцы, подвергшіеся нападенію, обратились съ просьбою о помощи къ губернатору Рейнольду. Этотъ послѣдній поручилъ генералу Генсу выгнать враждебныхъ краснокожихъ изъ штата.

Съ нѣсколькими отрядами регулярной милиціи генералъ Генсъ тотчасъ занялъ твердую позицію въ Рокъ-Эйландѣ; на его призывъ стеклись многія сотни волонтеровъ изъ сѣверныхъ и среднихъ частей штата. Эта незначительная сама по себѣ армія, состоящая изъ двухъ полковъ, одного резервнаго и одного обходнаго батальона, была самою большою силою, какую только до этихъ поръ когда нибудь видѣли въ этомъ новомъ штатѣ. Ожидали генеральнаго сраженія, котораго однакожъ не было, потому что индѣйцы нашли болѣе выгоднымъ для себя возвратиться къ себѣ домой въ своихъ челнокахъ чрезъ рѣку. Войска окружили островъ Вандреффъ, гдѣ надѣялись непремѣнно захватить непріятеля. Когда узнали о внезапномъ бѣгствѣ непріятеля, среди волонтеровъ царствовало сильное разочарованіе.

Вслѣдствіе отступленія „Чернаго Сокола" начался правильный походъ. Генералъ Генсъ покрылъ себя безчестіемъ и позоромъ; онъ, какъ полководецъ, стоялъ гораздо ниже своего въ высшей степени талантливаго краснаго противника, который шутя съумѣлъ раз-

строить всѣ глубокомысленныя операціи генерала Генса. И только обходные отряды, одаренные почти индѣйскимъ военнымъ инстинктомъ, успѣли исправить промахи главнокомандующаго и его Doughboys (т. е. люди изъ тѣста; такъ называли его инфантерію, потому что она получала муку вмѣсто печенаго хлѣба). Наконецъ Генсъ заключилъ договоръ, въ которомъ было сказано, что „Черный Соколъ“ съ своимъ племенемъ постоянно долженъ держаться на западномъ берегу Миссиссипи, если только не получитъ особеннаго позволенія на переходъ этой рѣки или отъ губернатора штата, или отъ президента Союза.

Не смотря на этотъ миръ, воинственный предводитель индѣйцевъ снова началъ, весною 1832 г., свои непріязненныя дѣйствія, и его лазутчики стали появляться на лѣвомъ берегу вышеозначенной рѣки; онъ прошелъ съ своими толпами прекрасную страну вблизи „Четырехъ озеръ“, гдѣ въ настоящее время лежитъ Мадисонъ (въ штатѣ Висконсинъ).

Но въ планъ настоящаго историческаго обзора жизни Авраама Линкольна никакъ не входитъ подробное изложеніе всѣхъ событій жалкой войны съ Black-Hawk'омъ. Такъ называемая индіанская война, окончившаяся битвою при Бадъ-Экрѣ, на Миссиссипи, гдѣ Black-Hawk былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, принадлежитъ къ области тѣхъ пышно изукрашенныхъ путаницъ, трактующихъ о походахъ, истребленіяхъ и нападеніяхъ, которыя, будучи совершенно лишены всякаго стратегическаго достоинства, способны только подтвердить всѣмъ

извѣстное положеніе, что американцамъ не доставало для этой правильной борьбы ни талантовъ, ни храбрости. Black-Hawk умеръ 30 октября 1838 года.

Аврамъ Линкольнъ также принималъ участіе въ этомъ походѣ, если только можно назвать его этимъ именемъ. Всеобщему довѣрію онъ обязанъ своимъ назначеніемъ въ капитаны. Одинъ изъ его полковыхъ товарищей пишетъ о немъ слѣдующее: это былъ общій любимецъ арміи, способный, проворный офицеръ, строго наблюдавшій за своими подчиненными, пунктуально исполняющій свои обязанности, одушевленный мужествомъ и любовью къ отечеству.

Но изъ послѣдующихъ отзывовъ самого Авраама Линкольна можно ясно видѣть, какимъ трезвымъ, вѣрнымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на геройскіе подвиги, совершенные тогда „операціонною арміею.“ И дѣйствительно, если кто нибудь не хотѣлъ оплакивать эту кампанію, ему ничего больше не оставалось, какъ только смѣяться надъ нею. Вотъ собственныя слова Абе, имѣющія прямое отношеніе къ его воинственному героизму:

„Вы считаете меня воинственнымъ героемъ? — такъ говорилъ Авраамъ Линкольнъ на конгрессѣ въ 1848 году, когда стали восхвалять его храбрость, — дѣйствительно, во время войны съ Black-Hawk'омъ я сражался, проливалъ кровь и бѣжалъ. Я никогда не сломалъ своего меча, — конечно никогда, — потому что у меня нечего было и ломать; да, разъ только я исковеркалъ одинъ мушкетъ. Когда генералъ Кэссъ сломалъ свой мечь, я думаю, онъ сдѣлалъ это отъ отчаянія; напро-

тивъ, когда я испортилъ свой мушкетъ, такъ это произошло чисто случайно. Если генералъ Кэссъ превзошелъ меня въ собиранiи черники, то я превзошелъ его въ яростномъ нападенiи на дикiй лукъ. Если ему удалось видѣть живого, сражающагося индѣйца, то конечно онъ видѣлъ больше моего; но и я съ своей стороны выдержалъ нѣсколько кровопролитныхъ стычекъ съ москитами. Положимъ, что я никогда не лишился силъ вслѣдствiе потери крови, но вѣдь въ замѣнъ этого иной разъ приходилось мнѣ чуть не умереть съ голоду."

Эта непродолжительная воинская карьера Линкольна имѣла однакожъ влiянiе на его послѣдующую жизнь.

— „Никогда, за исключенiемъ впрочемъ одного года, говорилъ позднѣе Абе, не мучилъ меня бѣсъ высокомѣрiя. Было время, когда говоря совершенно искренно, я много, или вѣрнѣе, слишкомъ много гордился своими здоровыми руками, на которыя впослѣдствiи научился смотрѣть совершенно другими глазами. Своимъ длиннымъ рукамъ я не зналъ цѣны. Можетъ быть ни одинъ богачъ, владѣющiй сотнями тысячь долларовъ, не разсматривалъ свои сокровища съ большею нѣжностiю и съ большимъ самодовольствомъ, чѣмъ я свои руки. Голова у меня кружилась отъ плановъ; и я долженъ сознаться, что мои плеча и руки всегда были истиннымъ основанiемъ всѣхъ этихъ плановъ. Я разсчитывалъ въ скоромъ времени изъ прикащика сдѣлаться настоящимъ купцомъ — блистательная перспектива съ неопредѣленными представленiями о прошенiи милостыни (въ случаѣ банкротства) по закоулкамъ. Руки мои

и тутъ были для меня утѣшеніемъ,—началомъ и концомъ всѣхъ моихъ мечтаній. „Черный Соколъ“ сдѣлалъ изъ лавочнаго сидѣльца капитана; я никакъ не думаю сказать этимъ, будто я дѣйствительно получилъ патентъ на капитанство отъ Black-Hawk'a; нѣтъ, я хочу только сказать, что и я, вмѣстѣ съ нашимъ полководцемъ, содралъ—особый родъ скальпированья—съ Black-Hawk'a нѣкоторую долю славы. Капитанъ—знаменательное слово. Капитанъ не можетъ стать сидѣльцемъ, если только ему угодно будетъ заявить предъ своими товарищами притязаніе на мужество „Pluck.“— И вотъ бѣсъ гордыни взялъ меня за голову, все равно какъ ангелъ Аввакума, и показалъ мнѣ, что мой большой палецъ и оба передніе на правой рукѣ равны остальнымъ пальцамъ вмѣстѣ съ цѣлымъ лѣвымъ кулакомъ, и что мой языкъ, по вѣрному вычисленію, вѣситъ гораздо больше, нежели обѣ длинныя мои руки. Но кѣмъ хоть разъ овладѣетъ бѣсъ, тотъ обыкновенно не скоро отдѣлается отъ него. Этотъ бѣсъ гордыни своимъ большимъ пальцемъ показалъ мнѣ чрезъ свое плечо, что въ войскѣ, находящемся подъ командою двухъ злыхъ ангеловъ, Кутриля и Дальциля (лихоимства и честолюбія), находится свободное мѣстечко и для меня. Я бросилъ свое прикащичество подъ столъ и, какъ богатый надеждами правовѣдъ, ушелъ оттуда. Почти всѣ мои помощники сдѣлались адвокатами и капитанъ ихъ надѣюсь доказалъ, что всегда достоинъ командовать бодрыми молодыми людьми.“

4. По полю и по лѣсу.

Такимъ образомъ выбрался Абе на большую дорогу къ славѣ. Онъ началъ теперь учиться, стараясь быть допущеннымъ въ качествѣ ученаго юриста къ судейской рѣшеткѣ. Этотъ новый кандидатъ былъ совершенно особеннымъ явленіемъ; онъ былъ настоящимъ обитателемъ лѣсовъ по своему языку, по своимъ манерамъ и по платью. Абе имѣлъ ровно шесть футовъ въ вышину и при этомъ довольно непропорціональнаго сложенія. Его жилистыя, костистыя руки и ноги были очень длинны, онѣ, казалось, были ему въ тягость, если только не приходилось маршировать и работать. Руки, которыми когда-то Абе гордился, походили на огромныя подъемныя машины, которыхъ никакимъ образомъ нельзя было всадить въ перчатки. Шея тоже была очень длинна, а грудь казалась очень узкою для этого „ходячаго маяка." Но въ особенности была замѣчательна голова нашего кандидата-юриста: продолговатая, узкая, несоразмѣрно малая въ сравненіи съ исполинскимъ ростомъ. Волоса были въ высшей степени своенравны; каждый волосокъ стоялъ, въ силу своей внутренней самостоятельности, подъ прямымъ угломъ съ черепомъ, презирая всякія гребенки и щетки. Лобъ его походилъ на здоровый, каменный обломокъ, былъ костлявъ и уже въ молодые годы покрытъ морщинами. Подъ густыми бровями, въ глубокихъ впадинахъ лежали глаза, — но что за глаза! Свѣтлые, искрящіеся,

острые и наивные, они то плутовски блестѣли, то задумчиво глядѣли въ даль. Казалось, что Абе могъ проникнуть въ самую душу каждаго человѣка, на котораго только приходилось ему смотрѣть; онъ всякаго узнавалъ и проникалъ насквозь, какъ будто въ сердце каждаго было для него стеклянное окошко. Необыкновенно большой ротъ, вооруженный двумя рядами бѣлыхъ какъ снѣгъ зубовъ; уши годились бы къ головѣ, которая была въ два раза больше его собственной. Никакая одежда не могла хорошо сидѣть на этой фигурѣ, вездѣ торчавшія кости злобно насмѣхались надъ искусствомъ портного. Брюки обыкновенно были узки и не могли скрывать слишкомъ длинныхъ сапогъ. Прибавьте къ этому общій видъ всей фигуры. Въ немъ проглядывала какая-то особенная сила; въ немъ нельзя было не замѣтить физической крѣпости, но и въ нравственной силѣ почтеннаго Абе также никто не могъ ошибиться; для этого стоило только взглянуть на это лицо, на эти черты, съ такимъ достоинствомъ выражающія спокойную мысль. Первый отзывъ объ Авраамѣ Линкольнѣ могъ быть безъ сомнѣнія таковъ: „курьезная личность.“ Но за то второй разъ уже нужно было сказать: „Абе — человѣкъ съ необыкновенною душевною силою; боецъ никогда не уступающій, никогда неколеблющійся, человѣкъ только вмѣстѣ съ жизнью отказывающійся отъ своего намѣренія.“

Этой въ высшей степени своеобразно устроенной личности предстояла теперь трудная задача возвыситься въ средѣ, волнующейся разнообразными политическими ин-

тересами. Прежде всего нужно было подумать объ обезпеченіи себѣ средствъ къ приличному существованію. Теперь насталъ конецъ значенію длинныхъ, жилистыхъ рукъ Авраама. Рядомъ съ своими по большей части зажиточными товарищами, адвокатами и кандидатами правъ, Линкольнъ былъ теперь у судейской рѣшетки какъ нищій. Онъ сталъ искать занятій и службы въ бюро по размежеванію земель, принадлежащихъ конгрессу, и хотя никогда до этихъ поръ не занимался математикой, однакожъ при своемъ желѣзномъ прилежаніи скоро дошелъ до того, что легко могъ исправлять должность топографа или землемѣра.

Итакъ Линкольнъ достигъ теперь той самой должности, какую нѣкогда исправлялъ батюшка Вашингтонъ. Онъ распредѣлялъ участки земли между поселенцами; по первому приказу онъ долженъ былъ отправляться, не смотря на вѣтеръ и непогоду, по полямъ съ своими инструментами, или гдѣ нибудь въ кустахъ высчитывать свои измѣренія. Понятно, что при такой жизни не могло быть недостатка въ различныхъ приключеніяхъ. Его не могла задерживать рѣка даже выступившая изъ береговъ. Ему не слѣдовало бояться ночлега въ лѣсу во время проливного дождя, рѣзной стужи, или дичиться бѣдной лачуги поселенца, нетерпѣливо ожидающаго его прихода и работы. Авраамъ Линкольнъ любилъ разсказывать о своихъ землемѣрскихъ приключеніяхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ главную роль играли здоровыя руки Авраама. Однажды захваченный врасплохъ быстро разлившимся лѣснымъ потокомъ, Лин-

кольнъ долженъ былъ схватиться за сукъ и совершить вверхъ къ самому стволу дерева „необыкновенно утомительную прогулку.“ Жизнь была спасена, но компасъ и цѣпь погибли, безжалостно унесенные быстрымъ теченіемъ. Разумѣется, трудолюбивый человѣкъ скоро могъ вознаградить свою потерю, потому что тогда много было землемѣрской работы.—Вездѣ въ штатѣ (Иллинойсѣ) съ увлеченіемъ занимались въ то время размежеваніемъ городскихъ и сельскихъ участковъ. Даже образовалось съ этою цѣлью обширное общество, имѣвшее своимъ средоточіемъ Чикаго; отсюда оно предпринимало свои необыкновенно обширныя операціи. Вездѣ снимались и составлялись планы для предполагающихся городовъ и для вновь основывающихся селеній и планы эти выгодно продавались. Для многихъ спекулянтовъ это было средство, не всегда вѣрное, но за то самое легкое скоро пріобрѣсти довольно значительное имущество. Но всякая чрезмѣрная спекуляція, превышающая правильное соотношеніе между предложеніемъ и запросомъ, обыкновенно очень скоро разрушается; тоже случилось и съ размежеваніемъ воображаемыхъ поселеній; послѣдовала реакція. Извѣстный денежный кризисъ 1837 года нанесъ этого рода спекуляціямъ смертельный ударъ. Многія изъ проектированныхъ мѣстностей остались навсегда незастроенными и занятіе измѣреніемъ и размежеваніями совершенно прекратилось.

5. Трудъ и независимость.

Между тѣмъ Авраамъ Линкольнъ приближался къ цѣли своего призванія; онъ окончилъ свое юридическое образованіе. Вовсе не легко сдѣлаться американскимъ законовѣдомъ. Республиканцы не заботятся о собственно такъ называемой наукѣ права, они просто изучаютъ законы. Для нѣмецкаго юриста трудно было бы доказать американскому законовѣду, что есть какой нибудь другой источникъ права, кромѣ принятыхъ старыми колоніями англійскихъ законовъ. Изъ этого, пожалуй, можно заключить, что изученіе законовъ Соединенныхъ Штатовъ не требуетъ большихъ трудовъ. Но въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Они представляютъ большія груды парламентскихъ актовъ, дополненій, объясненій, модификацій и т. п., которыя всѣ тѣсно примыкаютъ къ англійскимъ законамъ, утвержденнымъ конституціей; въ числѣ этихъ законовъ Habeas-Corpus (Habeas-Corpus ad subjiciendum; cum causa; ad prosequendum; respondendum; satisfaciendum etc.) стоитъ на первомъ планѣ. Американцы сочли нужнымъ удержать у себя англійскую методу—не собирать въ кодексы своихъ законовъ;—государственные акты и различные указы обозначаются только нумерами, — что конечно вовсе не можетъ служить облегченіемъ въ трудной борьбѣ съ materia juridica.

Но все таки Линкольнъ окончилъ въ 1836 г. свою

юридическую подготовку и получилъ доступъ къ адвокатурѣ. Такимъ образомъ внѣшнее положенiе его въ обществѣ опредѣлилось, время образованiя американца уже окончилось. Онъ провелъ его, постоянно развивая въ себѣ истиннаго гражданина новаго свѣта. Онъ переходилъ отъ работы къ работѣ самыхъ разнообразныхъ видовъ и въ самыхъ различныхъ слояхъ общества. Изъ полѣсовщика онъ сдѣлался барочникомъ, изъ лавочнаго сидѣльца — капитаномъ милицiи; затѣмъ землемѣръ и на нѣкоторое время почтамтскiй чиновникъ долженъ былъ наконецъ уступить мѣсто успѣхамъ юриста. Грубый, тяжелый, но свободный и выбранный по собственному желанiю трудъ! Авраамъ дошелъ этимъ трудомъ до гражданской самостоятельности, не получивши никакой другой помощи изъ родительскаго дома, кромѣ силы своихъ рукъ, не имѣя никакой другой понудительной причины къ образованiю своего духа, кромѣ непреклонной воли — во что бы то ни стало возвыситься изъ низкаго положенiя собственнымъ, личнымъ трудомъ до жизни въ умственныхъ трудахъ. Это неутомимое стремленiе къ облагороженiю себя, къ постоянному улучшенiю своего собственнаго положенiя мало по малу такъ крѣпко срослось со всѣмъ воззрѣнiемъ на жизнь этого человѣка, что онъ видѣлъ въ подобномъ стремленiи все назначенiе человѣка, и споспѣшествованiе этому считалъ истинною цѣлью всякаго государственнаго и по преимуществу американскаго общественнаго устройства. Впослѣдствiи во многихъ его рѣчахъ, сказанныхъ имъ въ качествѣ государственнаго человѣка и народнаго ора-

тора, эта мысль выступаетъ съ особенною выразительностью. „По моему мнѣнію,“ напримѣръ говорилъ онъ въ февралѣ 1859 г.,—насколько я понимаю духъ нашихъ государственныхъ учрежденій, они могутъ имѣть только ту цѣль, чтобы способствовать возвышенію (elevation) человѣка; будучи убѣжденъ въ этомъ, я враждебно отношусь ко всему, что ведетъ къ униженію его.“ Но каждый долженъ достигать этой цѣли своими трудами и не полагаться на другихъ, потому что каждый получилъ отъ Бога—какъ рѣзко по своему обыкновенію выразился Линкольнъ,—„не только одинъ ротъ, но и двѣ руки: первый для питанія, а послѣднія для добыванія средствъ пропитанія; и если бы Всемогущій захотѣлъ произвести исключительно такой родъ людей, которые могли бы только ѣсть, а не работать, то конечно онъ не далъ бы имъ рукъ, а только одни рты.“ Въ нѣкоторыхъ штатахъ Союза одно рожденіе уже доставляло нѣкоторымъ людямъ извѣстныя преимущества, освобождавшія ихъ отъ постояннаго труда, потому что капиталъ всегда давалъ средство жить чужимъ трудомъ. Подобныя отношенія впрочемъ остались болѣе или менѣе чужды новому свѣту; свобода труда, которая открываетъ тамъ всякому старательному человѣку путь къ благополучію, примиряетъ въ Америкѣ, болѣе нежели гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, рѣзкія социальныя противорѣчія между трудомъ и капиталомъ. Разсказываютъ объ одномъ пикантномъ выраженіи президента Линкольна, которое лучше всякихъ длинныхъ объясненій знакомитъ насъ съ его воззрѣніями на эти вещи. Одинъ евро-

*

пейскій офицеръ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ переселившійся въ Америку, получилъ тамъ мѣсто лейтенанта въ какомъ то конномъ полку. Когда онъ, при свиданіи съ президентомъ Линкольномъ, хотѣлъ выразить ему свою благодарность за это и, очарованный извѣстною любезностью президента, счелъ своимъ долгомъ, при прощаніи, не умолчать о томъ, что онъ принадлежитъ къ одному очень древнему дворянскому роду,— Линкольнъ сказалъ ему на это: — „О! это нисколько не воспрепятствуетъ вашимъ успѣхамъ у насъ.“ Этотъ отвѣтъ, дѣйствительно ли данный Линкольномъ, или только выдуманный, во всякомъ случаѣ совершенно вѣренъ духу этого человѣка, вся жизнь котораго представляетъ вѣрный образецъ коренного, настоящаго американца. Ясно и просто самъ Авраамъ Линкольнъ рисуетъ намъ этотъ образецъ въ своей рѣчи, 1859 года, когда говоритъ: „Мой взглядъ на свободный трудъ таковъ. Молодой человѣкъ достигаетъ того возраста, который уже освобождаетъ его отъ отцовской опеки. Онъ не имѣетъ никакихъ другихъ капиталовъ, кромѣ своихъ здоровыхъ рукъ, данныхъ ему Богомъ, и твердой, постоянной охоты трудиться; кромѣ того онъ владѣетъ и свободой— избирать по собственному желанію какъ родъ своихъ занятій, такъ и своего хозяина. У него нѣтъ ни земли, ни фабрики, поэтому онъ отыскиваетъ случай сдѣлаться съ кѣмъ нибудь, чтобы тотъ платилъ ему хорошую поденную плату за его хорошую поденную роботу. Конечно онъ, по своей охотѣ избравшій для себя извѣстную работу, трудится усердно, живетъ умѣренно; и вотъ въ

результатѣ годовой или двухгодовой работы у него оказывается излишекъ. Теперь онъ уже самъ покупаетъ на свои деньги клочекъ земли, поселяется тамъ, женится, обзаводится дѣтьми и накопляетъ въ продолженіи нѣкотораго времени капиталъ, достаточный для того, чтобы съ своей стороны принять на извѣстныхъ условіяхъ какого нибудь новичка работника, для котораго точно такимъ же образомъ открывается дорога къ самостоятельности.“

Эти опыты своей собственной жизни Линкольнъ такъ высоко ставилъ при оцѣнкѣ различныхъ соціальныхъ вопросовъ, напримѣръ при своихъ сужденіяхъ о капиталѣ и трудѣ, что будучи президентомъ, онъ не могъ не упомянуть объ нихъ вкратцѣ во второмъ своемъ посланіи къ конрессу, отъ 3 октября 1861 г.

„Здѣсь не мѣсто,—говоритъ онъ въ заключеніе вышеупомянутаго посланія,—подробно разбирать соціальные вопросы; однакожъ я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе на одинъ пунктъ, очень близко касающійся насъ. Я хочу сказать о томъ стремленіи, которое дѣлается все сильнѣе и сильнѣе и которое имѣетъ цѣлью поставить капиталъ на одну степень съ трудомъ, или даже, пожалуй, выше труда. Много говорили о томъ, что трудъ только въ соединеніи съ капиталомъ можетъ имѣть какое нибудь значеніе и достоинство и что никто не можетъ взяться ни за какую работу, если капиталистъ не дастъ ему, такъ сказать, возможности къ работѣ. Въ непосредственной связи съ этимъ стоитъ вопросъ: не слѣдуетъ ли свободному человѣку на всю

жизнь стать въ положеніе наемнаго работника?—Такъ какъ оба эти принципа фальшивы, то и всѣ выводы изъ нихъ неосновательны.

„Всему предшествуетъ трудъ, именно только трудъ и притомъ независимо отъ капитала. Капиталъ есть только плодъ труда и никогда не существовалъ бы, если бы предварительно не было труда. Трудъ стоитъ выше капитала, а слѣдовательно и заслуживаетъ нашего серьезнаго уваженія. Капиталъ тоже имѣетъ свои права, которыя слѣдуетъ защищать подобно всякимъ другимъ правамъ. Вовсе нельзя отвергать того, что теперь и во всякое другое время будетъ существовать взаимодѣйствіе между трудомъ и капиталомъ, причемъ они помогаютъ другъ другу. Ошибка, слѣдовательно, только въ томъ, что утверждаютъ, будто всякій трудъ возможенъ только при такомъ ихъ соотношеніи. Сравнительно очень немногіе владѣютъ капиталомъ и эти немногіе имѣютъ возможность не заниматься работой; потому или нанимаютъ, при помощи своего капитала, или же совсѣмъ покупаютъ другихъ, чтобы тѣ на нихъ работали.

„Напротивъ много людей не принадлежитъ ни къ одному изъ этихъ двухъ классовъ;—т. е. ни сами они не работаютъ на другихъ, ни другимъ не позволяютъ работать на себя. Во многихъ южныхъ штатахъ существуетъ большое количество людей всѣхъ цвѣтовъ, которые не находятся ни въ положеніи раба, ни въ положеніи господина; точно также и въ сѣверныхъ штатахъ много

народу не принадлежитъ ни къ раздающимъ работу, ни къ принимающимъ ее. Эти люди вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, съ своими женами, сыновьями и дочерьми работаютъ для себя на своихъ поляхъ, въ своихъ избахъ, въ своихъ лавкахъ; они весь свой продуктъ употребляютъ на самихъ себя и не задаютъ себѣ никакихъ вопросовъ ни о пользѣ капитала, ни о наемникахъ, ни о рабахъ. Возьмемъ даже во вниманіе и то обстоятельство, что довольно порядочное количество людей соединяютъ свой собственный трудъ съ капиталомъ, т. е. хотя и работаютъ сами собственноручно, но въ то же время и нанимаютъ или даже покупаютъ другихъ для своей работы. Но это не болѣе какъ переходная ступень и вовсе не какой нибудь отдѣльный классъ, а потому и не можетъ имѣть никакой серьезной важности для главнаго вопроса. Изъ этого выходитъ, какъ и было уже сказано, что собственно нѣтъ никакого основанія утверждать, будто свободно нанимающійся работникъ долженъ всю свою жизнь оставаться въ одномъ и томъ же положеніи. Многіе теперь независимые люди въ нашихъ штатахъ, быть можетъ, были нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ положеніи наемныхъ работниковъ. Способный, но лишенный средствъ работникъ прежде всего работаетъ довольно долгое время по найму; у него остается излишекъ, который онъ сберегаетъ и на который впослѣдствіи покупаетъ товары или землю. Затѣмъ онъ уже работаетъ чисто въ свою пользу, пока наконецъ самъ не станетъ въ такое положеніе, что можетъ нанять себѣ помощникомъ другого ра-

ботника. Этотъ путь отвѣчаетъ требованіямъ разума, справедливости и ведетъ къ счастью; онъ открываетъ каждому будущность, поэтому и возбуждаетъ къ дѣятельности, онъ представляетъ въ перспективѣ постепенное улучшеніе его положенія. Никто въ свѣтѣ не нуждается въ большемъ ободреніи и поддержкѣ, какъ тѣ, которые собственнымъ трудомъ выбиваются изъ нищенскаго состоянія; но никто также и не склоненъ менѣе ихъ принимать плату и награды, которыхъ они не заслужили тяжелымъ и честнымъ трудомъ.“

Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ высказывается предъ нами справедливая гордость свободнаго, увѣреннаго въ себѣ человѣка, который сдѣлался великъ своими собственными трудами, который самъ обезпечилъ свое существованіе и полную самостоятельность. Каждая мысль въ этой рѣчи есть въ полномъ смыслѣ американская мысль, и самъ ораторъ является предъ нами съ ногъ до головы истиннымъ гражданиномъ новаго свѣта. Ни въ какой другой странѣ, кромѣ Америки, не соединяется такъ тѣсно стремленіе къ личной независимости, при помощи своихъ тяжелыхъ трудовъ, съ горячимъ участіемъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Мы видимъ, что въ Авраамѣ Линкольнѣ, въ этомъ истинномъ представителѣ американскаго гражданства, такое сочетаніе рано, еще въ годы обученія, достигло своей полнѣйшей гармоніи. Вполнѣ проникнутый интересами своей страны, онъ умѣлъ соединять опыты своей трудовой жизни съ великими соціальными вопросами своего отечества и уже въ молодыхъ лѣтахъ принималъ уча-

стіе во всѣхъ дѣлахъ, волновавшихъ тогдашнее американское общество.

Вышедшій изъ семейства, священнѣйшія воспоминанія котораго связаны съ началомъ культуры въ новомъ свѣтѣ, Линкольнъ воспитался среди того общества, трудовое существованіе котораго находитъ свой наивысшій идеалъ въ свободномъ, ничѣмъ нестѣсняемомъ трудѣ, избранномъ согласно своимъ личнымъ влеченіямъ. Среди такой жизни онъ получилъ всѣ свои впечатлѣнія, прожилъ всѣ свои воспоминанія, радости и печали—здѣсь сложилась вся его личность. Поэтому въ его глазахъ только трудъ, ведущій къ независимому положенію, имѣетъ соціальное достоинство. Напротивъ всякій другой трудъ, всякое другое существованіе должны были представляться ему безцѣльными, излишними и несправедливыми; отъ всего сердца ненавидѣлъ онъ трудъ, унижающій человѣка и ставящій его въ положеніе машины, лишенной собственной воли и дѣйствующей отъ чужихъ рукъ. Какъ ни различны люди по своей природѣ, всѣмъ имъ однако должно быть предоставлено право — ѣсть собственный, заработанный своими руками хлѣбъ, не завися въ этомъ отъ кого нибудь другого: по его мнѣнію—это неотъемлемое право человѣка, начертанное въ немъ самою природою. Поэтому при рѣшеніи всѣхъ соціальныхъ вопросовъ, волновавшихъ и грозившихъ гибелью его отечеству, у Линкольна, руководимаго такими мыслями, всегда существовало свое личное непреложное убѣжденіе; его политическая точка зрѣнія всегда опредѣлялась священными, отъ отцовъ принятыми основными

нціональными законами. Слѣдующія слова его могутъ служить намъ кодексомъ его личныхъ воззрѣній.

„Хотя я и согласенъ съ защитниками рабства въ томъ, что существуютъ нѣкоторыя такія отношенія, въ которыхъ негры не могутъ стать въ уровень съ нами — бѣлыми; они конечно не могутъ равняться съ нами своимъ цвѣтомъ кожи; быть можетъ, они не будутъ соперничать съ нами и касательно нѣкоторыхъ дарованій сердца и ума. Но что касается естественнаго, врожденнаго права, — ѣсть безъ разрѣшенія другихъ свой собственный хлѣбъ, добытый своими собственными руками, — то я надѣюсь, что въ этомъ отношеніи негръ совершенно равенъ намъ и всѣмъ нашимъ противникамъ, какъ и вообще всѣмъ людямъ на свѣтѣ."

Этотъ взглядъ его на неотъемлемыя человѣческія права, высказанный противъ своихъ политическихъ противниковъ, имѣетъ еще и другую сторону; тамъ это настроеніе Линкольна обращается уже въ самую пламенную ненависть. Онъ ненавидитъ нарушеніе человѣческихъ правъ тѣмъ низкимъ эгоизмомъ, который извлекаетъ свои выгоды изъ практическаго поддержанія рабства и старается основать собственное существованіе на уничтоженіи свободнаго существованія другихъ. Мы разумѣемъ торговлю невольниками, защитниковъ которой Линкольнъ когда-то обрисовывалъ такими словами:

„Въ числѣ сторонниковъ рабства встрѣчается особенный классъ природныхъ тирановъ, которые извѣстны подъ именемъ торговцевъ невольниками. Такой торговецъ зорко слѣдитъ за затрудненіями рабовладѣльцевъ,

чтобы, въ случаѣ крайней нужды, купить у нихъ рабовъ за самую выгодную для себя цѣну. Съ какимъ удовольствіемъ рабовладѣльцы принимаютъ у себя этого торговца въ дни своихъ бѣдствій, точно съ такимъ же презрѣніемъ они третируютъ его въ дни своего благополучія. Они не хотятъ видѣть въ этомъ торговцѣ сколько нибудь честнаго человѣка, а тѣмъ болѣе имѣть его въ числѣ своихъ друзей. Дѣти подобныхъ торгашей не смѣютъ сообщаться съ ихъ дѣтьми, и мы, позволяющіе нашимъ дѣтямъ свободно играть съ дѣтьми негровъ, держимъ дѣтей этихъ торговцевъ на далекомъ разстояніи отъ нашихъ семействъ. Если иной разъ, по необходимости, намъ приходится имѣть дѣло съ подобными торговцами, мы стараемся какъ можно поскорѣе покончить съ ними наши дѣла и затѣмъ уже прекращаемъ всякое дальнѣйшее знакомство. Нѣтъ ничего неприличнаго при встрѣчѣ съ своимъ знакомымъ пожать ему руку, но какое то инстинктивное чувство отталкиваетъ даже самаго записного рабовладѣльца отъ руки торговца невольниками. Даже и въ томъ случаѣ, когда такой торговецъ нажившись прекращаетъ свое ремесло, все таки на его чести лежитъ такое пятно, которое всегда можетъ замарать насъ при сообщеніи съ нимъ и съ его семействомъ. Да, здѣсь должно быть дѣйствуетъ глубоко коренящееся въ насъ нравственное чувство, потому что вѣдь никогда и ничто подобное не отталкиваетъ насъ отъ всякаго другого торговца, будь это торговецъ скота, хлѣба, табаку или еще чего нибудь.“

Такимъ образомъ не только господская эксплуатація человѣческихъ рабочихъ силъ противорѣчила обыкновеннымъ понятіямъ Линкольна, но его возмущала и эта жестокая игра, которая произвольно и съ купеческими замашками производилась надъ живымъ чернымъ товаромъ. И какъ прежде жестокія истязанія, видѣнныя имъ въ Новомъ Орлеанѣ, оставили въ его душѣ неизгладимое впечатлѣніе, точно также впослѣдствіи онъ имѣлъ случай лично познакомиться со всѣми раздирающими сердце воплями при нѣкоторыхъ невольничьихъ торгахъ; могъ видѣть сцены, обыкновенно сопровождающія всякія аукціонныя продажи невольничьихъ силъ, сцены, возмущающія всякое человѣческое чувство. Такимъ образомъ не только врожденное и воспитанное убѣжденіе, но и мягкое сердце этого благороднаго человѣка уже въ ранней юности, еще въ ученическіе годы, все рѣзче и опредѣленнѣе начали обозначать его политическую точку зрѣнія.

ГЛАВА III.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕНДЕНЦІИ И АДВОКАТСКАЯ ПРАКТИКА.

---

1. Подъ знаменемъ Генри Клэя.

Рѣзкая противоположность, существовавшая между свободнымъ и невольническимъ трудомъ, еще рѣшительнѣе должна была подѣйствовать на весь ходъ развитія, пройденный Авраамомъ Линкольномъ во время его безпокойной и трудовой юности; она должна была сильно влiять на образованiе его политическихъ принциповъ. Дѣйствительно, съ самаго начала онъ уже открыто заявилъ свои политическiя тенденцiи и тѣсно примкнулъ къ движенiю, поднятому Генри Клэемъ, изъ Кентукки. Старые федералисты стали безсильны, послѣ того какъ ихъ принципъ уже не могъ болѣе находить себѣ никакого примѣненiя въ вновь пробудившейся политической жизни Союза. Самое даже имя этой партiи устарѣло

и уступило мѣсто названію: — національные республиканцы и виги. Такимъ образомъ люди съ федералистскимъ образомъ мыслей должны были ограничиться спеціальною оппозиціею демократическимъ предводителямъ. Все равно, были ли это интересы общіе или частные, но какъ на нихъ основывалась оппозиція демократическому правительству, то они становились личными интересами различныхъ фракцій федералистовъ. По самой сущности вещей федералисты не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на государственное развитіе и ограничивались второстепенною ролью. Они приняли выжидательную систему.

Тѣмъ энергичнѣе дѣйствовали теперь предводители демократической партіи. Они, не обращая ни на что вниманія, вполнѣ осуществили на дѣлѣ извѣстное положеніе: „добыча всецѣло принадлежитъ побѣдителю“, т. е. они совершенно вымели „sweeping out“ всѣхъ своихъ противниковъ. Союзному банку въ Филадельфіи, этому бѣльму на глазу демократовъ, былъ сдѣланъ вызовъ (1836), и предсмертныя судороги этого „Левіаѳана“, какъ назвалъ его президентъ Джаксонъ, съ страшною силою были почувствованы въ цѣломъ Союзѣ. По уничтоженіи многихъ отдѣленій этого банка, республика очутилась безъ кредита. Относительно англійскихъ долговыхъ претензій демократическіе предводители открыто заявили въ своихъ органахъ: „кто хочетъ имѣть деньги, прежде нежели Союзъ устроитъ свои финансовыя обстоятельства, тотъ пусть потрудится запасти ихъ“.

Для федералистской оппозиціи ничего не могло быть

выгоднѣе такого положенія дѣлъ. Генри Клэй, какъ мы уже сказали, происходилъ изъ Кентукки; онъ дождался теперь своего благопріятнаго времени и организовалъ агитацію. Это былъ человѣкъ твердаго характера; какъ предводитель партіи, онъ былъ неистощимъ въ пріисканіи различныхъ рессурсовъ, онъ видѣлъ своимъ зоркимъ взглядомъ гораздо дальше однихъ мелочей запутанной партизанской борьбы. Девизомъ всей его политической дѣятельности было споспѣшествовать матеріальнымъ интересамъ всего Союза; слѣдовательно, такой принципъ, который каждый американецъ могъ понимать безъ дальнѣйшихъ околичностей. И быть можетъ ни одинъ государственный человѣкъ въ цѣломъ Союзѣ не былъ лучше Генри Клэя знакомъ съ состояніемъ и нуждами торговли и промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ.

Клэй причислялъ себя къ послѣдователямъ Джефферсона и глубоко былъ проникнутъ принципами національнаго республиканизма. Но онъ всегда ставилъ выше измѣнчивой политики своей партіи широко понимаемый имъ общественный интересъ. Джефферсонъ хотѣлъ только видѣть свою націю свободною; но Клэй не одного этого желалъ: онъ стремился къ тому, чтобы утвердить благосостояніе народа на болѣе прочномъ матеріальномъ основаніи. Для этого онъ предлагалъ полезныя общественныя работы, внутреннія улучшенія, которыя слѣдовало привесть въ исполненіе на счетъ отдѣльныхъ штатовъ и Союза. Клэй успѣлъ добиться въ высшей степени важной покровительственной системы

пошлинъ въ Союзѣ, чрезъ что промышленность Соединенныхъ Штатовъ стала въ независимое положеніе отъ англійской фабрикаціи. Самые ожесточенные противники Клэя находились въ Каролинѣ и преимущественно въ Южной; были они также въ Виргиніи и Миссиссипи. Южные каролинцы уже и въ то время серьезно грозили цѣлости Союза. Клэй первый положилъ сѣкиру у корня могущественныхъ южныхъ штатовъ и при помощи своей покровительственной системы пошлинъ далъ рѣшительный перевѣсъ значенію Сѣвера. Потому что когда тарифъ ввозныхъ пошлинъ сталъ болѣе умѣреннымъ, когда былъ заключенъ компромиссъ между послѣдователями Клэя и предводителемъ противной партіи — Кэльгуномъ, промышленное развитіе сѣверныхъ штатовъ уже утвердилось на прочномъ основаніи. Во времена самой необузданной демократіи (въ правленіе Джаксона) Клэй былъ защитникомъ націи и былъ на хорошемъ счету у умѣренныхъ демократовъ. Въ 1830 г. Генри Клэй стоялъ во главѣ національныхъ республиканцевъ (Claymen). Въ 1835 г. эта партія уже совершенно организовалась и сдѣлалась до того вліятельна, что могла серьезно думать о совершенномъ уничтоженіи вліянія демократовъ. Въ 1836 году приверженцы Клэя дали своей партіи названіе виговъ, и съ этихъ поръ они составляли центръ силы, враждебной демократамъ.

Таковъ былъ предводитель и такова была та партія, къ которой присталъ Авраамъ Линкольнъ со всею энергіею своего характера. Онъ былъ неутомимъ, обна-

руживалъ замѣчательный талантъ въ вербованіи новыхъ членовъ, написалъ множество небольшихъ статеекъ для разъясненія современныхъ обстоятельствъ; и въ очень скоромъ времени сталъ считаться въ своемъ новомъ штатѣ самою надежною опорою партіи, поставившей себѣ задачею создать для Сѣверной Америки новую будущность. Линкольнъ, по большей части молчаливый и углубленный въ самого себя, работалъ какъ стѣнобитная машина, если нужда требовала выступить на поле битвы. Онъ не любилъ часто выставляться изъ толпы и говорить рѣчи; но если показывался на трибунѣ, то обыкновенно говорилъ такія вещи, которыя уже сами въ себѣ заключали неопровержимыя и краснорѣчивыя доказательства. Очень рѣдко Линкольнъ обращалъ вниманіе на мелочныя подробности происходившей борьбы, его взглядъ всегда устремлялся къ болѣе высокимъ и болѣе серьезнымъ вещамъ. Онъ въ нѣсколько минутъ излагалъ своимъ слушателямъ общее положеніе дѣлъ и затѣмъ предоставлялъ своимъ краснорѣчивымъ товарищамъ дѣлать нужныя разъясненія и комментаріи къ его словамъ. Какъ ораторъ, Линкольнъ былъ очень популяренъ. Онъ уже съ самаго начала своей политической карьеры понялъ то нелегкое искусство, при помощи котораго различныя отвлеченности можно представлять нагляднымъ и совершенно яснымъ образомъ. Мѣткими сравненіями, заимствованными по большей части изъ народной жизни, удачнымъ и рѣзкимъ юморомъ онъ не только ясно и отчетливо обрисовывалъ предъ слушателями извѣстный

предметъ, но и умѣлъ оставить въ нихъ глубокія впечатлѣнія и убѣжденія въ правотѣ всего имъ сказаннаго. Во время преній Линкольнъ обыкновенно сидѣлъ понуривъ голову, скрестивъ руки и ноги; иной разъ онъ принимался грызть ногти всѣхъ десяти пальцевъ. Казалось, какъ будто онъ спитъ, однакожъ ничто и никогда не ускользало отъ его вниманія. Это былъ человѣкъ способный управлять „кормиломъ" митинговъ; талантъ, умѣвшій давать должное направленіе разсужденіямъ и спорамъ; да, это былъ рѣдкій человѣкъ! Если при обсужденіи какого-нибудь дѣла можно было опасаться, что побочныя обстоятельства могутъ отклонить отъ главнаго предмета, Линкольнъ быстро поднимался съ своего мѣста, разрѣшалъ встрѣтившіяся недоразумѣнія, приводилъ въ надлежащій порядокъ матеріалы разсужденія и въ заключеніе веселою, острою и умною шуткою заставлялъ упрямцевъ замолчать.

2. Въ законодательномъ собраніи.

Въ 1834 году, прежде чѣмъ Линкольнъ получилъ степень адвоката, слѣдовательно когда ему только что исполнилось двадцать пять лѣтъ, онъ уже былъ выбранъ въ законодательное собраніе своего штата. Только одинъ членъ въ этомъ собраніи былъ моложе Авраама Линкольна. Во время засѣданій его Линкольнъ не могъ заявить ни одного изъ своихъ прекрасныхъ качествъ. Онъ очень внимательно выслуши-

валъ различные дебаты, ограничивался наблюдательною ролью и уронилъ во мнѣніи многихъ законодателей Иллинойса понятіе о своихъ способностяхъ.

Немного было такихъ проницательныхъ людей, которые были въ состояніи оцѣнить умственныя способности Линкольна; и эти люди начали, сообразно съ своимъ положеніемъ или съ своими взглядами, то удивляться, то бояться Линкольна. На Линкольнѣ лежала печать чего-то необыкновеннаго. Стоя твердо и непоколебимо на реальной почвѣ современныхъ обстоятельствъ, онъ въ то же время имѣлъ достаточно силы для того, чтобы подняться на идеальную высоту гуманныхъ принциповъ и привести эти идеальныя требованія въ нерасторгаемую связь съ дѣйствительными фактами. Едва ли кто нибудь изъ его товарищей въ законодательномъ собраніи могъ похвалиться тѣмъ, что проникъ Абе. Въ этой дѣтски простой, сильной и сообразительной натурѣ заключалось что-то непостижимое, что только впослѣдствіи могло раскрыться во всемъ своемъ величіи, именно въ то время, когда Абе Линкольнъ имѣлъ уже въ своихъ рукахъ судьбу всего отечества.

Иллинойскіе законодатели, какъ враги, такъ и друзья Линкольна, чрезвычайно изумились, когда одна замѣчательная политическая голова открыла имъ, изъ какого теста испеченъ Авраамъ Линкольнъ. Изъ Вермонта прибылъ въ Иллинойсъ столь извѣстный впослѣдствіи Стефанъ А. Дугласъ и сталъ знакомиться съ политическими силами того штата, въ которомъ намѣренъ былъ теперь поселиться. Этотъ человѣкъ высматривалъ

очень недолго; онъ внимательно послушалъ въ одномъ, другомъ мѣстѣ, познакомился кой съ кѣмъ и наконецъ сошелся очень дружелюбно съ Авраамомъ Линкольномъ. Дугласъ, какъ человѣкъ полированный, не оскорбилъ и не оттолкнулъ отъ себя ни одной сколько-нибудь замѣчательной личности въ Иллинойсѣ и какъ мастеръ своего дѣла ничего не упустилъ изъ виду; но Дугласъ собралъ кой-какія свѣдѣнія только объ одномъ Авраамѣ Линкольнѣ.

Эти два человѣка взаимно дополняли другъ друга. Дугласъ былъ человѣкъ въ высшей степени подвижной, съ большими свѣдѣніями, очень хорошо знакомый съ самыми изящными общественными пріемами; превосходный ораторъ, который впрочемъ иной разъ слишкомъ много говорилъ и такимъ образомъ не лишалъ себя удовольствія слушать себя самого. Несмотря на силу своихъ чувствъ, Дугласъ каждое мгновеніе находился въ опасности отказаться отъ своихъ собственныхъ принциповъ, потому что онъ всегда стремился къ тому, чтобы изъ принциповъ своего противника проложить логическій путь къ своимъ собственнымъ положеніямъ, —очевидно, при такомъ образѣ дѣйствій не могло быть сомнѣнія въ пораженіи вермонтскаго мужа!

Дугласъ тѣсно примкнулъ къ угловатому Линкольну, и намъ приходится сказать, что Абе былъ идоломъ, а Дугласъ — жрецомъ, но такимъ жрецомъ, который, будучи пронырливѣе своего идола, умѣлъ прекрасно пользоваться его мыслями для собственныхъ цѣлей. Если дѣло касалось личнаго представительства, то обыкновенно

выступалъ на сцену свѣтскій человѣкъ—Дугласъ, аристократическія манеры котораго дѣйствительно были очень удобны для того, чтобы въ толпѣ возбудить чувство высокаго уваженія.

Абе Линкольнъ, все болѣе и болѣе сосредоточивающійся въ себѣ самомъ, былъ избранъ 1836 г. второй разъ въ законодательное собраніе своего штата.

„Былъ когда-то и я въ большомъ ходу,—говорилъ впослѣдствіи президентъ Линкольнъ,—и нужно сознаться, что въ то время все, чтобы только я ни сказалъ и ни сдѣлалъ, самымъ предупредительнымъ образомъ принималось моими усердными служителями. Я былъ какимъ-то идоломъ; мнѣ почти совсѣмъ не нужно было работать головой; я видѣлъ, къ величайшему моему изумленію, что я гораздо больше могу сдѣлать въ то время, когда сплю, нежели когда мнѣ вздумается самому заняться чѣмъ-нибудь. Дугласъ не пропускалъ безъ объясненій ни одного мановенія моей головы. Когда я, страдая насморкомъ, не могъ хорошенько прочистить себѣ носъ и мокрота шла у меня изъ ноздрей, Дугласъ былъ на столько вѣжливъ, что обращалъ вниманіе публики на мои вспухшіе глаза и тутъ же заключалъ свою рѣчь какимъ-нибудь импровизированнымъ стишкомъ, изъ котораго можно было вывести, что я нахожусь въ нѣкоторомъ родствѣ съ геніемъ Союза;—былъ ли этотъ геній моимъ отцомъ, или матерью, или дядей, или тетушкой—объ этомъ я еще до сихъ поръ ничего не знаю. Въ заключеніе всего онъ обыкновенно указывалъ на то, что я нахожусь въ истинно трагиче-

скомъ положеніи и мнѣ приходится проливать слезы о Союзѣ, подобно тому, какъ Марій плакалъ о Римѣ, когда увидѣлъ предъ собою развалины Карѳагена. Но лишь только проходилъ мой насморкъ, Дугласъ не могъ уже такъ хорошо дѣйствовать посредствомъ меня. Я начиналъ чувствовать себя очень дурно въ положеніи идола и совершенно не желалъ больше фигурировать на театрѣ маріонетокъ Дугласа. Онъ полагалъ, будто у меня совершенно отрублена голова и обносилъ ее на блюдѣ кругомъ, какъ будто голову Іоанна Крестителя. Но вдругъ эта голова начинаетъ чихать, и Дугласъ бросаетъ ее на полъ.—Однако много времени прошло, пока онъ опять насадилъ на мои плечи мою же голову и такимъ образомъ объявилъ меня настоящимъ человѣкомъ.“

Авраамъ Линкольнъ теперь самъ выступилъ на поле битвы, — идолъ началъ говорить; послѣ этого опекунъ и уполномоченный Линкольна, Дугласъ, долженъ былъ отступить назадъ предъ развившеюся самостоятельностію своего кліента.

Линкольнъ, вышедшій изъ низкаго сословія, совершенно не поддерживаемый никакимъ особеннымъ благоволеніемъ судьбы, достигъ въ это время извѣстной степени образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ добился такого положенія въ обществѣ, которое не только обезпечило ему довѣріе народа, но и открывало предъ его глазами еще болѣе высокую и болѣе заманчивую карьеру. Репутація его, какъ смѣтливаго и очень искуснаго руководителя дебатовъ теперь уже прочно утвердилась;

вездѣ стали признавать и изучать его ораторскія способности. Его горячая ревность и неуклонная преданность дѣлу той партіи, направленіе и интересы которой онъ считалъ справедливыми и начерталъ на своемъ знамени, навсегда обезпечили за нимъ большое число вліятельныхъ приверженцевъ его партіи, между тѣмъ его плѣнительная любезность, его простота и правдивость наивыгоднѣйшимъ образомъ отличали его отъ многихъ политиковъ дня и тогда уже пріобрѣли ему всеобщую любовь и уваженіе. Онъ вовсе не имѣлъ притязанія считать себя главнымъ предводителемъ партіи. Скорѣе онъ держался далеко отъ всякаго суетнаго стремленія стать въ первыхъ рядахъ честолюбивыхъ народныхъ предводителей, но всегда былъ готовъ безкорыстно дѣйствовать за одно съ своими товарищами. Только тогда онъ принялъ почетный постъ, когда это казалось ему несомнѣннымъ желаніемъ тѣхъ, за интересы которыхъ онъ дѣйствовалъ. Но въ концѣ тогдашняго періода своей дѣятельности, хотя безъ его вѣдома и безъ всякаго импонированія по отношенію къ своимъ друзьямъ, онъ считался однимъ изъ способнѣйшихъ политиковъ своего штата. Еще тогда многіе проницательные люди были твердо убѣждены въ томъ, что „сангамонскій глава,“ —какъ называлъ его безпристрастный и вліятельнѣйшій голосъ, голосъ народа, —имѣетъ еще великую будущность какъ ораторъ и какъ государственный человѣкъ, съ значеніемъ, далеко выходящимъ за предѣлы одного штата.

Авраамъ Линкольнъ откровенно изложилъ предъ за-

конодательнымъ собраніемъ свои воззрѣнія на вопросъ о невольничествѣ. Его предложеніе помѣчено мартомъ 1837 года.

Прежде всего Линкольномъ былъ заявленъ протестъ противъ пропуска билля о невольничествѣ въ обѣихъ палатахъ штата. Потомъ какъ основаніе принциповъ его партіи слѣдовало краткое, но ясно изложенное объясненіе:

„Мы — заявители протеста — держимся мнѣнія, что институтъ рабства основывается сколько на несправедливыхъ, столько же и на опасныхъ для государственнаго блага принципахъ, но мы признаемъ, что распространеніе враждебныхъ рабству теорій кажется ведетъ болѣе къ тому, чтобы усиливать зло рабства, чѣмъ совершенно искоренить его. Представители этого протеста думаютъ, что конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ не имѣетъ никакой на законѣ основывающейся власти, по буквѣ и смыслу конституціи, какимъ бы то ни было образомъ вмѣшиваться въ вопросъ о невольничествѣ отдѣльныхъ штатовъ Союза. Представители протеста согласны, что союзный конгрессъ имѣетъ законную власть принимать рѣшенія о существованіи рабства въ округѣ Колумбіи *) и уничтожить его тамъ, но подъ тѣмъ условіемъ, если населеніе Колумбіи само положительно потребуетъ этой мѣры.“

Въ этомъ заявленіи совмѣщены всѣ противорѣчія,

---

*) Колумбія, союзная территорія въ $2^1/_2$ кв. м., находится подъ непосредственнымъ управленіемъ конгресса.

господствовавшія въ сѣверныхъ штатахъ относительно рабства. Очевидно, что Линкольнъ не принадлежалъ къ тѣмъ близорукимъ, которые считали аболиціонистскій вопросъ такимъ, разрѣшить который можно было гуманными резолюціями, или посредствомъ вознагражденія за потерю имущества. Въ заявленіи Линкольна нѣкоторымъ образомъ уже было выражено предчувствіе, что южные штаты станутъ силою защищать свое домашнее учрежденіе и что иное разрѣшеніе его, кромѣ разрѣшенія мечемъ, принадлежитъ къ области басенъ. Въ продолженіе нѣкотораго времени демократы ошибочно думали, что одинъ изъ вліятельнѣйшихъ національныхъ республиканцевъ, Линкольнъ, сдѣлалъ отъ своего лица и отъ лица своей партіи значительную уступку. Въ самомъ дѣлѣ Линкольнъ конечно указалъ незаконность аболиціонистскихъ стремленій и едва удостоилъ упоминанія странные, фантастическіе проекты о такъ называемомъ органическомъ уничтоженіи рабства, которые тогда были въ большомъ ходу. Здѣсь можно замѣтить, что исполинскій проектъ аболиціонистовъ выкупить у Юга рабовъ, могшій стоить только бездѣлицу, около 300 милліоновъ долларовъ, уступилъ мѣсто другому, по которому законодательное собраніе Союза могло тотчасъ же рѣшить этотъ вопросъ, объявивши: „что впредь въ Союзѣ не можетъ родиться ни одинъ рабъ.“

Рабы вымерли бы безъ всякихъ соціальныхъ или политическихъ потрясеній и свободные негры могли бы занять свое мѣсто. Авраамъ Линкольнъ порицалъ въ

своемъ знаменитомъ объясненіи относительно резолюцій по вопросу о невольничествѣ всякое примиреніе съ противною партіею. Онъ открыто признавалъ ея права на свое домашнее учрежденіе и молча налагалъ на нее обязанность на жизнь и смерть защищать это учрежденіе. Торжество во враждебномъ лагерѣ надъ предложеніемъ иллинойскихъ приверженцевъ Клэя прекратилось довольно скоро и южане съ инстинктивною непогрѣшимостью стали предчувствовать, — что именно въ партіи Клэя, въ Линкольнѣ и его приверженцахъ они имѣютъ своихъ жесточайшихъ, непримиримѣйшихъ враговъ.

Въ 1838 и 1840 годахъ Абе Линкольнъ еще разъ былъ избранъ и назначенъ ораторомъ. Онъ считался замѣчательнѣйшею политическою личностью Иллинойса; его партія неуклонно слѣдовала за своимъ теперь тридцатилѣтнимъ предводителемъ. Онъ былъ человѣкъ великихъ духовныхъ дарованій, необыкновенной проницательности при взвѣшиваніи всякаго положенія, ежеминутно готовый на бой, безъ того впрочемъ, чтобы когда нибудь слишкомъ поспѣшить, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, неуклонявшійся ни на право, ни на лѣво. У него было много умныхъ друзей; онъ охотно выслушивалъ каждаго изъ нихъ, но не допускалъ никакого вліянія на свое политическое направленіе. Многимъ Линкольнъ казался недостаточно радикальнымъ, но когда настало его время дѣйствовать, то онъ далеко оставилъ за собою все то, къ чему стремилась партія. Насколько Линкольнъ казался иногда угловатымъ, тяжелымъ и сонливымъ, на столько же онъ былъ тонокъ и хитеръ.

Его воинская хитрость имѣла въ себѣ нѣчто добродушно-юмористическое, но Линкольнъ никогда не взорвалъ своей мины безцѣльно.

Въ законодательномъ собраніи Линкольнъ считался образцовымъ дебатёромъ. Онъ обладалъ силою совершенно освободиться отъ фразерства и съ разу отыскивать въ хаосѣ запутывающихъ случайностей реальное, существенное. Если его чувства были возбуждены, Линкольнъ становился тогда великимъ ораторомъ. Всегда практическій, онъ однакожъ чрезвычайно уважалъ силу умозаключеній и остерегался оставлять реальную почву изъ-за возможныхъ выгодъ, сущность которыхъ не могла быть совершенно ясно изложена въ ту же минуту. Самое глубокое его убѣжденіе поэтому состояло въ томъ, что предводители партій республики, и особенно американской, никогда не должны поощрять всякое стремленіе впередъ, всякое несвоевременное развитіе политическихъ и соціальныхъ отношеній до тѣхъ поръ, пока вся масса народа, считая въ этомъ числѣ и самые низшіе классы его, не будетъ готова слѣдовать за своими предводителями не только къ идеѣ, но и къ осуществленію ея. „То государство не представляетъ намъ, —обыкновенно говорилъ Линкольнъ—вѣрной картины благодатнаго прогресса, въ которомъ каждый гражданинъ долженъ идти по дорогѣ, какъ бы прокладываемой американскими поселенцами.“ Абе строго придерживался того истинно справедливаго принципа, который былъ высказанъ Моисеемъ въ одномъ мѣстѣ библіи: „никто не долженъ оставаться въ неволѣ. Пусть

сильный смотритъ за слабымъ, а умный заботится о томъ, чтобы глупый не попалъ въ какую-нибудь бѣду“.

Одушевленный такими мыслями, Линкольнъ медленно, шагъ за шагомъ, подвигался впередъ на этой безопасной почвѣ и, по его собственнымъ словамъ, болѣе подчинялся событіямъ, нежели управлялъ ими. Такимъ образомъ потребности народнаго развитія сосредоточивались въ его личности какъ въ фокусѣ; и когда наконецъ всѣ отдѣльные лучи сконцентрировались въ этой одной точкѣ, отсюда разлился свѣтъ для новыхъ временъ націи. Линкольнъ, соединяющій въ себѣ какъ бы въ какомъ нибудь микрокосмѣ весь союзный американскій міръ, всегда вѣрно предугадывалъ тотъ моментъ, когда новая фаза развитія народнаго благосостоянія достигла своей полной зрѣлости. Шагъ за шагомъ преслѣдуя великую, провидѣніемъ указанную ему задачу — возрожденіе Соединенныхъ Штатовъ, онъ никогда не позволялъ себѣ сворачивать съ этой прямой дороги, не обращалъ вниманія ни на вопли необдуманно торопливой народной массы, ни на презрѣніе и насмѣшки враждебной партіи и единственный изъ государственныхъ людей всегда оставался вѣренъ этому пути.

3. Предъ судейской рѣшеткой.

Когда въ 1836 году Авраамъ Линкольнъ былъ допущенъ къ адвокатурѣ, онъ уже имѣлъ практику, и прежде чѣмъ ему удалось совершить какое-нибудь cause

célèbre, его уже считали самымъ лучшимъ законовѣдомъ въ цѣломъ штатѣ. Всѣ тотчасъ же замѣтили, что онъ владѣетъ необыкновенно проницательнымъ умомъ, способнымъ вѣрно схватывать сущность всякаго процесса. Защищая какое нибудь дѣло, онъ не любилъ прибѣгать къ пышнымъ, блестящимъ фразамъ; прилежно отыскивалъ побочныя обстоятельства дѣла, съ желѣзнымъ упрямствомъ держался за нихъ, хотя бы они давали и не очень благопріятные результаты, и терпѣливо добивался наконецъ до положительныхъ фактовъ. Линкольнъ любилъ изумлять своего противника мѣткими сравненіями, лаконическими отвѣтами, которые бросали внезапный свѣтъ на спорный вопросъ, и постоянно давалъ ему чувствовать свое превосходство надъ нимъ. Поэтому мы нисколько не удивимся, что Линкольнъ, не будучи крикуномъ и краснорѣчивымъ ораторомъ, всегда, даже съ очень посредственными картами, выигрывалъ свою игру. Если же онъ взывалъ къ чувствамъ присутствующихъ и высказывалъ свои сердечныя убѣжденія, то можно положительно сказать, что ни одинъ изъ присутствующихъ не могъ не быть тронутымъ; въ такія минуты вѣрно очень немногіе глаза оставались сухи.

Слѣдующая сцена, достовѣрность которой основывается на подлинныхъ актахъ, можетъ не только дать намъ ясное понятіе о первыхъ опытахъ нашего героя на избранномъ имъ поприщѣ, но также и указать на успѣхи его адвокатской дѣятельности, можетъ убѣдить насъ въ его великодушіи, въ его благодар-

ности и признательности. Кто не вспомнитъ изъ нашего разсказа, какъ принятъ былъ Линкольнъ при своемъ первомъ вступленіи въ большой свѣтъ и какъ онъ получилъ занятіе въ домѣ Армстронга! Хотя этому семейству было отказано во внѣшнихъ дарахъ счастья, но оно все таки приняло живѣйшее участіе въ молодомъ и трудолюбивомъ человѣкѣ, и старикъ Армстронгъ съ полнымъ усердіемъ готовъ былъ, насколько могъ, поддерживать этого человѣка, предложивши ему свой домъ и скудный кусокъ хлѣба. Въ то время Линкольнъ за всѣ благодѣянія могъ отплатить этому семейству одними обѣщаніями; но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ ему представился давно желанный случай заплатить свой давнишній долгъ не одними словами, но и самымъ дѣломъ. Старый Армстронгъ умеръ, но старуха еще жила и именно теперь болѣе нежели когда нибудь нуждалась въ посторонней помощи. Старшій ея сынъ—единственная опора бѣдной старушки—былъ обвиненъ въ убійствѣ и поставленъ предъ судомъ присяжныхъ. Могъ ли Линкольнъ, молодой адвокатъ, уже заранѣе убѣжденный въ невинности этого человѣка, найдти болѣе удобный случай доказать свою благодарность? И дѣйствительно, онъ щедро отблагодарилъ. Этотъ процессъ знакомитъ насъ ближе, чѣмъ какое-нибудь другое дѣло, съ благородными чувствами и безукоризненною честностью нашего Авраама. Дѣло было такого рода:

Одинъ молодой человѣкъ ночью, во время случайной ссоры, лишенъ былъ жизни, и на вышеупомянутаго мо-

лодого Армстронга указывали какъ на его убійцу. Обвинитель съ такою опредѣленностью и съ такимъ глубокимъ, повидимому, убѣжденіемъ доказывалъ вину несчастнаго Армстронга, что едва ли оставалось какое нибудь сомнѣніе въ истинѣ его показанія. Все населеніе тамошняго округа было сильно возмущено этимъ поступкомъ Армстронга. Начали припоминать самые мелочные случаи изъ жизни подсудимаго, который дѣйствительно былъ довольно легкомысленнымъ юношей. Вспоминали даже о школьныхъ шалостяхъ и ссорахъ молодого Армстронга; всѣ давно забытыя безчинства его были поставлены на видъ и все это было преувеличено до такой степени, что юноша казался просто природнымъ, закоренѣлымъ злодѣемъ. Вообще осужденіе его, прежде нежели составилось какое нибудь рѣшеніе суда, считалось уже дѣломъ несомнѣннымъ. Кромѣ того раздраженіе народа достигло такой степени, что только темничные запоры могли спасти жизнь подсудимаго отъ ярости черни. Почти всѣ газеты возстали противъ несчастнаго и съ явнымъ удовольствіемъ ожидали самаго строгаго наказанія для этого мнимаго преступника, который, неожиданно очутившись въ столь ужасномъ положеніи, совершенно былъ подавленъ страхомъ и тоской и впалъ въ задумчивость и отчаяніе. Въ этомъ страшномъ горѣ мать Армстронга получила письмо отъ Линкольна, который обѣщалъ ей сдѣлать все возможное для спасенія ея несчастнаго сына. Прежде всего Линкольнъ постарался собрать другое судебное засѣданіе, такъ какъ прежніе присяжные находи-

лись подъ вліяніемъ всеобщаго предубѣжденія. Вслѣдъ затѣмъ онъ выхлопоталъ отсрочку для окончательнаго судебнаго рѣшенія и наконецъ, собравши самыя вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ дѣлѣ, съ спокойною увѣренностью въ назначенный срокъ явился предъ собравшимся засѣданіемъ.

Выслушали показанія свидѣтелей. Судьба молодого Армстронга была вполнѣ безнадежна; его преступленіе доказано и осужденіе было неизбѣжно. Въ это время поднимается съ своего мѣста Авраамъ Линкольнъ и обращается съ нѣсколькими, повидимому, незначительными вопросами къ приглашеннымъ свидѣтелямъ: прежде всего и болѣе всего онъ настаиваетъ на опредѣленномъ указаніи мѣста и времени преступленія. Затѣмъ старается опровергнуть различные фальшивые слухи, распространенные въ публикѣ о прежнемъ образѣ жизни его кліента, и доказываетъ судьямъ и всѣмъ присутствующимъ, что Армстронгъ, если онъ и былъ дикъ и необузданъ, все-таки никогда не былъ человѣкомъ испорченнымъ и порочнымъ. Наконецъ указываетъ на то, что между обвинителемъ и обвиненнымъ существуетъ вражда, все равно, какъ существовала когда-то такое же точно отношеніе между подсудимымъ и убитымъ. Въ залѣ воцарилась мертвая тишина, когда Линкольнъ твердымъ голосомъ сталъ указывать постепенно путаницу въ показаніяхъ свидѣтелей. И вотъ ложность показаній уже не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію: все то, что сначала казалось простымъ и вѣроятнымъ, теперь оказывалось злонамѣренной клеве-

той. Свидѣтель показывалъ, что онъ собственными глазами видѣлъ, при лунномъ свѣтѣ, какъ обвиненный Армстронгъ нанесъ смертельный ударъ. Но Линкольнъ доказалъ ему, что въ указанный часъ луна еще не всходила и что слѣдовательно всѣ его свидѣтельства должны считаться несостоятельными. Все это Линкольнъ разоблачилъ съ столь убѣдительною ясностью, что съ языка всѣхъ присутствовавшихъ уже готово было сорваться „онъ невиненъ!“ Однако краснорѣчивый адвокатъ не былъ доволенъ этой моральной побѣдой. Его сердце уже давно было полно чувствами состраданія и благодарности и все, что накипѣло въ его душѣ, неудержимо разразилось теперь въ пламенныхъ словахъ воодушевленія. Его рѣчь оглушительно подѣйствовала на слухъ клятвопреступника, который, блѣдный какъ смерть, шатаясь вышелъ вонъ изъ залы.

Послѣ этого столь блистательнаго начала, Линкольнъ обратился къ присяжнымъ. Онъ говорилъ съ ними какъ съ отцами, сыновья которыхъ могли сдѣлаться сиротами; какъ съ мужьями, жены которыхъ могли остаться вдовами. Онъ заклиналъ ихъ не держаться никакихъ предубѣжденій и оказывать подсудимому полнѣйшую справедливость. Когда Линкольнъ, въ заключеніе, намекнулъ на долгъ благодарности, которымъ онъ считалъ себя обязаннымъ въ отношеніи къ отцу подсудимаго, то почти нельзя было видѣть ни одного человѣка въ залѣ, который бы не прослезился въ это время.

Свѣтъ заходящаго солнца вливался чрезъ окно въ

залу; вдругъ Линкольнъ прервалъ свою рѣчь и высоко поднявши руку указалъ на солнце и торжественно произнесъ: „прежде нежели солнце зайдетъ сегодня, этотъ человѣкъ долженъ быть свободенъ!“

Присяжные удалились и едва прошло полчаса, какъ они снова заняли свои обычныя мѣста. Наконецъ главный судья сказалъ: „невиненъ!“ Лишившаяся чувствъ вдова опустилась на руки сына, который нѣжными и трогательными словами старался оживить ее. Потомъ съ словами: „гдѣ мой спаситель!“ онъ быстро приблизился къ счастливому Линкольну. Больше этого онъ ничего не могъ сказать; его сердце слишкомъ переполнилось и только по рыданію и слезамъ можно было заключить, какъ сильно билось и радовалось оно. Линкольнъ подошелъ къ окну и указывая на западъ, гдѣ на горизонтѣ все еще виднѣлся огненный шаръ, спокойно сказалъ:

„Солнце еще не зашло, а ты уже свободенъ!“

Когда молодой адвокатъ могъ уже разсчитывать на успѣхъ своей юридической практики, онъ выбралъ для постояннаго жительства Спрингфильдъ, главный городъ сангамонскаго округа, и переселился туда 15 апрѣля 1837 года. Много лѣтъ прошло со времени его переселенія, а онъ все еще оставался холостымъ человѣкомъ. Тутъ онъ близко познакомился съ семействомъ Генри Вильяма Ботлера, бывшаго впослѣдствіи казначеемъ этого штата. Линкольнъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ засѣдалъ въ качествѣ депутата въ мѣстномъ законодательномъ собраніи; но съ 1840 года онъ рѣши-

тельно и на долгое время отсталъ отъ всякой политической жизни, съ тѣмъ, чтобы вполнѣ отдаться своему истинному призванію — семейной жизни.

4. За предводителя партіи Генри Клэя.

4 ноября 1842 года Авраамъ Линкольнъ женился на Мэри Тоддъ, дочери Роберта С. Тоддъ, изъ Лексингтона. Это была чрезвычайно образованная дама, такъ что даже щепетильныя англичанки, какъ тогда говорили, должны были отдать справедливость ея изящнымъ манерамъ. У ней было три сестры, изъ которыхъ самая старшая, незадолго предъ тѣмъ, вышла за-мужъ за Ниніана Эдвардса и поселилась въ Спрингфильдѣ.

Рѣдко какой-нибудь человѣкъ былъ такъ счастливъ въ своей домашней жизни, какъ Линкольнъ. Благодаря образованію и любезной обходительности его жены, семейство Линкольна скоро было принято съ любовью и радушіемъ во всѣхъ общественныхъ кружкахъ; съ другой стороны искренняя преданность къ роднымъ и заботливость сдѣлать свой домъ пріятнымъ и открытымъ для всѣхъ, снискали ей величайшую признательность. Она сдѣлалась матерью четырехъ дѣтей—мальчиковъ; самому старшему изъ нихъ въ настоящее время только 18 лѣтъ, второй послѣ него умеръ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, слѣдующіе два живы, одному 10, другому 8 лѣтъ. Всѣ они получили самое изысканное и заботливое воспитаніе.

*

Самымъ завѣтнымъ желаніемъ Линкольна было, не мѣшаясь въ политическія распри, совершенно отдаться своему призванію и жить для семейства. Но мрачныя облака мало по малу заволокли политическій горизонтъ и, какъ выражался Клэй, „Линкольну уже невозможно было скрывать въ темнотѣ свой свѣточь“. По случаю кандидатуры Клэя на президенство, онъ снова долженъ былъ выступить на политическую арену, твердо убѣжденный, что только въ побѣдѣ его партіи, — въ побѣдѣ приверженцевъ Клэя—должно искать истиннаго спасенія отечеству.

Безграничное уваженіе, съ которымъ Линкольнъ всегда относился какъ къ самой личности великаго выходца изъ Кентукки, такъ и къ его политическимъ принципамъ, — способно было вызвать его изъ спокойной домашней жизни и снова вывести на широкую дорогу общественной дѣятельности. Когда Генри Клэй, въ 1844 году, былъ выставленъ кандидатомъ на президенство въ большомъ національномъ собраніи партіи виговъ въ Балтиморѣ, враждебная вигамъ партія тотчасъ же подняла на свой щитъ самаго яраго демократа, тенессійца Нокса Полька. Въ виду такихъ обстоятельствъ прежде всего нужно было склонить общественное мнѣніе въ пользу виговъ, и вотъ Линкольнъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ своихъ политическихъ друзей въ Иллинойсѣ, рѣшился объѣхать этотъ штатъ по всѣмъ направленіямъ, чтобы въ общественныхъ мѣстахъ или въ нарочно созванныхъ собраніяхъ изложить публикѣ принципы и интересы федералистской

политики въ пользу Генри Клэя. Самымъ животрепещущимъ политическимъ вопросомъ въ то время былъ вопросъ о тарифахъ; Линкольнъ съ величайшею обстоятельностью и ясностью излагалъ это дѣло въ своихъ умныхъ рѣчахъ; онъ указывалъ и разъяснялъ тѣ существенные, основные принципы, на которыхъ основывалась покровительственная система Генри Клэя. При этомъ онъ разнообразилъ свои рѣчи неисчерпаемымъ богатствомъ интересныхъ эпизодовъ, остроумныхъ и забавныхъ анекдотовъ, съ цѣлію оживить свои строгіе выводы, сдѣлать ихъ наглядными и привлекательными даже для самой обыкновенной сообразительности. И не смотря на то, что въ Иллинойсѣ повсюду господствовалъ демократическій образъ мыслей, таланту вездѣ охотно выслушиваемаго оратора удалось обезпечить за своею партіею въ то время много, а въ будущемъ еще больше успѣховъ, а репутація общественнаго оратора навсегда укрѣпила за нимъ уваженіе народа на широкомъ и непоколебимомъ основаніи. Съ этихъ поръ Линкольнъ вездѣ считался самымъ популярнымъ предводителемъ виговъ на западѣ.

Такимъ образомъ сдѣлавши все, что могъ, въ штатѣ Иллинойсѣ, онъ перешелъ, по желанію народа, въ свой прежній, отечественный штатъ—Индіану, гдѣ также неутомимо трудился и добивался до самаго дня выборовъ благопріятныхъ результатовъ для предводителя своей партіи. Не смотря впрочемъ на всѣ усилія и тріумфъ, котораго онъ удостоился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, ему въ этомъ случаѣ не было суждено одержать рѣ-

шительную побѣду. Какъ мы уже сказали, Генри Клэй потерпѣлъ пораженіе во время большой избирательной борьбы, хотя ему не доставало самаго незначительнаго числа голосовъ.

Какъ ни утѣшительно было послѣднее обстоятельство для Линкольна, но общій результатъ дѣла все таки оставилъ на немъ очень непріятное впечатлѣніе, потому что онъ гораздо глубже чувствовалъ пораженіе своего политическаго предводителя, нежели всѣ свои собственныя неудачи; онъ увидѣлъ, что самыя пламенныя его желанія и ожиданія его партіи не осуществились.

Впослѣдствіи самъ Линкольнъ слѣдующимъ трагикомическимъ образомъ разсказывалъ о своей поѣздкѣ и стараніяхъ:

„При всемъ моемъ пламенномъ желаніи побѣды Клэю, при всей моей сильнѣйшей ненависти къ вѣроломнымъ продѣлкамъ демократовъ, на меня однако всякій разъ находило тяжелое уныніе и безпокойство, лишь только я начиналъ размышлять о томъ, что на меня падетъ обязанность быть вигскимъ совѣтникомъ будущаго президента. Мнѣ предстояло выдержать кампанію въ продолженіи всѣхъ шести недѣль и нужно было быть готовымъ ежедневно идти въ огонь. Мнѣ смутно представлялось, что дѣло было серьезно и что придется каждый день произносить по дюжинѣ рѣчей. Я былъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, но не будучи Дугласомъ, я не могъ согласиться всякій день говорить объ одномъ и томъ же, попадая иной разъ въ просакъ и не принося ни малѣйшей

чести человѣческой природѣ,—такъ какъ она вовсе не хотѣла сдѣлать изъ насъ говорильныя машины.“

Хотя тѣ вербовальныя рѣчи „можетъ быть и не приносили никакого ущерба моей любви къ истинѣ,—говорилъ Абе,—но за то много вредили моимъ легкимъ. Бѣдный Клэй съ своимъ исполинскимъ меньшинствомъ уже давно побѣжденъ Полькомъ и я уже успѣлъ нѣсколько оправиться отъ того отчаянія, которое овладѣло мною по случаю горькой судьбы Клэя и всѣхъ нашихъ единомышленниковъ. Однакожъ, когда я остаюсь одинъ, то какъ будто все еще слышу свой собственный голосъ раздающимся съ трибуны или съ какого нибудь чурбана (Stumps,—деревянные отрубки, употребляемые на западѣ вмѣсто каѳедры народными ораторами). Я желалъ бы только, чтобы нашлись и другіе люди въ Иллинойсѣ и Индіанѣ, въ уши которыхъ могли бы проникнуть мои слова.“

5. Домогательство въ конгрессъ.

Спустя два года послѣ неудачной избирательной экспедиціи для подержки предводителя своей партіи, Линкольнъ, съ личностію котораго какъ будто связывалась судьба его партіи, рѣшился, по неотступнымъ просьбамъ своихъ друзей, принять отъ сангамонскаго округа кандидатуру на поступленіе въ конгрессъ. Дѣйствительно, на конгрессѣ 1848 предстояло въ виду нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ обсудить много важныхъ воп

росовъ. Напримѣръ, принятіе въ Союзъ штата Техаса; едва начатая при благопріятныхъ условіяхъ война съ Мехикою и задолго передъ тѣмъ, въ 1842, представленный сенату вигами пошлинный тарифъ. Округъ Спрингфильдъ, давшій 1844 г. Генри Клэю большинство 814 голосовъ, избралъ теперь Авраама Линкольна большинствомъ 1511 голосовъ--цифра, какой еще не имѣлъ ни одинъ кандидатъ ни прежде, ни послѣ этого.

Хотя Линкольнъ поступилъ въ палату сравнительно молодымъ человѣкомъ, однако скоро уже сталъ считаться здѣсь самымъ замѣчательнымъ народнымъ представителемъ запада. Его политическая программа была совершенно въ духѣ тогдашнихъ виговъ, его мнѣнія о всѣхъ національныхъ вопросахъ совершенно согласовались съ мнѣніями Клэя, Вебстера или Корвина. Когда Линкольнъ, при открытіи (1847 года 6 декабря) тридцатаго конгресса, занялъ свое мѣсто въ палатѣ представителей, Стефанъ А. Дугласъ сдѣлался въ это время въ первый разъ членомъ сената.

ГЛАВА IV.

ВЪ КОНГРЕССѢ И ПРЕДЪ НАРОДОМЪ.

—

1. Вопросъ о невольничествѣ.

Въ числѣ важныхъ вопросовъ, занимавшихъ палату представителей при первомъ вступленіи сюда Линкольна, вопросъ о невольничествѣ теперь болѣе чѣмъ когда либо обращалъ на себя серьезное вниманіе. Поэтому будетъ совершенно кстати для лучшаго уразумѣнія предстоявшихъ разсужденій въ конгрессѣ изложить здѣсь нѣкоторыя историческія свѣдѣнія объ роковомъ учрежденіи Союза.

Рабство было болѣзнію, наслѣдованною Соединенными Штатами отъ Англіи еще съ 1783 г. Эта хроническая политическая болѣзнь имѣла то общее со всѣми хроническими болѣзнями человѣческаго организма, что она никогда не вела тотчасъ же къ опасному для жизни кри-

зису; напротивъ послѣдовательно, съ теченіемъ времени до такой степени разстроила весь государственный организмъ, что наконецъ осталось только одно средство для радикальнаго излеченія ея: нужно было или удалить причину болѣзни, или же допустить непосредственное уничтоженіе Союза. Еслибъ съ начала было принято энергическое леченіе, какая нибудь политическая операція, то конечно Соединенные Штаты спаслись бы отъ многихъ горькихъ опытовъ, отъ тяжелыхъ жертвъ, на которыя въ концѣ концовъ должны были рѣшиться. Рабство было уязвленной ахиллесовой пятой Союза, доведшее его до такого страшнаго паденія, что нужно было сдѣлать самыя напряженныя усилія, чтобъ снова стать на ноги. Югъ принималъ все болѣе и болѣе угрожающій видъ; Сѣверъ для сохраненія мира прибѣгалъ къ различнымъ уступкамъ и компромиссамъ. Югъ не смотря на то, что все это дѣлалось для него и съ его же согласія, не считалъ ихъ достаточными и обязательными. А что это было дѣйствительно такъ отъ начала и до конца рабства, мы надѣемся доказать это, когда впослѣдствіи будемъ говорить объ отдѣльныхъ ссорахъ и столкновеніяхъ.—Всѣ уступки и компромиссы разбивались объ эту скалу невольничества, на которую однако государственный корабль стремился все болѣе и болѣе. Мы ничего не говоримъ о моральномъ значеніи рабства; лучшіе люди Юга сами защищали это учрежденіе только изъ политическихъ разсчетовъ; одни фанатики и глупцы думали сохранить невольничество, основываясь на библіи и религіи. Приведемъ взглядъ на рабство пре-

зидента Джефферсона; онъ самъ былъ южанинъ, самъ былъ рабовладѣлецъ и въ тоже время одинъ изъ самыхъ умнѣйшихъ государственныхъ людей Союза; онъ принадлежалъ къ отцамъ — основателямъ республики, на учрежденія которой такъ часто ссылались южане. Вотъ что говоритъ онъ въ своихъ замѣткахъ о Виргиніи:

„Всѣ отношенія между господами и рабами представляютъ безконечное поприще самыхъ необузданныхъ страстей. Съ одной стороны—безграничный деспотизмъ, съ другой — самое унизительное подчиненіе. Дѣти видятъ это и идутъ тѣмъ же самымъ путемъ, потому что человѣкъ есть подражающее существо. Какія проклятія навлечетъ на себя тотъ государственный человѣкъ, который допуститъ, чтобы одна половина гражданъ съ презрѣніемъ попирала права другой и искореняла въ въ ней всякую нравственность и всякую любовь къ отечеству! А вмѣстѣ съ нравственностію погибнетъ также торговля и промышленность. Да и кто станетъ трудиться, особенно еще въ жаркомъ климатѣ, когда можетъ во всякое время заставить другого работать на себя? Поэтому намъ рѣдко приходится видѣть, чтобы рабовладѣльцы сами работали. Кто нарушаетъ естественные законы, —а по нимъ всѣ люди равноправны, —тотъ неминуемо навлекаетъ на себя ихъ месть. Когда же я подумаю о справедливости божіей, меня объемлетъ трепетъ.... Ужели же она когда нибудь не пошлетъ бѣдствій гражданской войны, даже совершенной погибели на нашу страну?“

Эти пророческія слова впослѣдствіи исполнились буквально.

Первыя политическія партіи не обращали вниманія на вопросъ о невольничествѣ, но съ теченіемъ времени онъ получилъ наконецъ столь великую важность, что онѣ сами наконецъ стушевались передъ нимъ. Такъ какъ мы уже прежде сказали, что еще во время объявленія независимости Соединенныхъ Штатовъ рабство уже существовало во всѣхъ колоніяхъ, теперь кстати будетъ показать, какимъ образомъ произошло извѣстное дѣленіе штатовъ на свободные и рабовладѣльческіе. Согласно съ конституціею невольничество принадлежало къ домашнимъ учрежденіямъ каждаго въ отдѣльности штата и общее союзное правительство не имѣло никакого права вмѣшиваться въ это домашнее учрежденіе. Вслѣдствіе этого оно мало по мало было уничтожено въ сѣверныхъ штатахъ и удержалось въ южныхъ. Въ самомъ первомъ государственномъ документѣ Соединенныхъ Штатовъ, именно, въ объявленіи независимости 1776 года, гдѣ 13 колоній изложили предъ свѣтомъ тѣ основанія и притѣсненія, которыя заставили ихъ отдѣлиться отъ Англіи, уже были сдѣланы нѣкоторыя уступки рабству. Въ первоначальномъ спискѣ этого акта находилась даже объ этомъ на 19 стр. статья, которая впослѣдствіи была вычеркнута, такъ что объявленіе о независимости появилось безъ нея.

Въ 1787 году была принята конституція, которая и до сихъ поръ имѣетъ обязательную силу, поэтому мы должны разсмотрѣть ее, по крайней мѣрѣ насколько она

признаетъ и защищаетъ принципъ рабства. Количество прямыхъ налоговъ и число представителей, посылаемыхъ каждымъ штатомъ въ конгрессъ, опредѣляется въ этой конституціи соразмѣрно съ населеніемъ каждаго штата. Законъ этотъ выражается слѣдующимъ образомъ:

„Къ числу всѣхъ лицъ штата, считая между ними и тѣхъ, которыя только на опредѣленное время находятся здѣсь въ услуженіи, исключая впрочемъ неплатящихъ налоговъ индѣйцевъ, нужно еще прибавлять три пятыхъ остального населенія."

Подъ послѣдними подразумѣваются рабы. Вслѣдствіе этого рабовладѣльцы получали совершенно несправедливое преимущество предъ другими гражданами Сѣвера, неимѣющими рабовъ, потому что ихъ собственность, т. е. рабы, давала имъ возможность посылать въ конгрессъ большее число депутатовъ, тогда какъ жители Сѣвера, имущество которыхъ заключалось въ землѣ, въ деньгахъ или въ чемъ-нибудь другомъ, не могли извлечь изъ него подобной пользы.

Относительно бѣглыхъ рабовъ говорится: „если кто нибудь, поступившы на службу, или обязавшись работать въ одномъ какомъ-нибудь штатѣ, убѣжитъ въ другой, то онъ не можетъ быть освобожденъ закономъ и постановленіемъ послѣдняго штата отъ прежней своей службы и долженъ быть выданъ по требованію того, кому онъ обязался прежде работать или служить."

Слѣдующее постановленіе относится къ такъ называемой сѣверозападной территоріи, уступленной Союзу

нѣкоторыми штатами, 1787 года, въ видѣ общественной собственности:

„Въ сѣверо-западной территоріи, а равно и въ каждомъ новомъ штатѣ, который съ теченіемъ времени можетъ быть присоединенъ къ Союзу, рабство должно быть навсегда воспрещено.“

Такимъ образомъ въ силу этого постановленія ни одинъ рабовладѣльческій штатъ не можетъ быть вновь присоединенъ къ Союзу. Но такъ какъ въ то время только 6 изъ всего числа существующихъ штатовъ удерживали невольничество, а въ 1860 году ихъ было уже 15, то изъ этого одного мы можемъ видѣть, что южные штаты этотъ пунктъ противузаконно нарушали цѣлыхъ девять разъ.

Ближайшій поводъ къ борьбѣ за невольничество представился первый разъ, когда Мэриландъ и Виргинія уступили Союзу округъ Колумбію, съ тѣмъ чтобы здѣсь былъ построенъ главный городъ Союза—Вашингтонъ. Въ то время въ этомъ округѣ существовало рабство, а потому враги этого учрежденія всѣми силами старались склонить конгрессъ на то, чтобы уничтожить его здѣсь, такъ какъ, по конституціи, конгрессу принадлежало исключительное право давать законы Колумбіи. Напротивъ сторонники рабства сопротивлялись этому, такъ что конгрессъ послѣ продолжительныхъ споровъ постановилъ наконецъ большинствомъ голосовъ: „чтобы на будущее время была запрещена всякая продажа невольниковъ въ округъ Колумбію.“

Слѣдующее затѣмъ постановленіе касательно неволь-

ничества состояло въ такъ называемомъ „Миссурскомъ компромиссѣ.“ Въ 1803 году Франція продала Соединеннымъ Штатамъ за 15 милліоновъ долларовъ большую область Луизіану, къ западу отъ Миссисипи. Изъ этой огромной области впослѣдствіи были образованы штаты: Луизіана, Миссури, Іова, Миннезота, Канзасъ, Арканзасъ и Орегонъ; далѣе территоріи: Небраска, Дакота, Монтана, Идаго, Вашингтонъ, Невада, Юта и Колорадо. Изъ нихъ въ 1812 году Луизіана уже признана была штатомъ, но когда понадобилось сдѣлать новый штатъ при устьѣ Миссури, то тутъ прежде всего представился вопросъ — „рабовладѣльческій, или свободный?“ Предложеніе закона (такъ называемаго Missouri-Restriction-Bill), запрещавшаго рабство въ этомъ новомъ штатѣ, породило какъ въ конгрессѣ, такъ и въ цѣлой странѣ чрезвычайное возбужденіе. Джефферсонъ называлъ этотъ биль „ночнымъ набатомъ.“ Уже и теперь казалось, что этотъ спорный вопросъ подыметъ гражданскую войну, однако на этотъ разъ кончили тѣмъ, что согласились, 1820 г., на слѣдующій миссурскій компромиссъ:

„Во всей территоріи, пріобрѣтенной отъ Франціи на сѣверъ отъ 36° — 30′, за исключеніемъ штата, организующагося въ настоящее время, рабство должно быть навсегда воспрещено.“

Это постановленіе съ самаго начала посѣяло сѣмена раздора и неудовольствій, такъ какъ оно противорѣчило тому договору, на который согласились прежде Сѣверъ и Югъ касательно западной территоріи; въ

немъ было сказано.... „и во всякомъ, вновь составляющемся штатѣ, рабство должно быть запрещено.“

Въ правленіе президентовъ Джона Квинси Адамса (1825—29) и Джаксона (1828—37) горизонтъ Союза все болѣе и болѣе заволакивался грозными политическими тучами, развивавшимися изъ невольническаго вопроса. При Адамсѣ, въ 1822 году, былъ введенъ законъ о покровительственныхъ пошлинахъ, имѣющій цѣлію поддерживать и защищать туземное мануфактурное производство. Но этотъ законъ насколько былъ полезенъ и пріятенъ фабрикантамъ сѣверныхъ штатовъ, настолько же раздражалъ противъ себя южные штаты, которые занимались обработкою полей, и они казалось выжидали только предлога, чтобы помѣряться своими политическими силами съ Сѣверомъ. Такой предлогъ скоро представился, именно когда нѣкоторые товары были обложены пошлинами. И тогда, все равно какъ въ 1860 году, Южная Каролина считалась гнѣздомъ измѣны (hodbet of treason), колыбелью мятежа (cradle of rebellion); она гордилась этимъ и на пути измѣны увлекла всѣ другіе рабовладѣльческіе штаты. Въ 1832 году, подъ предводительствомъ Кэльгуна, она объявила себя внѣ всякаго союза съ Соединенными Штатами, такъ какъ на конгрессѣ была утверждена подать, которая ей не нравилась. Собраніе называло тарифъ дѣломъ противузаконнымъ (на какомъ основаніи — объ этомъ ничего не сказано) и грозило, что если союзное правительство будетъ пытаться взимать пошлины въ Чарльстонѣ, оно вооруженною рукою

будетъ сопротивляться. Начались даже серьезныя приготовленія къ гражданской войнѣ, но смѣлость и рѣшительность Джаксона тотчасъ же остановили дѣло. Правда Кэльгунъ остался не наказаннымъ, но вѣроятно потому, что президентъ не желалъ придавать этому дѣлу большой важности въ глазахъ народа; впрочемъ впослѣдствіи онъ самъ говорилъ, что сдѣлалъ большую ошибку, не повѣсивши Кэльгуна; можетъ быть другіе демагоги и удержались бы отъ своихъ измѣнническихъ предпріятій примѣромъ подобнаго наказанія. Такимъ образомъ южные штаты хотя и были побѣждены на полѣ битвы, но въ конгрессѣ все-таки добились требуемаго ими уменьшенія налоговъ и пошлиннаго тарифа.

Въ 1838 году, въ президенство фанъ-Бюрена, южные штаты снова получили нѣкоторыя совершенно незаконныя уступки отъ конгресса. Сѣверяне еще разъ рѣшились уступить, лишь бы только предупредить гражданскую войну, которою южане всегда угрожали въ случаѣ непринятія ихъ требованій. Фанъ-Бюренъ, преданный, какъ и всѣ почти президенты до Линкольна, южнымъ интересамъ, публично заявилъ: „что онъ употребитъ свое вето противъ биля, имѣющаго цѣлію эманципацію рабовъ въ Колумбіи, такъ какъ подобный биль противорѣчитъ желаніямъ южныхъ штатовъ.“ Но спокойствіе было непродолжительно. Когда въ томъ же самомъ году Стэвъ сказалъ въ конгрессѣ очень энергическую рѣчь противъ невольничества, всѣ наличные члены южныхъ штатовъ удали-

лись изъ залы засѣданій, а Ретъ, изъ Южной Каролины, предложилъ даже объявить Союзъ несуществующимъ. Кризисъ и грозная война на этотъ разъ были предотвращены только тѣмъ, что конгрессъ объявилъ незаконными всѣ будущія петиціи о рабствѣ. Но, по смыслу конституціи, дозволялись прошенія всякаго рода, а потому настоящее ограниченіе въ пользу южныхъ штатовъ было совершенно противузаконно. Равнымъ образомъ и въ 1844 г., въ правленіе президента Тайлера, южане добились снова совершенно незаконныхъ уступокъ. Техасъ въ 1835 г. отдѣлился отъ Мехики, разбилъ высланную противъ него мехиканскую армію, а въ 1836 американскій Союзъ призналъ его самостоятельнымъ штатомъ. Въ 1844 году онъ присталъ къ числу рабовладѣльческихъ штатовъ. Рѣшеніе конгресса, утвердившее это присоединеніе, заключало въ себѣ слѣдующую незаконную увертку:

„Изъ территоріи Луизіаны могутъ быть организуемы только штаты, и притомъ не болѣе 4; эти штаты могутъ быть съ невольничествомъ, или безъ онаго, смотря по желанію каждаго штата, заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ.“

Очевидно конгрессъ, поставивши такое рѣшеніе, имѣлъ въ виду нарушить политическое равновѣсіе; присоединяя къ рабовладѣльческимъ штатамъ четыре новыхъ, а съ Техасомъ даже пять рабовладѣльческихъ штатовъ, онъ желалъ на будущее время обезпечить за рабовладѣльцами рѣшительный перевѣсъ во всѣхъ государственныхъ вопросахъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить

имъ контроль надъ всѣмъ управленіемъ. Очевидно также, что это рѣшеніе находилось въ прямомъ противорѣчіи съ Миссурскимъ компромиссомъ, который заключили между собою Сѣверъ и Югъ въ 1820 году и въ которомъ было сказано, что ни одинъ рабовладѣльческій штатъ не долженъ быть образованъ изъ территоріи Луизіаны. Но и въ этомъ случаѣ Сѣверъ опять-таки уступилъ.

2. Рабство въ политико-экономическомъ смыслѣ.

Когда Линкольнъ вступилъ въ палату депутатовъ, различные элементы сѣвероамериканской эмиграціи, въ особенности элементъ нѣмецкій, отличались необыкновенно оживленной дѣятельностью. Главные центры германизма были въ Висконсинѣ и сѣверномъ Огіо. Нѣмецкіе американцы какъ этого послѣдняго штата, такъ равно и Пенсильваніи не походили (to like) вообще на нѣмцевъ и слѣдовали въ своемъ развитіи за англоамериканскими вигами. Нѣмецкій элементъ имѣлъ также сильный вѣсъ въ западной Индіанѣ и въ восточномъ Миссури. До этихъ поръ природные американцы съ какою-то глупою гордостію смотрѣли на нѣмцевъ или Dutchmen (голландцевъ), которые однакожъ все въ большемъ и большемъ количествѣ разсыпались, какъ фермеры и землепашцы, по полямъ Союза. Нѣмцы впрочемъ очень скоро нашли для себя точку опоры, гдѣ могли приставить свой рычагъ, и такимъ образомъ участво-

вать въ общемъ движеніи Союза. Свободный земледѣльческій трудъ нѣмцевъ былъ прямо враждебенъ рабскому труду, процвѣтавшему на Югѣ республики. Миссурскій фермеръ началъ конкурировать съ владѣльцемъ южныхъ плантацій; воздѣлываніе хлопчатой бумаги, особенно въ рукахъ нѣмцевъ, достигло значительныхъ размѣровъ въ Миссури. Наши нѣмецкіе земляки замѣтили поразительное сходство, существующее между воздѣлываніемъ хлопка въ Америкѣ и картофеля въ Сѣверной Германіи; они въ скоромъ времени нашли средство получать возможно большіе сборы; прилежно и не жалѣя трудовъ, они разрыхляли и размельчали почву вокругъ хлопчатника. Конечно, западный хлопокъ не могъ вполнѣ соперничать съ хлопкомъ, произраставшимъ на почвѣ южныхъ штатовъ, да и самая выдѣлка и отдѣленіе хлопка отъ растенія имѣли тамъ большія преимущества надъ миссурскою обработкою. Не смотря на все это, свободный хлопокъ явился на рынкѣ и западъ молча занялся воздѣлываніемъ его при помощи свободныхъ силъ. Но гдѣ бѣлый человѣкъ можетъ заниматься одинаковой работой съ негромъ, что напримѣръ случилось въ Миссури, тамъ невольническій трудъ погибаетъ, т. е. не приноситъ достаточныхъ процентовъ съ того капитала, который заключается въ человѣческихъ мускулахъ.

Считаемъ умѣстнымъ сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о количествѣ прибыли, какую обыкновенно получали изъ невольническаго труда въ западныхъ штатахъ (Сѣвера). Капиталъ, употребленный на рабовъ въ

Кентукки и Миссури, давалъ обыкновенно менѣе трехъ процентовъ чистой прибыли. Мы представимъ здѣсь статистическія свѣдѣнія, составленныя министромъ Тэрнеромъ, который, будучи самъ рабовладѣльцемъ, поставилъ себѣ непремѣнною задачею изслѣдовать положеніе рабовъ въ западныхъ штатахъ. Касательно Кентукки мы находимъ у него слѣдующія данныя.—Имущество, заключающееся въ рабахъ, составляло въ этомъ штатѣ около 71 милл. долларовъ. Число рабовъ доходило почти до 200,000. Но около трехъ четвертей этого числа составляли или совсѣмъ старые и больные рабы, или же женщины въ такомъ положеніи, что онѣ не могли отправляться на тяжелыя работы; наконецъ или неспособныя къ работѣ дѣти. Такимъ образомъ эти три четверти невольниковъ являются не пріобрѣтающимъ, а напротивъ убыточнымъ капиталомъ. Но если мы, допуская самое большее, примемъ, что эти 150,000 головъ могутъ сами себя содержать и прокармливать, то послѣ этого остается только 50,000 работниковъ, изъ которыхъ каждый способенъ доставить круглымъ числомъ прибыли до 60 долларовъ. Слѣдовательно 50,000 способныхъ къ работѣ невольниковъ ежегодно приносили валовой доходъ въ 3 милліона долларовъ. Но для того, чтобы имѣть чистый барышъ, мы должны вычесть по 20 долларовъ на каждую душу: изъ этихъ денегъ рабъ будетъ имѣть одежду, жилище, пищу и издержки на лѣкаря — итакъ, всего нужно вычесть 1,000,000 долларовъ. Конечно мы совершенно не беремъ здѣсь въ разсчетъ того, что про-

падаетъ по милости раба, что онъ украдетъ — а къ сожалѣнію почти всѣ рабы крадутъ — что онъ продастъ за безцѣнокъ лично своимъ покупателямъ. Самый большой барышъ равняется слѣдовательно 2,000,000 долларовъ. Но изъ этихъ двухъ милліоновъ нужно вычесть еще 5 процентовъ на смертные случаи. Послѣ всего этого чистая прибыль равняется — будемъ уже брать какъ можно больше — 1,695,000 долларовъ, т. е. капиталъ, затраченный на рабовъ, приноситъ менѣе, чѣмъ три процента.

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще нѣкоторыя другія причины, которыя уменьшаютъ производительность капитала, представляемаго рабами. Такъ напримѣръ, капиталъ въ рабахъ теряетъ часть своей цѣнности во всѣхъ тѣхъ штатахъ, которые граничатъ съ свободными округами, потому что при этомъ рабамъ всегда представляются удобные случаи къ побѣгу. Далѣе, свободный трудъ гораздо выгоднѣе невольническаго тамъ, гдѣ страна находится въ одинакихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ какъ по своему климату, такъ и по прочимъ условіямъ, дозволяющимъ конкурренцію. Прибыль, получаемая свободнымъ трудомъ изъ земли, скоро начала превышать барыши рабскаго труда сначала въ два и три раза, а потомъ въ пять и пять съ половиною разъ. Вмѣстѣ съ хлопчатой бумагой стали воздѣлывать рисъ; точто также и разведеніе табаку сдѣлалось любимымъ занятіемъ нѣмецкихъ фермеровъ. Послѣ только что указанныхъ нами причинъ, плантатору уже не было выгодно затрачивать бо̀льшій капи-

талъ на рабовъ и продолжать конкурренцію съ свободнымъ трудомъ въ Кентукки и Миссури. Даже въ южныхъ частяхъ Союза, не смотря на численное увеличеніе рабовъ, цѣнность этой собственности начала мало по малу упадать. Конечно, были многія другія причины, обусловливающія этотъ въ высшей степени важный результатъ, но несомнѣнно также и то, что увеличеніе свободныхъ силъ, принадлежащихъ по большей части нѣмецкимъ колонистамъ, на западѣ должно было существенно содѣйствовать упадку процентовъ съ невольничьяго капитала. Слѣдуетъ также указать здѣсь и на то обстоятельство, что прямое противодѣйствіе рабскаго труда свободному воздѣлыванію земли нѣмецкими фермерами принудило этихъ послѣднихъ перейти въ лагерь свободныхъ землепашцевъ и слѣдовательно стать на сторону виговъ. Тотъ же самый Авраамъ Линкольнъ былъ довѣреннымъ и уполномоченнымъ лицемъ и нашей нѣмецкой братіи, живущей на земляхъ Соединенныхъ Штатовъ. И нѣмцы, можемъ быть, ожидали отъ Линкольна гораздо большаго, нежели сколько они могли получить отъ кого-нибудь другого, даже принадлежащаго къ ихъ собственной націи. Нѣмцы поступили очень практично, когда стали искать защитника своихъ интересовъ въ рядахъ природныхъ американцевъ англійскаго племени, потому что нужно было истребить сильную антипатію къ нимъ, нужно было устранить многія препятствія и затрудненія, встрѣтившіяся нѣмцамъ при вступленіи ихъ въ обширную политическую жизнь Союза. Съ того самаго времени, когда Линкольнъ

поступилъ въ палату депутатовъ и до самаго взрыва возмущенія на Югѣ, можно ясно прослѣдить постоянное возрастаніе политическаго значенія нѣмецкихъ поселенцевъ. Западные нѣмцы вполнѣ положились на Линкольна, истаго и закаленнаго вига; они, постоянные въ своихъ симпатіяхъ, что дѣйствительно свойственно нѣмцамъ, въ большомъ количествѣ примкнули къ той партіи, которая въ концѣ концовъ подняла на щитъ почтеннаго Абе и посадила его на президентское кресло.

Еще прежде, при общемъ обзорѣ политическаго развитія Соединенныхъ Штатовъ, мы указали на состояніе республики въ правленіе Полька. Война противъ Мехики велась при необыкновенно благопріятныхъ обстоятельствахъ для республики. Техасъ былъ присоединенъ и слѣдовательно главная цѣль войны достигнута, но храбрая союзническая армія, вслѣдствіе различныхъ интригъ окружавшихъ президента лицъ, очень дурно была награждена. Заслуженнѣйшіе солдаты и офицеры, у которыхъ неоднократно во время самаго похода задерживали жалованье и даже провіантъ, были отпущены теперь безъ всякой расплаты, не смотря на то, что при началѣ кампаніи, во время сформированія полковъ, плата и всякое награжденіе обѣщались самымъ торжественнымъ образомъ. Авраамъ Линкольнъ обратилъ прежде всего свою дѣятельность противъ системы подкуповъ, отъ которыхъ оккупаціонная армія такъ много пострадала и все еще продолжала страдать, такъ какъ она еще не была распущена. За всѣ тѣ жертвы, которыя были принесены Союзомъ, Линкольнъ добивался

какихъ нибудь иныхъ результатовъ, кромѣ одной только прокламаціи, торжественно возвѣщавшей, что Техасъ долженъ быть складочнымъ пунктомъ, центромъ невольнической торговли въ Союзѣ. На основаніи только однихъ тѣхъ положеній, которыя изложены въ предварительной исторіи Союза, безъ всякихъ особенныхъ указаній, мы легко можемъ понять, что въ конгрессѣ смотрѣли на техасскія событія, какъ бы они ни были важны сами по себѣ, только какъ на орудія разнообразныхъ соперничествующихъ партій. Вильмотъ, пенсильванскій депутатъ, сдѣлалъ предложеніе запретить навсегда рабство во всѣхъ вновь пріобрѣтенныхъ, а также и вновь присоединяемыхъ къ Союзу штатахъ и территоріяхъ. Послѣ всего этого намъ интересно будетъ узнать, въ какое отношеніе поставилъ себя Авраамъ Линкольнъ къ такъ называемому вильмотскому предложенію.

Во всякомъ случаѣ на предложеніе Вильмота можно смотрѣть какъ на пограничный камень, разъ навсегда отдѣлившій интересы Юга отъ интересовъ Сѣвера. Вильмотъ опустилъ свой зондъ въ ту глубокую пропасть, которая раздѣляла Сѣверъ отъ Юга. Это было сигналомъ какъ бы того, чтобы партія свободныхъ поселянъ, партія, образовавшаяся изъ приверженцевъ самыхъ разнообразныхъ мнѣній, наконецъ сформировалась, выступила и начала вызывать на битву всѣхъ какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ друзей рабства, всѣ домашнія учрежденія Юга, и написала на своемъ знамени гуманность.

3. Точка зрѣнія народнаго оратора.

Чтобы доставить побѣду принципамъ своей партіи, Линкольнъ отложилъ въ сторону благородные мотивы друзей человѣчества; тѣмъ большее вниманіе онъ обратилъ на тѣ законы Соединенныхъ Штатовъ, которые представляли необходимую опору для его намѣреній. Изъ него мало по малу выработался человѣкъ, основывающійся на исторически данныхъ и законно обязательныхъ отношеніяхъ общества. Его взглядъ на положеніе рабовъ, выяснившійся, какъ мы уже сказали, только въ 1837 году, вначалѣ имѣлъ въ себѣ что-то загадочное для всѣхъ непосвященныхъ. Поэтому друзья негровъ, ставшіе подъ знамена свободныхъ землепашцевъ, были очень непріятно поражены, когда узнали, что Авраамъ Линкольнъ, представитель западныхъ виговъ, сталъ пропагандировать въ пользу Захарія Тэйлора—кандидата на президентство со стороны виговъ, а не въ пользу Мартина фанъ-Бюрена—кандидата свободныхъ землепашцевъ. Во время выборовъ 1848 г. Линкольнъ предпринялъ свой ораторскій походъ за генерала Тэйлора и этимъ принесъ существеннѣйшую пользу вигскому кандидату.

Историкъ, описывающій союзный конгрессъ, могъ бы взять на себя трудъ точнѣе вникнуть въ дѣятельность такого предводителя партіи, каковымъ считался Авраамъ Линкольнъ. Но мы не можемъ разсчитывать здѣсь на вниманіе даже и тѣхъ изъ нашихъ читателей, ко-

торыхъ сколько-нибудь интересуетъ подробное изложеніе тогдашней борьбы партій, которую даже и въ настоящее время едва ли еще можно хорошенько понять. Еще менѣе мы можемъ искушать всеобщую любознательность до такой степени, чтобы начать откапывать изъ среды часто утомительныхъ дебатовъ тѣ мнѣнія Линкольна, которыя онъ подавалъ за или противъ какого-нибудь вопроса.

Поэтому для насъ достаточно будетъ обозначить основныя воззрѣнія Линкольна, высказанныя имъ въ качествѣ кандидата въ конгрессъ, воззрѣнія его какъ президента, тѣ самыя, за которыя онъ впослѣдствіи умеръ.

Линкольнъ признавалъ мудрость отцовъ американской свободы, подписавшихъ актъ о независимости и конституцію; онъ безусловно держался того мнѣнія, что учрежденія мудрыхъ предковъ должны быть соблюдаемы. Но въ борьбѣ партій, принимающей все болѣе и болѣе безотрадный видъ, въ хаосѣ различныхъ другъ другу противорѣчащихъ интересовъ, въ ложныхъ выводахъ, основывающихся на запутанныхъ частныхъ принципахъ; въ стремленіи сѣверныхъ и южныхъ агитаторовъ расторгнуть, при помощи позволительныхъ и непозволительныхъ средствъ, внутреннее единеніе Соединенныхъ Штатовъ: — прямой и немудрствующій Линкольнъ никакъ не хотѣлъ видѣть занимающейся зари болѣе счастливаго будущаго великой республики. Это былъ человѣкъ серьезный, вѣрующій и богобоязненный; онъ часто заявлялъ, что ему нечего бояться какого бы

то ни было обвиненія, потому что его совѣсть всегда чиста. Линкольнъ никогда не колебался въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ; при всѣхъ возможныхъ столкновеніяхъ у него всегда былъ одинъ надежный руководитель — писанное политическое откровеніе и гуманныя преданія отцовъ американской свободы, т. е. основные законы Союза и добавочные пункты.

Этотъ замѣчательный государственный человѣкъ, съ самаго начала своей политической роли и до окончательной побѣды надъ отдѣлившимися южными штатами, всегда оставался вѣренъ своему основному принципу. Онъ непоколебимо стоялъ на данномъ законѣ и правѣ; опираясь на историческій фундаментъ политическаго развитія Союза, онъ старался на этомъ фундаментѣ воздвигнуть такое новое зданіе, которое бы совмѣщало въ себѣ одни и тѣ же права, одни и тѣ же обязанности для всѣхъ безъ различія гражданъ Союза.

Во всѣхъ рѣчахъ, сказанныхъ Линкольномъ или въ пользу своей партіи и ея кандидатовъ, или въ защиту своихъ убѣжденій — вездѣ проглядываетъ одинъ основный мотивъ: „законы Союза должны считаться неприкосновенными“. Отцы допустили существованіе рабства, а потому ни одинъ гражданинъ, принесшій присягу конституціи, не смѣетъ заносить свою руку на пораженіе рабства въ тѣхъ штатахъ, „домашнія учрежденія“ которыхъ не тронуты самою конституціею, иначе онъ будетъ клятвопреступникомъ. Напротивъ, въ свободныхъ штатахъ никогда не можетъ быть и рѣчи объ учрежденіи рабства, потому

что они сами разъ навсегда произнесли свой окончательный приговоръ надъ такимъ соціальнымъ устройствомъ. По понятіямъ Линкольна, дѣла сложились во вновь принятыхъ штатахъ и территоріяхъ своимъ особеннымъ, исключительнымъ образомъ. Законы Соединенныхъ Штатовъ, составленные предками, не имѣли, да и не могли имѣть въ виду этихъ новыхъ членовъ государственнаго Союза; потому что ни одинъ изъ тѣхъ отцовъ, мудрость и благоразуміе которыхъ прославляются въ каждомъ изъ народныхъ собраній Сѣвера и Юга, не былъ на столько проницателенъ, чтобы предвидѣть, что Соединенные Штаты созданы для того, чтобы соединить мало по малу всю Сѣверную Америку въ одно свободное политическое общество.

Калифорнія, до тѣхъ поръ пока принадлежала Мехикѣ, была страной дикой, неизслѣдованной, населяемой грубыми индѣйскими племенами, но поступивши во владѣніе предпріимчивыхъ американцевъ, она начала возвышаться и развиваться съ необыкновенной быстротой. Ея богатые золотые рудники, о существованіи которыхъ мехиканцы и не подозрѣвали, а если бы впрочемъ и знали, то по лѣности своей никакъ не стали бы разработывать ихъ, во всякомъ случаѣ не могли ускользнуть отъ вниманія вышедшихъ „на открытія“ американцевъ, и въ скоромъ времени цѣлыя тысячи дѣятельныхъ янки принялись разработывать ихъ. Послѣ этого Калифорнія уже въ 1848 году имѣла достаточное количество жителей, для того чтобы вступить въ Союзъ въ ка-

чествѣ самостоятельнаго, свободнаго штата. То обстоятельство, что южные штаты воспротивились ея принятію въ Союзъ, можетъ указать намъ, до какой необыкновенной степени доходили тогда притязанія этихъ штатовъ. Въ то время весь Союзъ состоялъ изъ 15 свободныхъ и 15 рабовладѣльческихъ штатовъ; слѣдовательно если бы пришлось объявить Калифорнію свободнымъ штатомъ, то очевидно, свободные штаты получили бы перевѣсъ, чего никакимъ образомъ не хотѣли невольническіе штаты. Трудно представить себѣ, какъ эти послѣдніе со своими депутатами могли такъ безцеремѣнно обращаться съ закономъ и правомъ; но болѣе всего было оскорбительно то, что подобныя противозаконныя дѣйствія, подобное безстыдное нарушеніе всѣхъ договоровъ, заключенныхъ съ сѣверными штатами, не были рѣдкимъ, одинокимъ явленіемъ; напротивъ со времени нарушенія Миссурскаго компромисса они были какъ бы непрерывнымъ рядомъ слѣдствій одной твердо установившейся системы: никакой договоръ, никакой законъ, словомъ, — ничто не было священно для нихъ. Такъ какъ договоръ, заключенный въ правленіе Тэйлора съ Сѣверомъ, въ которомъ всякому новому штату дозволялось вступать въ Союзъ на правахъ свободнаго или невольническаго штата, уничтожалъ прежде существовавшія постановленія Миссурскаго компромисса, то Сѣверъ и въ настоящемъ случаѣ, чтобы сохранить миръ и предупредить гражданскую войну, подавивъ свое отвращеніе къ рабству, рѣшился еще разъ уступить. Но

такъ какъ Калифорнія, опираясь на только что упомянутый договоръ, непремѣнно хотѣла поступить въ Союзъ свободнымъ штатомъ, то южные штаты снова начинаютъ споръ, но уже съ какимъ то небывалымъ ожесточеніемъ. Къ чему все это клонилось? Слова уже были начертаны на стѣнѣ, очевидно что скоро, и даже очень скоро долженъ былъ настать кризисъ.

Но прежде чѣмъ успѣли покончить дѣла съ Калифорніей, приблизилось время президентскихъ выборовъ — конецъ 1849 года; и такъ какъ уже давно замолкли всякія другія несогласія партій, то въ настоящее время кандидаты стояли другъ противъ друга, раздѣленные только однимъ вопросомъ о невольничествѣ. Тэйлоръ, виргинецъ и рабовладѣлецъ, былъ кандидатомъ со стороны южанъ, Кэссъ и фанъ-Бюренъ, послѣдній былъ представителемъ требованій Вильмота или такъ называемаго образованія свободныхъ земледѣльцевъ, со стороны Сѣвера. Былъ избранъ Тэйлоръ. но къ чести его нужно сказать, что онъ никогда не былъ простымъ, слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ южныхъ демократовъ. Одной южной депутаціи, грозившей ему расторженіемъ Союза и гражданской войной, онъ отвѣчалъ:

„Что если будетъ поднято знамя возмущенія, то онъ лично отправится на поле битвы, во главѣ арміи волонтеровъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ падавить его; и для того чтобы достигнуть этой цѣли, ему вовсе не нужно будетъ обращаться съ возваніемъ ни къ одному солдату Сѣвера.“

Приближался 1850 годъ, а Калифорнія все еще

стучала въ двери Союза, между тѣмъ какъ внутри Союза споры все болѣе и болѣе разгорались. Наконецъ Генри Клэй предложилъ свой знаменитый „Компромиссъ-биль“, надѣясь при помощи его примирить партіи. Три главные пункта его были слѣдующіе:

1) Принятіе Калифорніи въ Союзъ въ качествѣ свободнаго штата.

2) Распространеніе рабства на области, присоединенныя отъ Мехики.

3) Строгій и повсемѣстный законъ о поимкѣ убѣжавшихъ рабовъ (Fugitive slave law).

На первый пунктъ нельзя смотрѣть какъ на уступку со стороны Юга, потому что онъ былъ только приведеніемъ въ дѣйствіе прежнихъ соглашеній; вся противозаконность состояла только въ томъ, что Югъ вообще осмѣливался противорѣчить.

Слѣдующій пунктъ не содержитъ въ себѣ никакихъ новыхъ постановленій, потому что онъ оставляетъ мехиканскія области въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ онѣ находились до предложенія Вильмота, т. е. рабство получило туда уже законный доступъ.

Но послѣдній пунктъ требуетъ болѣе обстоятельной оговорки, чтобы хорошенько понять точки зрѣнія партій 1860 года. Этотъ послѣдній законъ особенно въ своихъ подробностяхъ былъ такъ жестокъ и несправедливъ, что серьезно можно было подумать, будто южные политики предложили его съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ непринятія или несоблюденія его со стороны Сѣвера, имѣть какой нибудь предлогъ начать гражданскую войну.

Выдача бѣглыхъ рабовъ ихъ хозяевамъ, какъ мы прежде уже сказали, обезпечивалась конституціей. Но настороніе Сѣвера съ теченіемъ времени сдѣлалось столь враждебно рабству, что обратное полученіе бѣглаго раба безъ нарушенія какихъ нибудь правъ, также утвержденныхъ конституціей, стало дѣломъ совершенно невозможнымъ. Эти права были:

1) право каждаго, въ случаѣ обвиненія въ какомъ нибудь преступленіи, требовать суда присяжныхъ;

2) право, основывающееся на актѣ Habeas Corpus, т. е. чтобы каждый арестованный тотчасъ-же узнавалъ причину своего заключенія, былъ выслушанъ въ продолженіе 24 часовъ и, исключая нѣкоторые случаи, былъ освобожденъ и отданъ на поруки до рѣшенія суда.

Но законъ о бѣглыхъ рабахъ отнималъ у каждаго обвиненнаго въ томъ, что онъ бѣглый рабъ, оба вышеупомянутыя права. Югъ утверждалъ, что рабъ-негръ долженъ считаться не лицемъ, а вещью (chattel). Не вдаваясь въ изслѣдованія о томъ, на какомъ основаніи въ южныхъ штатахъ съ теченіемъ времени привыкли смотрѣть на рабовъ, какъ на вещи, мы будемъ поражены и возмущены уже однимъ тѣмъ, что это свободное провинціальное выраженіе хотѣли сдѣлать основаніемъ законныхъ постановленій.

И это тѣмъ болѣе будетъ странно, если мы только вспомнимъ, что въ конституціи слово „slave“ (рабъ) совершенно не встрѣчается и рабы всегда называются словомъ „persons“. Слѣдовательно, если не извращать и не коверкать злонамѣренно смыслъ словъ, то рабы, коль

скоро они убѣжали въ свободные штаты и пока еще не доказано, что они дѣйствительно бѣглые рабы (а то вѣдь очень часто случалось, что захватывали и свободныхъ лицъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они рабы),—должны считаться вообще „лицами", а потому и пользоваться всѣми правами, гарантированными конституціей. Но на дѣлѣ ничего этого не бывало. Мнимый бѣглецъ не смѣлъ защищаться; по одному отношенію изъ того мѣста, откуда предполагалось, что онъ бѣжалъ, его могли схватить и затѣмъ, если клятвенное показаніе или показаніе свидѣтелей достаточно убѣждало коммиссара въ его личности, онъ тотчасъ былъ отсылаемъ въ требуемое мѣсто. Мало того, чтобы сдѣлать этотъ законъ еще болѣе пристрастнымъ, болѣе жестокимъ и обратить его въ совершенное орудіе слѣпаго деспотизма въ рукахъ южанъ, вышеупомянутые коммиссары, которымъ поручалось окончательное рѣшеніе въ подобныхъ случаяхъ, были союзными чиновниками, выбирались союзнымъ правительствомъ и такъ какъ правительство уже давно находилось подъ вліяніемъ южныхъ штатовъ, были поэтому непосредственными орудіями этихъ послѣднихъ. Каждый административный чиновникъ, каждое судебное лицо, каждый частный человѣкъ обязанъ былъ подъ страхомъ наказанія оказывать коммиссару всевозможную помощь и содѣйствіе для задержанія и надежнаго охраненія подобнаго раба. Коммиссары получали за каждаго пойманнаго и выданнаго раба по десяти долларовъ; эти деньги, какъ и всякія другія судебныя издержки, выплачивались изъ государственной казны

Союза. Итакъ всѣ, начиная съ президента и оканчивая самымъ послѣднимъ гражданиномъ, сдѣлались вслѣдствіе этого закона невольничьими охотниками. Совершенно нельзя понять, какимъ образомъ такія деспотическія мѣры могли обратиться въ законъ; между тѣмъ это было въ 1850 году, въ правленіе президента Фильмора!

Но время еще не наступило. Еще рабовладѣльцамъ было позволено въ продолженіе многихъ лѣтъ сѣять зубы драконовъ, изъ которыхъ современемъ должны были вырости ихъ собственная погибель и позоръ. Еще мѣра долготерпѣнія не была совершенно исчерпана въ сердцѣ Сѣвера; еще не умерло здѣсь врожденное послушаніе и благоговѣніе предъ всѣмъ тѣмъ, что повелѣвалъ законъ, хотя-бы то были повелѣнія безчеловѣчныя, противуестественныя. Тамъ еще охотно соглашались доводить свою уступчивость даже до слабости, лишь-бы только не поколебать тотъ славный храмъ атлантической свободы, на который взирали цѣлые милліоны изъ стараго свѣта какъ на новый Іерусалимъ. Авраамъ Линкольнъ, вопреки всякому произволу, выступилъ съ своимъ совершенно особеннымъ толкованіемъ закона въ проломѣ, уже образовавшемся въ зданіи Союза.

Когда Стефанъ А. Дугласъ внесъ Канзасъ-небраскій биль (1854), Авраамъ Линкольнъ тотчасъ со всѣмъ жаромъ возсталъ противъ этого закона, который подвергалъ опасности жизнь его партіи, первѣйшія условія спокойствія, счастія и прогрессивнаго движенія его отечества, чтобы отстранить вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго

главнаго, искуснаго предводителя партіи, который уже былъ близокъ къ самому высшему посту въ Соединенныхъ Штатахъ.

Этотъ роковой Канзасъ-небраскій билль былъ слѣдующаго содержанія: законъ 1850 года, касающійся бѣглыхъ рабовъ, долженъ быть распространенъ какъ на область Небраску, такъ и на прочія новыя территоріи — Юту, Орегонъ, Вашингтонъ и Канзасъ; онъ долженъ оставить за этими областями, по примѣру Калифорніи и Новой-Мехики, полное право рѣшать въ своихъ законодательныхъ собраніяхъ, нужно-ли въ въ этихъ территоріяхъ вводить рабство, или не нужно.

Но такъ какъ обѣ территоріи, Канзасъ и Небраска, были населены только выходцами изъ Сѣвера и поэтому можно было предвидѣть, что онѣ не замедлятъ организоваться въ свободные штаты, то Стефанъ А. Дугласъ, иллинойскій демократъ и въ тоже время преданный южнымъ интересамъ, своимъ предложеніемъ хотѣлъ заставить обѣ эти территоріи, не обращая вниманія на желанія самихъ ея жителей, образовать изъ себя „рабовладѣльческія территоріи“. Предложеніе его быстро прошло чрезъ обѣ палаты и, вслѣдствіе подписи президента, сдѣлалось закономъ. Поразительно, съ какою безцеремонностью и дерзостью Югъ все болѣе и болѣе нарушалъ старинныя соглашенія, съ какою поспѣшностью онъ постановлялъ новыя и потомъ опять нарушалъ ихъ. Главная причина этого была та, что Сѣверъ необыкновенно быстро расширялъ свои владѣнія къ западу. Но такъ какъ почти всѣ новые поселенцы въ Соединеныхъ

Штатахъ, за очень малымъ исключенiемъ, были противъ рабства, то южанамъ было почти совершенно невозможно сражаться съ Сѣверомъ на законной почвѣ. Мы намѣрены здѣсь вкратцѣ представить положенiе Юга въ отношенiи къ территорiи Луизiанѣ.

1) Изъ этой области, за исключенiемъ Миссури, не можетъ быть образованъ ни одинъ рабовладѣльческiй штатъ.

2) Но по желанiю самихъ поселенцевъ можно изъ нея организовать не болѣе четырехъ новыхъ рабовладѣльческихъ штатовъ.

3) Калифорнiи не предоставляется права самой постановлять объ этомъ свое собственное рѣшенiе.

4) То же самое обязательно для Канзаса и Небраски.

Но если мы вспомнимъ, что Канзасъ имѣлъ совершенно свободное населенiе, то очевидно, что этотъ противозаконный декретъ можно было только силою привести въ исполненiе. И дѣйствительно, вооруженная банда миссурскихъ рабовладѣльцевъ заняла силою территорiю Канзасъ, начала предписывать законы о рабахъ, убивала и изгоняла свободныхъ поселенцевъ, совершала всякiя жестокости и ужасы и въ заключенiе всего положительно объявила эту область рабовладѣльческимъ штатомъ. Спустя довольно долгое время, Сѣверъ наконецъ таки пробудился и пришелъ къ той мысли, что было-бы преступленiемъ безучастно взирать и сносить обиды своимъ собратiямъ въ Канзасѣ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ сѣверныхъ штатовъ двинулись теперь вооруженныя толпы на помощь къ угнетеннымъ, прогнали разбойничьи и

грабительскія шайки и опять возстановили тамъ старинныя свободныя учрежденія. Но только 29 генваря 1861 г., когда Союзъ уже страдалъ отъ возмущенія, Канзасъ вступилъ въ него въ качествѣ свободнаго штата.

Въ правленіе президента Пирса встрѣтились еще другія обстоятельства, которыя ясно показали, что южные штаты не питаютъ никакого уваженія не только къ своему отечеству, но также и къ другимъ государствамъ, находящимся въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Союзу. Вэлькеръ ворвался съ толпою своихъ мародеровъ въ республику Никарагву, въ центральной Америкѣ, намѣреваясь и тамъ основать рабовладѣльческое государство, на подобіе южныхъ штатовъ. Это предпріятіе впрочемъ имѣло очень плачевный исходъ.

Въ 1854 году три извѣстные американскіе правительственные мужа, принадлежащіе къ рабовладѣльческой партіи, Бухананъ, посланникъ въ Лондонѣ, Мэзонъ, посланникъ въ Парижѣ, и Суле, мадридскій посланникъ, собрались нагло и торжественно, чтобы образовать въ Остэнде родъ конфференціи, вслѣдствіе которой издали къ народу Соединенныхъ Штатовъ прокламацію и между прочимъ совѣтовали правительству купить у Испаніи Кубу за 120 милліоновъ долларовъ, а въ случаѣ отказа съ ея стороны захватить этотъ островъ силою.

Здѣсь кстати будетъ напомнить также и о томъ безчестномъ покушеніи, которое было сдѣлано южанами въ 1856 году противъ Сомнера, сенатора изъ Нью-Іорка; подобные поступки очень много содѣйствовали къ тому, чтобы доказать Сѣверу всю невозможность жить

съ Югомъ въ мирѣ; жители Сѣвера ясно увидѣли, что представители Юга нисколько не задумываются раздѣлываться со всякимъ нравственнымъ закономъ насиліемъ и убійствомъ. Сомперъ, ученый, литераторъ и государственный человѣкъ, былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ бойцевъ за свободу и законъ. Онъ приготовлялъ Сѣверъ къ той великой борьбѣ, которая рано или поздно должна была возгорѣться за святое дѣло свободы; онъ заронилъ въ сердца сѣверянъ ту искру, которая въ скоромъ времени успѣла обратить недовольство рабствомъ въ пожаръ, который превратилъ въ прахъ все зданіе невольничества. Его принципъ, принятый впослѣдствіи Линкольномъ и вообще всѣмъ Сѣверомъ, былъ слѣдующій: рабство есть дѣло одной секты, а свобода — дѣло всей націи. Въ одной изъ своихъ рѣчей, сказанныхъ въ конгрессѣ, онъ сильно отбичевалъ рабство со всѣми его беззаконными и кровавыми хозяйственными установленіями. Очевидно, на всѣ эти вполнѣ заслуженныя порицанія креатуры Юга не имѣли никакого другого отвѣта, кромѣ ножа убійцы. Они при этомъ обнаружили ту же самую низость, какъ и спустя десять лѣтъ — при убійствѣ Линкольна. Сомнеръ, во время прекращенія засѣданія, сидѣлъ въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ и писалъ у конторки, вдругъ на него напали два южанина и принялись колотить палками по головѣ, пока онъ весь окровавленный не упалъ замертво на полъ. Впослѣдствіи было доказано даже, что убійцы, если бы встрѣтили какое нибудь сопротивленіе, имѣли намѣреніе застрѣлить его. Про-

шло четыре года, пока Сомнеръ опять былъ въ состояніи явиться въ сенатъ; онъ, благородно презирая смерть, снова началъ въ своей первой же рѣчи бросать уничтожающія молніи противъ позорнаго рабства. Его патріотизмъ не могъ быть истребленъ злодѣйской попыткой, его гуманныя чувства нисколько не были ослаблены ею. Когда-же мятежники во время войны начали самымъ жестокимъ образомъ обращаться съ плѣнными сѣверянами, начали систематически морить ихъ голодомъ и жаждой, по всему Сѣверу поднялся очень понятный крикъ, требующій мести и воздаянія. Одинъ законъ, предложенный въ виду этихъ обстоятельствъ на разсмотрѣніе сената, былъ отвергнутъ Сомнеромъ. Можетъ быть это былъ величайшій моментъ въ его жизни, когда онъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ едва не былъ убитъ клевретами рабства, отказался отъ мести и воспротивился совершенію жестокостей въ отношеніи къ своимъ убійцамъ. Его рѣчь, исполненная благороднѣйшихъ чувствъ, заключалась слѣдующими словами:

„Подавимъ это дикое возмущеніе, но не будемъ подражать ихъ варварскимъ поступкамъ.“

Въ 1857 году былъ избранъ въ президенты Джемсъ Бухананъ. Хотя онъ происходилъ изъ свободной Пенсильваніи, но уже однимъ участіемъ въ Остэндской конференціи успѣлъ доказать свою преданность Югу. Это былъ ловкій государственный человѣкъ; онъ бывалъ и въ конгрессѣ, и въ сенатѣ, и посланникомъ, а поэтому его обыкновенно называли „старымъ практикомъ“. И вотъ главнымъ образомъ благодаря такой репутаціи, а

также и тому, что онъ симпатизировалъ Югу, въ то время какъ Сѣверъ раздѣлился, Бухананъ и получилъ на выборахъ большинство голосовъ. Впослѣдствіи многіе, подавшіе за него свой голосъ, сильно раскаявались, такъ какъ Бухананъ при самомъ началѣ мятежа, въ 1860 году, обнаружилъ полнѣйшую неспособность пользоваться обстоятельствами времени, если даже не открытую измѣну въ пользу южныхъ штатовъ.

Но онъ уже былъ послѣднимъ изъ кандидатовъ Юга, занимавшихъ президентское кресло; имъ закончился списокъ беззаконій. Сѣверъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ—видѣть предложеннаго имъ кандидата избраннымъ въ президенты, добровольно покорился приговору народа, онъ не дѣлалъ попытокъ убить своего политическаго противника; онъ никому не угрожалъ ни гражданской войной, ни расторженіемъ Союза. Югъ, теперь достигшій всего, не имѣлъ ужъ болѣе причинъ ни разрывать старинныхъ связей, ни требовать какихъ нибудь новыхъ уступокъ.

И дѣйствительно въ правленіе Буханана, за исключеніемъ процесса по дѣлу раба Дридъ Скотта, ничего особеннаго не случилось.

Упомянутый же процессъ былъ только практическимъ примѣненіемъ извѣстнаго южнаго принципа, именно, рабъ не есть лицо, а только вещь. Но онъ успѣлъ возбудить на всемъ Сѣверѣ очень большое неудовольствіе.

Срокъ службы Буханана оканчивался 4 марта 1861 года; поэтому, согласно съ обыкновеніемъ, въ декабрѣ

1860 года должны были начаться новые выборы. Сѣверъ и Югъ имѣли каждый своихъ извѣстныхъ кандидатовъ. Линкольнъ, представитель свободнаго Сѣвера, былъ избранъ — и возмущеніе началось. Прежде нежели онъ оставилъ свой отечественный штатъ Иллинойсъ уже шесть южныхъ штатовъ отпали и присоединились къ южной конфедераціи. Возможно ли допустить такое вѣроломство? Страшный предметъ, часто бросая впередъ себя свою страшную тѣнь, нѣкоторымъ образомъ какъ бы приготовляетъ насъ, все таки наконецъ явившись передъ нами самъ, онъ наполняетъ насъ ужасомъ и изумленіемъ, и мы снова задаемъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ это могло случиться?

Теперь мы дошли до самой важной части нашего разсказа, а поэтому должны отнынѣ медленно подвигаться впередъ, если только не хотимъ попасть въ непроходимый лабиринтъ, который со всѣхъ сторонъ будетъ теперь окружать насъ; теперь вся старая постройка, весь фундаментъ Союза сдвинуты съ своего мѣста и огромное зданіе ежеминутно угрожаетъ обратиться въ груду развалинъ. Но прежде нежели мы перейдемъ къ подробностямъ, намъ слѣдуетъ предпослать нѣкоторыя общія предуготовительныя данныя.

Югъ, какъ мы уже сказали въ Введеніи, развивался подъ другимъ климатомъ, подъ другими законами и отношеніями, совершенно непохожими на отношенія Сѣвера; на Югѣ по преимуществу играло главную роль рабство; самая большая часть населенія состояла здѣсь изъ французовъ и испанцевъ и слѣдовательно принад-

лежала къ романскому племени; напротивъ Сѣверъ былъ англійскаго или германскаго происхожденія. Съ теченіемъ времени на Югѣ образовалась богатая аристократія, которая безгранично господствовала здѣсь, подавляя свободную рѣчь и общее народное образованіе; но на промышленномъ и трудолюбивомъ Сѣверѣ, благодаря свободѣ слова, свободнымъ школамъ и свободному труду, удержались во всей чистотѣ республиканскія идеи, которыя не допускали никакой привиллегированной касты и никакой монополіи. Здѣсь трудъ пользовался почетомъ и уваженіемъ, тамъ его презирали, а вслѣдствіе этого рабство въ сѣверныхъ штатахъ, лишь только они отдѣлились отъ Англіи, было уничтожено. Во всѣхъ политическихъ спорахъ, происходившихъ съ 1797 до 1860 года между Сѣверомъ и Югомъ, рабство было самою первою, всѣми видимою и всѣми понятою причиной. Но если мы взглянемъ глубже и пристальнѣе, то увидимъ, что здѣсь дѣло шло главнымъ образомъ о томъ, долженъ-ли господствовать принципъ южанъ, принципъ имущественной и личной аристократіи, или-же любимый Сѣверомъ гуманный принципъ—полной человѣческой свободы и равенства. Слѣдовательно при всѣхъ этихъ продолжительныхъ столкновеніяхъ повторялась, только подъ иными формами, борьба просвѣщающей и эманципирующей умъ реформаціи съ убивающею умъ вѣрою въ авторитетъ; вообще это была борьба либерализма и гуманности съ умственнымъ и тѣлеснымъ рабствомъ. Это рѣзкое различіе начинаетъ, съ 1820 года, все бо-

лѣе и болѣе опредѣляться и оно идетъ рука объ руку съ постепенно увеличивающеюся разработкою хлопчатой бумаги. До этого времени партіи боролись за идеи, которыя не имѣютъ ничего общаго съ хлопкомъ, но съ 1820 года дѣло идетъ уже единственно о хлопкѣ, всѣ другія идеи оставляются въ сторонѣ, пока наконецъ „Cotton is king!“ (хлопокъ есть царь) не сдѣлалось уже совершеннымъ девизомъ Юга. Впрочемъ изъ всего этого можно заключить, что исторія Соединенныхъ Штатовъ и не могла иначе какъ нибудь развиваться, потому что исторія ихъ была логическимъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того государственнаго Союза, который составился изъ столь разнообразныхъ и противорѣчащихъ другъ другу элементовъ. Гуманныя идеи, высказанныя въ объявленіи о независимости 1776 года, идеи, что всѣ люди въ отношеніи другъ къ другу равноправны, „что всѣ они одарены Творцемъ извѣстными, неотъемлемыми правами и что всѣмъ имъ принадлежитъ жизнь, свобода и земное счастье,“ эти идеи должны были въ скоромъ времени стать въ совершенное противорѣчіе съ матеріальными интересами рабовладѣльцевъ.

Авраамъ Линкольнъ съ рѣшительною энергіею выступилъ на борьбу съ этими интересами, онъ горячо возсталъ противъ небраскаго биля; правда онъ не успѣлъ провести свои идеи, но и Дугласъ торжествовалъ при этомъ случаѣ можетъ быть болѣе кажущійся, нежели дѣйствительный тріумфъ. Въ это же время Линкольнъ, такъ какъ въ Иллинойсѣ слѣдовало тогда выбирать сенатора, былъ предназначенъ своею партіей на эту

должность; но онъ самъ не упускалъ изъ виду ни своего, ни отечественнаго дѣла, онъ заявилъ избирателямъ, что въ настоящее время дѣло идетъ совершенно не о немъ, Линкольнѣ и его сенаторствѣ, а главнымъ образомъ о томъ, чтобы организовать для новой борьбы разрозненную небраскимъ билемъ партію виговъ. Слѣдовало прежде всего присоединить къ себѣ ту демократическую факцію, которая была враждебна небраскому билю. Въ числѣ противниковъ небраскаго биля находились заклятые враги виговъ, но которые присоединились къ сторонѣ, противной Дугласу, потому только, что во вновь образовывающихся невольничьихъ земляхъ для нихъ—свободныхъ земледѣльцевъ—могла представиться опасная конкурренція въ лицѣ плантаторовъ.

Линкольнъ обратился къ предводителямъ партіи виговъ и заклиналъ ихъ, въ виду настоящихъ грозныхъ обстоятельствъ, выбирать не его, а А. Тромбулля, приверженца демократической партіи, потому что Тромбулль въ состояніи былъ пробудить симпатіи къ вигамъ въ тѣхъ демократахъ, которые могли враждебно относиться къ небраскому билю. Послѣ этого Линкольнъ получилъ предложеніе вступить въ должность губернатора Иллинойса, но онъ отклонилъ отъ себя это предложеніе, потому что никакъ не хотѣлъ уступить поле сраженія своимъ политическимъ врагамъ. Затѣмъ республиканская партія стала думать, какъ бы обезпечить за Авраамомъ Линкольномъ вице-президентство, но онъ, отклонивши и эту честь, энергически сталъ хлопотать въ пользу избранія Фримонта (1856).

Спустя два года, Стефанъ Дугласъ вышелъ изъ сената и иллинойскіе республиканцы объявили теперь, что по ихъ единственному и единодушному выбору Авраамъ Линкольнъ долженъ быть членомъ сената Соединенныхъ Штатовъ и преемникомъ Стефана Дугласа.

Линкольнъ, принявшій непосредственное участіе въ вопросахъ необыкновенной важности, сталъ теперь въ столь выгодное положеніе, что могъ сообщить своимъ мнѣніямъ очень сильную поддержку и значеніе. Въ Канзасѣ лилась кровь; законодатели этого штата объявили, что всякая попытка образовать Lecompton Convetion—конвенцію, защищающую интересы рабовъ, будетъ считаться ими государственной измѣной; вашингтонскій же сенатъ издалъ биль, который, уже совершенно напротивъ, провозглашалъ принятіе Канзаса въ Союзъ, но съ условіемъ, если тамъ будетъ одобрена и принята конституція въ пользу рабовъ. Представители союзнаго капитолія потребовали, чтобы уполномоченные Канзаса для рѣшенія этого вопроса подали свое мнѣніе. Въ это же самое время еще другія новыя территоріи ожидали рѣшенія своихъ дѣлъ, какъ-то: Невада, Аризона, Дакота и др.; тогда же и Миннезота вступила въ Союзъ тридцать вторымъ штатомъ.— Авраамъ Линкольнъ выступилъ съ своимъ объясненіемъ конституціи и пришелъ къ совершенно особенному результату. Прежде всего онъ старался опровергнуть принципы Дугласа и для этого вцѣпился какъ левъ въ небраскій биль и Lecompton-Convention.

Въ небраскомъ билѣ находилось слѣдующее мѣсто,

заключающее въ себѣ главную суть всего этого государственнаго акта: „Истинное содержаніе и значеніе этого акта состоитъ въ томъ, что рабство ни въ какомъ штатѣ или территоріи не можетъ быть законно введено или законно уничтожено. Но самое населеніе (штата или территоріи) имѣетъ полную свободу устроять, по собственному усмотрѣнію, свои домашнія дѣла и поэтому оно ограничивается только конституціею Соединенныхъ Штатовъ“.— Линкольнъ поставилъ свой вопросъ слѣдующимъ образомъ: „Препятствуетъ ли отдѣленіе мѣстной власти отъ федеральной или какая нибудь статья конституціи, чтобы федеральное правительство контролировало рабство въ федеральныхъ территоріяхъ?“ Дугласъ съ своею партіею отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, Линкольнъ и республиканцы — отрицательно.

Это краткое сопоставленіе обоихъ противоположныхъ принциповъ показываетъ намъ весь американскій вопросъ „въ одной орѣховой скорлупѣ“, какъ выразился одинъ западный человѣкъ. Приверженцы Дугласа, оставляющіе за каждымъ штатомъ право рѣшать у себя невольничій или свободный принципъ, считали своею обязанностью по отношенію къ конституціи ничего болѣе, какъ только то, чтобы ихъ „домашнее учрежденіе“, рабство, находилось въ тѣхъ границахъ и въ тѣхъ законныхъ формахъ, какъ ихъ допускала консти-

туція и тотъ прибавочный ея пунктъ, который относится собственно къ рабовладѣльческимъ штатамъ.

Но Линкольнъ не уклонялся ни на право, ни налѣво, онъ твердо держался конституціи. Она точно также всегда обязательна и для всѣхъ вновь принимаемыхъ штатовъ и территорій. Если же общія или какія-нибудь частныя опредѣленія конституціи оказываются недостаточными, то должны быть приняты и утверждены всѣмъ Союзомъ тѣ слѣдствія, которыя можно законно извлечь изъ основныхъ союзныхъ постановленій; это должно быть утверждено всѣмъ населеніемъ Союза, потому что населеніе имѣетъ верховную власть надъ всякимъ конгрессомъ отдѣльныхъ штатовъ. Никакой законъ не запрещаетъ распространять этотъ контроль, это верховное право и на дѣло рабства. Какъ никто не имѣетъ права трогать рабства въ тѣхъ областяхъ, которыя по закону объявлены рабовладѣльческими штатами, также точно никто не смѣетъ и ввести рабства безъ согласія всего населенія Союза въ какую-нибудь союзную область; иначе это будетъ нарушеніемъ конституціи, государственной измѣной въ отношеніи къ Союзу, мятежемъ противъ законнаго правительства. Принципы приверженцевъ рабства были совершенно противны политическимъ принципамъ Линкольна: „Народъ Соединенныхъ Штатовъ, всеобщій конгрессъ, говорили они, обязанъ защищать рабство не только въ тѣхъ штатахъ, гдѣ оно существуетъ согласно съ учрежденіями страны, но так-

же и во вновь принимаемыхъ штатахъ и территоріяхъ, и даже вопреки желанію самого населенія“.

Кажется теперь мы достаточно уяснили основные вопросы въ ихъ полнѣйшемъ выраженіи. И дѣйствительно Союзъ вступилъ въ борьбу при такихъ основныхъ принципахъ партій и ни одной іоты не перемѣнилъ въ нихъ.

Поэтому дальнѣйшую дѣятельность партій, продолжавшуюся до самого возвышенія Линкольна въ санъ президента Соединенныхъ Штатовъ, мы можемъ не излагать далѣе, такъ какъ эта дѣятельность сосредоточивалась въ предѣлахъ, уже прежде указанныхъ нами.

16 мая 1860 года республиканское народное собраніе въ Чикаго представило своихъ кандидатовъ на президентство и на вицепрезидентство. Собраніе демократовъ, волнуемое партизанами Дугласа, желавшими выставить своего патрона въ кандидаты, разошлось безъ всякаго успѣха, потому что голоса самыхъ крайнихъ фракцій этой партіи раздѣлились. Мнимые друзья Союза и учрежденій, старавшіеся во что-бы то ни стало употребить все могущество республики къ сохраненію рабства, собрались на засѣданіе въ Балтиморѣ.

4. Въ Вашингтонъ.

18 мая открылись давно ожидамые президентскіе выборы. Слѣдующія лица въ качествѣ кандидатовъ вступили въ состязаніе: Вильямъ Г. Сюардъ изъ Нью-

Іорка, Авраамъ Линкольнъ изъ Иллинойса; Вильямъ Л. Дайтонъ изъ Нью-Джерси; Симонъ Камеронъ изъ Пенсильваніи; Саломонъ П. Чэзъ изъ Огіо; Эдуардъ Бэтсъ изъ Миссури и Джонъ М'Линъ изъ Огіо. При третьей баллотировкѣ голоса распредѣлились слѣдующимъ образомъ: 231 гол. въ пользу Авраама Линкольна, 180 — въ пользу Сьюарда, 27 — Чэза, 22 — Бэтса и 7 неопредѣленныхъ голосовъ. Никакимъ образомъ нельзя описать той сцены, которая послѣдовала за этимъ рѣшеніемъ, того взрыва восторга, который былъ поднятъ республиканцами. Сенаторъ Ганнибалъ Гэмлинъ изъ Мэна былъ выбранъ вицепрезидентомъ. Затѣмъ, при подачѣ голосовъ въ народномъ собраніи, 6 ноября, Линкольнъ получилъ 1,866,452 голоса.

Хотя весь народъ смотрѣлъ теперь очень пристально на Авраама Линкольна и въ самыхъ ничтожныхъ движеніяхъ, въ самыхъ незначительныхъ словахъ его старался отыскать какое нибудь указаніе на его будущую политику, однако Линкольнъ, благодаря своему врожденному такту, держался при этомъ случаѣ необыкновенно осторожно и уклончиво. А какъ трудно соблюсти подобную тактику, объ этомъ можетъ составить себѣ понятіе только тотъ, кто хорошо знакомъ съ американскимъ ходомъ дѣлъ. Спрингфильдъ, мѣстечко въ Иллинойсѣ, въ которомъ жилъ Линкольнъ, вдругъ сдѣлался настоящею Меккою Соединенныхъ Штатовъ. Туда отправлялись съ поздравленіями и благожеланіями цѣлыя тысячи его друзей и политическихъ приверженцевъ, тысячи иностранцевъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ

въ глаза и о которыхъ никогда ничего не слышалъ, осаждали его со всѣхъ сторонъ и добивались отъ него той или другой должности. Каждый ожидалъ услышать какое нибудь указаніе, какой нибудь намекъ на политическія обстоятельства,—и однакожъ никто ничего не узнавалъ.

11 февраля 1861 года Линкольнъ оставилъ Спригфильдъ и отправился въ Вашингтонъ; въ тотъ-же самый вечеръ члены законодательнаго собранія привѣтствовали его въ Индіанополисѣ, и здѣсь въ первый разъ Линкольнъ коснулся общественнаго положенія дѣлъ. Въ рѣчи, сказанной имъ при этомъ случаѣ, мы находимъ указанія на будущую его политику въ отношеніи къ мятежникамъ. И если мы вспомнимъ, что Бухананъ, при своихъ столкновеніяхъ съ ними, показалъ себя человѣкомъ лишеннымъ и смысла и средствъ, такъ какъ онъ самъ объявилъ, что не знаетъ, что нужно дѣлать и даже не имѣетъ никакого права что нибудь дѣлать, то тѣмъ болѣе мы должны удивляться глубокому уму и проницательности Линкольна, такъ скоро успѣвшаго найти выходъ изъ этого политическаго лабиринта. Съ мнѣніями и поведеніемъ Бухананa мы впослѣдствіи познакомимся нѣсколько подробнѣе; въ настоящее же время, чтобы лучше понять рѣчь Линкольна, мы намѣрены указать только то заявленіе Буханана, въ которомъ онъ говоритъ, будто не имѣетъ никакого права ни употреблять „принужденія“ противъ отдѣлившихся отъ Союза, ни предпринимать какихъ нибудь враждебныхъ вторженій въ ихъ области.

*

Линкольнъ въ рѣчи, сказанной въ Индіанополисѣ, высказался объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: „Соломонъ говоритъ, что есть время молчанія, и если люди начинаютъ препираться на словахъ, не будучи увѣрены въ томъ, что они говорятъ то, что думаютъ, то можетъ быть было-бы гораздо лучше для нихъ, если-бы они совсѣмъ молчали. Слова „принужденіе“ и „враждебное вторженіе“ сегодня были часто употреблены и притомъ очень часто съ большимъ одушевленіемъ и запальчивостью. Что означаетъ „принужденіе“ и что нужно подразумѣвать подъ „враждебнымъ вторженіемъ?“ Будетъ-ли это „враждебное вторженіе,“ если, напримѣръ, армія вступитъ въ Южную Каролину безъ согласія тамошняго народа и съ враждебными намѣреніями противъ него? Я держусь того мнѣнія, что это будетъ дѣйствительно „враждебное вторженіе“ и думаю также— „принужденіе“, если жители Южной Каролины при этомъ подвергнутся насилію. Но если Соединенные Штаты ограничиваются только тѣмъ, что удерживаютъ свои крѣпости или другую какую нибудь собственность, если они снова берутъ ихъ въ свое полное владѣніе; если правительство взимаетъ только ввозныя пошлины съ иностранныхъ товаровъ или если оно во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ удерживаетъ за собою предметы почты, которые пересылаются незаконно: то можно-ли каждую изъ этихъ мѣръ порознь или всѣ вмѣстѣ назвать „принужденіемъ“ и „враждебнымъ вторженіемъ?“ Ужели тѣ, которые говорятъ, что любятъ Союзъ и не смотря на то коварнымъ образомъ противятся такому „принужденію“ и

„враждебному вторженію,“ ужели эти люди считаютъ вышеприведенныя мѣры принужденіемъ и вторженіемъ? Если это такъ, то нужно сознаться, что средства, которыми они стараются сохранить мнимо любезный имъ Союзъ, представляются намъ через-чуръ легкомысленными и недостаточными. Въ ихъ глазахъ республика, сравнивши ее съ супружескимъ состояніемъ, не есть законный бракъ, а только простая сдѣлка для удовлетворенія чувственности, до тѣхъ поръ ненарушимо соблюдаемая, пока не удовлетворятся страсти. Но въ чемъ-же однако состоятъ особенно священныя права всякаго штата? Я не говорю здѣсь о томъ извѣстномъ положеніи, которое указано каждому штату конституціею внутри Союза, потому что всѣ мы признаемъ это положеніе; на основаніи его ни одному штату нельзя выдѣлиться изъ Союза. Я говорю только объ узурпаціи правъ извѣстнымъ штатомъ, въ силу которой онъ можетъ господствовать надъ всѣмъ тѣмъ, что меньше его, и уничжить все, что больше его. Положимъ напримѣръ, что въ данномъ случаѣ штатъ и графство совершенно равны какъ по пространству, такъ и по количеству жителей; на какомъ основаніи штатъ будетъ стоять выше графства? Перемѣна названій повлечетъ ли за собою разницу въ правахъ? На основаніи какого закона одинъ штатъ, владѣющій не болѣе одной пятидесятой части всей земли и всего населенія Соединенныхъ Штатовъ, имѣетъ право раздроблять всю націю и потомъ притѣснять самымъ произвольнымъ образомъ несравненно большую часть цѣлаго? Какимъ образомъ извѣстный округъ

получаетъ таинственное право разыгрывать тирана, оттого только, что его стали называть штатомъ? Достопочтенные сограждане, я не излагаю положеній, я только ставлю вопросы, о которыхъ вамъ слѣдуетъ серьезно подумать.“

Изъ Индіанополиса Линкольнъ отправился чрезъ Цинциннати, Питсбургъ и Нью-Іоркъ въ Филадельфію, гдѣ обѣщалъ въ такъ называемой залѣ Независимости снова поднять государственное знамя. Избѣжавши счастливо опасности, приготовленной ему южанами на пути, Линкольнъ къ всеобщему удивленію неожиданно появился въ Филадельфіи. При этомъ случаѣ онъ сказалъ между прочимъ слѣдующія слова:

„Я часто самъ себя спрашивалъ, какой великій принципъ или какая великая идея такъ долго держали въ единеніи нашъ государственный Союзъ. Въ объявленіи о нашей независимости было нѣчто такое, что давало свободу не только народу этой страны, но и всегдашнюю надежду на нее цѣлому свѣту. Это было обѣщаніе, которое состояло въ томъ, что настанетъ время, когда бремя спадетъ съ плечь людей. — Итакъ, мои друзья, можно-ли на этомъ основаніи спасти нашу страну? Если бы это было возможно и если-бы я дѣйствительно спасъ ее, въ такомъ случаѣ я считалъ-бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. А если нельзя спасти страну безъ примѣненія этого великаго принципа, то я тутъ же объявляю, что скорѣе согласенъ быть убитымъ на этомъ мѣстѣ, чѣмъ отказаться отъ этого.“

Изъ Филадельфіи Линкольнъ, опять счастливо миновавши всѣ опасности, приготовленныя ему южными измѣнниками, 22 февраля 1861 года прибылъ въ Бѣлый Домъ — въ Вашингтонѣ.

5. Отдѣленіе (Secession).

Александръ Г. Стефенсъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ людей Юга, который, на сколько возможно было, удерживалъ своихъ южныхъ собратій отъ убійственнаго намѣренія отпасть отъ Союза, впослѣдствіи самъ былъ увлеченъ общимъ водоворотомъ и избранъ вицепрезидентомъ конфедераціи. Въ своей рѣчи, сказанной въ Саваннѣ, онъ указываетъ на рабство, какъ на главную причину отдѣленія (Secession):

„Краеугольнымъ камнемъ нашей конфедераціи служитъ та великая истина, что негръ не можетъ быть равноправенъ съ бѣлымъ человѣкомъ; рабство представляетъ господство превосходнѣйшей расы. Наше настоящее правительство — первое во всей всемірной исторіи, которое основано на этой великой физической и моральной истинѣ. Отдѣленіе сдѣлалось необходимымъ, такъ какъ Сѣверъ отказался признать ту великую нравственную, политическую и религіозную истину, что для правительства нѣтъ другого прочнаго основанія, кромѣ рабства негровъ.“

Кэльгунъ также рѣшительно высказался, что Союзъ

слѣдуетъ расторгнуть, если вліяніе на президента будетъ отнято у рабовладѣльческой партіи, и онъ ждалъ только, чтобы Куба и Техасъ были присоединены къ южнымъ штатамъ.

Брекkенриджъ, вицепрезидентъ во времена Буханана, говоритъ въ одномъ своемъ письмѣ къ губернатору Кентукки:

„Враждебное отношеніе союзнаго правительства не можетъ остановить южные штаты въ ихъ домогательствахъ на тропическія страны."

Съ другой стороны различные сѣверные штаты были обвиняемы въ томъ, что они стараются при помощи различныхъ законодательныхъ постановленій препятствовать исполненію закона о бѣглыхъ рабахъ. На это справедливо возражали, что законъ о бѣглыхъ рабахъ, какъ было указано выше, совершенно противорѣчилъ конституціи, а что если прежде и существовали таковые законы, то съ теченіемъ времени вслѣдствіе происходящихъ отъ нихъ затрудненій и для сохраненія спокойствія они были уничтожены.

Часто укоряли Сѣверъ и за безмѣрную агитацію въ невольническомъ вопросѣ, за его петиціи конгрессу, въ которыхъ требовалось уничтоженіе рабства, и за различныя продѣлки аболиціонистовъ на Югѣ. Но этотъ послѣдній упрекъ былъ уже совершенно неоснователенъ, потому что аболиціонисты составляли только партію, а потому имѣли полнѣйшее право имѣть такія или другія убѣжденія о рабствѣ. Все, что они сдѣлали или еще только думали сдѣлать, никакъ нельзя было ста-

вить въ вину союзному правительству. Пока они распространяли свои идеи теоретически или нравственными средствами, они были совершенно правы. Напротивъ сами южные штаты поступали противъ всякаго права и закона, когда запрещали законодательными постановленіями свободу слова и прессы относительно невольничества въ южныхъ штатахъ. Они добивались даже того, чтобы не подавались никакія петиціи въ конгресъ касательно рабства. А вѣдь свобода слова и прессы и петицій гарантировались конституціею! Сѣверъ вслѣдствіе ихъ настояній уничтожилъ законъ, отмѣнявшій дѣйствіе закона о бѣглыхъ рабахъ;—но Югъ съ своей стороны не сдѣлалъ этого съ тѣми неконституціонными законами, которые были изданы имъ противъ свободы печати и рѣчей. Южные штаты оградили себя отъ друзей негровъ строгими законами, исполнявшимися при всякомъ случаѣ съ истинно драконовскою жестокостью. Джонъ Броунъ и его товарищи, въ 1859 году сдѣлавшіе вторженіе въ Виргинію и хотѣвшіе здѣсь осуществить свои аболиціонистскія стремленія, поплатились жизнью за свои несвоевременныя и противозаконныя дѣйствія. Вашингтонское правительство не позволило себѣ вмѣшаться въ это дѣло.

Попытка, предпринятая у Гарперсъ-Ферри этимъ религіознымъ мечтателемъ съ нѣсколькими десятками своихъ единомышленниковъ для искорененія рабства и освобожденія невольниковъ, была исключительнымъ случаемъ; хотя и вся партія аболиціонистовъ, по крайней мѣрѣ

что касается косвеннаго содѣйствія, не очень далеко держалась отъ этого смѣлаго предпріятія.

Впрочемъ негры гораздо больше слышали отъ своихъ собственныхъ господъ, нежели сколько отъ всѣхъ вмѣстѣ аболиціонистовъ. Для того чтобы сѣверный аболиціонистъ могъ вступить въ продолжительный разговоръ съ рабомъ, ему не представлялось рѣшительно никакого случая, потому что за рабами очень строго смотрѣли; распространеніе книгъ, враждебныхъ рабству, запрещалось на Югѣ подъ страхомъ смерти. Негры присутствовали при всѣхъ тѣхъ собраніяхъ, гдѣ говорилось о подобныхъ вещахъ, конечно не въ качествѣ слушателей, но какъ служебный персоналъ; потому они могли здѣсь слышать все то, что сказали-бы имъ и аболиціонисты. Хозяева ихъ говорили о Линкольнѣ не иначе, какъ о черномъ республиканцѣ, а потому негры считали его „чернымъ мессіею.“ Очень часто по одному подозрѣнію выдумывали цѣлые заговоры негровъ; бичь и пытка исторгали фальшивыя признанія; такъ въ Тенесси, 1857 года, было повѣшано до 250 лицъ, хотя и нельзя было доказать дѣйствительно существовавшаго заговора.

Гэммондъ, изъ Южной Каролины, утверждалъ даже, что агитація противъ невольничества была скорѣе полезна Югу; онъ говоритъ: „Каково было тогда (1833) общественное настроеніе на Югѣ? Вашингтонъ освободилъ своихъ рабовъ, Джефферсонъ сильно нападалъ (см. выше) на эту систему и дѣлалъ для ея уничтоженія все, что только могъ. Наши Клэи, Мэршали, Крауфорды и многіе другіе способные люди Юга выс-

тупили защитниками колонизаціи. Необходимымъ послѣдствіемъ всего этого было то, что рабство начали считать зломъ, слабостью, поношеніемъ и грѣхомъ и боялись даже разсуждать объ этомъ предметѣ. Югъ въ то время робко склонялся предъ всякой угрозой; онъ старался оправдаться, извиниться, онъ справедливо объяснялъ, что рабство ему навязала Англія; такимъ образомъ Югъ ожидалъ съ страхомъ и трепетомъ своего смертнаго приговора..... Но теперь очень трудно найти такого южанина, который считалъ-бы рабство обремененіемъ своей совѣсти; который не признавалъ-бы невольничество равно полезнымъ и для господина, и для раба, такъ какъ оно, по его мнѣнію, возвышаетъ и совершенствуетъ ихъ обоихъ; который не видѣлъ-бы въ этомъ „домашнемъ учрежденіи“ источника богатства, силы и могущества; который не считалъ-бы его основаніемъ и руководящимъ принципомъ новѣйшей цивилизаціи; который не былъ-бы готовъ всѣми силами поддерживать его. И все это — счастливые результаты аболиціонистскихъ разсужденій!“

Стефенсъ былъ того-же мнѣнія. Онъ говорилъ въ іюлѣ 1859 года: „Я также не принадлежу къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что мы чрезъ эту агитацію потерпѣли какой нибудь вредъ. Я совершенно далекъ отъ мысли, будто эти разъясненія ослабили или поколебали учрежденіе американскаго невольничества въ нашихъ областяхъ; напротивъ я думаю, что они значительно усилили и укрѣпили его.“

Гэммондъ въ другой рѣчи говоритъ:

„Было предложено снова открыть африканскую невольничью торговлю; но врядъ-ли будетъ возможно склонить къ тому конгрессъ. Было предложено принять Мехику и центральную Америку невольническими штатами, но все, чего мы желали въ этихъ земляхъ, была только нейтральная дорога черезъ перешеекъ. Если мы не успѣемъ добиться этого какимъ нибудь другимъ способомъ, то непремѣнно должны съ оружіемъ въ рукахъ овладѣть имъ. Богъ создалъ негровъ именно для того, чтобы они были дровосѣками и водовозами, т. е. рабами бѣлой расы. Югъ съ своимъ образцовымъ соціальнымъ и промышленнымъ устройствомъ, подобное которому едва-ли когда либо существовало, жители Юга, самый добродѣтельный, просвѣщенный и могущественнѣйшій народъ въ мірѣ въ настоящее время, долго не знали себѣ цѣны, долго были несправедливы къ себѣ. Они должны надѣяться на свою силу, должны бросить перчатку всѣмъ своимъ врагамъ. Невозможно, чтобы Сѣверъ возобладалъ когда нибудь надъ Югомъ; если этому не воспрепятствуетъ патріотизмъ, то это сдѣлаетъ любовь къ хлопку и табаку. Все вообще желаніе Сѣвера заключается только въ томъ, чтобы узнать, какъ далеко Югъ позволитъ ему заходить. Непобѣдимому мужеству и благоразумію Юга уже удалось удержать за рабовладѣльцами монополію на хлопокъ, сахаръ, рисъ и табакъ. Рабство негровъ поддерживается библіею, гуманностью и здравою философіею. Судьба южныхъ штатовъ находится въ рукахъ самого-же Юга. Если свободные штаты рѣшатся провести пограничную линію между раб-

ствомъ и свободой, южные штаты непремѣнно воспротивятся этому, хотя-бы даже изъ-за этого нужно было расторгнуть Союзъ и разрушить вселенную. Въ ихъ власти сдѣлать то и другое, потому что міръ безъ нихъ не можетъ идти по пути прогресса. Если-же свирѣпый фанатизмъ и грубая сила соединятся между собою подъ какимъ-бы то ни было именемъ и авторитетомъ и вознамѣрятся ниспровергнуть южные штаты, то они опрокинутъ столбы, на которыхъ покоится храмъ цивилизаціи и принудятъ весь человѣческій родъ нести одинъ общій жребій."

Или другими словами: „Fiat slavery, pereat mundus." Совершенно излишне было-бы прибавлять къ этому хоть одно слово, чтобы указать, въ чемъ именно заключалась главная причина возмущенія. Въ Бѣломъ домѣ— въ Вашингтонѣ—уже знали объ этомъ давнымъ давно.

ГЛАВА V.

ВОЙНА И БѢДА.

1. Раздѣленіе Союза въ 1861 году.

Авраамъ Линкольнъ при своемъ торжественномъ вступленіи въ должность былъ представленъ въ капитоліи 5-го марта 1861 года сенаторомъ Бэкеромъ собравшемуся народу, при необыкновенныхъ изъявленіяхъ восторга. При этомъ онъ произнесъ свою вступительную рѣчь — можетъ быть замѣчательнѣйшую въ подобномъ родѣ. Онъ кажется еще не вполнѣ былъ убѣжденъ въ глубокой и неотвратимой мысли о возмущеніи; и все таки серьезно хлопоталъ о томъ, чтобы успокоить возбужденные умы Юга, представляя имъ, какъ неосновательны ихъ опасенія на счетъ Сѣвера и принциповъ его собственнаго правительства. Этотъ успокоительный тонъ

доброты и простого, задушевнаго обращенія проходитъ черезъ всю его рѣчь. Онъ говорилъ между прочимъ:

„Южане, кажется, боятся, что ихъ собственность, миръ и личная безопасность находятся въ опасности отъ республиканскаго правительства. Между тѣмъ для подобнаго страха нѣтъ никакой разумной причины. Въ самомъ дѣлѣ, доказательства противнаго находятся предъ глазами всякаго; они могутъ быть найдены почти во всѣхъ публичныхъ рѣчахъ того, который сегодня говоритъ съ вами. Я всегда говорилъ и въ настоящее время повторяю, что никогда не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія, прямымъ или косвеннымъ образомъ, нападать на рабство тамъ, гдѣ оно однажды установилось. Я не думаю даже, чтобы мнѣ можно было вмѣшиваться въ это дѣло, хотя бы я имѣлъ подобное желаніе. Если бы Соединенные Штаты были не дѣйствительнымъ единымъ государствомъ, а только простымъ союзомъ государствъ, которыя были бы связаны одно съ другимъ чѣмъ нибудь похожимъ на контрактъ,—то и тогда можно-ли было-бы мирнымъ образомъ нарушить этотъ контрактъ безъ согласія всѣхъ участвующихъ въ немъ сторонъ? Одна сторона можетъ отказаться или уничтожить контрактъ, но для законнаго его уничтоженія развѣ не требуется согласіе всѣхъ? Отсюда же слѣдуетъ, что никакой штатъ не можетъ выдѣлиться изъ Союза, исключительно руководясь одною своею волею. Поэтому я и смотрю на Союзъ, согласно съ конституціею и законами, какъ на недѣлимое и поэтому буду стараться, какъ предписываетъ конституція, на сколько могу, вѣрно и доб-

росовѣстно исполнять во всѣхъ штатахъ законы Союза. Это моя прямая обязанность, и я буду исполнять ее до тѣхъ поръ, пока мой законный повелитель – американскій народъ — не потребуетъ отъ меня большаго или же противнаго. Надѣюсь, что мои слова никто не приметъ за угрозу, но только за опредѣленно высказанное намѣреніе Союза — защищаться и охранять себя законнымъ образомъ. Для того, чтобы исполнить то и другое, не нужно употреблять силу или проливать кровь; конечно подобнаго и не случится, если только національное правительство не будетъ насильно принуждено къ тому. Я воспользуюсь ввѣренною мнѣ властью, чтобы удерживать и сохранять собственность правительства и всѣ мѣста, принадлежащія ему; также взимать таможенныя пошлины и налоги....“.

По окончаніи рѣчи Линкольнъ произнесъ свою служебную присягу; но скоро онъ уже долженъ былъ придти въ столкновеніе съ враждебными элементами, которые хотя образовались только за четыре мѣсяца до этого, однако приняли столь необыкновенные и солидные размѣры, что повидимому безпомощный Союзъ неминуемо долженъ былъ разложиться. Когда Линкольнъ вступилъ въ должность, возмущеніе уже было въ полномъ разгарѣ; на мирныя слова его вступительной рѣчи бунтовщики отвѣчали дикими и презрительными воинскими возгласами; они оружіемъ отклонили руку примиренія, которую Линкольнъ первый протянулъ имъ.

Когда въ 1860 году, Линкольнъ былъ избранъ президентомъ на слѣдующіе четыре года, положеніе

Сѣвера и Юга, ихъ матеріальные интересы были совершенно противоположны. Бухананъ, продолжавшій отправлять свою должность до марта 1861 года, былъ старъ или не доросъ до своего времени, такъ что ему недоставало нравственной твердости для того, чтобы противостать бушующему потоку, или же просто измѣнникъ Союзу, который и не желалъ ничего предпринимать противъ Юга. Однимъ словомъ, онъ не дѣлалъ ничего, предоставилъ дѣла на волю судьбы и при этомъ ссылался на слова государственнаго адвоката Блэка. Его кабинетъ состоялъ изъ южанъ, измѣнниковъ, обманщиковъ и воровъ. Члены конгресса были раздѣлены, трусливы и близоруки. Они все еще думали о томъ, чтобы успокоить Югъ различными уступками. За немногими исключеніями, въ народѣ господствовали безпомощность, раздоръ, боязнь и ужасъ. Безконечное множество сѣверныхъ демократовъ соглашались съ пограничными рабовладѣльческими штатами; они были въ нерѣшительности относительно отдѣленія, но уже совершенно отвергали всякія насильственныя мѣры противъ выступившихъ изъ Союза штатовъ. Многіе были тайно, а другіе даже открыто высказались за Югъ. Такимъ образомъ въ эти ужасныя и рѣшительныя минуты самъ Сѣверъ былъ полонъ измѣны.

Напротивъ на Югѣ повсюду обнаруживались единство, энергія, бодрость и дѣятельность, доходившія иной разъ до дерзости, такъ какъ имъ еще нигдѣ не случилось встрѣтить сопротивленіе. Къ этому присое-

динялась увѣренность, что пока Бухананъ въ должности, Югу рѣшительно нечего бояться.

Бухананъ въ своемъ адресѣ къ конгрессу прямо говоритъ:

„Въ чемъ состоитъ обязанность президента? Смотрѣть за тѣмъ, чтобы исполнялись законы“. А если это невозможно? Единственнымъ руководствомъ для такихъ случаевъ должны служить два постановленія конгресса: отъ 28 февраля 1795 и отъ 3 марта 1807 гг. Они говорятъ, что если какое нибудь гражданское или уголовное рѣшеніе нельзя привести въ исполненіе обыкновенными средствами, то президентъ долженъ брать себѣ на помощь милицію, сухопутныя и морскія силы, издавъ напередъ прокламацію къ инсургентамъ и потребовавъ отъ нихъ, чтобы они разошлись. Но когда возстанетъ цѣлый штатъ или нѣсколько штатовъ, то это уже невозможно. Поэтому, не зная что дѣлать, Бухананъ говоритъ: „Моя обязанность представить все дѣло, весь вопросъ конгрессу. Обстоятельства и событія такъ быстро идутъ и запутываются, что скоро можетъ быть предложенъ конгрессу слѣдующій вопросъ: имѣетъ ли онъ право силою оружія удерживать какой нибудь штатъ въ Союзѣ и, если уже онъ выдѣлился, снова принуждать его къ Союзу? Если бы на этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ утвердительный, то за конгрессомъ нужно было бы признать также право объявить извѣстный штатъ врагомъ и вести противъ него войну. По зрѣломъ размышленіи я пришелъ къ тому убѣжденію, что ни за конгрессомъ, ни за какою-нибудь

другою властью союзнаго правительства нельзя признать такого права. При составленіи и обсужденіи нашей конституціи, учредительное собраніе рѣшительно отказалось какъ законодательной власти (конгрессу), такъ и исполнительной (президенту) предоставить право употреблять силы всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ противъ одного упорствующаго штата. Въ этомъ можно убѣдиться изъ того обстоятельства, что когда 31 мая 1787 года этотъ пунктъ сталъ обсуждаться въ конгрессѣ, Мадисонъ возсталъ противъ него въ краткой, но сильной рѣчи, гдѣ между прочимъ сказалъ, что штатъ, которому будетъ объявлена война, можетъ взирать на это объявленіе какъ на естественное разрѣшеніе его отъ всякихъ прежнихъ обязательствъ и договоровъ съ Союзомъ. Вотъ почему это предложеніе и было взято назадъ и никогда уже потомъ болѣе не возобновлялось".

Слѣдовательно, по мнѣнію Буханана, расторгнутому Союзу негдѣ было искать спасенія и помощи; и дѣйствительно, Бухананъ оставилъ своему преемнику только жалкіе остатки разбитаго корабля. Когда спасеніе еще было возможно и когда генералъ Скоттъ, вмѣстѣ съ государственнымъ секретаремъ Кэссомъ, убѣждали президента послать подкрѣпленія въ фортъ Сомтеръ, Бухананъ отказалъ, и поэтому гарнизонъ, уступая непріятельскимъ баттареямъ, долженъ былъ отступить. Кэссъ, посѣдѣлый на государственной службѣ демократъ, не могъ долѣе переносить измѣнническихъ и постыдныхъ дѣйствій президента и вышелъ въ отставку.

*

Неужели же вѣроломные члены кабинета, бывшіе на государственной службѣ Союза, ѣвшіе и пившіе за его столомъ и жившіе на его счетъ, предали Союзъ Югу? Государственный секретарь Коббъ, рабовладѣлецъ изъ Георгіи, принялъ казначейство въ хорошемъ состояніи, а оставилъ его почти при совершенномъ банкротствѣ. Во время его управленія болѣе 6 милліоновъ долларовъ было вынуто изъ государственной казны и безъ всякаго сомнѣнія издержано на поддержку мятежа. Флойдъ, военный министръ, почти совершенно опустошилъ сѣверные арсеналы, унесъ оттуда орудія и военные запасы всякаго рода и наполнилъ ими арсеналы Юга. Онъ воспрепятствовалъ также подкрѣпленію гарнизона, находившагося въ фортѣ Сомтеръ и въ другихъ южныхъ крѣпостяхъ. Изъ позднѣйшихъ оффиціальныхъ отчетовъ видно, что въ 1860 году и незадолго до президентскихъ выборовъ по одному только предписанію отъ 30 декабря 1859 года было отправлено на Югъ болѣе сотни тысячь ружей. Туда было выслано не только гораздо больше оружія, чѣмъ сколько слѣдовало, хотя всякій зналъ, что оно будетъ употреблено противъ закона и конституціи, но предусмотрительность дошла даже до того, что туда же отправили и двойные раціоны, именно на два года, между тѣмъ какъ по закону ихъ можно было выдавать только на годъ впередъ. Такимъ образомъ военный министръ обокралъ сѣверные арсеналы и лишилъ ихъ самыхъ необходимыхъ матеріаловъ; этому совершенному недостатку въ оружіи нужно главнымъ образомъ приписать тѣ

незначительные результаты, которыхъ достигло союзное войско въ первые годы войны.

Но что же сдѣлалъ Бухананъ въ это трудное время, которое, говоря словами Томаса Пайна — патріота временъ войны — „испытываетъ души людей", для того, чтобы спасти конституцію, которую клялся защищать и охранять? Подобно слабой женщинѣ или тупоумному дураку, онъ назначилъ 4-е генваря 1861 года днемъ молитвы и покаянія, какъ будто могъ ожидать спасенія отъ такихъ забавныхъ средневѣковыхъ штукъ. Нисколько не стыдясь своей измѣны, онъ говоритъ въ прокламаціи, изданной по этому случаю:

„Будемъ умолять Всевышняго, дабы онъ удалилъ изъ нашихъ сердецъ фальшивую самонадѣянность, побуждающую насъ ради послѣдовательности лучше коснѣть во злѣ, чѣмъ покориться требованіямъ обстоятельствъ". Или другими словами: „Сложите руки, чтобы мятежники (которые вовсе не хотѣли подчиниться обстоятельствамъ и обучали своихъ солдатъ) успѣли занять болѣе выгодное положеніе".

День молитвы и покаянія былъ строго соблюденъ, но чтобы отъ этого дѣло пошло успѣшнѣе, никто этого не замѣчалъ. Хуже всего было, что и южные штаты точно также соблюдали день молитвы и покаянія, хотя молились о совершенно противномъ. Молитвенные и покаянные дни составляютъ слабость американскаго народа; въ такомъ фактѣ есть что-то ироническое, когда напримѣръ какая-нибудь партія немедленно предписы-

ваетъ такого рода праздники, лишь только ей плохо придется отъ своихъ враговъ.

Южная Каролина была въ главѣ мятежниковъ. Тамошній губернаторъ Пиккенсъ объявилъ 17-го декабря 1863 года, „что Южная Каролина твердо рѣшилась отдѣлиться отъ Союза, такъ какъ недавно случившіеся выборы президента и вицепрезидента были произведены на такихъ основаніяхъ, что для нея уже небезопасно долѣе оставаться въ Союзѣ." Затѣмъ 20 декабря конвентъ Южной Каролины издалъ слѣдующую прокламацію: „Мы, собравшіеся жители Южной Каролины, объявляемъ и повелѣваемъ, что постановленіе, принятое на конвенціи 23 мая 1788 года и одобрявшее конституцію Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, въ настоящее время отмѣняется и Союзъ, существовавшій до этихъ поръ между Южной Каролиной и Соединенными Штатами расторгается."

Послѣдующія изслѣдованія показали, что все дѣло отдѣленія (Secession) было въ рукахъ немногихъ измѣнниковъ, которые имѣли своимъ главнымъ средоточіемъ Вашингтонъ и стояли въ тѣсной связи съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ тайномъ собраніи 5 генваря 1860, въ которомъ присутствовали многіе изъ южныхъ сенаторовъ, слѣдовательно лица, находящіяся въ то-же самое время еще на службѣ Союза, рѣшено было, чтобы каждый южный штатъ какъ можно скорѣе отдѣлился отъ Союза; чтобы конвентъ изъ всѣхъ отдѣлившихся штатовъ составился въ Монтгомери, въ Алабамѣ, не позже 15 февраля; чтобы

сенаторы и члены конгресса отъ южныхъ штатовъ какъ можно долѣе оставались въ сенатѣ и конгрессѣ Союза, для того чтобы при удобномъ случаѣ противиться мѣрамъ, которыя могутъ быть предложены тамъ противъ мятежниковъ. Такимъ образомъ примѣру Южной Каролины въ скоромъ времени послѣдовали штаты Миссисипи, Алабама, Флорида, Луизіана и Техасъ. Хотя законодательныя собранія этихъ штатовъ поставили конвенту, издавшему актъ объ отдѣленіи, условіемъ возможности отдѣленія согласіе всего населенія означенныхъ штатовъ, однако почти ни въ одномъ изъ этихъ штатовъ оно не было представлено на рѣшеніе народа.

Конфедерація открыла свои дѣйствія конституціею, обязательною пока только на одинъ годъ, и Джефферсонъ Дэвисъ, изъ Миссисипи, былъ избранъ конфедератами президентомъ. Главною цѣлью этого умнаго предводителя партіи было прежде всего — полное внѣшнее спокойствіе; пока былъ президентомъ Бухананъ, Югу рѣшительно нечего было опасаться, но у себя слѣдовало энергически готовиться къ войнѣ. Югъ принялся за организацію арміи и приготовленіе военныхъ запасовъ всякаго рода самымъ усерднымъ образомъ. Онъ нелѣпо воображалъ также, что число приверженцевъ его довольно значительно на Сѣверѣ и что поэтому ими будутъ парализованы всѣ военныя мѣры Союза. Но онъ жестоко ошибался; ослѣпленный гордою самоувѣренностью и нелѣпымъ презрѣніемъ къ храбрости сѣверянъ, онъ точно также мало былъ способенъ оцѣнить

по достоинству непреклонную рѣшимость, безстрашіе, геройскій и непобѣдимый духъ Авраама Линкольна.

Въ первую недѣлю президенства Линкольна два южные коммиссара прибыли въ Вашингтонъ и мирнымъ путемъ начали поселять здѣсь раздоръ; однако по различнымъ причинамъ ихъ здѣсь почти не приняли. Скоро потомъ бомбардированіемъ и взятіемъ форта Сомтеръ конфедератами открылась и самая война.

Такимъ образомъ разрушились всѣ мечты о возможности примиренія, все еще питаемыя умами на Сѣверѣ. Уснувшій сѣверный левъ пробудился и встрянулъ своей гривой. Нельзя описать того возбужденія, которое разомъ охватило умы на Сѣверѣ, лишь только достигло сюда извѣстіе о первомъ пушечномъ выстрѣлѣ въ фортъ Сомтеръ. Выстрѣлъ попалъ какъ будто прямо въ сердце Сѣвера, и милліоны, бывшіе еще вчера братьями, сегодня стояли другъ противъ друга съ сжатыми кулаками.

Первою заботою Линкольна было рѣшительно отстранить всякое даже самое незначительное вмѣшательство иностранныхъ державъ въ эту гражданскую войну. И это было очень благоразумно. Поэтому когда въ слѣдующемъ іюнѣ посланники Англіи и Франціи просили у министра Сьюарда аудіенціи, желая сообщить ему ноты, полученныя ими отъ своихъ правительствъ, Сьюардъ отказалъ имъ въ оффиціальной аудіенціи, чтобы не дать возможности на будущее время упомянутымъ правительствамъ вмѣшиваться въ американскія дѣла.

2. Начало войны и затрудненія во внѣшней политикѣ.

Главнокомандующій союзной арміи, храбрый генералъ-лейтенантъ Уинфильдъ Скоттъ, уже 20 октября 1860 года представилъ президенту записку, въ которой говорилось: „Насколько мнѣ извѣстно населеніе Юга, я твердо убѣжденъ въ томъ, что намъ нужно опасаться какого-нибудь быстраго, отважнаго дѣла.“ Онъ подразумѣвалъ здѣсь возможность нападенія на уединенно лежащій фортъ. Его пророчество должно было исполниться.

Начальникомъ форта въ гавани Чарльстона, на восточномъ берегу Южной Каролины, былъ маіоръ Андерсонъ, храбрый и отличный артиллерійскій офицеръ. Не смотря на то, что самъ былъ гражданиномъ рабовладѣльческаго штата Кентукки, онъ нисколько не расположенъ былъ спустить свой флагъ передъ правительствомъ южной конфедераціи. Къ сожалѣнію у него было только 70 солдатъ и 7 офицеровъ, включая въ это число и музыкантовъ; съ этими-то силами онъ расположился въ фортѣ Мультри, при входѣ въ самую гавань. Онъ видѣлъ приготовленія къ нападенію и приказалъ не дѣлать ни одного выстрѣла; но ему приходилось также защищать два другіе форта, Сомтеръ и Пинкней. Подвозъ матеріаловъ былъ отрѣзанъ и съ 70 солдатами нельзя было защищать три укрѣпленія, поэтому онъ рѣшился утвердиться въ какомъ-нибудь одномъ, который представлялся ему самымъ безопас-

нымъ въ виду нападенія. Это былъ фортъ Сомтеръ. Стѣны его, возвышавшіяся надъ водою на 60 футовъ въ вышину, были недоступны и притомъ господствовали надъ другими фортами. Мятежническій генералъ Борегаръ зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями небольшого гарнизона, однако Андерсону, ночью на 27 декабря, удалось привести въ исполненіе свой планъ. Будучи въ Чарльстонѣ на какомъ-то праздникѣ, онъ притворился пьянымъ, чтобы обмануть противниковъ, но лишь только возвратился въ фортъ, тотчасъ приказалъ заклепать орудія, сжечь лафеты, спилить флаговую мачту, чтобы ее не осквернило никакое другое знамя, и въ ночной темнотѣ переѣхалъ съ своимъ гарнизономъ въ фортъ Сомтеръ.

Опасная, но хорошо задуманная операція удалась вполнѣ, и Андерсонъ, не обращая вниманія на ярость сепаратистовъ, приступилъ теперь къ вооруженію самого форта, въ которомъ было 140 орудій, но мало провіанта. Генералъ Борегаръ приказалъ поставить на четырехъ пунктахъ штурмовыя баттареи на южной сторонѣ форта, на косѣ была поставлена одѣтая желѣзными плитами панцырная баттарея и баттареи Мультри снова приведены въ порядокъ; на сѣверѣ стояла на якорѣ пловучая баттарея, а на западѣ другая, сдѣланная изъ кулей песку и пальмовыхъ бревенъ.

Подкрѣпленіе, о которомъ просилъ маіоръ Андерсонъ, не приходило. Пароходъ „Star of the West“ появился правда въ гавани 9 генваря, но былъ встрѣченъ огнемъ изъ баттарей, когда выбросилъ звѣздное знамя

Союза. Мятежъ поднялъ свою голову и „Star of the West“ возвратился домой съ разорваннымъ знаменемъ и принесъ въ Нью-Іоркъ печальныя вѣсти.

Крикъ негодованія пронесся по всѣмъ сѣвернымъ штатамъ; за пушечнымъ выстрѣломъ при Чарльстонѣ должна была послѣдовать самая ужасная война, какую только видѣлъ когда-нибудь свѣтъ.

12 апрѣля въ тихую весеннюю ночь генералъ Борегаръ приготовился къ штурму форта Сомтеръ. Баттареи засыпали фортъ своими снарядами, между тѣмъ пришедшая на помощь эскадра никакъ не могла войти въ гавань. Небольшой гарнизонъ защищался геройски, но скоро орудія были сбиты съ валовъ, а 13 апрѣля взорваны на воздухъ бомбами и оба пороховые магазина. Начался пожаръ; дымъ и пламя дѣлали невозможною всякую оборону. Все-таки Андерсонъ сдался на капитуляцію при самыхъ почетныхъ условіяхъ: „свободнаго выхода со всѣмъ оружіемъ и почестями и салютованія 100 выстрѣлами звѣзднаго знамени, взятаго изъ крѣпости гарнизономъ.“ При звукахъ „Yankee Doudle“ и „Hail to the Chief“ отрядъ героевъ покинулъ дымящійся фортъ.

Паденіе форта Сомтеръ дало толчекъ энергическому вооруженію Сѣвера.

Массачусетсъ былъ впереди всѣхъ. Еще не перестала колебаться проволока, принесшая прокламацію президента въ Бостонъ, какъ изъ мастерскихъ и съ полей появился народъ, чтобы образовать армію для защиты звѣзднаго знамени. Предписана была блокада южныхъ

гаваней и организація арміи въ 75,000 человѣкъ; южные штаты также готовились и начали съ того, что ограбили арсеналы и цейгаузы союзнаго правительства.

Джефферсонъ Дэвисъ издалъ декретъ о сформированіи арміи въ 25,000 человѣкъ и призывалъ къ оружію 150,000 волонтеровъ. Получивши воспитаніе въ Вэстпойнтѣ и будучи генераломъ во время похода противъ Мехики, онъ конечно имѣлъ военныя свѣдѣнія; онъ съумѣлъ, сообразуясь съ характеромъ населенія, дать южной арміи перевѣсъ въ кавалеріи и особенно въ тяжелой артиллеріи. Горячность и воинскій духъ Юга вознаграждали дисциплину сѣверной милиціи. Купеческія суда были превращены въ военныя.

Сѣверу недоставало артиллеріи и кавалеріи. Значительные запасы оружія и артиллеріи, отправленные прежнимъ военнымъ министромъ Флойдомъ въ оружейные депо южныхъ штатовъ, попали въ руки мятежниковъ. Напримѣръ въ одномъ только Госпортѣ, въ Виргиніи, находилось 2,000 тяжелыхъ, совершенно новыхъ пушекъ и 300,000 зарядовъ различнаго калибра; потомъ большой литейный заводъ въ Ричмондѣ и хорошіе морскіе арсеналы въ другихъ мѣстахъ.

Слѣдовательно Сѣверъ относительно снабженія артиллеріею былъ предоставленъ усердію своей частной промышленности, но за то у него было свое преимущество — регулярная армія и большое число спеціалистовъ-офицеровъ.

Въ частности мятежники имѣли преимущество въ наступательныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ они могли устре-

миться со всѣми своими силами на одинъ какой-нибудь пунктъ; но это преимущество опять-таки ограничивалось тѣмъ, что въ ихъ средѣ всегда находилась партія, вѣрная Союзу. Напротивъ союзное правительство имѣло одну цѣль—подавленіе мятежа во что бы то ни стало, имѣло за себя патріотическое воодушевленіе, которое всегда дѣйствуетъ гораздо продолжительнѣе и сильнѣе, нежели слѣпая ненависть за угрожаемый интересъ, наконецъ имѣло перевѣсъ въ людяхъ и въ денежныхъ средствахъ, владѣло флотомъ, какъ бы онъ ни былъ запущенъ.

Въ то время какъ войска мятежниковъ захватывали арсеналы, энергически подвигалась и организація сѣверной арміи.

Регулярная армія имѣла 6 кавалерійскихъ, 5 артиллерійскихъ и 19 пѣхотныхъ полковъ,—всего 40,000 человѣкъ; армія волонтеровъ была доведена мало по малу до 430 пѣхотныхъ, 35 кавалерійскихъ и 35 артиллерійскихъ полковъ, слѣдовательно всего до 555,000 человѣкъ. Содержаніе этой арміи ежедневно обходилось въ 2 милліона долларовъ; вооруженія на морѣ производились такъ энергически, что уже къ 1 генваря 1862 года флотъ состоялъ изъ 260 военныхъ и 106 транспортныхъ судовъ.

Главной квартирой Сѣвера былъ и остался Вашингтонъ, квартира южанъ изъ Монгтомери скоро перенесена была въ Ричмондъ—въ Виргиніи. Въ маѣ и іюнѣ корпусъ генерала Макъ Довелля, составлявшій центръ потомакской арміи, прикрывалъ Вашингтонъ;—генералъ

Петтерсонъ командовалъ правымъ крыломъ и стоялъ у Потомака—въ Пенсильваніи; лѣвое крыло при Монроэ, у Чизапикской губы, было подъ начальствомъ генерала Ботлера.

Генералы М'Клелланъ и Андерсонъ (защитникъ Сомтера) организовали корпусъ въ сѣверовосточной Виргиніи; генералъ Прэнтичъ стоялъ отдѣльнымъ корпусомъ въ укрѣпленномъ лагерѣ у Каиро, при устьяхъ Огіо; генералъ Ліонъ командовалъ военными силами, расположенными въ Миссури.

Для легчайшаго пониманія операцій мы назвали корпуса и занятыя ими позиціи. Но организація ихъ была дѣйствительно исполинскимъ самообразованіемъ изъ хаоса различныхъ затрудненій, которыя въ состояніи представить себѣ только тотъ, кто подумаетъ о мобилизаціи арміи въ то время, когда вмѣстѣ нужно было наполнять оружейные магазины, составлять штабы и выбирать предводителей; когда однимъ словомъ еще ничего не было въ запасѣ, кромѣ затрудненій и хлопотъ съ прибывшими по желѣзной дорогѣ рекрутами, которыхъ нужно было помѣщать на квартиры, которымъ нужно было платить жалованье, содержать и обмундировать ихъ. Между тѣмъ и мятежники дѣлали свое,—прерывали и отрѣзывали сообщенія; вслѣдствіе чего нужно было заботиться о томъ, чтобы облегчить бѣгство изъ возмутившихся штатовъ оставшимся вѣрными Союзу. При этомъ случаѣ вышеупомянутый корпусный начальникъ Ліонъ заслужилъ своими энергическими дѣйствіями генеральскій патентъ. Этотъ офицеръ заступилъ

мѣсто генерала Гамея, бывшаго главнымъ начальникомъ западнаго военнаго округа въ С. Луи, тоже рабовладѣльца, внезапно оставившаго свое мѣсто. Когда мятежники, подъ начальствомъ генерала Фроста, стояли лагеремъ вблизи С. Луи, Ліонъ немедленно двинулся противъ нихъ, окружилъ лагерь, взялъ въ плѣнъ милицію и энергически противодѣйствовалъ возмутившемуся населенію. Впрочемъ ему не вездѣ одинаково удалось воспрепятствовать скоцентрированію непріятельскихъ полчищъ, потому что въ его арміи были такъ называемые „политическіе генералы,“ которые все еще надѣялись разными умѣренными средствами предотвратить столкновеніе.

Артиллеріи все еще отчасти не доставало орудій. Экипажъ „independent battery“ (полковой баттареи) примкнулъ въ качествѣ пѣхотинцевъ къ 29 нью-іоркскому пѣхотному полку съ тѣмъ, чтобы потомъ отдѣлиться, коль скоро получитъ необходимыя артиллерійскія орудія.

Южные штаты сконцентрировали свои главныя силы сперва въ восточной Виргиніи при Винчестерѣ, потомъ при Манасса-Джонкшонъ съ фронтомъ къ Потомаку. Борегаръ командовалъ здѣсь въ концѣ іюня 1861 г. почти 60,000 человѣкъ; онъ приказалъ обнести окопами спуски къ Потомаку и держать наготовѣ поѣзды желѣзныхъ дорогъ, чтобы въ случаѣ нужды стянуть сюда отдѣльные корпуса. Одинъ корпусъ ихъ стоялъ противъ генерала Петтерсона, другой—противъ М'Клеллапа, а третій занялъ позицію въ резервѣ, при Ричмондѣ, для

наблюденія за Монроэ. Въ Миссури, Арканзасѣ, Кентукки и въ западной Виргиніи войска также начали формироваться, но въ первое полугодіе войны все дѣло въ этихъ странахъ ограничивалось набѣгами гверильясовъ.

Главнокомандующій союзной арміи генералъ Скоттъ прежде всего старался прикрыть главный городъ Союза, подавить мятежъ въ Мэриландѣ, защитить западную Виргинію, удержать за Союзомъ Миссури и потомъ уже завладѣть Тенесси. Сообразно съ этимъ планомъ были расположены и корпуса.

Генералъ Уинфильдъ Скоттъ родился въ Виргиніи 1786 г., изучалъ сначала право, но потомъ поступилъ въ армію съ чиномъ капитана артиллеріи. Онъ увѣнчался первыми лаврами во время войны съ англичанами 1812—14 года, преимущественно въ блистательномъ дѣлѣ при Чиппева. Въ мирное время онъ отличился, будучи военнымъ губернаторомъ Южной Каролины (1832), предусмотрительностью, энергіею и умѣренностію, воевалъ противъ Мехики и въ настоящее время стоялъ во главѣ всѣхъ военныхъ силъ Союза.

Уже 23 мая Скоттъ приказалъ генералу М'Довеллю перейти Потомакъ съ 50,000 человѣкъ и расположиться укрѣпленнымъ лагеремъ на другой сторонѣ.

Генералъ Андерсонъ рѣшился на это, только по полученіи подобнаго же приказанія, между тѣмъ какъ генералъ М'Клелланъ изъ Огіо угрожалъ тылу непріятеля. Медленность Андерсона нужно приписать тому обстоятельству, что мятежническому генералу Джонстону

удалось отступить къ Винчестеру и соединиться въ самый рѣшительный моментъ съ главною мятежническою арміею.

На лѣвомъ крылѣ генералъ Ботлеръ стянулъ свои войска въ одномъ укрѣпленномъ лагерѣ, точкою опоры котораго была самая сильная крѣпость Союза, фортъ Монроэ. Недостаточная подготовка солдатъ препятствовала Ботлеру дѣятельно заняться необходимыми операціями. Устья рѣкъ, впадающихъ въ Чизапикскую бухту, были заперты мятежниками. Мэриландъ защищенъ былъ корпусомъ подъ командою генерала Бэнкса.

Первыя дѣйствія начались на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. 26,000 корпусъ генерала М'Клеллана двинулся въ послѣднихъ числахъ мая, по правому берегу Огіо вдоль линіи огіо-балтиморской дороги, въ Виргинію, между тѣмъ какъ отдѣльный другой отрядъ пошелъ по лѣвому берегу Огіо на Питерсбургъ къ Кларсбургу.

М'Клеллану дано было порученіе собрать виргинскія войска и очистить эту страну отъ мятежниковъ. Его войска были приняты здѣсь въ восторгомъ. 2 іюня 1861 года онъ отправился по желѣзной дорогѣ въ Филиппинскую область и подъ страшнымъ дождемъ и по глубокой грязи дошелъ до этого города, вблизи котораго расположился укрѣпленнымъ лагеремъ мятежническій полковникъ Портфильдъ. Джоржъ М'Клелланъ приказалъ одной дивизіи обойти лагерь, а другой напасть съ фронта; была одержана быстрая и рѣшительная побѣда. Такой же точно успѣхъ имѣла и

другая дивизія противъ генерала Гарнетта при Беверли.

Между тѣмъ генералъ Ліонъ выгналъ изъ Миссури кавалерійскій корпусъ мятежниковъ и овладѣлъ свинцовыми рудниками у Потози. При Бунвиллѣ на рѣкѣ Миссури онъ разбилъ 3,000 отрядъ Джаксона.

Нѣмецкій эмигрантъ баденскаго возстанія, Францъ Зигель, начальствовалъ отрядомъ въ Карфагенѣ. Стѣсненный превосходными силами, онъ рѣшился пробиться къ корпусу генерала Ліона и при этомъ случаѣ обнаружилъ столько ума и храбрости, что въ награду за это былъ сдѣланъ генераломъ.

Эти незначительные успѣхи не могли разсѣять смущенія, порожденнаго неудачными предпріятіями Ботлера; послѣ такихъ большихъ и одушевленныхъ приготовленій, они вовсе не соотвѣтствовали всеобщимъ нетерпѣливымъ ожиданіямъ. Осторожность Скотта подверглась насмѣшкамъ. „Въ Ричмондъ!“ — раздавались нетерпѣливые крики; всѣ хотѣли успѣховъ. Притомъ каперное судно Сомтеръ разорвало объявленную блокаду, Борегаръ грозно стоялъ при Манассѣ, Джонстонъ при Гарперсъ-Ферри и еще не было дано ни одного сраженія!

Наконецъ раздался крикъ: „впередъ!“ 40,000 человѣкъ подъ командою М'Довелля, въ 5 дивизіяхъ — Тайлера, Гунтера, Гейнцельмана, Руньона и Мильса, двинулись 17 іюня впередъ подъ звуки веселой музыки, погнали предъ собою мятежническіе форпосты и, грабя на своемъ пути, вошли въ Фэрфаксъ.

Генералъ М'Довелль поручилъ генералу Тайлеру ов-

ладѣть Центрвиллемъ; но этотъ послѣдній вмѣсто того пошелъ на Буль-Ронъ, началъ перестрѣлку съ непріятелемъ и, не получивши никакого результата отъ своей рекогносцировки, отступилъ назадъ.

Буль-Ронъ—тинистая рѣка, съ обрывистыми и покрытыми лѣсомъ берегами, перерѣзывается въ различныхъ направленіяхъ безчисленными отмелями. Непріятель расположился въ холмистой мѣстности за рѣкою въ линію на 8 миль.

М'Довелль рѣшился напасть на него тремя колоннами; Гунтеръ долженъ былъ обойти лѣвое крыло; въ субботу 19 іюля въ 4 часа утромъ данъ былъ приказъ къ нападенію. Не было слышно ни барабаннаго удара, ни звука трубы; глубокое молчаніе, только изрѣдка прерываемое стукомъ артиллерійскихъ лафетовъ и глухими шагами колоннъ, царило надъ полемъ и лѣсомъ.

Конфедераты занимали полукруглую, прекрасно избранную позицію; главнымъ начальникомъ былъ самъ президентъ Джефферсонъ Дэвисъ, помощниками Борегаръ и Джонстонъ. Петтерсонъ, показавъ видъ, что хочетъ сдѣлать аттаку, выманилъ Джонстона изъ его позиціи. Джаксонъ остался при Чарльстонѣ, между тѣмъ какъ Джонстонъ поворотилъ назадъ и соединился съ Борегаромъ. Это обстоятельство, а равно какъ и большое разстояніе, отдѣлявшее резервъ отъ М'Довелля, немало содѣйствовали потерѣ этой битвы, отъ которой Союзъ ожидалъ окончательнаго уничтоженія своего непріятеля. Побѣда склонялась долгое время то на одну, то на другую сторону, пока М'Довелль не далъ при-

каза къ отступленію; одинъ полкъ обратился въ бѣгство; крикъ „кавалерія идетъ!“ распространилъ паническій страхъ по всѣмъ рядамъ и въ попыхахъ началось одно изъ самыхъ жалкихъ отступленій. Цѣлые полки бѣжали съ поля сраженія и направлялись домой. Всякая дисциплина исчезла, вся армія разсыпалась, только бригада Блэнкера (нѣмца) отступила въ порядкѣ за Потомакъ.

Непріятель не отважился на преслѣдованіе, которое непремѣнно отдало бы въ его руки Вашингтонъ. За страхомъ этой битвы послѣдовало новое одушевленіе. М'Клелланъ получилъ главное начальство надъ потомакскою арміею, остатки которой онъ успѣлъ привести въ порядокъ. Предписанъ былъ новый наборъ, укрѣпленія столицы усилены, образованъ новый генеральный штабъ и улучшена администрація.

Въ октябрѣ генералъ Скоттъ былъ уволенъ и М'Клелланъ получилъ главное начальство надъ соединенными силами Союза.

Въ западной Виргиніи, по уходѣ М'Клеллана, приняли главное начальство генералы Розенкранцъ и Томасъ. Розенкранцъ разбилъ мятежниковъ при Ричъ-Моунтэнъ; но за то отдѣльный корпусъ Зигеля при Карфагенѣ и цѣлый корпусъ Ліона при Вильсонсъ-Крикѣ потерпѣли пораженіе 10 августа отъ соединенныхъ корпусовъ генерала Прайса и М' Кулоха. Зигель съ остатками своей арміи отступилъ къ Ролла.

Въ это-же время въ различныхъ мѣстахъ происходили Арнезначительныя стычки. Въ канзасѣ, напримѣръ,

мятежники подъ предводительствомъ Купера сразились съ предводителемъ чирокезовъ О-пот-лей-го-го, недалеко отъ Бюши-Крикъ. Другія индѣйскія племена стояли на сторонѣ мятежниковъ, поэтому и въ этой кровопролитной войнѣ скальпель индѣйцевъ исполнялъ свою варварскую работу. На западъ отъ Миссисипи война приняла особенно ужасный характеръ; пылающіе города, разграбленные домы, дерзкія банды мародеровъ и лишенные пристанища бѣглецы сдѣлали Миссури театромъ опустошенія.

Генералъ Фримонтъ, вѣдѣнію котораго было поручено морское министерство, рѣшился реорганизовать армію въ Миссури. Но наступленіе суровой зимы положило конецъ его предпріятію. Конфедераты бросили свои наступательныя дѣйствія у Потомака и отступили къ Раппаганноку, занявши тамъ оборонительное положеніе, между тѣмъ какъ въ Миссури они все еще подвигались впередъ и даже заняли центральный штатъ Кентукки.

Генералъ М'Клелланъ, принявши главную команду надъ союзными силами, имѣлъ планъ блокировать всѣ гавани южныхъ штатовъ, занять Миссисипи и прочія рѣки, находящіяся на западѣ, и наконецъ взять Ричмондъ. Первыя двѣ задачи были рѣшены въ теченіе зимы. Вооруженія на морѣ подвинулись впередъ на столько, что уже можно было не только блокировать южныя гавани, но даже приступить и къ экспедиціи, которая имѣла цѣлью окружить войска конфедератовъ. Этотъ планъ, спокойная твердость, съ которою М' Клелланъ привелъ въ порядокъ всѣ дѣла, находившіяся до

него въ страшномъ разстройствѣ, энергія, съ которою онъ трудился надъ организаціей арміи, прежде нежели перейти къ нападенію, — все это заслуги, которыя, вопреки всѣмъ скептическимъ намекамъ, должны быть признаны за нимъ.

Въ то время какъ сенатъ въ полномъ своемъ засѣданіи разсуждалъ о послѣднемъ посланіи президента и сильная оппозиція уже грозила предложеннымъ финансовымъ мѣрамъ, всеобщее вниманіе вдругъ обращено было на внѣшнюю политику однимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, которое могло повлечь за собой большія затрудненія. Но тутъ былъ Авраамъ Линкольнъ, единственный человѣкъ, твердый какъ скала среди бушующаго моря, который могъ своей сильной рукой провести находившійся въ опасности государственный корабль чрезъ всѣ бури. Предъ его ясно обдуманною и постоянно находившеюся въ виду цѣлью — во что бы то ни стало возстановить Союзъ — должны были исчезнуть всѣ другіе интересы, не относящіеся къ ней прямо и непосредственно. Именно тутъ былъ миролюбивый Линкольнъ, который старался обходить всѣ новыя препятствія, прежде чѣмъ не будетъ достигнута главная цѣль, человѣкъ совершенно необходимый для своего времени и для спасенія націи.

Ни вопли черни, которая страстно желала наказать и обуздать европейскія притязанія, ни презрѣніе Юга, злобно подсмѣивающагося надъ благоразумною уступчивостью, ни собственное чувство оскорбленной національной чести, — ничто не было въ состояніи поколебать по-

литику Линкольна, разъ принятую имъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ.

Зависть западныхъ европейскихъ державъ, Англіи и Франціи, къ постоянно возрастающему могуществу Соединенныхъ Штатовъ, ихъ желаніе какъ можно болѣе продолжить враждебное раздѣленіе Союза ожидали только удобнаго случая, чтобы посредствомъ болѣе или менѣе скрытой поддержки отдѣленія (Secession) добиться своей цѣли. Южане на основаніи тайныхъ условій въ ноябрѣ мѣсяцѣ уполномочили двухъ коммисаровъ,—Мэзона и Слиделля, чтобы дѣйствовать въ пользу объявленія европейскими державами нейтралитета со всѣми его благопріятными слѣдствіями относительно блокады. Коммисары сѣли въ Гаваннѣ на англійскій почтовый пакетботъ „Трентъ“. Но капитанъ Вильксъ, командиръ федеральнаго военнаго корабля „Санъ Яцинто“, былъ извѣщенъ объ этомъ и рѣшился гнаться за ними. Онъ настигъ Трентъ и принудилъ выдать двухъ требуемыхъ имъ пассажировъ. Англія увидѣла въ этомъ насильственномъ поступкѣ рѣшительное нарушеніе нейтралитета и потребовала удовлетворенія. Авраамъ Линкольнъ, соображаясь съ обстоятельствами времени, исполнилъ желаніе англичанъ, объявивши поведеніе капитана Вилькса самовольнымъ и приказавши выдать назадъ двухъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ, Джонъ Слиделль, былъ сенаторомъ Луизіаны и членомъ конгресса въ 1843 году. Впослѣдствіи онъ былъ избранъ въ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ имѣлъ большое вліяніе на внѣшнія дѣла Союза. Въ своей

политикѣ онъ строго держался принциповъ Юга и очень много содѣйствовалъ первымъ успѣхамъ южанъ. Его дѣятельность, прерванная плѣномъ, продолжалась потомъ при тюльерійскомъ дворѣ, между тѣмъ какъ Джемсъ Мэзонъ, его товарищъ, дѣйствовалъ въ пользу отдѣленія среди государственныхъ людей Англіи.

Умѣренность, съ которою дѣйствовалъ Линкольнъ при этомъ случаѣ, онъ обнаружилъ впослѣдствіи и въ своихъ отношеніяхъ къ конгрессу, когда здѣсь принято было опасное рѣшеніе касательно мехиканской имперіи. Линкольнъ отказался утвердить постановленіе конгресса; не одобряя этого постановленія, онъ хотѣлъ уклониться отъ неизбѣжнаго въ противномъ случаѣ разрыва съ Франціею, подъ защитою которой образовалась эта новая имперія. Конечно утвержденіе императора Максимиліана въ Мехикѣ противорѣчило извѣстной старой доктринѣ Монроэ, по которой Соединенные Штаты никакимъ образомъ не должны были терпѣть основанія монархіи на сѣвероамериканской почвѣ. Но Линкольнъ, справедливо оцѣнивая современыя обстоятельства, совѣтовалъ отложить на время практическое приложеніе этого принципа и тѣмъ самымъ еще разъ доказалъ, что онъ былъ дѣйствительно умный правитель, что онъ умѣлъ энергически дѣйствовать при удобномъ случаѣ, умѣлъ также и избѣгать несогласій и раздоровъ, опасныхъ для блага его отечества.

3. Походъ на Западъ весною 1862 года.

Послѣ того какъ въ октябрѣ 1861 года подъ руководствомъ инженернаго полковника Дж. Г. Бернарда были окончены укрѣпленія Вашингтона, большая часть потомакской арміи, принужденная до сихъ поръ прикрывать только главный городъ Союза, могла теперь перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Генералъ М' Клелланъ въ одномъ изъ своихъ прежнихъ донесеній сообщалъ военному министру, что въ войскѣ для защиты самого города находится до 35,000 человѣкъ, а въ передовыхъ его линіяхъ на верхнемъ и нижнемъ Потомакѣ, въ Балтиморѣ и Аннаполисѣ, считается около 13,000. Но теперь, когда можно было сосредоточить всѣ эти силы на одной операціонной линіи, этотъ генералъ пропустилъ дорогое время и даромъ потерялъ цѣлую четверть года, потому что въ продолженіе октября, ноября и декабря онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія. Мы еще болѣе удивимся этой неподвижности, когда примемъ въ разсчетъ, что общее количество союзныхъ войскъ, простирающееся до 200,000 человѣкъ, ежедневное содержаніе которыхъ обходилось въ милліонъ долларовъ, почти вдвое превышало цифру непріятельской арміи Борегара, главная квартира котораго была въ Центрвиллѣ, такъ что по общему мнѣнію фронтъ непріятеля легко можно было окружить. Въ виду такихъ обстоятельствъ президентъ, какъ главнокомандующій арміи и флота, принужденъ былъ употребить свою за-

конную власть и 27 генваря 1862 года издалъ приказъ, которымъ повелѣвалось двинуть впередъ всѣ сухопутныя и морскія силы Соединенныхъ Штатовъ. Въ особенномъ добавленіи къ этому приказу было сказано, чтобы потомакская армія, подъ личнымъ предводительствомъ М' Клеллана, какъ можно скорѣе овладѣла соединительнымъ пунктомъ желѣзныхъ дорогъ, ниже Манасса-Джонкшонъ. Но когда М' Клелланъ и послѣ этихъ приказаній не думалъ дѣйствовать и въ одномъ своемъ письмѣ къ Стантону, отъ 31 генваря, развивалъ и предлагалъ свой собственный планъ—наступательное движеніе на Ричмондъ, вдоль Раппаганнока, Линкольнъ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, свойственныхъ мягкому характеру этого человѣка, напомнилъ М'Клеллану объ его обязанностяхъ. Въ письмѣ отъ 3 февраля онъ сдѣлалъ ему пять вопросовъ относительно обоихъ военныхъ плановъ и желалъ знать, какой изъ этихъ двухъ плановъ потребуетъ больше времени и денегъ, какой вѣрнѣе обезпечиваетъ успѣхъ дѣла, удобнѣе для того, чтобы прорвать соединительную линію непріятеля, а въ случаѣ пораженія воспользоваться болѣе выгоднымъ отступленіемъ. Такъ какъ эти вопросы прямо не были разрѣшены, то президентъ не взялъ назадъ своего приказа по арміи, хотя отсрочилъ его исполненіе, потому что М'Клелланъ вслѣдствіе вторичнаго понужденія рѣшился наконецъ очистить отъ непріятелей линіи желѣзныхъ дорогъ между Балтиморомъ и Огіо.

Общее число союзнаго войска на Миссиссипи простиралось до 160,000 человѣкъ и находилось подъ

командою генерала Галлека; помощниками его были: на лѣвомъ флангѣ—Попе, въ центрѣ—Бюилль, на правомъ флангѣ — Томасъ. Онъ занялъ мѣсто отозваннаго генерала Гранта. Дависъ, Шерманъ и Клернанъ оставались въ резервѣ, Куртисъ начальствовалъ въ Арканзасѣ, Митчель - въ Алабамѣ. Фотъ въ соединенiи съ Фэрраготомъ блокировалъ флотилiю мятежниковъ, расположенную между Мемфисомъ и фортомъ Райтомъ.

Съ непрiятельской стороны Борегаръ стоялъ во главѣ почти 115,000 войска, а помощниками у него были: Полькъ, Пилоу, Чатамъ, Фрименъ, Фанъ-Дорнъ, Ловель; далѣе у Мемфиса Брэггъ, а въ Арканзасѣ—Прайсъ

Между тѣмъ генералъ Гунтеръ собралъ армiю въ штатѣ Арканзасѣ, которая посредствомъ диверсiи противъ Арканзаса, Луизiаны и Техаса угрожала лѣвому флангу мятежниковъ. Генералы Бюилль и Грантъ пошли изъ Кентукки съ вновь сформированнымъ корпусомъ въ 60,000 человѣкъ на югъ, проложивъ себѣ сначала туда дорогу побѣдою при Милль-Спрингѣ или Сомерсетѣ. Мы позволимъ себѣ остановиться нѣкоторое время на этомъ сраженiи, которое правда оставило только скоропреходящiй слѣдъ въ этой великой заатлантической войнѣ, потому что здѣсь ,какъ и въ большей части прежнихъ счастливыхъ стычекъ съ сепаратистами нѣмецкiя войска въ особенности много содѣйствовали рѣшенiю дѣла. Въ этомъ сраженiи нѣмцы, наскучавшiе спокойнымъ выжиданiемъ и не желая терпѣть отъ непрiятельскаго огня, требовали отъ своего командира, бригаднаго генерала Шепфа, приказа къ аттакѣ въ штыки.

Съ громкимъ „ура“ колонны плотно сомкнутыми рядами прошли пространство въ 600 футовъ, которое отдѣляло ихъ отъ непріятелей. Приблизившись къ непріятелю на 100 футовъ, они взяли штыки на перевѣсъ и бросились на штурмъ. Непріятель, приведенный въ ужасъ этою необыкновенною, двигающеюся стѣною штыковъ, сдѣлалъ на удачу послѣдній залпъ и затѣмъ обратился въ безпорядочное бѣгство. Только одинъ миссиссипскій полкъ медлилъ еще нѣкоторое время. Но побѣдное „ура“ нѣмцевъ навело панику и на него, а быстро подвигающаяся линія штыковъ также обратила его въ бѣгство. Такимъ образомъ правое крыло сепаратистовъ было разсѣяно и побѣда рѣшена. Честь этого дѣла принадлежитъ тому самому полку, который, составившись при началѣ войны изъ нѣмецкихъ гимнастовъ и работниковъ, отличился уже въ сраженіи при Ричъ-Моунтэнѣ и Лаурельгиллѣ въ западной Виргиніи. Четверть этого полка состояла изъ прежняго прусскаго ландвера. Предводитель ихъ, генералъ Шепфъ, былъ родомъ венгерецъ, переселившійся послѣ венгерской революціи въ Америку и служившій сначала кучеромъ у одной старой дамы, потомъ швейцаромъ въ какой-то гостинницѣ и наконецъ уже, когда началась война, нашедшій себѣ мѣсто въ арміи.

Побѣдою при Сомерсетѣ вся мѣстность до рѣки Кумберландъ открылась для великой операціонной арміи. Мятежники въ томъ-же мѣсяцѣ были прогнаны за эту рѣку, послѣ того какъ генералъ Грантъ, взявъ форты Генри и Донельсонъ, открылъ тенессійскую равнину и

завоевалъ главный городъ Нашвилль. Трехдневная борьба за хорошо укрѣпленный Донельсонъ составляетъ самый кровавый эпизодъ и штурмъ этой крѣпости принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ военнымъ подвигамъ Гранта. Поджидая канонерскихъ лодокъ Фота, онъ отдалъ приказъ генералу Луи Валласу взять штурмомъ средній редутъ. Три иллинойскіе полка были предназначены для этого смѣлаго предпріятія. Не смотря на убійственный огонь, они проникли до гласиса укрѣпленій, но тутъ увидѣли, что брустверы неприступны. Отступивши они расположились на голой землѣ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ непріятеля. Пошелъ дождь, который скоро превратился въ снѣгъ; холодный, порывистый вѣтеръ еще болѣе увеличивалъ непріятность погоды. Наконецъ 14 февраля явился Фотъ съ четырьмя панцирными и двумя деревянными канонерскими лодками. Непріятельскія укрѣпленія состояли изъ двухъ баттарей у берега рѣки и лежащаго за ними форта, построеннаго на обрывистомъ холмѣ. Спускъ былъ перекопанъ ямами и заваленъ срубленными деревьями.

Канонерскія лодки пошли впередъ подъ убійственнымъ огнемъ, адмиральское судно получило болѣе 59 ядеръ. У „Луисвилля“ было оторвано рулевое колесо, но лоцманъ схватилъ весло и началъ имъ править. Битву однако пришлось прекратить. На слѣдующій день войско, стуча зубами отъ холода и съ окоченѣвшими членами, должно было снова взяться за оружіе и отражать вылазки непріятеля. Въ продолженіе цѣлаго дня побѣда колебалась то на одну, то на другую сто-

рону, пока наконецъ Валласъ не подоспѣлъ на помощь. Раздался громъ орудій Вуда, Грантъ отдалъ приказъ войскамъ идти на штурмъ. Валласъ шелъ въ первой колоннѣ. Передняя сторона холма была обнажена и изрыта скалистыми грудами, между тѣмъ дорога которую избрала первая колонна, была покрыта густымъ кустарникомъ. Солдаты прыгали подъ выстрѣлами, подобно индѣйцамъ, отъ одного дерева къ другому, выстрѣлы изъ ружей трещали подобно горящимъ сучьямъ. По другой сторонѣ холма по обрыву взбирался 57-ой индіанскій полкъ, не дѣлая ни одного выстрѣла; его движеніе было тихо и ужасно какъ смерть. „Никогда, пишетъ очевидецъ, не тѣснились такъ храбрецы къ воротамъ смерти, какъ въ этотъ зимній вечеръ наши солдаты, взбиравшіеся по неровной и страшно изрытой поверхности. Угрюмо и молча, какъ судьба, они медленно подвигались впередъ, пока не достигли вершины и съ громовымъ „Ура! На верхъ! Непріятель уступаетъ!“ стали здѣсь твердой ногой. Звѣздное знамя, обрызганное геройскою кровью, развѣвалось на взятомъ укрѣпленіи и звуки „Star spangled banner“ весело и торжественно раздавались вслѣдъ бѣгущимъ мятежникамъ. Ночь принесла только короткій отдыхъ, потому что съ разсвѣтомъ нужно было начинать послѣдній, опасный штурмъ. Но вотъ раздался явственный и громкій звукъ трубы и на фортѣ появился бѣлый флагъ. Крѣпость сдалась!“

Борегаръ занялъ крѣпкую позицію при Коринфѣ. Въ то время какъ Бюилль чрезъ Колумбію, а Грантъ

вдоль праваго берега Тенесси подвигались къ нему, другая экспедиція, подъ начальствомъ Галлека и Попе въ соединеніи съ рѣчной эскадрой Фота, шла правымъ берегомъ Миссиссипи.

Послѣ побѣды Зигеля и Куртиса надъ Прайсомъ въ Арканзасѣ при Піа-Риджѣ, генералъ Зигель получилъ приказъ соединиться съ Куртисомъ. 5 ч. явился курьеръ въ Ботонвилль, а на слѣдующее утро, лишь только Зигель тронулся, пришло извѣстіе, что непріятель съ превосходными силами идетъ на него. Онъ встрѣтилъ его нападеніе страшнымъ залпомъ, но аттака была такъ отчаянна, что его ряды были разорваны. Напрасно онъ вывелъ въ дѣло свой резервъ и хотя на время остановилъ напоръ непріятеля, но скоро увидѣлъ, что окруженъ со всѣхъ сторонъ вчетверо его сильнѣйшимъ непріятелемъ. Небольшой отрядъ храбрыхъ нѣмцевъ, казалось, нѣкоторое время будетъ задавленъ окружившимъ его непріятелемъ. Но желѣзныя колонны его проложили себѣ дорогу штыками и достигли порѣдѣвшихъ рядовъ лагеря. На слѣдующій день Куртисъ занялъ позицію при Піа-Риджѣ, а Зигель опять сдѣлалъ нападеніе. 3-й іоваскій кавалерійскій полкъ былъ аттакованъ и отброшенъ. Зигель своею пѣхотою оттѣснилъ назадъ непріятеля, главныя силы котораго стали теперь угрожать ему съ тылу. „Снова,“ пишетъ очевидецъ, „ — загорѣлось кавалерійское сраженіе, которое окончилось страшною рѣзнею. Стукъ сабель, ударяющихся одна объ другую, походилъ на стукъ сотни молотовъ о наковальни; лошади храпѣли и становились

на дыбы, звуки трубъ далеко раздавались, не смотря на всеобщій хаосъ и шумъ. Нѣмецкая стойкость побѣдила дикую ярость техасцевъ. Къ вечеру непріятель отступилъ въ безпорядкѣ. На третье утро, когда еще растилался по равнинѣ пороховой дымъ предыдущихъ дней, снова началась страшная канонада, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока непріятель не отступилъ." „Поле сраженія," продолжаетъ очевидецъ, „представляло особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствовала артиллерія Зигеля, ужасный видъ. Оно было усѣяно исковерканными трупами и чтобы еще болѣе усилить ужасъ всей этой кровавой сцены, начали горѣть зажженныя бомбами деревья."

Галлекъ и Попе заняли позицію при Колумбусѣ, но нашли въ окрестностяхъ Нью-Мадрита, что рѣка была заперта такими укрѣпленіями, противъ которыхъ бомбы были недѣйствительны. Инженерный полковникъ Биссель, родомъ нѣмецъ, нашелъ выходъ изъ этого, проведши съ большимъ трудомъ каналъ въ три мили длиною чрезъ болотистый первобытный лѣсъ миссиссипскаго острова. Когда наконецъ каналъ былъ совершенно готовъ, Фотъ приказалъ двинуться одной паровой канонерской лодкѣ, чтобы заставить замолчать береговыя баттареи. Отъ града ядеръ страшныхъ баттарей лодка была защищена во время своего движенія паромомъ, нагруженнымъ углемъ и смоченными тюками сѣна. Такимъ образомъ неприступная позиція непріятеля была обойдена сзади и экспедиція могла теперь продолжаться

по направленію къ Мемфису, который почти умиралъ съ голоду.

Соединительный пунктъ желѣзныхъ дорогъ между Мемфисомъ и Коринфомъ былъ уже отрѣзанъ генераломъ Митчелемъ, который отъ Нашвилля бросился къ Алабамѣ и взялъ Гонтсвилль. Столкновеніе у Питсбургъ-Лэндингъ въ апрѣлѣ не имѣло никакихъ послѣдствій, но генералъ Грантъ сдѣлалъ большую ошибку, разсчитывая, что непріятель не покинетъ Коринфа, и перешедши Тенесси при Саваннѣ, вслѣдствіе чего далъ Борегару удобный случай разбить своего противника, прежде нежели этотъ успѣлъ соединиться.—Это несчастіе было увеличено еще тѣмъ, что не было офицеровъ-спеціалистовъ для возведенія правильныхъ и цѣлесообразныхъ окоповъ, съ другой стороны на форпостахъ не было надлежащей внимательности.

Борегаръ оставилъ 4 апрѣля Коринфъ и неожиданно устремился съ огромными превосходными силами на лѣвое крыло Гранта. Три полка были взяты въ плѣнъ, цѣлый корпусъ опрокинутъ и только благодаря стойкости праваго крыла, которымъ командовалъ Клернанъ, не былъ уничтоженъ весь корпусъ Гранта. Появленіе дивизіи Бюилля вечеромъ въ день сраженія принудило Борегара отступить на слѣдующій день въ полдень къ Коринфу; однако уніонисты потеряли трехъ генераловъ и 13,000 солдатъ, въ томъ числѣ 3,000 плѣнныхъ; такое въ нѣкоторомъ родѣ пораженіе не только обезкуражило, но даже разстроило ихъ.

Рѣшеніе дѣла было такимъ образомъ отложено, такъ

какъ Борегаръ не достигъ своей цѣли — разбить непріятеля по одиначкѣ. Наступила пауза, въ продолженіе которой оба противника готовились къ новымъ операціямъ.

4. Походъ на полуостровъ.

Потомакская армія, задачею которой было взять Ричмондъ, двинулась съ мѣста 10 марта 1862 года тремя колоннами. Лѣвая (главная) колонна находилась подъ личнымъ управленіемъ М'Клеллана и состояла изъ четырехъ корпусовъ—Гейнцельмана, Сомнера, Смита и Портера; силы ея простирались до 80,000 человѣкъ.

Второю, среднею колонною, изъ 40,000 человѣкъ, командовалъ М'Довелль; третьей—въ 20,000—генералъ Бэнксъ. Генералъ Фримонтъ съ 25,000 имѣлъ дѣло съ бандами гверильясовъ въ западной Виргиніи, Борнсайдъ стоялъ съ 15,000 въ Сѣверной, а Шерманъ съ 10,000 —въ Южной Каролинѣ, Ботлеръ съ 10,000 въ Новомъ Орлеанѣ, Вудъ съ 10,000 въ Монроэ, Блэнкеръ имѣлъ столько же и кромѣ того Вашингтонъ былъ занятъ 10,000 человѣкъ.

Силы конфедератовъ состояли изъ 90,000 человѣкъ подъ командою Ли, 45,000 — подъ командою Джаксона на Раппаганнокѣ и 40,000 расположенныхъ на морскомъ берегу.

Выступленіе потомакской арміи началось счастливымъ предзнаменованіемъ—побѣдою при Винчестерѣ. Предпріимчивый Джаксонъ осмѣлился сдѣлать диверсію про-

тивъ этого города, чтобы угрожать лѣвому флангу потомакской арміи, но такъ какъ подкрѣпленіе, на которое онъ разсчитывалъ, не явилось, то послѣ упорнаго сопротивленія онъ былъ разбитъ генераломъ Шильдомъ изъ корпуса Бэнкса. Однако и надежды Сѣвера не исполнялись.

М'Клелланъ при Іорктоунѣ, а потомъ и при Вильямсбургѣ нашелъ сильныя укрѣпленія, которыя требовали долгихъ осадныхъ работъ. Только въ маѣ удалось дивизіи генерала Франклина, который съ однимъ панцирнымъ судномъ двинулся къ устью Іоркской рѣки, принудить непріятеля выступить изъ Вильямсбурга. Но его намѣреніе зайти при Вестпойнтѣ въ тылъ Джонстону не удалось, точно также какъ и нападеніе панцирной флотиліи на фортъ Дарлингъ на рѣкѣ Джемсъ.

Вторая колонна двинулась на Манасса-Джонкшонъ, но нашла страну опустошенною, куда едва былъ возможенъ какой-нибудь подвозъ, а достигши Фредериксбурга на Раппаганнокѣ, она нашла, что всѣ мосты разрушены.

Третья колонна дошла до Гарризонбурга, но не имѣла никакой связи съ второй колонной, которая въ соединеніи съ первой угрожала непосредственно Ричмонду.

Въ то время какъ Сѣверъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за движеніемъ М'Клеллана, занявшаго позицію въ болотистомъ бассейнѣ рѣки Чикагомини, Борегаръ вдругъ исчезъ изъ своей позиціи при Коринфѣ, и Галлекъ не зналъ, куда онъ направился.

Начало операцій противъ Ричмонда было также несчастливо. Двѣ дивизіи М'Клеллана, которыя перешли Чикагомини, подверглись нападенію Ли и были разбиты; и только приближеніе всего корпуса, переходъ его черезъ разлившуюся рѣку, заставилъ мятежниковъ отступить. М'Клелланъ укрѣпилъ свою позицію и ожидалъ, не двигаясь далѣе, прибытія двухъ другихъ колоннъ.

Но онъ былъ обманутъ. Мятежники предприняли смѣлый походъ, чрезъ долину Шенандоа, къ Потомаку и вслѣдствіе этого угрожали главному городу; оттуда теперь пришелъ приказъ Бэнксу—поддержать находившагося въ опасности М'Довелля. Онъ поворотилъ назадъ, потому что считалъ себя слишкомъ ослабленнымъ, но Джаксонъ напалъ на него, разбилъ при Фронтъ-Ройялѣ и прогналъ къ Винчестеру, Мартинсбургу и за Потомакъ. Зигель и Фримонтъ поспѣшили на защиту находившейся въ опасности столицы, но Джаксонъ, довольный своимъ успѣхомъ, повернулъ назадъ, давши Фримонту 8 іюня въ лѣсу, при Кросскиссѣ, сильный отпоръ. Онъ опрокинулъ авангардъ корпуса Довелля, который загородилъ ему дорогу, и счастливо прибылъ въ Шарлотсвилль.

Главное начальство надъ шенандоаскимъ корпусомъ было передано теперь генералу Попе, Фримонтъ, оскорбленный этимъ назначеніемъ, потребовалъ отставку.

Такимъ образомъ М'Клелланъ не могъ теперь разсчитывать на поддержку двухъ другихъ колоннъ и потому не могъ удерживать занятую имъ въ 5 миль дли-

ной линію. Онъ рѣшился оставить ее и это было столь опасно въ виду непріятеля, потому что онъ долженъ былъ перемѣнить фронтъ.

Опасность аттаки со стороны кавалеріи Стюарта еще болѣе укрѣпила М' Клеллана въ его намѣреніи, но онъ обманывался, думая, что его можно было исполнить скрытнымъ образомъ.

26 іюня непріятель сдѣлалъ смѣлое нападеніе на правое крыло М' Клеллана, а когда ночью 27 числа онъ началъ отступленіе, загорѣлась битва, которая обнаружила его критическое положеніе. Непріятель угрожалъ уже задне йлиніи его центра, но въ это время Клелланъ приказалъ поставить на мосту черезъ Чикагомини 20 орудій, которыя ниспровергли цылые ряды его. На другой день онъ почти безпрепятственно продолжалъ свой опасный походъ къ рѣкѣ Джемсу, и хотя это стопло ему страшныхъ потерь, все таки онъ отбросилъ непріятеля, который сдѣлалъ на него нападеніе вечеромъ.

Утромъ 30 іюня лѣвое крыло его достигло Джемса; болото защищало корпусъ отъ нападенія Ли; но едва только М' Клелланъ хотѣлъ занять свою позицію, какъ изъ Ричмонда вышли восемь бригадъ и бросились на изнуренныхъ солдатъ, угрожая имъ совершеннымъ истребленіемъ.

Но въ моментъ самой большей опасности явились три канонерскія лодки и картечью начали сметать мятежниковъ съ поля сраженія; Гейнцельманъ опять устремился впередъ и корпусъ былъ спасенъ потерею 8,000

человѣкъ. Потому что въ ночь на 1 іюля главнокомандующій успѣлъ уже раздать войскамъ амуницію и собрать свои силы для отраженія послѣдняго нападенія Ли.

Геройство и стойкость, съ которыми дрались войска, были выше всякой похвалы; только ихъ храбрости Макъ Клелланъ обязанъ своимъ успѣхомъ. Изъ нѣмцевъ отличился въ особенности нью-іоркскій полкъ Стевбена. Командиромъ этого полка былъ фонъ Шаккъ, прежде прусскій офицеръ (въ первомъ гвардейскомъ полку), а теперь одинъ изъ лучшихъ полковниковъ Союза. Его спокойствіе и обдуманность среди картечныхъ выстрѣловъ, его своевременный ударъ въ самый рѣшительный моментъ возбудили удивленіе въ цѣломъ войскѣ. По окончаніи сраженія проѣзжая мимо этого полка, М' Клелланъ снялъ въ знакъ уваженія шляпу и выразилъ Шакку свою полнѣйшую признательность. Этотъ полкъ потерялъ въ сраженіи, длившемся нѣсколько дней, четверть своихъ солдатъ.

Семидневныя кровопролитныя битвы при Ричмондѣ такъ истощили обоихъ противниковъ, что наступила остановка оружія. Эти сраженія обошлись въ 50—60,000 человѣкъ съ обѣихъ сторонъ. М'Клелланъ получилъ подкрѣпленіе и такимъ образомъ избѣжалъ опасности быть оттѣсненнымъ еще далѣе; южные штаты, значительно ослабленные этими потерями, были однако ободрены своими успѣхами въ шенандоаской долинѣ и предъ Ричмондомъ. Борегаръ ушелъ въ Виргинію и приготовленія къ продолженію войны дѣлались съ необыкновенною быстротою и энергіею, лишь только стало извѣ-

стно, что конгрессъ для подкрѣпленія союзной арміи декретировалъ наборъ 300,000 волонтеровъ.

Судя по результатамъ всего этого похода, мы видимъ, что ни одна изъ воюющихъ сторонъ не достигла ничего такого, надъ чѣмъ-бы стоило остановиться. Конечно мятежники были довольно сильны для того, чтобы выиграть сраженіе, но они не были на столько ловки и умны, чтобы воспользоваться плодами своей побѣды. Безъ сомнѣнія, они имѣли за собою извѣстное военное превосходство, но единственнымъ результатомъ его была только удачная оборона. Напротивъ союзные предводители должны были сознаться, что, не смотря на свое численное превосходство, они не способны рѣшить дѣло, отъ чего только и можно было ожидать успѣха. Они испробовали всѣхъ своихъ генераловъ и ни одинъ изъ нихъ не обнаружилъ замѣчательныхъ способностей. Огромныя средства тратились на достиженіе сравнительно ничтожныхъ цѣлей, потому что всего разомъ хотѣли достигнуть, и ни одному генералу не давали покоя и полной самостоятельности въ исполненіи своихъ плановъ. Внутренняя же причина всего этого заключалась отчасти и въ особенныхъ условіяхъ самой войны, въ которой боролись двѣ части одной націи, исторически связанныя общими интересами. Раздраженіе, вызванное мятежомъ, побудило для подавленія его въ самое непродолжительное время не жалѣть никакихъ издержекъ, однакожъ скоро оказалось, что въ сущности была начата война, исходъ которой едва-можно было предвидѣть.

Необыкновенная дѣятельность, открывшая новыя во-

оруженія съ новымъ усердіемъ и изобрѣтательностью, въ особенности ярко обнаружилась въ колоссальныхъ сооруженіяхъ на морѣ. Мы далеко уклонились-бы отъ нашего предмета, если-бы вздумали подробно разсказывать объ интересномъ устройствѣ новыхъ панцирныхъ судовъ, пловучихъ баттарей и колоссальныхъ орудій, которыя почти ежедневно увеличивали военныя средства враждующихъ сторонъ. Между прочимъ мы напомнимъ только, что неутомимый Эриксонъ въ концѣ 1862 года успѣлъ построить еще новое панцирное судно. Онъ назвалъ его „Passaic“; это судно было вооружено пятнадцати-дюймовыми мортирами, вѣсомъ въ 42,000 фунтовъ, которыя могли бросать коническія ядра въ 460 фунтовъ и гранаты въ 330 фунтовъ. При помощи простого механизма этимъ ужаснымъ орудіемъ могли управлять три человѣка; стволъ ихъ состоялъ изъ исполинскаго цилиндра, который безъ лафета вѣсилъ около 170 центнеровъ. Всей прислуги для этой колоссальной метательной машины требовалось семь человѣкъ. Башня наверху панцирнаго судна была въ 9 футовъ вышиною и 23 фута въ діаметрѣ; желѣзныя плиты въ 11 дюймовъ толщины, а общій ея вѣсъ въ 240 тоннъ.

5. Морская экспедиція.

13 апрѣля 1861 года конфедераты взятіемъ форта Сомтеръ начали войну съ Союзомъ. Съ тѣхъ поръ сѣверные штаты не страшились никакихъ издержекъ и

трудовъ, лишь бы только какъ нибудь поправить свою ошибку; они старались отрѣзать отъ моря своихъ противниковъ и дать имъ почувствовать свое превосходство въ этой области. Рядомъ съ этимъ желаніемъ пробудился предпріимчивый и изобрѣтательный духъ народа, который не останавливался ни предъ какими трудностями.

Первая морская экспедиція, подъ начальствомъ генерала Ботлера, совершилась изъ Монроэ 26 августа 1862 года и принудила фортъ, лежащій у мыса Гетерасъ, сдаться на капитуляцію. Вторая, подъ командою Дюпона и генерала Шермана, овладѣла фортомъ Вэлькеръ, стоящимъ на островѣ Гильтонъ-Гидъ; Бофордъ, главное складочное мѣсто хлопка въ Южной Каролинѣ, также былъ взятъ, лишь только Дюпонъ заперъ чарльстонскую гавань, затопивши нѣсколько кораблей, нагруженныхъ тяжелыми камнями, а Шерманъ подвинулся впередъ сухимъ путемъ къ Саваннѣ. Вслѣдъ за этимъ Дюпонъ овладѣлъ еще Фернандиномъ, главною гаванью Флориды. Третья экспедиція совершилась подъ начальствомъ генерала Борнсайда къ Сѣверной Каролинѣ. Флотилія мятежниковъ, стоявшая въ Альбермарлѣ, была уничтожена и для дальнѣйшихъ предпріятій пріобрѣтены безопасные пункты по берегамъ Сѣверной и Южной Каролины, Георгіи и Флориды.

Четвертая экспедиція направилась въ февралѣ 1862 года къ гаванямъ, находящимся у Мексиканскаго залива и преимущественно противъ Новаго Орлеана. Извѣстно, что этотъ городъ былъ самымъ большимъ тор-

говымъ и денежнымъ рынкомъ Юга, а потому для Союза было очень важно завоевать этотъ пунктъ. Отсюда привеженцы невольничества получали главные свои фонды, а между тѣмъ американскіе и европейскіе фабриканты уже цѣлый годъ не могли получить ни одного тюка хлопка. Четыре форта составляли главныя укрѣпленія Новаго Орлеана: фортъ Джаксонъ и С. Филиппъ у Миссисипи, фортъ Пикъ у Портчартренскаго озера и фортъ Ливингстонъ въ Баратарійской бухтѣ. Луизіанцы хвалились, что построили двѣ пловучія баттареи, которыя были гораздо сильнѣе страшнаго „Мерримака"; кромѣ того они желали пріобрѣсть еще семь непанцирныхъ канонерскихъ лодокъ.

Но при защитѣ этого города, за исключеніемъ нѣсколькихъ пароходовъ съ четырьмя пушками на каждомъ, не видно было, чтобъ дѣйствовало какое-нибудь изъ этихъ военныхъ судовъ. „Манасса", который за четыре мѣсяца предъ этимъ имѣлъ кое-какой успѣхъ въ дѣлѣ съ блокаднымъ отрядомъ, теперь дѣйствительно участвовалъ. Безъ сомнѣнія конфедераты обманывались насчетъ своихъ силъ, а быть можетъ военныя машины, о которыхъ такъ много разсказывали, никогда и не существовали.

Но все таки были приняты дѣйствительно серьезныя мѣры и приготовленія, чтобы хорошенько встрѣтить непріятеля. Фортъ Джаксонъ, находящійся на правомъ берегу Миссисипи, на 50 миль отъ пролива и на 70 миль ниже Новаго Орлеана, былъ вооруженъ 60 пушками и составлялъ главный оборонительный пунктъ.

Его начали строить въ 1820 г. и только къ 1850 г. совершенно окончили. Генералъ Борегаръ, распоряжавшійся послѣдними работами, утверждалъ, что одинъ этотъ фортъ можетъ преградить путь вверхъ по рѣкѣ соединенному флоту цѣлаго міра. Фортъ С. Филиппъ, точно также хорошо вооруженный и находящійся противъ форта Джаксонъ, былъ гораздо древнѣе его. Въ 1815 году англичане безуспѣшно его бомбардировали. Но они еще не знали тогда всемогущей силы пара, которая въ настоящее время даетъ возможность кораблямъ и выбирать себѣ удобную позицію, и дѣйствовать какъ противъ вѣтра, такъ равно и противъ теченія. Такъ какъ Миссиссипи имѣетъ въ этомъ мѣстѣ только полмили въ ширину, то конфедератамъ было легко протянуть съ одного берега къ другому большое количество огромныхъ цѣпей. Эти цѣпи, поддерживаемыя при помощи маленькихъ судовъ въ уровень съ поверхностью воды, были защищены кромѣ того земляными окопами и баттареями такъ, что дѣйствительно казалось дѣломъ почти невозможнымъ преодолѣть такія значительныя препятствія.

Взятіе Новаго Орлеана, случившееся во второй половинѣ 1862 года и принадлежащее къ самымъ замѣчательнымъ военнымъ подвигамъ этой ожесточенной войны, было замѣчательно по своимъ приготовленіямъ, но лишено характера быстроты и рѣшительности въ успѣхѣ. Среди всѣхъ превратностей счастія, правители Союза никогда не теряли изъ виду важности большихъ рѣчныхъ соединеній. По этимъ артеріямъ, облегчающимъ

всякія сношенія, мятежники во всякое время могли имѣть доступъ къ морю и такимъ образомъ всегда добывать себѣ новыя вспомогательныя средства и осуществить свое отторженіе отъ Союза.

Поэтому со стороны вашингтонскаго правительства дѣлаемы были въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ необыкновенныя приготовленія; оно желало обезпечить успѣхъ своей экспедиціи, направленной противъ Новаго Орлеана.

Корабельный островъ былъ превращенъ въ огромный арсеналъ. Одновременно съ нападеніемъ на Новый Орлеанъ должна была начаться осада Іорктоуна и смѣлое нападеніе Митчеля со стороны Алабамы.

Союзный флотъ, сильнѣе котораго никогда еще не выходилъ въ море подъ флагомъ Союза, находился теперь подъ командою Фэррагота, самаго опытнаго и благонадежнаго офицера. 310 орудій и 15,000 десантнаго войска на 48 большихъ корабляхъ и еще большаго числа канонерскихъ лодокъ выступили противъ непріятеля. Правительство южныхъ штатовъ должно было вслѣдствіе этого раздѣлить свои силы.

Между тѣмъ Чарльстонъ и другіе южные порты были блокированы. Два фрегата, три парохода и эскадра изъ мелкихъ судовъ, для защиты Монроэ, стояли недалеко отъ этой союзной крѣпости на рейдѣ Гемптонъ-Роадъ.

Вдругъ съ вахты раздалась тревога и съ палубы „Кумберланда“ можно было видѣть приближающуюся флотилію мятежниковъ, среди которой находилось ка-

кое-то необыкновенное судно, съ крутою кровлею и длиннымъ стальнымъ тараномъ.

„Кумберландъ“ далъ залпъ, но темная желѣзная масса и не подвинулась. Всѣ ядра отскакивали отъ нея въ сторону; но вотъ раздается громовой ударъ и сметаетъ съ палубы „Кумберланда“ шесть человѣкъ; затѣмъ „Мерримакъ“ — такъ назывался этотъ мониторъ—направляется на сильнѣйшій фрегатъ и наноситъ ему страшный ударъ. Послѣ этого желѣзное чудовище медленно отступаетъ, потомъ снова подвигается впередъ и снова наноситъ ударъ. Каждый разъ послѣ такого удара въ „Кумберландѣ“ появлялась дыра величиною въ порядочную бочку. „Мерримакъ“ продолжаетъ свое. Ужасъ обнялъ погибающаго непріятеля. Союзный фрегатъ пошелъ ко дну. Послѣ этого „Мерримакъ“ устремился на „Конгрессъ“ и принудилъ его къ сдачѣ. Фрегатъ „Миннезота“ также получаетъ смертельный ударъ. И только послѣ такого жаркаго, кроваваго дѣла желѣзный корабль удаляется.

Такая же точно участь на другой день угрожала и прочимъ судамъ флота. Но вотъ въ темнотѣ ночи приближается спаситель. У уніонистовъ въ Нью-Іоркѣ было изобрѣтено подобное же судно; оно походило на желѣзный паромъ и имѣло видъ колоссальной шляпы съ огромными полями. На верху корабля ничего нельзя было замѣтить кромѣ подвижной башни, вооруженной только двумя орудіями, которыя однако бросали 184 фунтовыя ядра. Это новое изобрѣтеніе геніальнаго шведа Эриксона превзошло по своему дѣй-

ствію и разрушительной силѣ самый „Мерримакъ“, съ которымъ пловучая баттарея тотчасъ же и начала битву. Фортъ Монроэ и флотъ уніонистовъ были спасены. При заревѣ горящаго „Конгресса“ „Мониторъ“ сталъ на якорь. „Мерримакъ“ сначала не замѣтилъ новаго непріятеля, но въ то время, какъ онъ приготовлялся нанести послѣдній ударъ прибитой къ берегу „Миннезотѣ“, этотъ непримѣтный паромъ появился у него въ тылу.

„Мерримакъ ничего не замѣчалъ до тѣхъ поръ, пока выстрѣлъ тяжелымъ ядромъ, почти въ два центнера вѣсомъ, не поколебалъ его до самаго киля. Послѣ этого два желѣзныя чудовища стали другъ противъ друга и сначала казалось, что они оба совершенно неуязвимы. „Мерримакъ“ хотѣлъ еще разъ ударить на „Миннезоту“, но „Мониторъ“ загородилъ ему дорогу. Послѣдній получилъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ отъ своего противника, но таранъ безвредно скользилъ по гладкимъ бокамъ „Монитора“, и „Мерримакъ“, тщетно старавшійся подцѣпить своего противника на абордажъ, получилъ сильное поврежденіе въ подводной части. „Мерримакъ“ обратился въ бѣгство. Такимъ образомъ пловучая баттарея Эриксона, гроза всѣхъ измѣнниковъ, одержала первую и такую рѣшительную побѣду, какой до этихъ поръ и не надѣялись. Это замѣчательное изобрѣтеніе американской войны произвело совершенную революцію въ морскомъ искусствѣ всѣхъ морскихъ націй. Съ этихъ поръ все выше и выше поднималось знамя Соединенныхъ Штатовъ.

Но паденіе Новаго Орлеана, случившееся по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, было для сепаратистовъ гораздо чувствительнѣе, нежели дуэль этихъ двухъ кораблей. Въ великую пятницу началась страшная канонада, продолжавшаяся нѣсколько дней; въ это же самое время десантныя войска подъ начальствомъ Ботлера начали нападеніе съ суши.

Чтобы сдѣлать менѣе опаснымъ градъ выстрѣловъ, уніонисты прикрѣпили къ мачтамъ и къ такелажу огромныя древесныя вѣтви; для той же цѣли были употреблены канаты, цѣпи и мѣшки, наполненные пескомъ. Поэтому корабли представляли въ высшей степени странный видъ.

Очень трудная задача выпала на долю двухъ канонерскихъ лодокъ; имъ нужно было ночью переѣхать ту цѣпь, которая преграждала путь всему флоту. Это смѣлое предпріятіе было открыто и крѣпостныя пушки тотчасъ обратились на смѣльчаковъ.

Все-таки попытка удалась; смѣлому сопутствуетъ счастье; дорога была очищена.

Такимъ образомъ флотъ, ночью 24 числа, могъ двинуться впередъ, и съ этихъ поръ главная работа была предоставлена ему.

Лишь только коммодоръ приказалъ сниматься съ якоря, безчисленныя мортиры съ судовъ и крѣпостныя пушки вдругъ открыли страшный огонь. Подъ огнемъ бомбъ, вѣсомъ иногда въ два центнера, которыя, перекрещивая во всѣхъ направленіяхъ воздухъ, образовали надъ нимъ огненную сѣтку и при своемъ паденіи при-

чиняли ужасныя поврежденія, адмиральскій корабль продолжалъ подвигаться въ темнотѣ. Воздухъ заколебался, какъ будто отъ землетрясенія, когда дала залпъ вся эскадра судовъ. Брандеры пересѣкали волны и ежеминутно угрожали армадѣ совершенною гибелью. Часто цѣлыя сотни жерлъ одновременно разражались страшнымъ громомъ. Скоро весь сводъ небесный покрылся пламенемъ. Между тѣмъ „Луизіана“ бросаетъ свои гранаты на аттакующихъ, появляется и мониторъ „Манасса“ и несется на адмиральскій корабль, предпосылая себѣ огненный потокъ. Въ это время поднимается пламя зажженнаго форта Джаксона; наконецъ огонь прекращается; защитники были также истомлены, какъ и аттакующіе.

Между тѣмъ „Варуна“ попала въ очень затруднительное положеніе недалеко отъ форта Филиппъ, она очутилась среди непріятельскихъ пароходовъ, снабженныхъ спереди таранами. Началось энергическое нападеніе съ одной стороны и сильный отпоръ съ другой. Но ядра ея отскакивали отъ панцирныхъ боковъ пароходовъ и въ скоромъ времени снасти ея охватило огромное пламя. „Варуна“ пошла ко дну, брошенная своими храбрыми солдатами, которые тщетно употребляли всѣ свои силы, чтобы спасти ее, — истребивши предварительно шесть непріятельскихъ судовъ.

Все, что могли сдѣлать немногія суда средняго размѣра, было сдѣлано подъ руководствомъ коммодора Фэррагота. Онъ счастливо прошелъ мимо адскаго огня непріятельскихъ баттарей, миновалъ мель и нося-

щееся пламя, которое вслѣдствіе опаснаго сосѣдства съ страшнымъ брандеромъ ворвалось было къ нему на бортъ.

Начало свѣтать и сраженіе окончилось. Въ продолженіе 90 минутъ союзныя суда прошли форты и уничтожили одиннадцать непріятельскихъ судовъ. 27 апрѣля Фэрраготъ явился подъ Новымъ Орлеаномъ, а 28 того же мѣсяца разрушенные форты сдались генералу Ботлеру.

Взятіе этого города также смутило конфедератовъ, какъ и одновременное съ нимъ завоеваніе Норфолька генераломъ Вулемъ, вслѣдствіе чего они потеряли главный пунктъ праваго фланга и лишились главнаго своего арсенала.

Слѣдствіемъ этой побѣды было открытіе нѣсколькихъ важныхъ складочныхъ пунктовъ для союзной торговли. Между прочимъ въ особенности чрезъ это возвысилось незначительное мѣстечко Брэширъ, находящееся у Бервикской бухты; оно сдѣлалось теперь мѣстомъ важныхъ коммерческихъ оборотовъ. Съ этихъ поръ въ его бухтѣ начали появляться громадные корабли, нагруженные огромными кипами хлопка, сахаромъ и скотомъ. Такимъ образомъ набережная Брэшира, въ скоромъ времени загроможденная дорогими тюками, снабжала въ достаточномъ количествѣ сѣвероамериканскіе рынки разными товарами. Плантаторы не заходили такъ далеко въ своемъ патріотизмѣ, чтобы рѣшиться предать пламени всѣ свои богатства и тѣмъ доказать свою преданность дѣлу отторженія. Куда ни приходили сѣ-

верныя арміи, онѣ вездѣ находили хлопчатую бумагу въ достаточномъ количествѣ.

5. Успѣхи оружія южанъ.

Президентъ Линкольнъ поручилъ теперь главное начальство надъ сѣверною арміею генералу Галлеку и съ тѣмъ вмѣстѣ привести въ исполненіе слѣдующій планъ—отправить на судахъ корпусъ М'Клеллана къ Монроэ. Сѣверяне разсчитывали вступить въ Виргинію съ соединенными силами и потому были удивлены, узнавши, что непріятель, обманутый ложною аттакою, не препятствовалъ войскамъ сѣсть на суда (въ половинѣ августа). Конфедераты же въ удаленіи непріятеля съ полуострова увидѣли удобный случай приступить къ наступательному образу дѣйствій. Въ то время какъ Борнсайдъ, который также пришелъ въ Монроэ, былъ посланъ къ Фридериксбургу для того, чтобы, соединившись съ частью корпуса М'Клеллана, поддерживать Попе, и М'Клелланъ съ остальною частью арміи повшелъ къ Александріи, мятежники стянули свои силы за Рапиданомъ, а 3 августа Джаксонъ уже выступилъ впередъ съ цѣлію напасть на генерала Попе. 5 августа у Цедернберга завязалось между нимъ и авангардомъ Попе, подъ командою Бэнкса, упорное и кровопролитное сраженіе. Генералъ Зигель поспѣшилъ на помощь, и Джаксонъ принужденъ былъ отступить, но увлекъ за собою Попе со всѣми его силами. Попе,

преслѣдуя его, надѣялся помочь войску садиться на суда на рѣкѣ Джемсѣ, но такъ какъ онъ оставилъ на произволъ свой лѣвый флангъ, то Ли мгновенно воспользовался его промахомъ, для того чтобы въ тылу его перейти въ Виргинію.

Съ этою цѣлію непріятель допустилъ армію сѣсть безпрепятственно на суда, а самъ тѣмъ временемъ началъ свой обходъ. Попе переправился за Раппаганокъ, и понесъ здѣсь чувствительное пораженіе. 26 августа онъ достигъ Babрингтона, но неутомимый и отважный Джаксонъ уже находился у него въ тылу, при Манасса-Джонкшонъ. Онъ взялъ провіантные магазины, разрушилъ желѣзную дорогу и разсѣялъ корпусъ Тайлера, посланный ему на встрѣчу. Попе все еще держался той мысли, что этотъ 30,000 корпусъ, находящійся у него въ тылу и только на четыре мили отстоящій отъ Вашингтона, есть не болѣе, какъ только сильный рекогносцировочный корпусъ. Чтобы преградить ему отступленіе, онъ выслалъ противъ него только нѣсколько дивизій, но Джаксонъ уже отступилъ къ Центрвиллю и въ ожиданіи подкрѣпленія занялъ позицію фронтомъ къ рѣкѣ Буль-Ронъ по обѣимъ сторонамъ варрингтонскаго шоссе.

29 августа дивизіи Гокера, Зигеля, Бэнкса и Кернея пошли въ аттаку и отбросили Джаксона; но подкрѣпленіе дало ему возможность дѣйствовать наступательно и нанести непріятелю чувствительныя потери.

Въ ночь на 30 августа Портеръ и М'Довелль присоединились къ союзной арміи, которая была спасена

только отличною артиллеріею Зигеля и вслѣдствіе успѣшной аттаки Кернея. Но и послѣ этого непріятель былъ все еще гораздо сильнѣе и союзная армія, послѣ упорнаго сопротивленія, была отброшена къ Центрвиллю.

Джаксонъ старался теперь отрѣзать отъ Вашингтона разбитую армію, но планъ не удался, его разстроилъ Ферфаксъ, давши непріятелю кровопролитное сраженіе.

Вслѣдствіе этого генералъ Попе укрѣпился на вершинахъ Арлингтона, которыя лежатъ прямо передъ Вашингтономъ.

Мятежники же перешли Потомакъ у Вильямспорта и проложили себѣ дорогу въ Мэриландъ и Пенсильваванію. Но М'Клелланъ, который медлилъ и не помогалъ Попе, прогналъ ихъ оттуда, не смотря на то, что имъ удалось взять Фридерикъ-Сити и принудить къ капитуляціи генераловъ Мильса и Вайта, окруженныхъ при Гарперсъ-Ферри и располагавшихъ 47 полевыми, 50 тяжелыми орудіями и 10, 500 войска. Одна только кавалерія успѣла пробиться.

Послѣ жаркой стычки арріергарда при Миддльтонѣ началось сраженіе 16 и 17 сентября при Антіетамѣ. Генералъ Гокеръ, бывшій въ авангардѣ М'Клеллана, быстро устремился на непріятеля, но такъ какъ на противной сторонѣ было численное превосходство, то онъ долженъ былъ выдерживать неравномѣрную борьбу, пока резервы не подоспѣли къ нему на помощь. Точно также не имѣла успѣха и аттака дивизіи Сомнера; хотя она сражалась съ отличнымъ мужествомъ, но ей недоставало надлежащаго распоряди-

теля и содѣйствія. Появленіе корпусовъ Франклина и и Борнсайда не произвело никакой перемѣны въ успѣхѣ дѣла. Потому что и 8 сентября М'Клелланъ оставался въ бездѣйствіи, а когда 19 числа хотѣлъ возобновить сраженіе, Джаксонъ уже перешелъ Потомакъ.

Эту нерѣшительность М'Клеллана приписываютъ его гнѣву, что у него отняли главное начальство. Безъ сомнѣнія онъ былъ виновенъ и во второмъ пораженіи при Буль-Ронѣ и въ удачномъ отступленіи непріятеля за Потомакъ. При Антіетамѣ М'Клелланъ выводилъ въ бой свои дивизіи не разомъ, но одну за другою; но если бы онъ попробовалъ сдѣлать нападеніе массою, то Сомнеръ могъ бы поддержать его съ лѣваго крыла. Почему не было возобновлено нападеніе на слѣдующій день, объ этомъ самъ М'Клелланъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „18 сентября я увидѣлъ, что наши потери были столь значительны и упадокъ духа въ войскѣ столь великъ, что было бы неблагоразумно снова отваживаться на битву, тѣмъ болѣе, что я былъ увѣренъ въ прибытіи на другой день двухъ свѣжихъ дивизій.“

Каково было состояніе войска, можно судить изъ рапорта Гокера, который считалъ въ своемъ корпусѣ 3,500 человѣкъ, между тѣмъ спустя четыре дня онъ показывалъ уже 13,500 человѣкъ.

Въ то время какъ конфедераты сходились къ Винчестеру и принимали угрожающій видъ, М'Клелланъ занималъ лѣвый берегъ Потомака и сконцентрировалъ свои силы при Мартинсбургѣ въ наступательную позицію, не рѣшаясь впрочемъ сдѣлать нападенія. Смѣлой

кавалеріи дѣятельнаго сепаратистскаго генерала Стюарта удалось даже во время рекогносцировки перейти Потомакъ и въ тылу М'Клеллана собирать огромныя контрибуціи.

Послѣ долгой нерѣшительности, М'Клелланъ наконецъ принужденъ былъ двинуться впередъ, но дѣйствовалъ такъ медленно и вяло, что цѣлыхъ одиннадцать дней употребилъ для прохода шести нѣмецкихъ миль. Президентъ теперь далъ ему отставку, и Борнсайдъ занялъ его мѣсто.

Не смотря на большую цифру союзныхъ войскъ, страна была опустошаема и разоряема толпами гверильясовъ, набѣги которыхъ легко можно объяснить необыкновенно большимъ пространствомъ театра военныхъ дѣйствій. Благодаря главнымъ образомъ этимъ разбойникамъ, война получила какой-то смѣшанный характеръ народной и гражданской войны, изобилуя всѣми ужасами первой и въ тоже время дикою необузданностью послѣдней. Рядомъ съ кровопролитными сраженіями регулярныхъ армій, въ которыхъ нерѣдко принимали участіе до 100,000 человѣкъ, встрѣчались эпизоды ниже всякаго описанія, сцены въ родѣ нападенія на какой-нибудь городъ, причемъ обыкновенно обнаруживались самыя грубыя страсти. Съ одной стороны нападающіе съ обычными побужденіями, съ другой— безсильныя жертвы, совершенно неспособныя оказывать какое-нибудь сопротивленіе.

Гверильяская война преимущественно велась въ трехъ штатахъ, въ Кентукки, Тенесси и Миссури. Эти штаты имѣли очень богатое земледѣльческое населеніе и большое число молодыхъ зажиточныхъ городовъ, которые, не имѣя никакихъ средствъ къ защитѣ, легко могли быть опустошаемы предводителями подобныхъ бандъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что эти города и селенія симпатизируютъ Сѣверу. Когда банды гверильясовъ терпѣли пораженіе и были отражаемы превосходными силами, онѣ обыкновенно бѣжали въ недоступныя горныя страны. Это были по большей части смѣлые авантюристы, привыкшіе ко всякаго рода трудамъ и лишеніямъ, люди, которымъ нечего было терять, которые презирали сами смерть и хладнокровно убивали.

Еще до 1861 года они подъ именемъ „Bullies" разсыпаны были по большимъ городамъ Юга; особенно въ Новомъ Орлеанѣ имъ представлялись удобные случаи удовлетворять своимъ дикимъ страстямъ, именно здѣсь между иностранцами они находили жертвъ своей разбойнической страсти. Ихъ называли здѣсь „Thugs," именемъ одной религіозной секты Индустана, по понятіямъ которой убійство чужестранцевъ считалось богоугоднымъ дѣломъ. Во время войны въ особенности были страшны два предводителя такихъ бандъ, Джонъ Морганъ изъ Кентукки и Квантраль въ Миссури и Канзасѣ. Они оба обнаружили большіе воинскіе таланты и увертывались, благодаря удивительной быстротѣ своихъ маневровъ, отъ самыхъ лучшихъ генераловъ Сѣвера.

Едва только генералъ Борнсайдъ получилъ главное

начальство надъ восточною арміею, какъ тотчасъ же рѣшился двинуться на Ричмондъ. Въ то время какъ генералъ Зигель въ октябрѣ угрожалъ непріятельскому флангу при Лисбургѣ, Борнсайдъ тремя колоннами, корпуса Гокера, Сомнера и Франклина, рѣшился сдѣлать нападеніе на Фридериксбургъ.

Однако прошло много времени, пока успѣли добыть достаточное количество матеріала для постройки моста черезъ Раппаганокъ. Между тѣмъ въ виду угрожаемаго форпоста явился Ли и соединился съ Джаксономъ, такъ что у нихъ составилось до 85,000 человѣкъ, которые, занимая выгодную позицію и защищенные укрѣпленіями и баттареями, прикрывали переходъ черезъ рѣку.

На западномъ же театрѣ военныхъ дѣйствій очищеніе Коринфа, искусно исполненное Борегаромъ, сдѣлало безполезнымъ соединеніе силъ Союза.—Въ то время какъ Галлекъ находился въ бездѣйствіи, эскадра канонерскихъ лодокъ одержала на Миссисипи блестящую побѣду надъ мятежническою флотиліею, которая очень долго стояла у Арканзаса. При этомъ случаѣ былъ разрушенъ страшный панцирный корабль „Арканзасъ,“ успѣвшій причинить необыкновенно много вреда. 6 августа коммодоръ Вилльямъ Портеръ пошелъ противъ него на панцирномъ суднѣ „Эссексъ,“ построенномъ изъ желѣза и гуттаперчи, сдѣлалъ по чудовищу залпъ изъ своихъ стофунтовыхъ орудій и наконецъ зажегъ его.

3 ктября мятежникамъ удалось выбить генерала Розенкранца изъ его крѣпкой позиціи при Коринфѣ и

даже бомбандировать городъ. Союзныя войска правда успѣли соединиться и отразили непріятеля, но вслѣдствіе неосторожности понесли сильное пораженіе на лѣвомъ крылѣ при Перрисвиллѣ. Наконецъ теперь команда была отнята у неповоротливаго генерала Бюлля и отдана Розенкранцу, который и овладѣлъ Нашвиллемъ.

Между тѣмъ положеніе восточной арміи Борнсайда было въ высшей степени затруднительно; вслѣдствіе полученнаго приказанія онъ рѣшился на переходъ. Зигелю приказано было поспѣшить къ нему на помощь. Отчаянныя усилія Борнсайда переправиться черезъ рѣку увѣнчались успѣхомъ, причемъ одинъ отрядъ волонтеровъ безстрашно подставилъ свою грудь непріятельскимъ пулямъ.

Достигши на лодкахъ противоположнаго берега, они безстрашно и мужественно встрѣтили выстрѣлы непріятеля, который изъ прикрытой позиціи препятствовалъ навести на рѣкѣ мостъ. По занятіи Фридериксбурга 13 декабря началось движеніе противъ укрѣпленій. Прежде чѣмъ принуждена была замолчать непріятельская артиллерія, генералъ Сомнеръ еще подъ градомъ ядеръ пошелъ на штурмъ. Храбрые солдаты его дрались, пока не была перебита четвертая часть ихъ; тогда только они начали отступать. Предпринятая Сомнеромъ аттака непріятельскихъ укрѣпленій была чрезвычайно блестящимъ, но слишкомъ отчаяннымъ дѣломъ. Сдѣлана была славная аттака въ штыки, но ночь прекратила кровопролитное дѣло; отъ подобнаго смѣлаго предпріятія самое большее, чего можно было ожидать, это—

„не быть разбитымъ.“ Лѣвое крыло подъ начальствомъ Франклина точно также дало только доказательства своей храбрости; между тѣмъ штурмъ резерва былъ отбитъ и окрававленные остатки храброй арміи отступили, видя свое пораженіе, потому что приходилось сдѣлать невозможное.

Это пораженіе доставило М'Клеллану блестящее, но прискорбное удовлетвореніе; на всѣ его предостереженія ему гордо отвѣлали, что хотятъ вести войну на американскій, а не на европейскій манеръ. За науку заплатили потерею 22,000 человѣкъ предъ Фридериксбургомъ. Армія безъ сраженія была истреблена и вслѣдствіе этого скоро число дезертировъ дошло до 18,000 человѣкъ, такъ что нужно было образовать такъ называемыя сторожевыя бригады (Fangbrigaden), которыя бы ходили вокругъ желѣзныхъ дорогъ и задерживали бы дезертировавшихъ офицеровъ и солдатъ.

Борнсайдъ имѣлъ намѣреніе переправиться чрезъ Раппаганокъ на семь миль ниже и сдѣлать вторичное нападеніе, а между тѣмъ предварительно предпринять диверсію къ Фальмуту и отправить кавалерійскую экспедицію противъ Суффолька для разрушенія желѣзной дороги вплоть до самого этого города. Но армія была въ такомъ деморализованномъ положеніи, что генералъ Франклинъ извѣстилъ объ этомъ президента и удерживалъ Борнсайда отъ его безразсуднаго намѣренія. Кавалерія уже выступила, когда Борнсайдъ получилъ слѣдующую депешу: „Я желаю,

чтобы вы не дѣлали никакого движенія, не извѣстивши меня о томъ. Линкольнъ.“

Борнсайдъ поспѣшилъ въ Вашингтонъ, но не могъ получить утвержденія своего плана. Возвратившись въ лагерь, онъ услышалъ, что подробности его плана стали уже извѣстны. Теперь онъ рѣшился дѣйствовать противъ приказа президента. Въ страшную непогоду онъ снялся съ лагеря, и при этомъ случаѣ деморализація арміи обнаружилась въ самыхъ ужасныхъ размѣрахъ. Не было оказываемо никакого послушанія и приказанія исполнялись такъ дурно, что главнокомандующій принужденъ былъ требовать отъ президента присужденія множества офицеровъ къ исключенію изъ службы и къ смертной казни. Когда же Линкольнъ отказалъ ему въ этомъ, Борнсайдъ подалъ въ отставку.

Дѣйствительно отставка ему была дана и начальство надъ потомакской арміей получилъ 27 генваря 1863 вмѣсто него Гокеръ.

ГЛАВА VI.

ОСВОБОЖДЕНІЕ И ПОВОРОТЪ (1862—1863).

1. Освобожденіе милліоновъ.

1862 годъ окончился дурными предзнаменованіями для друзей свободы. Въ началѣ осени можно было заключить по результату выборовъ о нѣкоторомъ согласіи народа съ политикою правительства. Но потомъ неожиданно случился переворотъ. Три вліятельнѣйшіе штата — Нью-Іоркъ, Огіо и Пенсильванія позволили себя увлечь разными рекламами и софизмами, которые убѣждали ихъ произвести выборы въ враждебномъ правительству духѣ. Внѣшній поводъ главнымъ образомъ подала знаменитая прокламація отъ 22 сентября 1862 года, которая къ 1 генваря 1863 года объявляла свободными всѣхъ рабовъ, находившихся въ возмутившихся штатахъ.

Неблягопріятный исходъ похода на полуостровъ былъ поставленъ въ вину президенту. Его даже обвиняли въ томъ, что война уклонилась отъ своего первоначальнаго направленія. Вездѣ говорилось, что война ведется не во имя возстановленія Союза, а во имя освобожденія невольниковъ. Такимъ образомъ великая борьба получила на обыкновенномъ народномъ языкѣ названіе „негрской войны.“ Невѣжественная и лишенная собственнаго разсудка масса принимала всѣ эти мнѣнія за чистую монету. Скоро и въ значительномъ количествѣ возрасло число тѣхъ, которые, отбросивши всѣ высшія основанія, перестали сочувствовать войнѣ, она имъ уже надоѣла. Страхъ предъ давно ожидаемымъ закономъ о наборѣ („конскрипціи“ — какъ его называли многіе недовольные) низвелъ прежнее нѣсколько теплое сочувствіе къ войнѣ на степень совершеннаго равнодушія. Газеты и народные ораторы громко вопили о мирѣ, они требовали его на какихъ бы то ни было условіяхъ. Изъ всего это можно было заключить, что въ слѣдующемъ конгрессѣ, по крайней мѣрѣ въ палатѣ представителей, оппозиція будетъ имѣть на своей сторонѣ большинство.

И въ самомъ дѣлѣ, когда 37 конгрессъ собрался 31 декабря 1862 г. на свое послѣднее засѣданіе, время было дѣйствительно мрачное. Но былъ одинъ человѣкъ, который остался вѣренъ своимъ принципамъ, который былъ непоколебимъ въ своихъ надеждахъ, какъ бы ни было безотрадно положеніе вещей. И хотя озабоченное лицо и мрачный его взглядъ ясно говорили за то, что

онъ очень хорошо сознавалъ свою великую отвѣтственность, однако у него всегда находилось возвышенное слово, веселая шутка, дружеская улыбка и сочувственный взглядъ для всякаго, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло.

Иностранныя державы были менѣе склонны цѣнить настоящую войну по ея дѣйствительному значенію, чѣмъ по тѣмъ воображаемымъ и часто преувеличеннымъ послѣдствіямъ, которыя современно могли произойти изъ нея. Правда, при настоящихъ обстоятельствахъ было бы неполитично жаловаться на это и такимъ образомъ давать поводъ къ разрыву съ Европою. Но вотъ съ Англіею былъ заключенъ договоръ объ уничтоженіи торговли невольниками и слѣдовательно нужно было радоваться тому обстоятельству, что англійское правительство по крайней мѣрѣ на словахъ признавало авторитетъ Соединенныхъ Штатовъ и права американскихъ гражданъ. Что же касается внутренняго положенія, то по счастью „территоріи" Соединенныхъ Штатовъ были пощажены гражданскою войною и такимъ образомъ ихъ возрастающее благосостояніе позволяло надѣяться, что скоро по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлаются самостоятельными штатами и могутъ быть присоединены къ Союзу.

Президентъ, изложивши все это въ своемъ посланіи и упомянувши о необходимыхъ финансовыхъ мѣрахъ, перешелъ затѣмъ къ подробному разъясненію изданной имъ 22 сентября прокламаціи, въ которой онъ предлагалъ эманципацію рабовъ при помощи выкупа. Для

этого онъ повторилъ основную мысль, высказанную уже имъ въ вступительной рѣчи, въ которой рѣшительно отвергалось предстоявшее раздѣленіе Союза на Сѣверъ и Югъ и не допускалось никакихъ уступокъ въ пользу требованій, предложенныхъ южными штатами для заключенія мира.

Огромное пространство Соединенныхъ Штатовъ, ограниченное съ востока Аллеганскими горами, на сѣверѣ британскими владѣніями, на западѣ—горами Рока и на югѣ полосою, раздѣляющею земледѣльческія плантаціи отъ хлопчатобумажныхъ -пространство, заключавшее въ себѣ половину Виргиніи, половину Тенесси, весь Кентукки, Огіо, Индіану, Мичиганъ, Иллинойсъ, Миссури, Канзасъ, Іову, Миннезоту, а также области — Дакоту, Небраску и половину Колорадо, это огромное пространство уже въ настоящее время имѣетъ 10 милліоновъ населенія, а черезъ 50 лѣтъ, судя по нынѣшнему возрастанію, оно будетъ имѣть по крайней мѣрѣ до 50 милліоновъ жителей. Оно составляетъ больше чѣмъ треть всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ и относительно пространства представляетъ обширную территорію для могущественной республики. Такое колоссальное пространство имѣетъ необыкновенно важное значеніе для всѣхъ родовъ земледѣльческаго производства, которое съ году на годъ станетъ увеличиваться въ цѣнѣ на счетъ хлопковаго рынка. Но для этого у него недостаетъ необходимыхъ морскихъ береговъ, такъ какъ оно нигдѣ не соприкасается съ океаномъ. Населеніе этихъ огромныхъ пространствъ, будучи частью одной великой

сѣвероамериканской націи, сбывало свои произведенія въ Европу чрезъ Нью-Іоркъ, а въ Южную Америку и Африку чрезъ Новой Орлеанъ и въ Азію чрезъ С. Франциско. Но если бы общее отечество раздѣлилось на двѣ различныя группы, какъ того желали мятежники, то легко могло бы случиться, что вышеупомянутый сбытъ сталъ бы задерживаться если не физическою силою, то во всякомъ случаѣ обременительными и затруднительными торговыми условіями. Истинность этого положенія не измѣнится, гдѣ бы мы ни провели пограничную линію.

Если провести ее по той чертѣ, которая отдѣляетъ такъ называемые свободные штаты отъ рабовладѣльческихъ, или на югъ отъ Кентукки, или на сѣверъ отъ Огіо, то во всякомъ случаѣ торговыя сообщенія Сѣвера съ Югомъ будутъ прерваны или по крайней мѣрѣ станутъ въ зависимость отъ тѣхъ условій, которыя будетъ предписывать какое нибудь иностранное правительство. Поэтому дѣло не въ томъ, гдѣ провести такую пограничную линію, а единственно въ желаніи препятствовать какому бы то ни было раздѣленію. Даже если бы раздѣленіе было допущено только для опыта, на время, то и тогда, послѣ долгаго или короткаго промежутка, опять стали бы дѣйствовать въ пользу соединенія. „Но прочное возсоединеніе возможно только въ такомъ случаѣ, если будетъ устранена собственная причина несогласія Сѣвера съ Югомъ—рабство. Настоящее поколѣніе должно разрѣшить эту задачу и въ этомъ смыслѣ долженъ быть изданъ соотвѣтственный законъ“.

Президентъ, послѣ столь убѣдительнаго изложенія своего законодательнаго предложенія по вопросу о рабствѣ, перешелъ къ отдѣльнымъ пунктамъ, которые отчасти касались государственнаго устройства Союза. Законная сила этихъ предложеній зависѣла отъ согласія трехъ четвертей законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ. Главнѣйшіе пункты были слѣдующіе;

1) Каждый рабовладѣльческій штатъ, который уничтожитъ рабство въ своей области до 1 генваря 1900 года, долженъ получить за это соотвѣтствующее вознагражденіе отъ Союза.

2) Всѣ рабы, которые вслѣдствіе войны въ какомъ нибудь штатѣ фактически стали свободны еще до подавленія мятежа, должны остаться свободными навсегда.

3) Конгрессъ позаботится о необходимомъ выкупномъ капиталѣ и устроитъ поселеніе свободныхъ негровъ съ ихъ согласія въ какомъ нибудь мѣстѣ внѣ Соединенныхъ Штатовъ. Вѣроятно президентъ имѣлъ при этомъ въ виду опытъ Либеріи и еще какія нибудь другія надежды.

Относительно способности негровъ къ колонизаціи мнѣнія были чрезвычайно различны, и вообще трудно составить себѣ объ этомъ пунктѣ ясный и опредѣленный взглядъ.

Мотивируя эти три пункта, президентъ прибавилъ въ своемъ посланіи еще пространную оговорку, изъ которой мы сдѣлаемъ слѣдующее извлеченіе:

Вышеозначенный продолжительный срокъ для постепеннаго уничтоженія рабства принятъ только въ видѣ

уступки особеннымъ защитникамъ рабства, которые хотѣли увѣковѣчить его. Такъ какъ этотъ срокъ превосходитъ обыкновенное продолженіе человѣческой жизни, то Линкольнъ не былъ не правъ, когда прибавилъ сухо, что „эти упорные приверженцы рабства не доживутъ до его уничтоженія.“ Но съ другой стороны подобное рѣшеніе противорѣчитъ также и желаніямъ крайней партіи, которая, считаясь въ числѣ друзей негровъ, требуетъ немедленнаго уничтоженія рабства. Для долго угнетаемой расы, еще не свыкшейся съ внезапно полученною свободою, едва ли можно пожелать, чтобы она немедленно была предоставлена своимъ самостоятельнымъ заботамъ о своемъ существованіи. Наконецъ то возраженіе, что въ выкупѣ не должны участвовать свободные штаты, отклоняется тѣмъ фактомъ, что въ первоначальномъ введеніи рабства свободные штаты были столь же виновны, какъ и рабовладѣльческіе. Если принять въ разсчетъ то обстоятельство—прибавляетъ президентъ, — что сѣверные штаты производятъ торговлю тѣмъ хлопкомъ и сахаромъ, которые добыты потомъ невольниковъ и такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ годовъ они получали отъ этого труда матеріальныя выгоды, то конечно денежное пособіе съ ихъ стороны для уничтоженія рабства не будетъ дѣломъ несправедливымъ и незаконнымъ.

Второй пунктъ своего предложенія Линкольнъ мотивировалъ чисто практическими основаніями.

Что касается третьяго пункта, то многіе хотѣли спасти отъ конкурренціи свободный трудъ бѣлыхъ посред-

ствомъ вывоза негровъ. Но по мнѣнію Линкольна не было никакого основанія предполагать, будто негръ можетъ въ свободномъ состояніи угрожать какимъ нибудь образомъ рабочимъ силамъ бѣлой расы. Напротивъ судя по обстоятельствамъ дѣла, скорѣе можно надѣяться на то, что освобожденные невольники станутъ наниматься въ службу къ своимъ прежнимъ господамъ. Поэтому колонизація освобожденныхъ негровъ имѣла гораздо больше преимуществъ предъ вывозомъ ихъ, что въ самомъ дѣлѣ впослѣдствіи и оправдалось опытомъ въ Миссиссипи.

Такъ какъ для формальнаго внесенія въ конституцію Соединенныхъ Штатовъ изложеннаго въ этихъ трехъ пунктахъ плана трѐбовалось согласіе двухъ третей всѣхъ членовъ конгресса и кромѣ того подтвержденіе трехъ четвертей всѣхъ Союзныхъ Штатовъ, то въ настоящемъ случаѣ кромѣ свободныхъ штатовъ нужно еще было согласіе по крайней мѣрѣ семи рабовладѣльческихъ штатовъ. „Если это предложеніе будетъ принято предписаннымъ большинствомъ голосовъ за законъ, то и штаты, составляющіе меньшинство, несомнѣнно должны будутъ въ непродолжительномъ времени согласиться на эманципацію; оно вслѣдствіе общей государственной обязательсти уничтожитъ всякое раздвоеніе интересовъ, сдѣлавшихся въ настоящее время общими, и навсегда спасетъ Союзъ.“

*

2. Военныя дѣйствія 1862 года.

Хотя продолженіе войны съ перемѣннымъ счастьемъ въ 1863 году и не привело ни къ чему рѣшительному, однако оно въ концѣ концевъ сообщило операціямъ извѣстную и опредѣленную тенденцію. Ибо не смотря на незначительные успѣхи потомакской арміи, все еще зависѣвшіе отъ продолжавшагося раздробленія силъ, двѣ великія задачи были удачно разрѣшены--открытіе плаванія по Миссиссипи вмѣстѣ съ возвращеніемъ Тенесси и болѣе строгая блокада.

Это было въ особенности возможно потому, что для увеличенія военнаго флота были приложены необыкновенныя усилія. О дѣятельности морского департамента министръ въ декабрѣ 1862 писалъ слѣдующее: „Когда будутъ окончены панцирныя суда, находящіяся въ постройкѣ, военный флотъ Союза будетъ состоять не менѣе какъ изъ 427 судовъ, въ томъ числѣ будетъ 323 пароходовъ и парусныхъ судовъ только 104. Въ числѣ панцирныхъ пароходовъ находится 12 деревянныхъ и 32 желѣзныхъ. Общая вмѣстимость парусныхъ судовъ равняется 74,175 тоннъ при 4,415 пушкахъ, а вмѣстимость пароходовъ—205, 864 тоннъ съ 1853 пушками. Въ это же время погибли отчасти въ битвѣ, отчасти отъ кораблекрушенія 11 судовъ съ 112 пушками и 7,908 тоннъ вмѣстимости, въ томъ числѣ истребленные „Мерримакомъ“ фрегаты „Конгрессъ“ и „Кумберландъ“. Со времени объявленія блокады флотъ

взялъ 543 приза, цѣнность которыхъ равняется нѣсколькимъ милліонамъ.“

Однимъ изъ тѣхъ разобщенныхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ силы Союза раздроблялись по всему театру войны, была экспедиція генерала Бэнкса противъ Ботонъ-Руджа, порта Гудсона и Виксбурга, предпринятая съ цѣлію открытія Миссиссипи. Виксбургъ составлялъ ключь къ „великой рѣкѣ“ и для того чтобы присоединить къ Союзу сѣверозападъ, обладаніе этимъ пунктомъ было совершенно необходимо. Холмъ, возвышающійся на 80 футовъ со стороны рѣки, мятежники уставили баттареями, а болотистую и мѣстами залитую водою почву съ суши покрыли сильными оборонительными укрѣпленіями. Генералъ Шерманъ не дождался появленія генерала Бэнкса, но пославши Гранта къ Гэлли-Спрингъ для отраженія Джаксона, самъ въ это время сдѣлалъ нападеніе на Виксбургъ. Но Грантъ слишкомъ опоздалъ, — Гэлли-Спрингъ былъ уже занятъ, а потому онъ и вернулся назадъ. Напротивъ Шерманъ натолкнулся на армію въ 65,000 человѣкъ, защищавшую форты около Виксбурга. Правда ему удалось взять штурмомъ 28 декабря 1862 внѣшнія укрѣпленія; но на слѣдующій день онъ былъ аттакованъ несравненно превосходнѣйшими силами, которыми былъ почти подавленъ; и только послѣ большого урона онъ могъ отступить за рѣку Яцу.

Послѣ этого Грантъ пытался провести каналъ къ городу, чтобы отрѣзать этотъ городъ отъ Миссиссипи, но предпріятіе не удалось; вмѣсто того онъ приступилъ те-

перь къ смѣлому и великолѣпно составленному плану, который, подобно многимъ другимъ дѣйствіямъ во время этой гражданской войны, доказываетъ, какую важную роль играетъ заступъ въ новѣйшемъ военномъ искуствѣ, если только при его употребленіи руководятся умными соображеніями.

Виксбургъ и портъ Гудсонъ прикрывали другъ друга съ фланга; они запирали Миссиссипи и господствовали надъ нею на протяженіи 300 миль, а также и надъ всѣмъ бассейномъ Редъ-Ривера съ его притоками. Изгибъ Миссиссипи, извѣстный подъ именемъ Яцузскаго прохода, былъ запертъ недалеко отъ Виксбурга плотиною, которую думали прорвать у озера Провиденсъ, для того чтобы наполнить водою старое ложе Яцу и такимъ образомъ устроить водяной путь въ тылу оборонительныхъ укрѣпленій Виксбурга. Потомъ на канонерскихъ лодкахъ нужно было пройти 250 англійскихъ миль по рѣкѣ, берега которой занималъ непріятель. Между тѣмъ какъ плотина была прорвана, Фэррагот проложилъ себѣ путь по Миссиссипи мимо порта Гудсона; экспедиція Бэнкса высадилась на югъ отъ форта и Виксбургъ могъ бы одновременно подвергнуться нападенію съ двухъ сторонъ, если бы не наступили жары, которые остановили прежде всего экспедицію на Яцу. Затѣмъ послѣдовало и снятіе осады—что было необходимымъ результатомъ допущенной въ этомъ походѣ ошибки — результатомъ раздробленія силъ для разнаго рода предпріятій, въ то время когда для исполненія каждаго изъ нихъ требовалось соединеніе всѣхъ силъ.

Впослѣдствіи при разсказѣ о паденіи Виксбурга мы еще изложимъ весь ходъ этой экспедиціи.

Мятежники начали свой зимній походъ точно съ такою же энергіею и притомъ съ гораздо большимъ успѣхомъ. Они 1 генваря штурмовали Гальвестонъ, техаскую гавань. Пять паровыхъ лодокъ, непроницаемыя подъ тюками хлопка, врѣзались въ средину союзнаго флота и разсѣяли его; одна часть этого флота была взята, другая обратилась въ бѣгство, нѣсколько судовъ было взорвано на воздухъ и затѣмъ весь гарнизонъ Гальвестона взятъ въ плѣнъ.

На западномъ театрѣ войны генералъ Разенкранцъ съ 45,000 человѣкъ и съ 1000 орудій уже 26 декабря покинулъ Нашвилль, съ тѣмъ чтобы тремя колоннами двинуться на Мюрфрисборо. Послѣ оживленной форпостной схватки онъ наткнулся на непріятеля, стоявшаго въ необыкновенно крѣпкой, защищенной безчисленными баттареями позиціи, на западной сторонѣ Стунъ-Ривера, флангъ которой наклонялся къ Мюрфрисборо, а центръ къ высотамъ, покрытымъ лѣсомъ. Первый день битвы кончился для Розенранца рѣшительнымъ пораженіемъ, потому что непріятель неожиданнымъ соединеннымъ нападеніемъ на центръ оттѣснилъ союзныя войска; 1 и 2 генваря Розенкранцъ удерживалъ свою позицію и такъ удачно отбилъ нападеніе непріятеля, что тотъ обратился въ безпорядочное бѣгство. Въ это же самое время при Лексингтонѣ, въ восточномъ Тенесси, Сулливанъ разбилъ на голову колонны генерала Фореста, сдѣлавшія на него нападеніе, и посредствомъ

разрушенія виргинско-тенессійской желѣзной дороги прервалъ главную соединительную линію непріятеля. Но генералъ Розенкранцъ не съумѣлъ тотчасъ же воспользоваться своею побѣдою, а потому и не могъ воспрепятствовать непріятелю занять позицію у Туллагамы при нашвильско-чаттаногской желѣзной дорогѣ. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ сепаратистскій генералъ тотчасъ же съумѣлъ воспользоваться этою ошибкою своего врага и загладилъ понесенное пораженіе. Въ началѣ года потомакская армія сдѣлала мало, потому что она должна была подвергнуться коренной реорганизаціи, и только весною мы увидимъ, что она съ новыми силами приступаетъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

„Въ матеріальномъ отношеніи армія — пишетъ корреспондентъ — теперь гораздо сильнѣе, нежели когда либо прежде. Со дня принятія генераломъ Гокеромъ команды можно было замѣтить, что массу проникъ совершенно другой духъ. Значительнымъ уменьшеніемъ обоза и замѣною тяжелыхъ повозокъ транспортными мулами была достигнута гораздо большая подвижность. Для каждаго полка оставлено было только по двѣ повозки. Армія переродилась и въ моральномъ отношеніи. Вмѣсто недовѣрія, ропота и жалобъ началъ обнаруживаться воинственный духъ, который снова все оживилъ и прежде всего высказался въ соблюденіи секрета на счетъ составлявшихся плановъ, что такъ важно для веденія великой войны.“

Кромѣ того замѣчательно также и то обстоятельство,

что наконецъ среди самой войны стали приписывать особенное значеніе тому роду вооруженія, которое до сихъ поръ не могло выдержать никакого сравненія съ такимъ же вооруженіемъ непріятеля—мы разумѣемъ союзную кавалерію, которая въ походѣ 1862 г. играла весьма жалкую роль.

Отважная рекогносцировка, предпринятая кавалерійскимъ начальникомъ Грирсономъ въ Тенесси, къ Ботонъ-Руджу, черезъ Миссиссипи, показала, что и кавалерія Союза въ первый разъ можетъ поравняться съ кавалеріею мятежниковъ. Онъ вездѣ освобождалъ невольниковъ, разрушалъ магазины и желѣзныя дороги, экипировочные и провіантскіе транспорты, захватилъ необыкновенное множество матеріаловъ и сжегъ ихъ на 2 милліона долларовъ. Такимъ образомъ кавалерія Сѣвера оказалась вполнѣ равносильною съ конными отрядами Ли и Стюарта.

Въ настоящемъ году съ наступленіемъ хорошей погоды операціи главной потомакской арміи приняли въ концѣ апрѣля очень быстрый ходъ. Въ три дня генералъ Гокеръ переправилъ всю свою 100,000 армію чрезъ Раппаганокъ ниже Фридериксбурга. Главная масса союзной арміи заняла позицію въ Чанслорсвиллѣ, около двухъ миль на югозападъ отъ Фридериксбурга. Въ арміи господствовало наилучшее расположеніе и полное довѣріе къ своему начальнику. Переходъ черезъ рѣку совершился съ невиданною до сихъ поръ быстротою, что крайне изумило непріятельскаго главнокомандующаго. Но и генералъ Ли дѣйствовалъ также быстро,

онъ съ отважною расторопностію покинулъ какъ свою позицію при Фридериксбургѣ, такъ и линію вдоль Раппаганока и появился передъ Гокеромъ, который конечно уже успѣлъ окопаться шанцами и выбралъ для себя такую мѣстность, въ которой ему можно было выжидать нападенія. Онъ стоялъ въ треугольникѣ, основаніемъ которому служилъ южный берегъ Раппаганока, а вершина находилась у Чанслорсвилля. Ли, выигравшій время по случаю этихъ окоповъ, приказалъ генералу Джаксону (Стонваль) сдѣлать быструю аттаку на правое крыло (11 корпусъ генерала Говарда). И только подоспѣвшее во время подкрѣпленіе спасло этого Говарда отъ совершеннаго пораженія. Мятежники на слѣдующій день, 3 мая въ 4 часа утра, подъ начальствомъ Джаксона еще разъ сдѣлали нападеніе преимущественно на корпусъ Говарда, и при первомъ же столкновеніи дивизія Шурцмана обратилась въ бѣгство. Ни просьбы, ни угрозы не могли помочь; тѣ же самые солдаты, которые прежде такъ храбро дрались подъ умнымъ руководствомъ Зигеля, теперь опрометью бѣжали съ поля сраженія. Двѣ другія дивизіи также побѣжали и скоро весь корпусъ долженъ былъ ретироваться.

Въ это время Гокеръ послалъ на помощь ветерановъ арміи, 2 дивизіи 3 корпуса (Берри), Бестъ повезъ свои орудія, и непріятель послѣ короткаго, но рѣшительнаго дѣла былъ остановленъ. Слокумъ и Сикльсъ вслѣдствіе бѣгства праваго крыла отступили; но Гокеръ сдѣлалъ нападеніе ночью, причемъ часть потерянной артиллеріи была возвращена. Прибывшій 1 кор-

пусъ (Рейнольда) помѣстился на правомъ крылѣ, гдѣ уже стоялъ Берри. Бирней командовалъ лѣвымъ крыломъ, Вилльямсъ — резервомъ.

Страшный огонь изъ орудій открылъ сраженіе. Берри держался противъ огромной клинообразной массы мятежниковъ, точно также нападеніе и на другомъ пунктѣ было отбито. „Борьба — пишетъ очевидецъ — представляла собою обдуманную и отчаянную рукопашную свалку; ужасна была рѣзня въ этомъ мрачномъ, густомъ и таинственномъ лѣсу. Хладнокровные офицеры говорили, что земля была покрыта грудами непріятелей—убитыхъ и раненныхъ, и что мятежники буквально бросались на самыя жерла непріятельскихъ орудій. Дивизія же Берри рѣшалась на еще болѣе отчаянное нападеніе, такъ напримѣръ бригада Мотта пятнадцать разъ ходила въ аттаку и взяла 7 знаменъ, причемъ одинъ только 7-й нью-джерсійскій полкъ взялъ 4 знамени и 500 плѣнныхъ. Дивизія генерала Френча опрокинула непріятеля, однако послѣ трехчасовой битвы, въ три четверти девятаго, оказался недостатокъ въ аммуниціи и союзнымъ войскамъ уже нужно было штыками удерживать свою позицію.

Чанслорсвилль исчезъ, какъ будто поглощенный землетрясеніемъ.

Во время этого сраженія страшный артиллерійскій огонь свирѣпствовалъ по всей линіи отъ Бернардъ-Гоусъ до Фридериксбурга. Лѣсъ былъ засыпанъ гранатами, чтобы изгнать оттуда мятежниковъ. Легкая дивизія Пратта взяла приступомъ высоты у Фридериксбурга

и въ тоже время захватила въ плѣнъ цѣлыхъ два полка; корпусъ Джибсона преслѣдовалъ бѣжавшихъ къ Чанслорсвиллю; а съ высоты взятыхъ холмовъ городъ Фриднриксбургъ былъ засыпанъ гранатами.

Продолжительный и сильный дождь переполнилъ рѣку и угрожалъ разрушить потомакскій мостъ. Такъ какъ позиція на югъ отъ Раппаганока была со всѣхъ сторонъ слаба, то Гокеръ ночью возвратился за рѣку, что и подало поводъ Ли приписывать себѣ побѣду. Онъ оффиціально извѣстилъ объ этомъ президента Дэвиса: „Вчера генералъ Джаксонъ ударилъ въ тылъ непріятеля и выгналъ его изъ всѣхъ занятыхъ имъ позицій, начиная отъ „Вильдернеса“ и оканчивая мѣстомъ, находящимся въ разстояніи почти одной мили отъ Чанслорсвилля. Въ это же самое время съ фронта его встрѣтили двѣ дивизіи. Взято много плѣнныхъ и вообще потеря со стороны непріятеля убитыми и ранеными весьма велика. Сегодня утромъ сраженіе возобновилось; непріятель былъ сбитъ со всѣхъ мѣстъ около Чанслорсвилля и оттѣсненъ за Раппаганокъ, чрезъ кокорый онъ и приготовился теперь отступить. Намъ опять слѣдуетъ благодарить всемогущаго Бога за великую побѣду.“ Главный герой какъ этого, такъ и многихъ другихъ горячихъ стычекъ, генералъ Джаксонъ-Стонваль, былъ жертвою этого успѣха. Раненный въ руку, этотъ герой умеръ 9 мая 1863 г. отъ ампутаціи.

Сколько пошло даромъ свинцу и желѣза въ этихъ такъ называемыхъ „великихъ“ потеряхъ, это можно видѣть изъ отчета генерала Разенкранца о сраженіи при

Мюрфрисборо. Изъ 20,000 выстрѣловъ союзной артиллеріи, попало въ непріятеля 728, а изъ 2 милліоновъ ружейныхъ зарядовъ попали только 13,832; такимъ образомъ на каждаго убитаго человѣка приходится положить 27 пушечныхъ и 155 ружейныхъ зарядовъ, слѣдовательно 255 фунтовъ желѣза или 9 фунтовъ свинца.

Ли рядомъ незначительныхъ форпостныхъ стычекъ открылъ наступательное движеніе, потому что всѣ прежнія движенія были скорѣе рекогносцировки, нежели серьезныя нападенія. 3 іюня мятежническая армія тронулась съ мѣста, чтобы чрезъ шенондоаскую долину двинуться къ сѣвернымъ частямъ Потомака, такъ какъ позиція уніонистовъ на Раппаганокѣ не представляла выгодъ для нападенія. 9 іюня генералъ Стюартъ отбросилъ уніонистскій корпусъ за рѣку, который при Беверли и Кэлли старался перейти Раппаганокъ; кавалерійскій корпусъ былъ направленъ противъ Берривилля и къ нему была присоединена одна дивизія, для того чтобы прервать сообщеніе между Винчестеромъ и Потомакомъ. Въ это же время Эвель ударилъ прямо на Винчестеръ, штурмовалъ 14 іюня укрѣпленія и разсѣялъ уніонистовъ. 4,000 плѣнныхъ, 29 орудій, 270 повозокъ и походный госпиталь были плодами этого смѣлаго удара, результатомъ котораго еще было и то, что потомакская армія принуждена была оставить раппаганокскую линію. Ли послѣдовалъ за ней, чтобы затруднить ей отступленіе къ Вашингтону. Генералъ Стюартъ, который слишкомъ уже горячо преслѣдовалъ ее, понесъ 17 іюня при Альди большую потерю. Кор-

пусъ Дженкинса былъ направленъ въ Пенсильванію и дошелъ до Чэмберсбурга, но принужденъ былъ отступить въ шенандоаскую долину, такъ какъ потомакская армія и сама не дѣлала нападенія, и въ тоже время нельзя было принудить ее оставить Виргинію. 24 іюня вся мятежническая армія сконцектрировалась для перехода чрезъ Потомакъ. Четыре дня спустя, генералъ Георгъ Мидъ принялъ главное начальство надъ потомакской арміей. Между тѣмъ генералъ Ли перешелъ Потомакъ и пошелъ по кумберландской долинѣ. Вслѣдствіе этого Мидъ призвалъ кавалерію, прикрывавшую переходъ союзной арміи чрезъ Потомакъ, и поручилъ генералу Френчу, командовавшему въ Гарперсъ—Ферри занять Фредерикъ и огіо—балтиморскую дорогу. 29 ч. началось движеніе арміи къ Эммитсбургу и Нью-Виндзору; 30 ч. правое крыло дошло до Манчестера. Генералъ Рейнольдъ получилъ приказаніе занять авангардомъ Геттисбургъ и разузнать о непріятелѣ.

Двѣ горныя цѣпи, на милю разстоянія одна отъ другой, идутъ пораллельно и замыкаютъ долину Геттисбурга. Недалеко отъ города возвышается холмъ съ кладбищемъ, получившимъ въ іюлѣ 1863 роковое значеніе. Долина представляетъ впадину, главное углубленіе которой лежитъ къ востоку. На этихъ то возвышенностяхъ, окружающихъ долину, и произошло сражежеміе, которое въ скоромъ времени распространилось и въ самомъ городѣ. Гора, на которой находилось кладбище, круто спускается въ долину, а потомъ снова подымается до покрытыхъ кустарниковъ семинарскихъ хол-

мовъ. Эти послѣдніе были заняты конфедератами. Лонгстритъ командовалъ лѣвымъ, Эвель правымъ крыломъ, а Гилль центромъ.

2 іюля, въ самый день битвы союзныя войска стояли полукругомъ, обратившись фронтомъ къ тому выдающемуся пункту, который образуется ручьемъ Стивенъ-Ренъ и Рокъ—Крикомъ, 5-й корпусъ составлялъ самый крайній конецъ лѣваго крыла, за нимъ слѣдовали 2-й и 3-й корпуса; 11-й расположился на кладбищѣ, къ нему примыкалъ 1-й корпусъ; 12-й на правомъ крылѣ занималъ укрѣпленную позицію, стоя фронтомъ противъ Рокъ—Крика; 6-й былъ въ резервѣ. Лабиринтъ непроницаемаго лѣса скрывалъ правое крыло той длинной въ пять миль линіи, которая имѣла то преимущество предъ линіей мятежниковъ, что представляла болѣе возвышенную мѣстность. Столкновеніе произошло слѣдующимъ образомъ:

1 іюля авангардъ уніонистовъ подошелъ къ юговосточной сторонѣ Геттисбурга, прошелъ чрезъ городъ, скоро наткнулся на непріятеля, который однако опрокинулъ его и прогналъ назадъ чрезъ городъ. Подъ перекрестнымъ огнемъ трехъ бригадъ онъ потерялъ половину своихъ людей. 2 іюля битва началась артиллерійской канонадой, слѣдствіемъ которой было только разрушеніе Геттисбурга. Потомъ мятежники очистили городъ, съ тѣмъ чтобы вызвать Мида изъ его укрѣпленной позиціи. Хотя убитые и раненные изъ бригады Рейнольда еще оставались на полѣ битвы безъ всякой помощи, однако Мидъ не пошелъ на ловушку. Ли

рѣшился теперь сдѣлать нападеніе. Утромъ 3 ч. страшный артиллерійскій огонь открылъ штурмъ и всѣ мятежническія войска съ шумомъ бросились съ своихъ высотъ. Градъ картечи, гранатъ и другихъ снарядовъ осыпалъ нападающихъ, которые однако не уступали. Наконецъ по трупамъ они отступили и снова взошли на кладбище, рвы были взяты, и теперь начался такой рукопашный бой, которому можетъ быть еще и не было примѣра.

Цѣлыя сотни падали внизъ съ горы, орудія грохотали, раздавались голоса предводителей, но среди этой суматохи не было слышно ни команды, ни ура, пока наконецъ совершенно измученные мятежники не вырвались изъ кровавыхъ объятій. Уже стало темнѣть, но Мидъ рѣшился въ этотъ же самый вечеръ взять еще гору Семинаръ. И хотя ему удалось взять ее штурмомъ, но непріятель отступилъ въ порядкѣ и укрѣпился въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу. Геттисбургъ былъ превращенъ въ большой госпиталь для уніонисткой арміи, которая купила побѣду слишкомъ дорогою цѣною. Только 7 іюля началось преслѣдованіе непріятеля, который 14 отступилъ за Потомакъ, а потомъ и за Рапиданъ.

Впослѣдствіи на мѣстѣ Геттисбурга устроено было огромное кладбище для погребенія костей всѣхъ тѣхъ бравыхъ удальцовъ, которые во время этого сраженія принесли въ жертву отечеству свою жизнь. Освященіе кладбища, 19 декабря 1863, было совершено самимъ президентомъ Линкольномъ, который при этомъ случаѣ сказалъ слѣдующую прекрасную рѣчь:

„За 87 лѣтъ предъ этимъ наши отцы создали на этомъ континентѣ новую націю, исполненную духа свободы и освященную тѣмъ принципомъ, что всѣ люди равноправны. Теперь мы находимся среди ожесточенной братской войны и выдерживаемъ испытаніе, можетъ ли эта нація, или какая нибудь другая, получившая въ наслѣдство и освященная такими принципами, существовать долгое время? Мы собрались теперь на большомъ боевомъ полѣ этой войны; мы собрались здѣсь, чтобы посвятить часть этого поля въ мѣсто упокоенія тѣхъ, которые положили здѣсь свою жизнь за сохраненіе жизни націи. Намъ слѣдуетъ и мы должны исполнить это наше намѣреніе, но въ болѣе обширномъ, высшемъ смыслѣ слова мы не въ состояніи освятить или сдѣлать священнымъ это мѣсто. Храбрые мужи, живые и мертвые, сражавшіеся здѣсь, уже освятили его тѣмъ, что далеко превосходитъ наши собственныя силы. Міръ скоро забудетъ о томъ, что мы говоримъ здѣсь, но онъ никогда не забудетъ того, что совершили тѣ люди на этомъ мѣстѣ. Намъ, живущимъ, гораздо приличнѣе прежде освятиться самимъ для дѣла, еще неоконченнаго, но которому мертвые уже споспѣшествовали своею собственною кровью; намъ прежде слѣдуетъ получить благословеніе на ту великую задачу, которая еще не рѣшена, и позаимствовать отъ достопочтенныхъ умершихъ, которые здѣсь будутъ покоиться, сугубую энергію для окончанія того дѣла, которому они уже отдали свою жизнь; прежде всего намъ слѣдуетъ торжественно заявить здѣсь, слѣдуетъ дать обѣтъ, что они пали здѣсь

не напрасно, что нація, если такъ будетъ угодно Богу, воспріиметъ отъ нихъ новую эру сводобы и что государственное устройство этого народа будетъ всегда существовать для его блага и посредствомъ „его самого.“

Уже при началѣ возстанія хорошо была оцѣнена особенная важность пункта Чаттанога, и южане въ продолженіе двухъ лѣтъ владѣли этимъ пограничнымъ мѣстомъ, лежащимъ между Тенесси и Георгіей. Теперь наконецъ кумберландской арміи, сосредоточенной у Нашвилля, было отдано приказаніе взять его. Генералу Розенкранцу удалось безъ битвы вытѣснить непріятеля, находившагося подъ предводительствомъ Брэгга, изъ позиціи и 7 сентября завладѣть городомъ. Съ этою цѣлію онъ усилилъ свою армію и снова приблизился къ горамъ, господствовавшимъ надъ Чаттанога, потому что въ этомъ случаѣ онъ могъ угрожать съ правой стороны лагерю кумберландской арміи. При этомъ ему много помогало и достаточное знакомство съ природной мѣстностью и хорошо организованная рекогносцировка. Для разузнанія слабѣйшихъ пунктовъ въ непріятельской позиціи и для подобныхъ опасныхъ предпріятій никогда не было недостатка въ отважныхъ искателяхъ приключеній какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Послѣ того какъ горная дорога Liberty-Gap, упорно защищаемая генераломъ Виллихомъ, была пройдена, Розенкранцъ перешелъ Тенесси и прервалъ т. образомъ сообщеніе между обоими крылами непріятеля.

На мѣсто Брэгга, отставленнаго въ это время рич-

мондскимъ правительствомъ, вступилъ въ командованіе І. Е. Джонстонъ. Но онъ явился слишкомъ поздно и потому не могъ парализовать фланговое движеніе уніонистской арміи. Приходилось оставить Чаттаногскую позицію въ началѣ сентября, и этимъ самымъ отдавалась въ руки непріятеля вся Апанахская линія.

Съ этихъ поръ бассейнъ Огіо принадлежалъ Союзу. Чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему движенію уніонистовъ, мятежники сконцентрировали всѣ свои силы и продолжали свой планъ — отрѣзать отъ Чаттанога непріятеля, шедшаго на Римъ въ Георгіи, а потомъ истребить Борнсайда въ Ноксвиллѣ.

Очищеніе непріятелями Чаттанога послѣдовало прежде, чѣмъ думалъ Розенкранцъ; а потому они и могли достигнуть параллельныхъ цѣпей Локускихъ горъ раньше того времени, чѣмъ могъ пройти ихъ этотъ генералъ. Обладаніе горами, господствующими надъ Чаттанога, естественно угрожало лагерю кумберландской арміи, которая находилась направо отъ города. Поэтому когда генералъ Розенкранцъ 18 сентября подвинулъ свой лагерь къ Чаттанога, онъ сталъ подозрѣвать, что непріятель намѣренъ напасть на его лѣвое крыло, и рѣшился самъ предупредить нападеніе. Утромъ 19 ч. центръ его стоялъ влѣво отъ Гордонсвилля; лѣвое крыло было отодвинуто къ дорогѣ, ведущей отъ Ренгольда къ Чаттанога. Сцена послѣдовавшей здѣсь битвы разыгралась въ М'Ламорской долинѣ, между Миссіонерскими горами съ одной, Голубыми и горою Тэйлора съ другой стороны. Часть долины, въ которой происходило сраженіе,

была покрыта густымъ кустарникомъ, что чрезвычайно затрудняло дѣйствія артиллеріи.

„Утромъ 19 сентября—пишетъ очевидецъ—солнце взошло на чистомъ небѣ и оживило духъ войскъ, истощенныхъ продолжительными маршами и недостаткомъ сна. Около 11 часовъ начался штурмъ. Огромныя массы пѣхоты устремились на дивизію Браннона, стоявшую на самомъ концѣ лѣваго крыла. Первая бригада была опрокинута, обѣ другія на короткое время остановили напоръ, но принуждены были уступить превосходной силѣ и отошли на заднюю линію арміи, причемъ обнажили лѣвое крыло дивизіи Бэрда. Мятежники воспользовались этимъ, окружили бригады Скрибнера и Кинга, которыя только съ большимъ урономъ могли пробиться, бросились на дивизію Джонсона и погнали ее въ боевые ряды дивизіи Рейнольда. И только тутъ они встрѣтили энергическое сопротивленіе; а убійственный огонь нѣсколькихъ баттарей, лично управляемыхъ самимъ Розенкранцомъ, остановилъ ихъ. Между тѣмъ генералъ Томасъ собралъ бѣжавшихъ и двинулся съ ними впередъ, чтобы загладить ошибку. Около четырехъ часовъ потерянная мѣстность снова была взята, но въ это же самое время Брэггъ приказалъ начать энергическую и быструю аттаку противъ центра сѣверянъ. Двѣ дивизіи (Пальмера и Фанъ-Клева) были разбиты и разсѣяны; Дэвисъ хотѣлъ было сопротивляться, но вторичная аттака отбросила его на право, а Клева—налѣво. Мятежники, пробившіеся чрезъ линію, угрожали теперь и правому крылу. Вступила въ дѣло кавалерія Шеридана,

но была прогнана сильнымъ огнемъ; тогда вошли на мѣсто битвы дивизіи Вуда и Нейли, отбросили назадъ мятежниковъ, и при наступленіи ночи потерянная позиція Союза была возвращена. Генералъ Розенкранцъ занялъ теперь болѣе сконцентрированное положеніе у дороги, соединяющей нашвильско-ренгольдскую и нашвильско-лафайетскую дороги, прислонивши свое лѣвое крыло къ Миссіонерскимъ горамъ.“

10 сентября, около 10 часовъ утра, снова началась кровавая борьба, потому что Брэггъ еще разъ стѣснилъ лѣвое крыло, и когда Розенкранцъ выслалъ туда двѣ бригады изъ центра, Брэггъ напалъ на нихъ со всѣми своими силами. Однакожъ сѣверяне ночью укрѣпили свою позицію въ центрѣ посредствомъ засѣкъ и встрѣтили непріятеля убійственнымъ огнемъ, но несмотря на это ветераны Лонгстрита и Гилля, въ колоннахъ побатальонно, съ страшнымъ крикомъ устремились на линію, опрокинули противника, въ одну минуту развернулись, построились въ ряды и аттаковали съ фланга и съ тылу разстроенный резервъ. Всякій порядокъ исчезъ, деморализированная сѣверная армія въ поспѣшномъ бѣгствѣ оставила поле сраженія. Разорванная на двѣ части, одна половина ея бѣжала къ нашвильской дорогѣ въ видѣ безпорядочной массы; другая подъ начальствомъ Томаса сражалась и спасала армію отъ совершеннаго уничтоженія.

Уніонисты потеряли въ этомъ кровавомъ дѣлѣ 1,800 убитыми, 9,500 раненными и 2,500 взятыми въ плѣнъ, но такъ какъ и южане понесли тоже значительныя по-

тери, то сраженіе это не имѣло бы особенныхъ послѣдствій, если бы только Розенкранцъ не очистилъ Латупъ-Монтэнъ, гору, господствовавшую надъ Чаттанога. Онъ вопреки совѣту всѣхъ офицеровъ своего корпуса оставилъ эту позицію, которая тотчасъ же и была занята непріятелемъ. На другой день онъ снова хотѣлъ взять ее штурмомъ, чтобы поправить свою ошибку, которую слишкомъ поздно понялъ, но это уже было невозможно, потому что мятежники уже успѣли сдѣлать хорошіе окопы. Вмѣстѣ съ этимъ и сообщеніе сѣверянъ съ Бриджпортомъ, переходнымъ пунктомъ на нашвильской желѣзной дорогѣ, было прервано; баттареи мятежниковъ господствовали надъ желѣзною дорогою и дѣлали невозможнымъ всякій подвозъ къ Чаттанога. Теперь вопросъ состоялъ въ мѣстности и поэтому Розенкранцъ былъ замѣненъ генераломъ Грантомъ, который принялъ въ это время начальство надъ департаментами Огіо, Кентукки, Миссиссипи и Кумберланда, между тѣмъ какъ г. Томасу было ввѣрено спеціальное командованіе кумберландской арміей.—11 и 12 корпуса потомакской арміи подъ начальствомъ Гокера приступили къ сооруженію укрѣпленій, тогда какъ другой корпусъ, огіоская армія Борнсайда, пошелъ противъ восточнаго Тенесси, чтобы овладѣть Ноксвиллемъ и перерѣзать дорогу, соединяющую Тенесси съ Виргиніею. Ночью, въ послѣднихъ числахъ октября, въ двухъ миляхъ отъ Чаттанога у Browns-Ferry, во время перехода Гокера, на него было сдѣлано нападеніе; но при этомъ онъ выгналъ непріятеля изъ Локутской долп-

ны и такимъ образомъ снова возстановилъ сообщеніе съ Бриджпортомъ.

Нападеніе на Локутскую возвышенность началось рекогносцировкой, произведенной генераломъ Томасомъ. Между тѣмъ Брэггъ ослабилъ себя, потому что откомандировалъ корпусъ Лонгстрита и послалъ его въ Ноксвилль противъ Борнсайда.

Взятіе Локутской горы послѣдовало 26 октября слѣдующимъ образомъ. 104 огіоскій полкъ навелъ нѣсколько понтоновъ на Огіо, построилъ пловучій мостъ, по которымъ тотчасъ же и переправились штурмовыя колонны и прогнали захваченнаго врасплохъ непріятеля. 11 армейскій корпусъ, подъ начальствомъ Гокера, неотступно напирая занялъ Локутскую гору и блестящимъ образомъ отбилъ яростное нападеніе непріятеля.

Огромная стратегическая важность, зависящая отъ успѣха въ этомъ мѣстѣ театра военныхъ дѣйствій, побуждала обоихъ противниковъ направить сюда всѣ находившіяся въ ихъ распоряженіи военныя силы.

14 ноября Лонгстритъ перешелъ Тенесси и принудилъ Борнсайда къ отступленію. Три отчаянныя нападенія были отбиты уніонистами. Но 15 ноября Борнсайдъ принужденъ былъ очистить Ленойръ, а 16 послѣ горячей схватки онъ былъ отброшенъ опустошительнымъ фланговымъ огнемъ отъ станціи Кембелля къ Ноксвиллю. Въ Вашингтонѣ уже опасались потери этого важнаго города, а вмѣстѣ съ нимъ и потери всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ въ этомъ походѣ, какъ вдругъ Лонгстритъ, вмѣсто того чтобъ идти впередъ, отступилъ назадъ и оты-

скивалъ мѣста для зимней квартиры,—это былъ такой поступокъ, мотивъ котораго остается необъясненнымъ и до сихъ поръ.

3. Паденіе Виксбурга.

Между тѣмъ предпріятія, устремленныя на устья Миссиссипи, энергически подвигались впередъ.

Миссиссипи, со взятіемъ Новаго Орлеана, еще не была свободна. Какъ мы уже знаемъ, непріятель выстроилъ выше къ сѣверу два укрѣпленія, портъ Гудсонъ и Виксбургъ, которыя не только господствовали надъ Миссиссипи на протяженіи 300 миль, но даже и надъ бассейномъ нѣкоторыхъ ея притоковъ, въ особенности надъ Редъ-Риверомъ, впадавшимъ въ нее между портомъ Гудсонъ и Виксбургомъ. Виксбургъ представлялъ собою нѣкоторымъ образомъ ключь къ великому бассейну рѣки и былъ поэтому чрезвычайно хорошо укрѣпленъ. Со стороны рѣки внушали особенное уваженіе баттареи. Со стороны же суши разныя укрѣпленія покрывали это мѣсто на 8 миль въ окружности; ко всему этому присоединилась еще и естественная защита, представляемая широкими болотами и другими выгодами мѣстности, дававшей право конфедератамъ назвать свой Виксбургъ „миссиссипскимъ Гибралтаромъ.“ Такой же внушающій видъ имѣли и укрѣпленія порта Гудсона, лежавшаго ниже по рѣкѣ; кромѣ того эти оба форта защищали флангъ другъ у друга.

Понятно, что было чрезвычайно трудно провести флотъ между этими двумя пунктами и такимъ образомъ отрѣзать непріятелю сообщеніе. Съ этою цѣлью со стороны уніонистскихъ инженеровъ были предложены, а частію и исполнены самые исполинскіе планы и усилія, чтобъ только какъ нибудь овладѣть бастіонами южныхъ штатовъ. Мы уже расказали, какъ много было сдѣлано для того, чтобы при помощи канала измѣнить ложе гигантской рѣки и посредствомъ такого необыкновеннаго предпріятія изолировать Виксбургъ. Но само собою разумѣется, что скоро нужно было отказаться отъ начатаго канала.

Послѣ того какъ генералъ Шерманъ сдѣлалъ неудачную попытку взять Виксбургъ, экспедиція открылась подъ начальствомъ генерала Гранта. Грантъ дѣйствовалъ на сушѣ. Сверху къ Виксбургу шли суда коммодора Портера, а снизу, къ порту Гудсону, эскадра адмирала Дав. Фэррагота. Только при соединеніи всѣхъ этихъ силъ можно было разсчитывать на паденіе „миссисипскаго Гибралтара." Фэррàготъ, отважный какъ левъ, взялся прервать сообщеніе съ портомъ Гудсономъ.

Исполненіе этого плана было въ высшей степени опасно вслѣдствіе скрытыхъ подъ поверхностью рѣки адскихъ машинъ, такъ называемыхъ торпедо, которые въ очень большомъ количествѣ именно на этомъ самомъ пространствѣ были опущены южанами. Эти разрушительныя машины, взрывавшіяся при малѣйшемъ треніи идущихъ надъ ними судовъ, были связаны по большей части попарно между собою канатомъ и посредствомъ со-

отвѣтствующаго механизма удерживались подъ водою въ пловучемъ положеніи. Высматриваніе и вытаскиваніе этихъ машинъ было самымъ труднымъ дѣломъ для сѣвероамериканскихъ матросовъ.

Желѣзныя суда были хорошо обиты кипами хлопчатой бумаги и сѣна; цѣпи, желѣзныя шины и тяжелыя бревна защищали машины, между тѣмъ какъ внутри онѣ были наполнены сѣномъ и хлопчатой бумагой. Къ совершенію такихъ опасныхъ предпріятій выбиралась ночь; тихо, безъ всякаго шуму подвигались эти необыкновенныя суда по темной поверхности воды, какъ вдругъ взвивалась изъ шанцевъ подобно молніи свѣтящаяся ракета. Начиналась ужасная канонада. Одинъ корабль загорѣлся, потому что бомба зажгла хлопчатую бумагу; два другіе хоть и дали течь, но все-таки проложили себѣ путь.

Спустя нѣсколько недѣль, вторая флотилія, состоявшая изъ 7 панцирныхъ лодокъ и нѣсколькихъ транспортныхъ судовъ, рѣшилась подать побѣдителямъ подкрѣпленіе и также счастливо прошла мимо Виксбурга къ флоту Портера, взяла штурмомъ фортъ Грандъ-Гольфъ; самый флотъ пошелъ вверхъ по рѣкѣ и съ помощью войскъ, находившихся подъ начальствомъ Бэнкса, овладѣлъ Александріей, между тѣмъ какъ Грантъ продолжалъ вести правильную осаду Виксбурга. 19 мая онъ попробовалъ сдѣлать первый штурмъ противъ трехъ пунктовъ, защищавшихъ городъ съ южной стороны. Въ этотъ разъ онъ былъ отбитъ и однако 22 опять возобновилъ нападеніе.

„Подъ градомъ картечи, мортиръ, разрывающихся бомбъ и ружейныхъ пуль—пишетъ очевидецъ—опускались съ изрытаго и неровнаго холма и всходили на обширную возвышенность, покрытую почти непроницаемыми засѣками и обстрѣливаемую съ двухъ баттарей. На самомъ верху ея находился широкій ровъ, а далѣе засѣка, двойныя бойницы которой во всякое время угрожали совершеннымъ истребленіемъ; за возвышенностью находился фортъ съ баттареями, которыя обстрѣливали рвы — тутъ была напрасна всякая храбрость. Грантъ отступилъ съ потерею 2500 человѣкъ. Подобнымъ же образомъ былъ отбитъ и приступъ генерала Бэнкса къ порту Гудсону. Хотя бригада Вейтцеля и аттаковала одну баттарею въ штыки, но страшный огонь прогналъ отважныхъ нападателей. Однакожъ рѣшеніе дѣла было только замедлено, но не отложено. Со времени взятія штурмомъ форта Джаксона (24 марта), Виксбургъ былъ совершенно изолированъ, и слѣдовательно чего не могла сдѣлать храбрость осаждающихъ, къ тому принудилъ осажденныхъ голодъ.

Утромъ 3 іюля мятежники выкинули на своихъ укрѣпленіяхъ парламентерскій флагъ. Тотчасъ огонь былъ остановленъ, генералъ Пембертонъ хотѣлъ сдаться на капитуляцію и поэтому послалъ узнать условія. Грантъ отвѣчалъ, что не принимаетъ никакихъ условій, но съ храбрыми плѣнными обойдется съ уваженіемъ. Передача города на волю побѣдителя была совершена въ персикой или фиговой рощѣ. 4 іюля въ 11 часовъ утра дивизія Когана вступила въ Виксбургъ, а около полу-

дня звѣздное знамя уже развѣвалось на ратушѣ побѣжденныхъ мятежниковъ. Кромѣ пріобрѣтенія выгодной позиціи, плодами этой побѣды было 31,000 плѣнныхъ, 30 крѣпостныхъ, 120 полевыхъ орудій, 50,000 ружей, знамена, множество амуниціи, вагоны желѣзной дороги и разнаго рода матеріалы.

Между тѣмъ положеніе генерала Бэнкса у порта Гудсона было весьма дурно, потому что теперь ему стали угрожать съ тылу, да и безопасность Новаго Орлеана была ненадежна. Остатки разбитаго мятежническаго войска собрались на правомъ берегу Миссиссипи, заняли Брэширъ, городъ богато снабженный всякими запасами, и Дональдсонвилль, лежащій между Новымъ Орлеаномъ и Ботонъ-Руджъ.

Паденіе Виксбурга спасло его. Грантъ быстро поспѣшилъ къ нему на помощь и принудилъ вышеупомянутый фортъ къ сдачѣ. Онъ достался въ руки побѣдителя 9 іюля съ 5000 плѣнныхъ, 50 орудіями, 10,000 ружей. Мятежники въ минуту передачи просили раціоновъ, потому что послѣдніе мулы уже были съѣдены; они даже принуждены были употреблять въ пищу крысъ, мышей, и т. под. Голодъ, а не мечь врага побѣдилъ этихъ героевъ.

Мятежники сами сожгли Джаксонъ на Миссиссипи. Шерманъ занялъ уже дымившіяся развалины; скоро были разсѣяны и войска мятежниковъ, стоявшія между Миссиссипи и Апалахеномъ, и такимъ образомъ вся рѣка очутилась теперь въ рукахъ Союза.

Занятіе Бэнксомъ города Броунсвилля составляетъ заключительный актъ борьбы на Миссиссипи; такимъ об-

разомъ у мятежниковъ былъ отнятъ и послѣдній пунктъ, черезъ который они дѣлали свои подвозы.

Конфедератамъ, обладавшимъ незначительными средствами, чтобъ устранить нѣкоторымъ образомъ столь критическое положеніе, оставалась только одна, неоднократно уже испробованная попытка, — уничтожить непріятельскую блокаду въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Такимъ пунктомъ была хорошо укрѣпленная гавань Чарльстонъ, на восточномъ берегу южной Каролины, изъ которой ежедневно совершались торговыя сношенія съ дружественными иностранными государствами. Адмиралъ Дюпонъ для уничтоженія этого послѣдняго пріюта, 5 апрѣля, появился передъ гаванью Чарльстона и въ тотъ же самый день попробовалъ сдѣлать нападеніе. Мель была пройдена, но густой туманъ остановилъ флотъ. Дессантъ вышелъ на берегъ, и въ полдень 7 апрѣля былъ открытъ съ восьми панцирныхъ судовъ и мониторовъ огонь противъ фортовъ Мультри и Сомтера и противъ находящихся между ними баттарей.

Настоящій дождь ядеръ и мортиръ огромнаго калибра посыпался на панцирныя суда, огромныя волны катились черезъ ихъ палубы, однакожъ мониторы подвигались впередъ, пока наконецъ уже не были удержаны необыкновенною сѣтью канатовъ, среди которой помѣщались торпедо. Переднія суда запутались въ этой сѣти своими винтами. Нужно было отступить, но и другой фарватеръ, у форта Сомтера, былъ также запертъ рядомъ свай, выходящихъ изъ воды на 10 футовъ. Между ними находились адскія машины, а далѣе за

ними стояли панцирныя суда мятежниковъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ оставалось только приняться за канонаду, и все-таки этимъ не удалось принудить къ молчанію непріятельскія баттареи. Такимъ образомъ это отважное, но неразсчетливое нападеніе совершенно не удалось. Флотъ принужденъ былъ отступить съ большимъ урономъ, сдѣлавши большую часть судовъ и часто упоминаемый „Крокукъ“ неспособными къ битвѣ.

Когда же мониторы были снабжены, при помощи двойной — деревянной и желѣзной покрышки, двойною бронею, флотъ повторилъ свою прежнюю попытку, но безъ большого успѣха. 10 іюля панцирный флотъ и высадившіяся войска сдѣлали общее нападеніе на Морри-Исландъ, взяли всѣ баттареи, но были отбиты къ форту Вагнера. При этомъ штурмѣ седьмой коннектикутскій полкъ проникъ даже за брустверы форта Вагнера; но такъ какъ ожидаемое подкрѣпленіе не явилось, то храбрые солдаты должны были отступить; при этомъ случаѣ нерѣшительность резерва превратила побѣду въ пораженіе.

Генералъ Джильморъ началъ теперь дѣлать мины къ форту, который лежалъ на сѣверной оконечности острова Морри, запиравшаго съ юга гавань Чарльстона. Сѣверная оконечность его называлась Cummings-Point и отстояла на 2000 футовъ отъ форта Сомтера.

Между тѣмъ и штурмъ 18 числа былъ также неудаченъ, но все-таки Джильморъ не потерялъ отъ этого своей бодрости. Не смотря на страшный жаръ, была сооружена на безлѣсномъ и открытомъ мѣстѣ пе-

счаная насыпь по направленію къ овальнымъ баттареямъ, окружавшимъ фортъ Вагнеръ. При настоящемъ случаѣ солдаты изъ негровъ оказали очень важныя услуги, что они впрочемъ отчасти сдѣлали и во время самаго штурма; они сражались противъ своихъ истинныхъ палачей. Доказано, что матежники били до тѣхъ поръ бичами и палками взятыхъ въ плѣнъ чернокожихъ солдатъ, пока у нихъ не отдѣлялось тѣло кусками отъ костей. И только тогда они уже разстрѣливали ихъ.

Противъ форта Сомтеръ была возведена баттарея, снабженная орудіями Паррота, 200 фунтоваго калибра, въ разстояніи отъ него на $1^1/_2$ англійскихъ мили. Осадныя работы подъ страшнымъ градомъ ядеръ медленно подвигались впередъ. Форты Сомтеръ, Джонстонъ и баттарея Грегга поражали непріятеля своими бомбами и ядрами, однако страшнымъ орудіямъ Джильмора удалось отрѣзать всякое сообщеніе этихъ фортовъ съ городомъ. Съ 17 августа началось бомбандированіе форта Сомтера съ суши и съ моря. Сооруженія изъ кулей песку и тюковъ хлопка, сдѣланныя мятежниками для защиты стѣнъ, были совершенно разорены; уже на второй день бомбардировки стѣны толщиною въ 18 ф. были просверлены насквозь какъ рѣшето, всѣ амбразуры разбиты. Огонь оттуда прекратился и 23 числа Чарльстонъ такъ какъ до этого времени все еще оттягивали сдачу его, былъ осыпанъ восьми-дюймовыми бомбами и греческимъ огнемъ. Борегаръ протестовалъ противъ этого и требовалъ отсрочки для удаленія изъ

города жителей; вслѣдствіе этого бомбандированіе было остановлено, но 48 часовая канонада, послѣдовавшая 9 сентября; принудила фортъ Вагнеръ и баттарею Грегга сдаться на капитуляцію. Теперь держались только островъ Саливанъ-Исландъ съ фортомъ Мультри, лежащимъ къ сѣверу отъ входа въ гавань, и фортъ Сомтеръ, который почти уже оправился отъ послѣдняго бомбандированія. Джильморъ укрѣпилъ Морри-Исландъ палисадами и, по полученіи ожидаемаго транспорта орудій, приказалъ баттареямъ форта Вагнера и Грегга открыть огонь противъ форта Сомтера. Но не смотря на то, что въ дѣлѣ были всѣ мониторы, не было однакожъ сдѣлано никакого успѣха и Чарльстонъ по прежнему оставался въ рукахъ мятежниковъ.

Но возвратимся къ операціямъ сухопутной арміи. Въ то время какъ Ли послѣ сраженія при Геттисбургѣ отошелъ черезъ Чэмберсбургъ къ Гагерстоуну, Мидъ, двигаясь по хордѣ описываемой имъ дуги, достигъ Фридерика и угрожалъ Ли своею кавалеріею съ тылу и фланга. Половодье Потомака принудило Ли перейти эту рѣку только 13 и 14,—а послѣ этого уже нельзя было задержать разбитую армію Мида. Этотъ генералъ узналъ объ отступленіи непріятеля только тогда, когда оно уже совершилось и когда противникъ занялъ позицію въ лукообразномъ сгибѣ рѣки, гдѣ онъ могъ быть защищенъ отъ нападенія равносильнаго непріятеля. Ли три раза пробовалъ переправиться чрезъ проходы Блю-Риджа въ восточную Виргинію; но ему удалось только занять равнину при Чартеръ-Гэпъ. Онъ сталъ въ по-

зицію при Кульпеперъ-Куртузѣ, и такимъ образомъ теперь обѣ арміи, какъ и въ маѣ, стояли одна противъ другой.

Сраженіе, выигранное потомакскою арміею, не улучшило положенія дѣла. Мидъ былъ совершенно пораженъ стратегическими движеніями; онъ все медлилъ и пропускалъ удобные случаи, когда можно было сдѣлать нападеніе на непріятеля.

Значительные отряды, отосланные въ Тенесси, ослабили обоихъ противниковъ до такой степени, что въ этой части театра военныхъ дѣйствій въ продолженіе года не могло быть никакихъ важныхъ операцій, и одни только стычки на форпостахъ и демонстраціи давали знать о существованіи армій.

7 ноября потомакская армія, утомленная вѣчными маневрами, снова двинулась двумя колоннами къ Раппаганоку, правая — подъ начальствомъ Седжвика, лѣвая — Френча.

У станціи раппаганокской желѣзной дороги правая колонна наткнулась на непріятельскій отрядъ, защищенный редутами и сильной баттареей, взяла приступомъ послѣ геройской двухчасовой борьбы позицію, отняла у непріятеля понтонный мостъ, перешла рѣку и заняла крѣпкую позицію у Брандійской станціи. Лѣвая колонна не встрѣтила у Келлифорта никакого серьезнаго сопротивленія, точно также перешла рѣку и снова соединилась съ другою колонною; однакожъ и эта столь счастливо начатая аттака не была продолжаема, а потому она была не что иное, какъ одно

изъ тѣхъ безцѣльныхъ и безполезныхъ движеній, которыми настоящая война была очень богата.

Зимою 1863 потомакская армія находилась почти въ такомъ же положеніи, какъ въ предшествующій годъ, хотя она и стояла на лѣвомъ берегу Рапидана въ восточной Виргиніи. Въ ней еще насчитывалось около 70,000 человѣкъ; противникъ ея, мятежническій генералъ Ли, имѣлъ почти равныя силы. Тѣмъ не менѣе въ теченіе 1863 года ровно ничего не было сдѣлано. Впрочемъ если успѣхъ борьбы и склонялся нерѣшительно то на ту, то на другую сторону, во всякомъ случаѣ Союзъ надѣлъ петлю на шею Юга, такъ какъ онъ овладѣлъ Тенесси и теченіемъ Миссиссипи, отрѣзавши отъ него Кентукки и нанести ему первый смертельный ударъ непроницаемою блокадою на морѣ. Лѣвый флангъ конфедератовъ, линія отъ Мемфиса до Мексиканскаго залива, находился въ опасности, а корпусъ генерала Шермана, стоявшій въ Виксбургѣ, и корпусъ генерала Бэнкса въ Новомъ Орлеанѣ вмѣстѣ съ гарнизонами въ укрѣпленіяхъ на Миссиссипи парализовали его дѣйствія. Хотя летучій конфедератскій корпусъ, всадники генерала Фореста, корпусъ Прайса и безчисленныя банды гверильясовъ и дѣлали хищническіе набѣги до самого Огіо и даже нѣсколько разъ прорывали линію, но все таки главные пункты въ Луизіанѣ и Арканзасѣ оставались въ рукахъ Союза.

Правый флангъ южанъ постоянно держался потамакскою арміею въ страхѣ, впрочемъ параллельныя цѣпи Аллеганскихъ горъ сами по себѣ все еще состав-

ляли непрерывную ограду для отважныхъ предпріятій конфедератскихъ всадниковъ. Долина Шенандоа почти совершенно находилась въ ихъ власти, потому что Зигель и Стонеманъ прикрывали только переходы черезъ рѣку въ Мэриландъ и Пенсильванію.

ГЛАВА VII.

НОВАЯ ЭРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ (1864).

1. Весеннія операціи 1864 года.

Положеніе армій при началѣ похода 1864 было слѣдующее: Потомакская армія, бывшая подъ начальствомъ генерала Мида, — 2-й корпусъ Ганкока, 5-й корпусъ Варрена, 6-й корпусъ Седжвика (позже Райта, наконецъ Варда), — въ 60,000 человѣкъ, стояла въ Виргиніи, на лѣвомъ берегу верхняго Рапидана, противъ генерала Ли, 1-й и 2-й корпуса котораго были у Рапидана подъ начальствомъ Эвеля и А. П. Гилля.

Генералъ Зигель съ 12,000, съ 8-мъ корпусомъ, бывшимъ сначала подъ командою Гунтера, а потомъ Шеридана, стоялъ у Гарперсъ-Ферри; генералъ Плизантонъ съ кавалеріей въ 5000 человѣкъ — въ Шенандоаской долинѣ. Оба они стояли противъ мятежническихъ кавалерійскихъ генераловъ Ирли и Гуго.

9-й корпусъ генерала Борнсайда (впослѣдствіи Вилькинса) стоялъ въ Тенесси у Ноксвилля противъ 3-го корпуса мятежниковъ, бывшаго подъ начальствомъ Лонгстрита, между тѣмъ какъ 4-й корпусъ ихъ подъ начальствомъ Д. П. Гилля занималъ Ричмондъ.

Тенессійская армія. Въ Тенесси у Чаттанога 75,000 войско, подъ начальствомъ Гранта (впослѣдствіи Шермана), 11-й, 12-й, 15-й, 16-й и 17-й армейскіе корпуса были противопоставлены мятежникамъ подъ начальствомъ Гарди (послѣ него Джонстона, а потомъ Гуда). Томасъ командовалъ во внутренности Тенесси кумберландской арміей. Генералъ Борегаръ дѣйствовалъ противъ 10-го армейскаго корпуса Джильмора; 13-й и 19-й корпуса подъ начальствомъ Бэнкса стояли въ Новомъ Орлеанѣ, 18-й корпусъ Ботлера — въ Монроэ, генералъ Стиль командовалъ въ Арканзасѣ, а Гейнцельманъ управлялъ 22-мъ и 23-мъ корпусами, стоявшими выше къ сѣверу.

Силы уніонистской арміи доходили до 450,000 человѣкъ, въ томъ числѣ считалось больше 100,000 негровъ (кромѣ того почти 100,000 лежало въ госпиталяхъ); военныя силы мятежниковъ достигали отъ 200,000 до 250,000 человѣкъ. Флотъ Союза, состоявшій изъ семи эскадръ, бывшихъ подъ начальствомъ П. Ли, Фэррагота, Бэли, Дальгрена, Портера, Ларднера и Белля, насчитывалъ 74 панцирныхъ судовъ и мониторовъ и 432 паровыхъ военныхъ судовъ.

Походъ начатъ былъ со стороны Союза со всею энергіею, но продолжался съ малымъ успѣхомъ. Въ фев-

ралѣ Грантъ получилъ главное начальство и командованіе тенессійскою арміею передалъ Шерману.

15-й и 16-й армейскіе корпуса были двинуты къ Мемфису и отсюда къ Виксбургу, чтобы оттуда сдѣлать нападеніе на лагерь мятежниковъ, который былъ расположенъ у Дальтона, между тѣмъ какъ Логанъ былъ отозванъ съ частью кумберландской арміи отъ Гонтсвилля. Оба корпуса должны были встрѣтиться въ Сальмѣ, третья же колонна была послана отъ Новаго Орлеана къ Мобилю. Экспедицію обоихъ первыхъ корпусовъ до такой степени задерживали и безпокоили безчисленные конные отряды мятежниковъ и банды гверильясовъ, что Шерманъ повернулъ назадъ, а Логанъ едва могъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней подвигаться впередъ; точно также несчастно было и нападеніе генерала Бэнкса на Мобиль. Послѣ этого уніонисты снова ограничились занятіемъ укрѣпленныхъ мѣстъ на Миссиссипи.

Но вотъ генералъ Бэнксъ вдругъ получаетъ приказъ отправиться вмѣстѣ съ генераломъ Стилемъ противъ мятежническаго корпуса, бывшаго подъ начальствомъ генерала Прайса въ верховьяхъ Редъ-Ривера и безпокоившаго Луизіану, Арканзасъ и Техасъ. Эту экспедицію сопровождала по Редъ-Риверу флотилія подъ начальствомъ Портера, но она остановилась въ порогахъ. 8 апрѣля Бэнксъ былъ совершенно разбитъ у Кроссъ-Роада, послѣ страшной потери въ 4000 плѣнныхъ и 40 пушекъ онъ достигъ Миссиссипи, пробился къ Литль-Року точно съ такими же чувствительными

ными потерями; Портеръ спасъ свои суда въ Миссисипи.

„Положеніе флота — пишетъ корреспондентъ — было до такой степени безнадежно, что его нужно было совершенно отдать на погибель. Находясь выше водопада въ мелкой водѣ, онъ былъ совершенно беззащитенъ и долженъ былъ или разбиться, или попасть въ руки непріятеля, если только армія не станетъ защищать его болѣе. Но арміи былъ отрѣзанъ и подвозъ и отступленіе, такъ какъ мятежники держали въ блокадѣ рѣку ниже Александріи.

„Въ этой крайности полковникъ Бэли, собиравшій свѣдѣнія въ качествѣ порубщика и сплавщика лѣсу по западнымъ рѣкамъ, предложилъ планъ, который былъ отвергнутъ большинствомъ какъ самый непрактичный, но который вдругъ сталъ понятенъ свѣтлому уму Портера и за который горячо схватился Бэнксъ.

„Онъ состоялъ въ томъ, чтобы построить рядъ плотинъ, которыя бы задержали водопадъ и такимъ образомъ подняли уровень воды и позволили бы судамъ, въ извѣстномъ выбранномъ для этого пунктѣ, пройти въ глубокій фарватеръ, лежащій ниже водопада. Не подлежало никакому сомнѣнію, что этотъ планъ современемъ могъ удачно осуществиться. Но тутъ требовалось въ нѣсколько дней сдѣлать то, на что нужно было употребить нѣсколько мѣсяцевъ, имѣя въ виду истощеніе раціоновъ для людей и для скота — въ этомъ то и заключалось необыкновенное затрудненіе. Сосѣднія паровыя мельницы были разобраны на матеріялъ, 3000

человѣкъ работали безъ отдыху топорами въ лѣсу, а 300 доставляли балки и дерева на берегъ. Въ одну минуту первобытный лѣсъ порѣдѣлъ. Съ шумомъ тяжелыя деревья падали одно за другимъ на землю. День и ночь работа продолжалась съ такою ревностью, которая была выше всякой похвалы. Всѣ сознавали чрезвычайную отвѣтственность, лежавшую на нихъ, и всѣ работали съ одинаковымъ усердіемъ, потому что отъ быстроты успѣха зависѣло существованіе каждаго. Скалы были сдвинуты съ своего тысячелѣтняго ложа, положены на плоскодонныя лодки и потомъ затоплены. Такимъ то образомъ выростала плотина, съ часу на часъ все дальше удаляясь отъ берега. Но хотя работа и подвигалась впередъ, однако самое дѣло было до такой степени необыкновенно и затрудненія были такъ очевидны, что почти никто кромѣ самого Бэли не надѣялся на успѣхъ; впрочемъ всякій рѣшился дѣлать все, что только можно было. Мы не можемъ слѣдовать за всѣми подробностями этого исполинскаго предпріятія. Довольно того, что оно удалось; сомнѣвавшіеся начали вѣрить; уже вода начала падать, уже она была задержана, когда вдругъ чрезвычайно сильное давленіе на одну часть главной плотины сдѣлало въ ней проломъ, который могъ уничтожить весь трудъ. Вдругъ по приказанію Портера рѣшено было по крайней мѣрѣ спасать только то, что можно было спасти. Первымъ долженъ былъ пройти отверстіе, образовавшее быстрый водоворотъ, „Лексингтонъ“ и достигнуть если можно нижняго фарватера. Тридцать тысячь человѣкъ

съ затаеннымъ дыханіемъ смотрѣли на эту отважную экспедицію. „Лексингтонъ,“ управляемый искусной рукой, введенъ былъ въ средину водопада. Казалось судно непремѣнно погибнетъ въ этомъ водоворотѣ; то кидаясь изъ стороны въ сторону, то исчезая въ массѣ волнующейся пѣны, то снова появляясь, оно величественно спустилось на тихія волны, привѣтствуемое радостными оглушительными криками. За нимъ послѣдовали „Neosho“, потомъ „Hindman“ и „Osoge“. Но между тѣмъ вода сильно упала и дальнѣйшія спасительныя попытки были невозможны. Бэли однакожъ не отчаявался. Видя, какъ въ одну минуту уничтожилось дѣло восьми дней, онъ быстро принялся за новую работу, охотно поддерживаемый своими солдатами. Люди по плечи въ водѣ должны были день и ночь бороться съ бушующей стихіей и дѣлать необыкновенныя усилія, и однакожъ вездѣ раздавались шутки и смѣхъ, каждая неудача побѣждалась веселымъ юморомъ. Бэли хотѣлъ даже извлечь выгоду изъ этого несчастья. Пятидесятифутовое отверстіе, прорванное рѣкою, было оставлено и при помощи нѣсколькихъ боковыхъ плотинъ приспособлено къ тому, чтобы вода собралась здѣсь и получилась глубина, достаточная для прохода всего флота. Разсчетъ оказался вѣренъ, титаническія усилія увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Еще нѣсколько дней и флотъ былъ спасенъ. Союзъ сохраненъ отъ страшной катастрофы и мятежники лишены необыкновенной добычи. „Не достаетъ словъ, восклицаетъ Портеръ, чтобы выразить удивленіе мое къ способностямъ Бэли. Это

безъ сомнѣнія одно изъ величайшихъ сооруженій, какія когда либо видѣлъ свѣтъ“. Частная компанія, даже при благопріятныхъ условіяхъ, не окончила бы этого дѣла въ годъ.

Напротивъ совершенно не удалась третья операція зимняго похода, экспедиція Сеймура противъ Флориды, предпринятая безъ всякой цѣли, вслѣдствіе одной только фальшивой энергичности. 20 февраля Сеймуръ понесъ у Андерсона значительную потерю и снова долженъ былъ сѣсть на суда.

Генерала Бэнкса замѣстилъ теперь Кэнби, который рѣшился очистить Техасъ и ограничился защитою мѣстностей по Миссиссипи.

2 марта президентъ принялъ предложеніе конгресса, состоявшееся въ послѣднихъ числахъ февраля и имѣвшее въ виду возстановить въ арміи званіе генералъ-лейтенанта. Президентъ для этого поста имѣлъ въ виду тогдашняго генералъ-майора Улисса С. Гранта, который дѣйствительно и былъ единогласно утвержденъ сенатомъ въ этой должности.

Прежде чѣмъ перейти къ новой эрѣ военныхъ дѣйствій, вызванной этимъ назначеніемъ, мы сообщимъ нѣсколько данныхъ изъ военной карьеры этого замѣчательнаго полководца, который, подобно другимъ офицерамъ арміи, впервые сталъ возвышаться въ Мехикѣ. Подобно президенту, и генералъ Грантъ вышелъ непосредственно изъ народа. Безъ преимуществъ рожденія, безъ фамильныхъ связей и состоянія, онъ вступилъ въ союзную армію въ чинѣ командира иллинойска-

го полка и въ скоромъ времени достигъ степени бригаднаго генерала. Сдѣлавшись генераломъ, онъ въ дѣлѣ Бельмонта помѣшалъ — это было его первое геройское дѣло — соединенію въ южномъ Миссури мятежническихъ шаекъ съ войсками Колумбуса. Потомъ замѣчательно отличился во время завоеванія форта Генри и Донельсона, откуда онъ въ одинъ пріемъ прогналъ все еще державшагося непріятеля, вытѣснилъ его изъ Кентукки и Тенесси и преслѣдовалъ даже до Коринфа. Впослѣдствіи онъ дрался вмѣстѣ съ Шерманомъ при Чилогѣ; при этомъ случаѣ онъ, не взирая на крайне затруднительное положеніе, сказалъ: „много сегодня работы, но завтра мы все таки побѣдимъ!“ Послѣ долгаго пребыванія у Коринфа, Грантъ пошелъ къ Виксбургу, здѣсь еще разъ принудилъ непріятеля къ сдачѣ и снова открылъ плаваніе по „матери рѣкъ“. Наконецъ послѣ упорной борьбы при Чаттанога, онъ вполнѣ очистилъ весь восточный Тенесси отъ мятежниковъ.

2. Улиссъ Грантъ, генералъ-лейтенантъ.

9 марта послѣдовало приглашеніе въ Бѣлый Домъ. Онъ былъ встрѣченъ президентомъ слѣдующими словами: „Генералъ Грантъ! Признавая уже совершенныя вами дѣла и будучи увѣренъ, что вы съумѣете окончить еще нерѣшенную задачу въ нашей великой борьбѣ, я во имя націи назначаю васъ генералъ-лейтенантомъ арміи Соединенныхъ Штатовъ. Значенію этого вы-

сокаго поста соотвѣтствуетъ не менѣе великая отвѣтственность. Такъ какъ страна довѣряетъ вамъ въ этомъ дѣлѣ, то пусть поможетъ вамъ Богъ въ исполненіи вашихъ обязанностей. Едва ли нужно мнѣ прибавлять, что мое собственное убѣжденіе совершенно согласуется съ тѣмъ, что я говорю вамъ здѣсь отъ имени всей страны.“

Между тѣмъ Шерманъ, принявшій теперь главное начальство на юго-западѣ, получилъ приказъ взять Атланту, чрезвычайно важный пунктъ въ Георгіи. Съ этою цѣлію онъ началъ рядъ запутанныхъ фланговыхъ движеній къ полному удовольствію мятежниковъ, потому что предводитель ихъ Джонстонъ всегда надѣялся встрѣтить своего противника Шермана слабымъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему этого хотѣлось. Съ своей стороны Грантъ, отважный, молчаливый и скрытный, приступилъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ и многообѣщающихъ прокламацій къ исполненію выпавшей на его долю трудной задачи—къ истребленію главной непріятельской арміи, находившейся подъ начальствомъ Ли, и къ покоренію Ричмонда. 30 апрѣля главнокомандующій получилъ дружеское письмо отъ президента, который выражалъ ему свое живѣйшее удовольствіе и обѣщалъ какъ не стѣснять его въ диспозиціяхъ, такъ и не оставлять безъ поддержки въ рѣшительную минуту. Съ неменьшею признательностію написанъ и вѣжливый отвѣтъ генерала отъ 1 мая. Къ величайшей благодарности за оказанное ему довѣріе и обѣщанную помощь онъ присоединяетъ обѣщаніе всегда помнить свою величайшую отвѣтствен-

ность и никогда не обвинять правительство въ могущихъ случиться неудачахъ, такъ какъ онъ твердо убѣжденъ въ радушной помощи со стороны правительства.

Такимъ образомъ установилось наконецъ вождѣленное единодушіе между правительствомъ и главнымъ управленіемъ арміи. Они оба были исполнены одинаковой ревности къ дѣлу отечества; сообща и непоколебимо шли они вѣрнымъ путемъ къ конечному осуществленію своей великой задачи. Теперь обнаружилось то единство въ дѣйствіяхъ и то постоянство въ распоряженіяхъ, какое обыкновенно бываетъ только слѣдствіемъ твердаго и умнаго управленія, идущаго къ хорошо сознанной цѣли и всегда съ вѣрными средствами. Обдумавши настоящее положеніе дѣла, благоразумно пользуясь предыдущими опытами, не тратя на безплодныя попытки ни времени, ни силъ, однимъ ударомъ уничтожая всѣ коттеріи и сѣти, которыя прежде задерживали столь незначительные успѣхи потомакской арміи, новый генералъ-лейтенантъ, сдѣлавши предварительно нужныя распоряженія, приступилъ наконецъ къ переправѣ чрезъ Рапиданъ, твердо выдержалъ рѣшительную аттаку Ли, устремившагося на него со всѣми своими силами, въ то время когда онъ еще не успѣлъ занять позиціи. Грантъ всѣми этими своими дѣйствіями вызвалъ у президента откровенное восклицаніе: „Всякій другой послѣ трехъ дней столь упорной битвы давно бы уже возвратился за Рапиданъ“. Точно съ такимъ же благоразуміемъ Грантъ продолжалъ и даль-

нѣйшую борьбу, онъ измѣнилъ свою лѣвую фланговую позицію, снова началъ битву и, послѣ шестидневнаго отдыха, занялся самыми трудными военными сооруженіями, для того чтобы удержаться на занятой имъ позиціи, въ случаѣ если война продолжится все лѣто. Онъ энергически отстаивалъ эту свою позицію и вытѣснилъ Ли изъ его главной квартиры въ Спотсильваніи-Куртъ-Гаусъ, занялъ тамъ крѣпкую позицію и рѣшился удерживать ее до тѣхъ поръ, пока давно условленный маневръ другихъ армій не дастъ созрѣть тому плоду побѣды, которымъ онъ хотѣлъ воспользоваться. Твердо укрѣпивши свою мѣстность, не обманываясь іюльскими диверсіями непріятеля, которыя повергли въ страхъ и смутили жителей Вашингтона, онъ выжидалъ удобной для себя минуты; самыя рѣшительныя и отчаянныя усилія отважнаго противника не могли принудить его разстаться съ своей позиціей.

Ричмондскія газеты издѣвались надъ Грантомъ и критиковали его, онѣ укоряли его въ бездѣйствіи и указывали ему на тѣ сомнительные успѣхи, которыхъ онъ будто бы могъ достигнуть; потомъ онѣ даже стали сомнѣваться въ его стратегическихъ способностяхъ, выдумывали для него всевозможные почетные титулы и насмѣшливыя прозванія, а сѣверные писаки, сочувствующіе южанамъ, аккомпанировали каждому ихъ слову какъ въ своей прессѣ, такъ и въ разговорѣ; они съ ѣдкою сатирою спрашивали, почему генералъ не обратится лучше къ защитѣ своего главнаго города, чѣмъ къ

завоеванію Ричмонда? Но Грантъ спокойно выжидалъ и ничѣмъ не позволилъ себя обмануть.

Какъ только настали продолжительные дожди, начались громадныя и энергическія, но недостаточно обдуманныя операціи противъ Ричмонда. Три фланговыя нападенія, съ востока, запада и юга, должны были поддерживать фронтовую аттаку. Съ востока, изъ Монроэ, долженъ былъ дѣйствовать Ботлеръ (корпусъ Джильмора), съ юга, изъ Суффолька—Каутцъ, съ запада — Зигель, который для этой цѣли долженъ былъ спуститься въ Шенандоаскую долину и перейти Аллеганскія горы.

Въ это время Ли призвалъ къ себѣ изъ Тенесси Лонгстрита, а Борнсайду данъ былъ приказъ присоединиться къ потомакской арміи. 1-й и 2-й армейскіе корпуса были раздѣлены и присоединены къ другимъ.

Желѣзная дорога отъ Фридериксбурга въ Ричмондъ при Раппаганокѣ избрана была операціонною линіею. 5 мая начался переходъ чрезъ Рапиданъ. Послѣ кровавой схватки совершился переходъ арміи, которая тотчасъ же сдѣлала фланговое нападеніе на правое крыло Ли. „Дѣло 5 мая — пишетъ очевидецъ — было чрезвычайно горячее. Ночь покрыла поле, усѣянное трупами и тысячами еще боровшихся со смертью и терзаемыхъ жесточайшими мученіями. Но Борнсайдъ послѣ полудня все таки перешелъ Раппаганокъ и сталъ съ 30,000 свѣжихъ войскъ у Германіи. Утро въ пятницу (6 мая) было ясное и теплое. Ганкокъ, какъ и въ предыдущій день, находился на лѣвомъ крылѣ, Вар-

ренъ — въ центрѣ, Седжвикъ на правомъ крылѣ, а Борнсайдъ въ резервѣ. Почти въ одно время обѣ арміи начали нападеніе. Ганкокъ прошелъ около двухъ миль, прежде чѣмъ встрѣтился съ Лонгстритомъ; отбилъ три аттаки въ штыки, но наконецъ все таки долженъ былъ уступить превосходной силѣ. Онъ опять приготовился къ нападенію, но въ это время къ Лонгстриту пришелъ на помощь Гилль. Дивизія Мотта была опрокинута, напрасно Борнсайдъ теперь подходилъ, войска отступали и только бригада Карроля спасла честь настоящаго дня. И теперь, какъ при Геттисбургѣ, мятежники скучились въ клинообразную массу и устремились противъ одного пункта. На другое утро мы снова были готовы къ битвѣ, но Ли отступилъ за По-Риверъ и, ставъ въ позицію при Спотсильваніи, приказалъ своему арьергарду дать отпоръ наступавшему непріятелю. 10 и 11 мая онъ оставался въ этой позиціи. 12 числа 5-й корпусъ Варрена перешелъ По-Риверъ, но снова былъ отброшенъ мятежниками."

До 13 мая всѣ битвы были столь же кровавы. Сначала подпускали къ себѣ непріятеля на полвыстрѣла, и тогда уже давалось приказаніе палить. „10 мая по полудни — пишетъ нашъ очевидецъ, — союзная армія подвинулась на милю впередъ. Удивительно величественное зрѣлище представилось, когда солдаты союзой арміи твердымъ шагомъ, въ сомкнутыхъ рядахъ, пошли на непріятельскія укрѣпленія. Настоящій адскій огонь со всѣхъ баттарей подерживалъ ихъ аттаку и потрясалъ землю своимъ ужаснымъ громомъ. Въ

одну минуту загорѣлся лѣсъ, сухая погода давала бомбамъ обильную пищу. Пожаръ разлился передъ самымъ фронтомъ, впрочемъ это не удержало храбрыхъ солдатъ. Но когда вѣтеръ началъ дуть имъ прямо въ лицо, тогда уже Ганкокъ долженъ былъ отступить. Всѣ павшіе въ этой битвѣ сдѣлались жертвою пламени, которое распространялось все дальше и дальше и жадные языки котораго скоро стали истреблять даже сухую траву. Между тѣмъ на лѣвомъ крылѣ Райтъ опрокинулъ мятежниковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Дана. Непріятель, разбившій Ганкока, собралъ теперь всѣ свои силы и началъ оспаривать побѣду у Райта. 11-го Грантъ, призвавши къ себѣ 2-й корпусъ, усилилъ свое лѣвое крыло и на разсвѣтѣ 12 числа колонны его двинулись на шанцы мятежниковъ. Передовыя баттареи были тотчасъ же заняты, брустверы взяты приступомъ и тысячи изъ бригады Стонваля уже положили оружіе; но въ эту самую минуту непріятелю удалось сконцентрировать свои силы и онъ ударилъ на нашъ центръ. Нѣсколько разъ повторенныя нападенія были отбиты и на другой день утромъ пришло извѣстіе, что Ли ночью оставилъ свою позицію при Спотсильваніи."

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней (7, 8, 10, 11 и 12 мая) до 30,000 съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя. Грантъ, не смотря на истощеніе своихъ войскъ, составилъ планъ окружить лѣвый флангъ противника, чтобы такимъ образомъ оттѣснить его отъ Ричмонда, но Ли избѣжалъ этой опасности, отступивши въ позицію на Іоркъ-Риверѣ, гдѣ сливаются сѣверная и юж-

ная Анна. Въ этой позиціи ему лучше было встрѣчать угрожающее движеніе Ботлера, который въ это время занялъ твердо укрѣпленную позицію на Джемсѣ при Бермудъ-Гэндредъ, послѣ того какъ его нападеніе на Дарлингъ было отбито и Борегаръ нанесъ ему чувствительную потерю.

Объ этомъ движеніи Ботлера очевидецъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: „10-й и 18-й корпуса, бывшіе подъ начальствомъ хорошихъ генераловъ, каковы Смитъ, Джильморъ, Годфри, Вейтцель и Терри, были собраны съ чрезвычайною осторожностью въ фортъ Монроэ, откуда они поплыли на судахъ къ Іорктоуну съ столь великимъ шумомъ и пышностію, что можно было принять это за ложную тревогу; они остановились тамъ и приготовились къ битвѣ. Ботлеръ, чтобы еще больше скрыть этотъ обманъ, послалъ подъ прикрытіемъ канонерскихъ лодокъ одну бригаду къ Вэстпойнту, гдѣ ея появленіе причинило большое безпокойство и открыло Ли намѣреніе Ботлера зайти ему со всѣмъ своимъ войскомъ въ тылъ. Между тѣмъ Ботлеръ, предоставивъ Ли принимать нужныя мѣры, ночью 4 мая сѣлъ на суда и въ сопровожденіи 5 панцирныхъ ботовъ и 21 канонерской лодки поплылъ вверхъ по С. Джемсу. Ли рѣшился вслѣдствіе движенія Ботлера отступить къ Ричмонду.

Однакожъ обѣщаніе Ботлера постараться соединиться съ Грантомъ и первымъ появиться у воротъ Ричмонда не исполнилось.

16 ч. Борегаръ, подъ защитою густого тумана,

напалъ на Ботлера, опрокинулъ бригаду Гэнкмана и уничтожилъ ее; потомъ овладѣлъ баттареей Эзли и только тогда отступилъ, когда 18-й корпусъ пришелъ на помощь. Ботлеръ въ нѣсколько часовъ потерялъ 5000 человѣкъ. Теперь онъ уже не могъ поддерживать Гранта, а напротивъ самъ нуждался въ его помощи.

Тщательная рекогносцировка указала, что правое крыло Ли укрѣплено чрезвычайно хорошо, такъ что нападеніе съ фронта было бы безуспѣшно. Поэтому 29 мая совершена была переправа черезъ Памунки, однакожъ Ли отступилъ еще разъ и въ гораздо болѣе укрѣпленной позиціи Кольдъ-Гарбора, въ болотистой и гористой мѣстности, находившейся подъ защитой ричмондскихъ укрѣпленій, ожидалъ непріятеля.

Всѣ движенія потомакской арміи обнаруживали слишкомъ большую осторожность, соединенную съ столь же большою неувѣренностью, и потому то многія рекогносцировочныя схватки не имѣли никакого успѣха. Такимъ образомъ 1 іюня рѣшено было произвести рекогносцировку всѣми наличными войсками и уже 31 мая для этой цѣли Шериданъ былъ отправленъ впередъ съ кавалеріей. Ганкокъ напалъ на правое крыло, дивизія Риккета, въ качествѣ авангарда Райта, на лѣвое, дивизія Дьюинса проникла до окоповъ и не смотря на убійственный огонь взяла приступомъ засѣки и прогнала непріятеля, между тѣмъ Риккетъ долженъ былъ идти подъ артиллерійскимъ огнемъ по открытому вспаханному полю. Его колонны потеряли

*

десятую часть солдатъ, но онъ все таки взялъ окопы. Такими-то чрезвычайными потерями были куплены незначительныя выгоды мѣстности.

Грантъ, послѣ рекогносцировки, 3 числа началъ нападеніе. Его планъ опять клонился къ тому, чтобы оттѣснить лѣвое крыло Ли отъ Ричмонда. Когда и это нападеніе осталось почти безуспѣшно, Грантъ понялъ, что онъ выбралъ для нападенія именно самую укрѣпленную сторону Ричмонда и поставилъ свою армію въ такую мѣстность, вредныя испаренія которой съ теченіемъ времени причинили большую смертность. Поэтому онъ тотчасъ же рѣшился, въ виду непріятеля, на фланговый маршъ, чтобы потомъ въ союзѣ съ Ботлеромъ напасть на южную сторону Ричмонда. Демонстраціи, произведенныя корпусомъ Варрена и кавалеріей, должны были скрыть отъ Ли это отступленіе его за рѣку Джемсъ.

Обозъ былъ отправленъ водянымъ путемъ подъ прикрытіемъ дивизіи Ботлера; за нимъ послѣдовали правое крыло, центръ и лѣвое крыло; они перешли Чикагомини и 13 числа достигли Джемсъ-Ривера, но переправились чрезъ него на слѣдующій день. Грантъ, потерявъ уже третью часть своей кавалеріи, занялъ теперь ту позицію, которую онъ долженъ былъ занять прежде.

Постоянно повторяемые обходы Гранта доказываютъ, что онъ сразу слишкомъ много предпринялъ и что его противнику удалось узнать и воспользоваться слабыми пунктами въ его операціонныхъ планахъ. Онъ не располагалъ достаточными силами для рѣшительнаго успѣха,

потому что союзныя силы не были сосредоточены въ этомъ одномъ мѣстѣ, между тѣмъ именно здѣсь выигранное сраженіе имѣло бы неисчислимыя послѣдствія. Грантъ былъ чрезвычайно ослабленъ диверсіями своего противника, онъ потерялъ драгоцѣнное время въ побочныхъ маршахъ, которые были бы совершенно ненужны, если бы онъ сначала дѣйствовалъ противъ слабѣйшей стороны Ричмонда. Однакожъ послѣ большихъ потерь эта ошибка была исправлена; онъ занялъ теперь надлежащее положеніе и генералу Шерману удался тотъ столь же отважный, сколько хорошо начатый и хорошо оконченный походъ, который однимъ разомъ измѣнилъ все положеніе дѣлъ.

Фортъ Дарлингъ, покрытый желѣзными плитами, защищалъ рѣку Джемсъ на разстояніи двухъ-часоваго пути отъ Ричмонда. Кромѣ того эта рѣка была заперта потопленными судами, подводными минами и торпедо. Рѣка Аппаматоксъ, изливавшаяся у City-Point въ Джемсъ, образовала съ этою послѣднею прямой уголъ, обращенный къ южной сторонѣ Ричмонда, и такимъ образомъ Питерсбургъ представлялся ключемъ къ укрѣпленіямъ, созданнымъ самою природою.

Генералъ Борегаръ стоялъ съ 30,000 человѣкъ въ хорошо выбранной позиціи, между Питерсбургомъ и Ричмондомъ.

Уже 15 авангардъ Гранта (18-й корпусъ Бэльди и Смита) двинулся чрезъ Аппаматоксъ къ Питерсбургу; въ это же время дивизія Ботлера должна была занимать Борегара, 2-й корпусъ Гранта, бывшій подъ на-

чальствомъ Ганкока и перешедшій Джемсъ у Чарльзъ-Сити, долженъ былъ послѣ диспозиціи поддерживать нападеніе на Питерсбургъ. Но корпусъ прибылъ туда только въ то время, когда Борегаръ уже появился въ Питерсбургѣ; сюда его вызвало то извѣстіе, что Смитъ уже взялъ первые редуты.

Ботлеръ, слишкомъ поздно замѣтившій удаленіе Борегара, пошелъ къ ричмондско-питерсбургской желѣзной дорогѣ, но наткулся на Ли, спѣшившаго съ авангардомъ на помощь, который и отбросилъ его назадъ.

Штурмы, повторенные 16 іюня корпусами Смита и Ганкока, которыхъ поддерживалъ пришедшій послѣ полудня корпусъ Борнсайда, совсѣмъ не удались. Теперь нечего было и думать о дѣйствіяхъ противъ Питерсбурга, потому что здѣсь сосредоточилась вся армія конфедератовъ. Напрасно Грантъ повелъ 5-й корпусъ на приступъ 17 іюня, напрасно онъ еще разъ приказалъ 18 числа всей своей арміи сдѣлать три нападенія; Борегаръ и Ли удержали свои позиціи.

Отдѣльные эпизоды начавшейся теперь осады Питерсбурга все яснѣе и яснѣе указывали на важность того момента, въ продолженіе котораго взятіе города находилось во власти 18 корпуса. Это было одно изъ тѣхъ роковыхъ опредѣленій судьбы, когда самые смѣлые планы приносятъ безславіе и слѣдствіемъ котораго въ настоящее время было позднее прибытіе подкрѣпленій Грантъ приказалъ раздать двухдневные раціоны, но транспортныя суда еще не пришли, ихъ нужно было

ожидать. Пять часовъ, потерянные при этомъ случаѣ, должны были получить необыкновенно важное значеніе. Но прежде чѣмъ продолжать намъ разсказъ, намъ кстати будетъ упомянуть здѣсь о той великой идеѣ, осуществленіе которой принесло мятежникамъ существенную пользу, напротивъ у федералистовъ похитило лучшія силы ихъ кавалеріи.

Въ Ричмондѣ потеряли довѣріе къ кавалеріи; тамъ не считали ее способной устоять противъ кавалеріи непріятеля и поэтому уже зимою учредили такъ называемое конструкціонное бюро, которому поручено было этою же зимою заготовить дупликаты для всѣхъ построенныхъ на разныхъ дорогахъ главныхъ мостовъ; въ это же время вывезенный изъ Англіи огромный грузъ рельсовъ подоспѣлъ такъ кстати, что въ случаѣ надобности можно было въ нѣсколько часовъ возстановить разрушенную дорогу. Это объясняетъ быстроту, съ какою возобновлялись разрушенныя Шериданомъ, Кильпатрикомъ, Авериллемъ, Гунтеромъ и др. постройки.

Планы Гранта, со времени неудачныхъ штурмовъ 18 числа, приняли совершенно другое направленіе. Изъ того кроваваго моря, которое затопило окрестности Питерсбурга, Грантъ почерпнулъ дорого пріобрѣтенную увѣренность, что превосходство его силъ не можетъ уравновѣсить тѣ выгоды, которыми обладаетъ непріятель въ своей крѣпкой позиціи. Поэтому онъ приказалъ поближе поставить баттареи и старался бомбами разчистить себѣ дорогу; потомъ снова началъ свои операціи противъ праваго непріятельскаго крыла съ

опасностію самому быть разорваннымъ въ центрѣ. Но и эта попытка не имѣла никакого успѣха, одинъ корпусъ былъ разбитъ, другой правда утвердился (17 іюня) на вельдонской дорогѣ, но кавалерійскій корпусъ, высланный противъ Линчбурга, былъ совершенно разсѣянъ Гиллемъ.

Вслѣдъ за этими жаркими схватками наступила обоюдная пріостановка военныхъ дѣйствій.

Но мы теперь вернемся въ долину Шенандоа.

28 апрѣля генералъ Зигель выступилъ изъ Гарперсъ-Ферри, но 15 мая при Нью-Маркетѣ онъ былъ жестоко побитъ корпусомъ, который выставилъ противъ него Ли, подъ начальствомъ Брекенриджа. Усталыя и голодныя войска Зигеля отражали нападеніе непріятеля, корый однакожъ, прорвавши первую слабую линію, какъ вихрь бросился и на вторую. 16 орудій высылали истребленіе и смерть, но Зигель, вмѣсто того чтобы ограничиться защитою противъ превосходнаго врага, сталъ самъ нападать, а потому и былъ совершенно опрокинутъ. Онъ отступилъ къ Стразбургу и тамъ былъ смѣнёнъ генераломъ Гунтеромъ. Этотъ послѣдній встрѣчалъ только банды гверильясовъ, которыхъ онъ послѣ непродолжительной схватки при Стантонѣ и разсѣялъ, между тѣмъ какъ всадники Шеридана пробрались къ Ричмонду. Столь же счастливую кавалерійскую экспедицію совершилъ изъ Суффолька генералъ Каутцъ противъ южныхъ союзниковъ Ричмонда.

Гунтеръ между 5 и 15 іюня прошелъ цѣпи Аллеганскихъ горъ вплоть до виргинско-тенессійской же-

лѣзной дороги и разрушилъ ее, но поворотилъ назадъ, лишь только сильный корпусъ подъ начальствомъ Ирли загородилъ ему дорогу. Этотъ послѣдній воспользовался отсутствіемъ кавалеріи Шеридана и сдѣлалъ диверсію противъ Мэриланда и Пенсильваніи. Новый страхъ и смятеніе на всѣхъ улицахъ! Такимъ образомъ пользовался Ли всякой ошибкой своего противника. Ирли уже 7 іюля перешелъ при Гарперсъ-Ферри Потомакъ и этимъ принудилъ Гранта отрядить часть потомакской арміи для защиты Вашингтона и такимъ образомъ покинуть кровью добытую позицію на вельдонской дорогѣ. Ирли еще до конца августа удерживалъ свою позицію при Винчестерѣ, въ Шенадоаской долинѣ, хотя и былъ посланъ Гунтеръ, чтобы прогнать его за Потомакъ и вытѣснить его изъ мѣстъ, сосѣднихъ съ главнымъ городомъ Сѣвера.

Слѣдующій разсказъ показываетъ, какая грозная опасность висѣла надъ Сѣверомъ. „Мятежники — пишетъ нашъ корреспондентъ — расположились въ 200 шагахъ отъ форта Стивена. Это была опасная минута. Брекенриджъ заявилъ, что возьметъ столицу Союза и не пощадитъ въ ней ни одного дома. И ему слѣдовало только отдать приказъ идти на приступъ, чтобы его намѣреніе было исполнено.

„Вашингтонъ до самаго полудня понедѣльника вовсе не былъ способенъ къ сильному сопротивленію. Городу приходилось пасть, каково бы ни было геройство его защитниковъ, каково бы ни было отчаяніе, закалявшее ихъ руки! Но какое-то благодатное движеніе въ серд-

цѣ Брекенриджа, спасло городъ. Въ тотъ самый моментъ, когда уже все было готово къ штурму, онъ далъ приказъ отступить. Послѣ полудня появилось подкрѣпленіе, а вечеромъ уже наши ветераны двинулись вслѣдъ за отступающими. Рано утромъ съ капитолія слышны были ужасные голоса баттарей въ фортахъ Стивенѣ, Клокумѣ и де-Рюсси. Непріятель не посмѣлъ ни одного дня оставаться вблизи столицы. Грабя и разоряя, онъ удалился прочь.“

Генералъ Грантъ отмстилъ за это покушеніе диверсіей, направленной противъ форта Дарлинга, которая точно также заставила противника раздѣлить свои силы, когда же осадныя работы подвинулись довольно далеко, Мидъ, въ отсутствіе главнокомандующаго, началъ 30 іюля штурмъ Питерсбурга. Этотъ штурмъ открылся взрывомъ мины, въ которую было положено 60,000 ф. пороху и отъ которой цѣлый бастіонъ взлетѣлъ на воздухъ. Штурмовыя колонны, имѣя во главѣ полки изъ негровъ, бросились къ брешамъ, но встрѣтили самое отчаянное сопротивленіе и были такъ жестоко поражаемы, что Мидъ, потерявши 5600 человѣкъ убитыми и раненными и 1500 плѣнными, приказалъ отступить. Очевидецъ разсказываетъ слѣдующее:

„Подземныя работы производились нѣсколько мѣсяцевъ; Плизантъ съ своими пенсильванцами прошелъ подъ землею 500 футовъ въ длину и 20 ф. въ глубину и заложилъ тамъ восемь камеръ. Всю ночь раздавалась пушечная пальба. Еще нѣсколько секундъ и на сѣромъ горизонтѣ при глухомъ грохотѣ, вокругъ

потрясавшемъ землю, обозначилась неопредѣленная масса, которая быстро начала подниматься изъ земли какъ какой нибудь холмъ, летѣла все выше и выше, потомъ стала падать. Надъ мѣстомъ, гдѣ произошло это явленіе, видно было теперь только густое, бѣловатое облако. При безвѣтренномъ утрѣ оно и осталось на томъ же самомъ мѣстѣ, подобно гробовому покрывалу. Фортъ взлетѣлъ на воздухъ, въ немъ оказались бреши. Загремѣли сотни орудій, штурмовыя колонны твердымъ шагомъ двинулись впередъ. Но непріятель направилъ на бреши убійственный огонь и отверстія, наполненныя землей, балками, досками и трупами, представляли ужасное зрѣлище. Подходили новыя колонны, и новыя баттареи открывали свой огонь и цѣлые ряды падали на мѣстѣ. Грантъ, чтобы не жертвовать больше своими храбрыми солдатами, приказалъ отступить.“

Главная причина неудачи штурма объяснялась тѣмъ, что взрывъ мины запоздалъ на цѣлый часъ; къ тому же прошло еще три четверти часа, пока главныя силы могли двинуться вслѣдъ за штурмовыми колоннами.

Нападеніе Борегара, послѣдовавшее 3 и 5 августа на траншеи, было блистательно отражено и снова предпринята диверсія противъ вельдонской дороги. Съ этихъ поръ ежедневно слѣдовали битвы за битвами изъ за обладанія этою важною желѣзною дорогою, которая дѣлала возможнымъ прямое сообщеніе съ Ричмондомъ. Корпусъ мятежниковъ подъ начальствомъ А. П. Гилля, немедленно занявшій только что покинутую непріятелемъ позицію, подвергся 14 августа энергической

аттакѣ и послѣ четырехкратнаго отраженія былъ опрокинутъ. Между 18 и 25 августа, въ дни кровавыхъ битвъ, въ дни обильные замѣчательной личной храбростью, геройскій подвигъ выпалъ и на долю одного нѣмецкаго офицера, ганноверца Тиманна, который въ ту минуту, когда уже знамя было потеряно, а вмѣстѣ съ нимъ и все дѣло полка казалось погибшимъ, отважно бросился въ толпу непріятелей и отбилъ палладіумъ солдатъ.

Всѣ слѣдующія затѣмъ нападенія мятежниковъ, старавшихся вытѣснить своего противника изъ удобной позиціи, были успѣшно отражены, а потому и сообщеніе ричмондскихъ сепаратистовъ съ югомъ было прервано.

Грантъ рѣшился ограничиться защитою своей позиціи до тѣхъ поръ, пока новыя подкрѣпленія не дадутъ ему возможности снова приступить къ наступательному образу дѣйствій. Августъ мѣсяцъ стоилъ обоимъ противникомъ до 10,000 человѣкъ; дальнѣйшія предпріятія этого года имѣли ничтожные результаты. Штурмомъ, произведеннымъ на Питерсбургъ 29 сентября, было разрушено только нѣсколько внѣшнихъ укрѣпленій. Экспедиція, посланная къ Гиксфорду, находящемуся на вельдонской дорогѣ (7 декабря), имѣла единственною цѣлью разрушеніе желѣзной дороги далѣе къ югу. Движеніе Ботлера противъ линчбургской дороги (27 октября) не имѣло никакихъ результатовъ.

Мы оставили корпусъ сецессіонистовъ подъ командою Ирли въ укрѣпленной позиціи, въ долинѣ Ше-

нандоа. Нѣсколько разъ повторявшіяся удачныя кавалерійскія аттаки со стороны Шеридана принудили Ирли отступить въ позицію Опиканъ-Крика, но и отсюда онъ былъ вытѣсненъ съ великимъ урономъ къ Стразбургу.

Вдругъ рано утромъ 19 ч. на правомъ крылѣ послышалась оживленная ружейная пальба; вслѣдъ затѣмъ по всей линіи раздались сигнальные выстрѣлы, изъ тумана вынырнули первые ряды непріятельскихъ колоннъ, построенныхъ тупымъ угломъ, который съ каждой минутой увеличивался въ своемъ объемѣ; имъ прорваны ряды сѣверянъ, прежде чѣмъ тѣ успѣли подумать о сопротивленіи. Центръ обратился въ бѣгство и подобно бушующему потоку увлекалъ за собою все. Непріятель слѣдовалъ по пятамъ. Но въ эту самую минуту собрался 19-й корпусъ. Опустошительный огонь былъ пущенъ въ ряды мятежниковъ. Между тѣмъ и Райту удалось поставить кордонъ на дорогѣ къ Винчестеру для удержанія бѣжавшихъ, 6-й корпусъ обратился фронтомъ къ Цедаръ-Крику. Но не смотря на всю энергію предводителя войска были опрокинуты; въ это время мгновенно появляется небольшой человѣкъ верхомъ на вороной, покрытой пѣной лошади — это былъ Филиппъ Шериданъ, шедшій отъ Вашингтона. Войска грянули ура и остановились. Шериданъ, чтобы поправить ошибку, двинулъ снова колонны впередъ; онѣ прогнали непріятеля за Цедаръ-Крикъ, кавалерія въ бродъ бросилась по пятамъ бѣжавшимъ и начала истреблять не задолго до этого побѣдоносное

мятежническое войско. На второй и третій день послѣ этого Шериданъ разбилъ мятежниковъ у Фишеръ-Гилля; потомъ опять повернулъ назадъ, чтобы встрѣтить корпусъ Лонгснтрита, который спѣшилъ на помощь. Но и соединенные корпуса мятежниковъ, которые напали на Шеридана 19 октября у Цедаръ-Крика, были точно также побѣждены этимъ превосходнымъ генераломъ. Онъ опрокинулъ ихъ послѣ горячей схватки и затѣмъ уже долина Шенандоа въ продолженіе всей зимы оставалась въ рукахъ Союза.

Генералъ Филиппъ Шериданъ, родившійся въ 1831 году въ штатѣ Огіо, происходилъ изъ англійской фамиліи. Въ 1853 г. онъ вступилъ въ армію, потомъ въ качествѣ инженера завѣдывалъ въ Калифорніи изслѣдованіями по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, кромѣ того отличился успѣшнымъ окончаніемъ споровъ съ западными индѣйцами. Въ мартѣ 1861 онъ былъ сдѣланъ капитаномъ, а въ 1862 командиромъ кавалерійскаго полка миссиссипской арміи. Нашимъ читателямъ уже извѣстны его заслуги, какъ кавалерійскаго предводителя во многихъ сраженіяхъ, напр. при Коринфѣ и др. Будучи пожалованъ въ генералъ-майоры, онъ получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ трудное порученіе производить операціи въ долинѣ Шенандоа. При Фишеръ-Гиллѣ онъ выигралъ блистательную побѣду, потому что среди огня перемѣнилъ свой планъ и держалъ на готовѣ кавалерійскій эскадронъ для рѣшительной минуты, этотъ-то эскадронъ и смялъ правое крыло непріятеля.

Если мы теперь обратимся къ театру военныхъ дѣй-

ствій на западѣ, то увидимъ, что генералъ Шерманъ съ 1 мая снова перешелъ къ наступательному образу дѣйствій. Напирая на флангъ непріятеля, онъ опрокинулъ его при Тоннель-Гиллѣ, Дальтонѣ и Рессакѣ, вслѣдствіе чего и занялъ самъ римско-кингстонскую позицію.

Такъ какъ онъ подвигался со всѣми своими силами и такъ какъ только 4-й корпусъ былъ оставленъ имъ въ Чаттанога, то въ его распоряженіи все еще было болѣе 70,000 человѣкъ. Правое крыло его, 14-й и 20-й корпуса подъ начальствомъ генерала Томаса, направилось къ рѣкѣ Кумберландъ; лѣвое крыло, тенессійская армія, 15-й 16-й и 17-й корпуса, бывшіе подъ начальствомъ М'Ферсона, пошли по дорогѣ къ Атлантѣ. Резервъ (огіоская армія), 11-й 12-й и 23-й корпуса, находились подъ начальствомъ Гокера и Шофильда.

Шерманъ со всѣми этими войсками перешелъ рѣку Этовагъ и 12 іюня сдѣлалъ нападеніе на непріятельскій корпусъ Джонстона, стоявшій въ позиціи при Бигъ-Чэнти на круто спускавшейся горѣ Кензо. Страшные проливные дожди и часто повторявшіяся нападенія кавалеріи Фореста и Ли, призванной Джонстономъ, побудили Шермана 29 іюня рѣшить дѣло штурмомъ. Штурмъ былъ неудаченъ, но вслѣдствіе одного ловкаго обхода Джонстонъ принужденъ былъ оставить свою позицію.

Теперь генерала Джонстона замѣстилъ Гудъ, который уничтожилъ всѣ попытки Шермана, старавшагося перейти (19—22 іюля) Пичъ-Три-Крикъ. Попытка обойти

позицію Гуда, при помощи кавалерійскаго корпуса Стонемана, окончилась уничтоженіемъ послѣдняго.

Шерманъ, послѣ всѣхъ этихъ безполезныхъ маневровъ, рѣшился наконецъ сдѣлать нападеніе на соединительный пунктъ непріятеля, бывшій въ тылу города Атланты, а на восточной сторонѣ его онъ приказалъ въ это время установить баттареи.

Ходъ настоящей кампаніи не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ ричмондскаго правительства. Ихъ войска не водили противника изъ одной позиціи въ другую, напротивъ сами были имъ тѣснимы. Заступъ игралъ передъ Атлантой точно такую важную роль, какъ и мечь—открытіе, которое подтверждалось на каждомъ шагу настоящей войны. Штурмъ, три раза произведенный на уніонистскія укрѣпленія, былъ мужественно отраженъ; Гокеръ прогналъ непріятеля, лишавшагося шестой части своихъ силъ. Но слѣдующій затѣмъ день причинилъ незамѣнимую потерю: М'Ферсонъ палъ отъ вражеской пули. Это былъ умнѣйшій, геніальнѣйшій генералъ въ своемъ корпусѣ.

Когда Шерманъ увидѣлъ, что осада Атланты потребуетъ чрезвычайно много времени и труда, онъ рѣшительно снялъ ее 25 августа и думалъ достигнуть своей цѣли другимъ болѣе обширнымъ обходомъ. Оставивши 20-й корпусъ подъ командою Слокума для прикрытія моста чрезъ Катагочи къ сѣверу отъ Атланты, онъ самъ съ остальною арміею двинулся далекимъ обходомъ къ западной сторонѣ и разрушилъ маконскую желѣзную дорогу, по которой Атланта получала подвозы.

Противъ него былъ высланъ корпусъ Гарди, но Шерманъ уже укрѣпился при Джонсборо и далъ, послѣ ожесточенной схватки 31 августа, сильный отпоръ мятежникамъ. Гудъ очистилъ Атланту вслѣдствіе столь сомнительнаго поворота дѣла и обратилъ свое вниманіе на богатое по своимъ результатамъ фланговое движеніе.

Взятіе Атланты было самымъ важнѣйшимъ дѣломъ похода 1864, потому что съ этого пункта соединенія желѣзныхъ дорогъ легко было открыть операціи противъ внутреннихъ областей южныхъ штатовъ. Генералъ Гудъ понялъ это и рѣшился прорвать съ тылу линію Шермана, стоявшаго съ своимъ почти 60,000 корпусомъ внутри непріятельской страны, и такимъ образомъ принудить противника къ отступленію. Для этого онъ со всѣми своими силами подошелъ къ Тенесси, чтобы принудить къ отступленію Шермана, который уже видѣлъ, что отряды непріятельской кавалеріи могутъ прервать сообщеніе съ Чаттанога. Однакожъ Шерманъ угадалъ этотъ планъ и тотчасъ же послалъ Гокера къ находившемуся въ опасности Чаттанога; у него былъ смѣлый планъ,—занявши одною частью своей арміи, бывшей подъ начальствомъ Томаса, непріятельскаго главнокомандующаго, пробраться съ главными силами чрезъ Георгію къ атлантическимъ берегамъ, чтобы оттуда уже рѣшительнымъ образомъ вступить въ операціи другихъ уніонисткихъ военныхъ силъ.

Далеко на сѣверъ пронесся изъ Атланты побѣдоносный кликъ, подобно чистому звуку органа или колокола! Великая задача на западѣ была рѣшена. Съ этихъ

поръ каждое пораженіе было уже смертельно для непріятеля. Паденіе Виксбурга, въ виду праваго крыла союзной арміи, произнесло смертный приговоръ мятежу. Паденіе Атланты рѣшило дѣло въ виду центра, и теперь только лѣвому крылу оставалось рѣшить свою задачу. Походъ противъ Атланты представляетъ единственное усиліе этой войны, которое не было ослаблено никакой предварительной неудачей, которое не было прервано никакой великой катастрофой и въ успѣхѣ котораго, не смотря на чрезвычайныя затрудненія, нельзя было сомнѣваться ни на одну минуту. Особенность мѣстностей Сѣверной Георгіи заключается въ ихъ романической дикости. Страну эту пересѣкаютъ цѣпи холмовъ, отдѣленныя одна отъ другой не долинами, а ущельями. Отвѣсныя скалы поднимаются вверхъ, громоздятся въ большія гранитныя горы и покрываются валунами, по грудамъ которыхъ едва даже можетъ пробираться охотникъ. Поэтому приходилось строить дороги чрезъ ущелья, горы, болота и лѣса; нужно было наводить безчисленные мосты чрезъ дикіе потоки и сооружать огромныя укрѣпленія для каждаго ночлега, нужно было подъ палящимъ солнцемъ проходить утомительными маршами большія пространства, иной разъ для одного корпуса до 181 англійской мили.

И однакожъ эти марши были такъ хорошо разсчитаны, что соединеніе съ Чаттанога не было прервано, не смотря на то, что въ тылу Шермана Вилеръ и Форестъ разграбили Мемфисъ и угрожали Нашвиллю. Каттагочи должна была быть послѣдней „могилой“, въ

волнахъ этой рѣки послѣдній изъ непріятелей долженъ былъ найти себѣ могилу—говорилъ Джонстонъ. Но и эта позиція была обойдена и теперь едва ли бы нашелся какой нибудь мятежническій генералъ, который бы отважился замѣстить Джонстона. Однакожъ вскорѣ послѣ этого побѣднаго торжества разомъ прекратились всякія извѣстія объ арміи Шермана. Шерманъ необыкновенно быстро исчезъ со всѣмъ своимъ войскомъ.

3. Морское сраженіе. Паденіе Мобиля.

Не задолго передъ тѣмъ, какъ Шерманъ, обезопасивши соединеніе съ Чаттанога и овладѣвши маконской желѣзной дорогой, вдругъ исчезъ въ обширныхъ пространствахъ Георгіи, на другомъ болѣе отдаленномъ театрѣ войны, на морѣ, произошло также немаловажное событіе. Еще никогда Союзъ не дѣлалъ столь большія усилія для увеличенія своихъ морскихъ силъ, какъ въ 1864 году. Издержавши 112 милліоновъ долларовъ, онъ увеличилъ свой флотъ до 671 военныхъ судовъ. Ему нужно было не только блокировать берега южныхъ штатовъ на пространствѣ 770 нѣмецкихъ миль, но и прекратить непріятельское каперство въ открытомъ морѣ, которое, не смотря на всѣ дипломатическія представленія, все еще было поддерживаемо тайнымъ образомъ старою морскою соперницею Штатовъ — Англіею. Между этими каперами опаснѣйшимъ врагомъ для сѣверо-американской торговли былъ корабль „Алабама“,

находившійся подъ начальствомъ капитана Рафаеля Симмеса, который многимъ торговымъ судамъ Соединенныхъ Штатовъ загородилъ дорогу въ Европу, безпокоилъ или захватывалъ ихъ и причинилъ вредъ сѣверо-американской торговлѣ, равнявшійся почти 4 милліонамъ долларовъ.

Въ іюлѣ 1864 г. этотъ корабль, построенный въ одной изъ англійскихъ гаваней и вооруженный англійскими матросами, возвратился въ европейскія воды и вошелъ въ гавань Шербургъ, съ тѣмъ чтобы запастись каменнымъ углемъ и исправить нѣкоторыя поврежденія. Туда же явился утромъ 19 іюня слѣдовавшій за каперомъ союзный корветъ „Корсаръ“ и въ виду французской гавани сдѣлалъ „Алабамѣ“ вызовъ, который не отказался принять капитанъ Симмесъ. „Алабама“, вооруженная 8 превосходными орудіями, которымъ „Корсаръ“, построенный во всякомъ случаѣ гораздо лучше и легче, могъ противопоставить только семь, вышла противъ жаждавшаго борьбы противника, но послѣ двухчасовой битвы, сдѣлавшись неспособной къ борьбѣ вслѣдствіе разрушенія котла и поврежденія винта, принуждена была выкинуть флагъ.

Однакожъ, не смотря на этотъ, а равно и на нѣкоторые другіе успѣхи, не смотря на весьма большія усилія, союзному флоту, размѣщенному вдоль береговъ возставшихъ штатовъ, все таки не удалось совершенно задерживать выѣздъ и въѣздъ такъ называемыхъ „нарушителей блокады“. Послѣ паденія Новаго Орлеана они находили себѣ безопасное убѣжище въ хорошо за-

щищенныхъ гаваняхъ южныхъ штатовъ, Мобилѣ, Чарльстонѣ и Вильмингтонѣ. И въ то время какъ у этого послѣдняго города противные вѣтры чрезвычайно затрудняли наблюденіе, небольшая бухта Мобиля въ Мексиканскомъ заливѣ была чрезвычайно хорошо защищена сильно вооруженными укрѣпленіями, фортомъ Моргаиомъ съ 136 пушками и фортомъ Гэнсъ съ 50 орудіями, которыя господствовали надъ узкимъ проходомъ въ гавань, Swash-kanal; проходъ же въ другіе хорошо выбранные пункты былъ совершенно невозможенъ по причинѣ заколоченныхъ свай. Въ этой то столь хорошо укрѣпленной гавани находились въ настоящее время послѣдніе остатки прежнихъ морскихъ силъ конфедератовъ: двѣнадцать кораблей съ 50 пушками, въ числѣ которыхъ были четыре панцирныхъ.

Послѣ одной неудавшейся морской операціи, совершенной подъ начальствомъ І. А. Дальгрена противъ флота мятежниковъ въ чарльстонской гавани, старый морской левъ, адмиралъ Давидъ Г. Фэрраготъ, послѣ того какъ онъ понапрасну бомбардировалъ въ февралѣ форты гавани, рѣшился преодолѣть всѣ доселѣ стѣснявшія его препятствія. 5 августа 1864 года онъ съ 14 судами вошелъ въ гавань Мобиля, при этомъ онъ приказалъ связать свои суда попарно для того, чтобы, если одно судно будетъ разбито, его экипажъ могъ бы спастись на другое. Это не были „желѣзные котлы“, какъ любилъ называть на своемъ морскомъ нарѣчіи храбрый коммодоръ ненавистные ему мониторы и панцирныя суда, это были большею частію деревян-

ныя суда, при помощи которыхъ онъ хотѣлъ пройти между фортами Морганъ и Гэнсъ.

Въ семь часовъ утра союзный флотъ, имѣя во главѣ отважнаго Фэррагота на флаговомъ суднѣ „Гартфордъ“, двинулся къ обоимъ фортамъ, подъ ихъ страшный перекрестный огонь. Онъ быстро вывелъ подъ огонь всю свою эскадру, приказавши своимъ канонерамъ стрѣлять картечью и ядрами не по стѣнамъ, а прямо въ амбразуры. И дѣйствительно, благодаря этой превосходной тактикѣ, многіе непріятели, находившіеся при орудіяхъ въ фортѣ Морганѣ, частью сдѣлались неспособными къ продолженію борьбы, частію же были прогнаны съ своихъ постовъ. Неустрашимый герой, высоко привязанный веревкой къ такелажу своего корабля, для того чтобы не упасть въ случаѣ раны, ожидалъ наступающаго дѣла. Съ этой высоты среди адскаго грохота трескающихся бомбъ, среди взрыва адскихъ машинъ и треска пылавшаго дерева, онъ спокойно и безстрашно наблюдалъ за ходомъ сраженія, въ рупоръ отдавалъ приказанія на палубу, гдѣ съ каждымъ мгновеніемъ увеличивалось число убитыхъ и раненныхъ. Огненное море покрыло стѣны форта Моргана; изъ каждой амбразуры грохотало свое орудіе. „Бруклинъ“ задрожалъ подъ градомъ этихъ бомбъ, „Кваида“ получилъ ударъ въ паровой котелъ. Но въ эту минуту показался сигналъ Фэррагота. Изъ люковъ каждаго судна, съ носа до кормы, раскатывалось эхо страшнаго грома. Мортиры, гранаты, бомбы и картечи жужжали въ воздухѣ.

Непріятельскія стѣны были залиты огнемъ, все дѣйствовало, начиная съ исполинскихъ пятнадцати-дюймовыхъ орудій панцирныхъ судовъ и оканчивая мелкими гаубицами съ парусныхъ фрегатовъ. Наконецъ фортъ замолкъ; въ его стѣнахъ были сдѣланы пробоины и бреши, орудія сбиты.

Въ это время сталъ приближаться непріятельскій флотъ. Съ различными уловками, какъ кошки, начали канонерскія лодки бросать на эскадру свои стальные крючья. „Tecumseh“ двигался впередъ. Но вдругъ онъ былъ поднятъ, масса воды бросилась вверхъ, послышался глухой трескъ и затѣмъ облако дыму вылетѣло со дна моря; „Tecumseh“, одно изъ немногихъ панцирныхъ судовъ Фэррагота, попалъ на адскую машину. Это судно еще разъ поднялось, но только для того, чтобы непосредственно затѣмъ пойти ко дну вмѣстѣ съ сотнею человѣкъ, изъ которыхъ подъ градомъ ядеръ и пуль можно было вытащить только лоцмана и десять человѣкъ. Непріятельскій „Тенесси“ окончилъ дѣло уничтоженія; сильно прострѣленная „Сельма“ выкинула бѣлый флагъ. Нашъ герой, нисколько не озадаченный этимъ приключеніемъ, шелъ храбро впередъ съ своей эскадрой.

Нужно было сперва поближе подойти къ главному врагу, непріятельскому флоту, и въ заключеніе всего взять его. Когда выступили мониторы, началась борьба между ними и непріятельскими панцирными судами. Скоро меньшія суда были или истреблены, или взяты въ плѣнъ и только одинъ окрашенный

въ черную краску большой желѣзный флаговый корабль „Тенесси“, на борту котораго находился адмиралъ Бухананъ, продолжалъ еще битву. Хотя одинъ мониторъ и налетѣлъ на „Тенесси“ и пошатнулъ его, однако тотъ снова гордо выпрямился. Тогда старый морской левъ быстро отдалъ приказъ своимъ деревяннымъ кораблямъ устремиться на противника, покрытаго тяжелою бронею и опрокинуть его. Самъ онъ шелъ впереди на своемъ адмиральскомъ кораблѣ и на всѣхъ парахъ понесся на „Тенесси“. Подошедши къ нему на двѣнадцать шаговъ, онъ приказалъ дать полный залпъ изъ всѣхъ девяти-дюймовыхъ мортиръ, а потомъ ударилъ носомъ своего корабля въ панцирь противника. И едва только онъ успѣлъ повторить еще разъ этотъ изумительный маневръ, какъ адмиральскій корабль, получившій чувствительное поврежденіе и съ другой стороны, выкинулъ флагъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ, сравнительно съ небольшими потерями, снова была выиграна блистательная побѣда. Деревянный флотъ одержалъ верхъ надъ желѣзнымъ; такъ какъ онъ не обращалъ вниманія на свои незащищенные бока, то непріятель помѣстился подъ его страшными орудіями — и изнемогъ. Отвращеніе знаменитаго адмирала къ желѣзнымъ кораблямъ оправдалось теперь блестящимъ образомъ и непобѣдимость этихъ судовъ подверглась очень большому сомнѣнію.

Форты, по уничтоженіи непріятельскаго флота, уже не могли долѣе сопротивляться; меньшіе изъ нихъ, Гэнсъ и Поуелль, сдались на слѣдующій же день, а къ

25 августа старый морской левъ окончилъ свои приготовленія и для нападенія на фортъ Морганъ. Поврежденныя суда были исправлены, „благородный Гартфордъ“ починенъ, а взятый у непріятеля „Тенесси“ снабженъ звѣзднымъ знаменемъ. Между тѣмъ Грэнджеръ окончилъ уже траншеи и баттареи были установлены. 22 числа былъ данъ сигналъ къ нападенію. Страшный, адскій огонь открыли мониторы и „Тенесси“ изъ своихъ пятнадцати-дюймовыхъ орудій, а деревянные фрегаты изъ своихъ нарѣзныхъ пушекъ. Фортъ едва могъ отвѣчать имъ и наконецъ замолкъ. Пороховой магазинъ былъ сильно поврежденъ и можно было опасаться, что онъ взлетитъ на воздухъ съ фортомъ; его хотѣли затопить, но брандерныя суда отогнали рабочихъ и комендантъ форта принужденъ былъ выкинуть флагъ. Между тѣмъ всѣ попытки проникнуть изъ наружной гавани къ городу Мобилю, лежавшему въ глубинѣ бухты, не удавались; наконецъ въ сентябрѣ онѣ были совершенно остановлены, такъ какъ помощь, оказываемая наличными сухопутными войсками къ завоеванію этого города, была самая ничтожная.

4. Новый (черный) элементъ въ войскѣ.

Союзу было бы чрезвычайно трудно восполнять тѣ громадныя потери, которыя онъ понесъ въ людяхъ и матеріалѣ; ему было бы трудно преодолѣвать и исправлять слѣдствія тратъ на поляхъ сраженій, слѣдствія

необыкновенныхъ затрудненій при продовольствіи и перевозкѣ, слѣдствія неудовлетворительности сазеитарной части,—словомъ, онъ бы не могъ побѣдить всѣхъ трудностей, которыя неизбѣжны при такомъ обширномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, если бы народный смыслъ и неизсякаемый воинскій духъ искателей приключеній, стремящихся на войну изъ всѣхъ частей свѣта, не шли параллельно съ возрастающею трудностью самого положенія. Однако потерю въ людяхъ не такъ легко замѣстить даже и при усиленной дѣятельности, какъ напримѣръ потерю въ провизіи и оружіи.

Вотъ здѣсь-то и обнаружилась старательно скрываемая рана, нанесенная также и сѣвернымъ штатамъ безпощадною братоубійственною войной. Число хорошихъ и способныхъ къ войнѣ людей видимо уменьшалось. Только счатливый охотникъ всегда попадаетъ на счастливый слѣдъ. Результаты продолжительныхъ неудачь выразились въ возрастающемъ упадкѣ духа, въ увеличивающемся по этой же самой причинѣ дезертирствѣ изъ союзной арміи и постоянно усиливавшемся опасномъ противодѣйствіи и сопротивленіи при новыхъ наборахъ и вербовкѣ. Въ іюлѣ 1863 по случаю конскрипціи въ демократическомъ Нью-Іоркѣ дѣло дошло даже до краваго возстанія. Народъ, раздраженный войною изъ за „damned Nigger,“ въ особенности направилъ свою ярость на чернокожихъ и ихъ приверженцевъ. Съ помощію призваннаго сюда пенсильванскаго полка порядокъ удалось возстановить, но только тогда, когда погибло нѣсколько человѣкъ и когда уже

болѣе тридцати негровъ были жестоко замучены. Наконецъ нужда таки заставила сдѣлать дорбое дѣло, и теперь было приступлено къ давно предлагаемой организаціи полковъ изъ негровъ. И дѣйствительно въ этихъ новоучрежденныхъ негрскихъ полкахъ была пріобрѣтена важная военная подмога, оказавшаяся даже гораздо важнѣйшею, нежели сколько то предполагали самые горячіе друзья черной расы. Искренніе сторонники негровъ были въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, когда они рѣшились ввести въ армію черный элементъ, такъ какъ приходилось разсѣвать множество предубѣжденій, предупреждать естественную антипатію, которая была единакова сильна какъ у извѣстнѣйшихъ военныхъ предводителей, такъ равно и у простыхъ солдатъ. Съ этой стороны противъ военной равноправности черныхъ приводимы были едва ли болѣе благовидныя основанія, чѣмъ тѣ, которыя слышались и съ другой стороны, изъ лагеря сепаратистовъ. Какъ въ войскѣ отвращеніе доходило почти до открытаго противодѣйствія, такъ равно и въ правительственныхъ кружкахъ уже съ давнихъ поръ господствовала неопредѣленность и нерѣшительность относительно объявленной Линкольномъ эмансипаціи. Вездѣ боялись непосредственныхъ дурныхъ результатовъ. Но равноправность чернокожаго уже нельзя было допустить только въ одномъ принципѣ. Когда онъ становится рядомъ съ бѣлымъ солдатомъ, когда отъ него требуютъ исполненія почетнѣйшихъ гражданскихъ обязанностей, тогда ему уже нельзя отказывать въ тѣхъ правахъ, которыми обыкновенно пользуется въ обществѣ

предъ избирательною урною и въ вашингтонскомъ капитоліи всякій бѣлый гражданинъ. Долго спорили на разные лады, прежде чѣмъ сдѣлали рѣшительный шагъ къ допущенію чернаго элемента въ ряды союзной арміи для ея усиленія, а между тѣмъ это былъ единственный рессурсъ, который остался только въ запасѣ противъ сепаратистовъ. И однакожъ ни кабинетъ президента, ни корпусные начальники такъ энергически не содѣйствовали принятію чернокожихъ солдатъ, какъ того можно было бы ожидать, судя по недостатку свѣжихъ войскъ.

И вотъ послѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ неудачъ и при хорошемъ руководствѣ чернокожіе уніонисткіе солдаты оказались пригодны вездѣ, гдѣ требовалась защита и отраженіе. Но кромѣ этого, па сколько мы можемъ судить по исполинскимъ гидравлическимъ сооруженіямъ, по постройкѣ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, по проложенію путей чрезъ лѣса и наведенію мостовъ, презираемый обѣими сторонами негръ оказывалъ и другія важныя услуги. Но въ то время какъ эти утѣшительные опыты ясно доказали, что нергы составляютъ не одну только грубую военную силу, а что они способны и къ чему нибудь большему и лучшему, въ то время какъ у союзныхъ солдатъ мало по малу обнаруживалось къ нимъ дружеское, если не совсѣмъ братское расположеніе, въ сепаратистскомъ лагерѣ и въ верховномъ совѣтѣ ричмондскаго правительства, а равно и во всѣхъ зависящихъ отъ него областяхъ черный человѣкъ оставался тѣмъ же, чѣмъ онъ прежде былъ въ шта-

тахъ рабовладѣльческихъ бароновъ, онъ все еще былъ лишенной собственной воли рабочею машиною, отъ которой нельзя ожидать ни мужества, ни привязанности къ мѣсту своего рожденія. Властители Ричмонда и ихъ единомышленники не могли возвыситься до того, чтобы предоставить этимъ самопроизвольнымъ машинамъ защиту своей страны, чтобы допустить въ нихъ извѣстную долю благодарности за благодѣяніе матеріальнаго обезпеченія; они даже не хотѣли предположить въ нихъ и собачьей вѣрности къ своему суровому господину.

Если же черное рабочее животное, предоставленное само себѣ, и дѣйствительно погружается въ бездѣятельность и совершенно теряетъ врожденную склонность къ извѣстнаго рода труду, если большая часть жителей южныхъ штатовъ дѣйствительно становится тѣмъ, что не отрицаютъ даже на сѣверѣ, именно — настоящею язвою страны; то все таки негодность чернаго элемента ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ него самого. Неумѣнье южнаго плантатора пользоваться силами цвѣтного населенія самымъ нагляднымъ образомъ доказывается работами чернокожихъ, произведенными подъ руководствомъ гуманныхъ сѣверныхъ офицеровъ, инженеровъ и подрядчиковъ. Послѣ того какъ Союзъ принужденъ былъ признать въ черномъ человѣкѣ годнаго солдата и полезнаго сотрудника въ той мирной дѣятельности, изъ которой совершенно исключилъ его южный эгоизмъ; эти негры, освобожденные изъ рабства и по этому самому оставленные по большей части на долгое время безъ хлѣба и безъ работы, только въ рѣд-

кихъ случаяхъ прибѣгали къ грубому насилію. Возмущенія въ массѣ со всѣми ужасами варварскаго опустошенія, что позволяли себѣ освободившіеся отъ оковъ антильскіе негры, едва ли имѣли мѣсто даже и въ періодъ самаго ожесточеннаго мятежа. Чернокожій, переставъ быть рабомъ, не сдѣлался варваромъ, а напротивъ чѣмъ то другимъ. Масса, совершенно голодная и и оставленная на произволъ судьбы, искала себѣ занятій въ малыхъ и большихъ городахъ, а также обращалась въ союзный или сепаратистскій лагерь. Тамъ они праздно шатались, позволяя употреблять себя на различныя мелочныя услуги; разыграть дурака и шута въ палаткѣ своего прежняго господина или исполнять роль странствующаго пѣвца, фокусника и акробата въ кабачкѣ и пивной, какъ въ большихъ городахъ. Вообще общее положеніе вещей нельзя себѣ лучше представить, чѣмъ оно изображено корреспондентомъ лондонскаго Times'а и другомъ дѣла сепаратистовъ. Онъ разсказываетъ:

„Каждый вечеръ, когда мы привольно собираемся во кругъ нашихъ бивуаковъ, въ середину къ намъ проталкиваются чернокожіе и прислушиваются къ словамъ и пѣнію своихъ грозныхъ господъ. И одинъ разъ намъ случилось видѣть передъ собою въ нашемъ лагерѣ искуснѣйшаго природнаго южнаго игрока на Banjo. Когда Свинни встаетъ и начинаетъ свою старую національную виргинскую мелодію, можно съ увѣренностью держать пари, что гдѣ нибудь пара негровъ переваливается съ боку на бокъ, дѣлая прыжки при странныхъ выкидываніяхъ и кривляніяхъ ногами. Если нѣтъ какого ни-

будь серьезнаго занятія, то это всегда служитъ къ увеселенію зрителей, которые въ этомъ случаѣ все таки гораздо лучше убиваютъ свое время, чѣмъ если бы они занимались игрой или какими нибудь другими болѣе предосудительными вещами. Хотя непріятель на пушечный выстрѣлъ отъ насъ, но никто не думаетъ объ этомъ и совершенно не безпокоится; общій припѣвъ: „сегодня мы поемъ и танцуемъ, а завтра будемъ сражаться и умремъ — bulli boys ho!“ дружно подхватывается всѣми.“

А вотъ и другого рода сцена! Когда завоеваніе Виксбурга, подобно свѣтлому солнечному лучу, озарило тучу долгихъ затруднительныхъ обстоятельствъ и Грантъ окончилъ свой смѣлый и удачный походъ въ тылу этого важнаго укрѣпленія и сдѣлался идоломъ своихъ солдатъ, Союзъ гораздо энергичнѣе приступилъ къ организаціи негрскихъ полковъ и чернокожіе волонтеры скоро оказали важныя услуги доброму дѣлу. Одинъ негрскій инженерный корпусъ, бывшій подъ руководствомъ капитана Трасильяна, изъ дивизіи генерала Логана, въ одну ночь сдѣлалъ деревянный мостъ чрезъ Байю-Пьеръ, у порта Джибсона на Миссисипи, для того чтобы преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, который подъ начальствомъ Бовена не задолго передъ тѣмъ перешелъ эту рѣку и въ тылу своемъ сжегъ бывшій здѣсь мостъ. Вся работа была живо кончена и притомъ только однимъ корпусомъ негрскихъ волонтеровъ, которые только что освободились изъ своей неволи и рады были оказать услугу своимъ освободителямъ.

Число дѣйствующихъ негрскихъ войскъ не задолго до паденія Ричмонда принималось весьма различно, то въ 80,000, то въ 100,000 человѣкъ. Въ настоящее же время труднѣе добраться до истины, потому что вашингтонское правительство имѣетъ въ послѣднее время еще много основаній скрывать и бояться публикаціи достовѣрныхъ данныхъ.

5. Знаменитый походъ Шермана чрезъ Георгію.

Полководецъ, имя котораго вѣроятно на вѣчныя времена останется памятнымъ въ лѣтописяхъ великой американской войны, на стратегическій талантъ котораго указываетъ уже самое заглавіе настоящей главы, генералъ Вильямъ Т. Шерманъ родился въ 1818 г. въ Огіо. Приготовившись въ продолженіе одного года въ военной школѣ въ Вэстпойнтѣ, онъ 1814 года вступилъ въ армію и во время мехиканской войны пріобрѣлъ себѣ чинъ капитана. При началѣ гражданской войны онъ сдѣланъ былъ командиромъ XIII пѣхотнаго полка, потомъ поступилъ на мѣсто бригаднаго генерала Андерсона и въ сраженіи при Чило отличился своими рѣшительными дѣствіями. Затѣмъ онъ перешелъ генералъ-майоромъ въ армію Гранта и, какъ уже было сказано, много помогъ при завоеваніи Виксбурга. Съ этихъ поръ онъ уже считался однимъ изъ самыхъ первыхъ талантливыхъ людей арміи, а по совершеніи своего примѣрнаго и заслужившаго громкую извѣстность похода

чрезъ Георгію, и европейскіе военные авторитеты единодушно признали въ немъ знаменитаго военнаго мужа.

Для того чтобы обезпечить успѣхъ этого смѣлаго похода къ атлантическимъ берегамъ, необходимо было съ успѣхомъ занимать непріятельскую армію Гуда, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи болѣе нежели 40,000 человѣкъ съ 65 орудіями. Испытанный Томасъ блистательно исполнилъ эту задачу. Онъ слѣдовалъ параллельными маршами за своимъ противникомъ, который спѣшилъ къ Тенесси, чтобы прервать тамъ линію союзныхъ войскъ, и встрѣтился съ нимъ на юго-западъ отъ тамошняго главнаго города Нашвилля, у мѣстечка Франклинъ. Счастливая стычка обезпечила ему доступъ къ Нашвиллю, гдѣ онъ соединился съ новообразованнымъ корпусомъ А. І. Смита, послѣ чего уже могъ равняться съ своимъ противникомъ по численности своей арміи. Гудъ послѣ кровопролитнаго сраженія отступилъ съ великими потерями въ крѣпкую позицію при Коринфѣ, гдѣ снова собралъ свои разсѣянныя войска.

Георгъ Г. Томасъ, род. въ Виргиніи 1816, точно также получилъ свое первоначальное образованіе въ часто упоминаемой Вэстпойнтской школѣ и уже въ 1840 вступилъ лейтенантомъ въ армію Соединенныхъ Штатовъ. Съ этого времени онъ оставался при войскѣ и въ 1861, при началѣ войны, назначенъ былъ командиромъ того самаго V кавалерійскаго полка, который прежде этого былъ подъ командою мятежническаго генерала Ли. Послѣ сраженія при Милль-Спрингѣ онъ былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ въ армію Бюил-

ля. За удачное исполненіе даннаго ему генераломъ Шерманомъ труднаго порученія онъ уже въ концѣ 1864 былъ награжденъ чиномъ генералъ-майора.

Великія, блестящія ожиданія Юга погибли послѣ отраженія Томасомъ при Нашвиллѣ нападенія Гуда. Нашвилль былъ взятъ, Тенесси и Кентукки завоеваны, а Огіо находился въ опасности. Думали было при Луисвиллѣ отплатить за то, что сдѣлалъ въ Георгіи Шерманъ. Жестокое отчаяніе овладѣло теперь Югомъ, его умные генералы настойчиво требовали, чтобы Гудъ безпрестанно слѣдовалъ за Шерманомъ и потомъ въ Саваннѣ нанесъ ему смертельный ударъ. Президентъ Джефферсонъ Дэвисъ самъ диктовалъ Гуду неудавшійся походъ, предпринятый для отмщенія.

Вездѣ въ Сѣверной Америкѣ съ лихорадочнымъ напряженіемъ ожидали положительныхъ извѣстій о намѣреніяхъ Шермана. Вѣдь этимъ отважнымъ поковдцемъ былъ предпринятъ безпримѣрный въ военной исторіи маневръ. Онъ покинулъ со всѣмъ своимъ 60,000 войскомъ твердую точку опоры, которую пріобрѣлъ въ сердцѣ Георгіи кровопролитными сраженіями, совершенно прервалъ свою связь съ Сѣверомъ и прошелъ возмутившуюся страну, не оставивъ за собою никакого слѣда. Нигдѣ ничего не знали о цѣляхъ Шермана, ни на Сѣверѣ, гдѣ милліоны сердецъ трепетали за жизнь своихъ храбрыхъ сыновъ, ни на Югѣ, гдѣ по случаю этого неслыханнаго похода боялись за свои слабѣйшіе пункты. Необыкновенныя пространства, по которымъ онъ проходилъ, давали ему полную возможность

держать въ тайнѣ свои намѣренія. Этимъ только и можно объяснить себѣ, почему его 60,000 войску, тянущемуся на милю разстоянія, удалось въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль обманывать бдительность непріятеля и, не выдавая своихъ намѣреній, безпрепятственно пройти населеннѣйшій штатъ Юга.

Мы уже знаемъ, какъ ему удалось при помощи своего помощника генерала Томаса съ успѣхомъ занимать непріятельскую главную армію Гуда и отклонить ее отъ главнаго мѣста операцій.

Но прежде чѣмъ тронуться съ войскомъ въ 60,000 человѣкъ и съ 5,000 кавалеріи, бывшей подъ начальствомъ Кильпатрика, онъ безъ церемоніи постарался удалить всѣхъ лицъ, собственно не принадлежавшихъ къ арміи, и обезопасить свой тылъ разрушеніемъ всѣхъ окрестныхъ желѣзныхъ дорогъ. Прежде всего ему нужно было облечь свои движенія глубокою тайною, такъ чтобы его походъ могъ быть направленъ и противъ Августы, и къ Чарльстону, и даже къ самому Ричмонду.

Лишь только южане получили извѣстіе о внезапномъ удаленіи Шермана отъ Атланты и ея окрестностей и о его дальнѣйшемъ таинственномъ движеніи, какъ ими овладѣла паника. Прежде всего ему можно было противопоставить только конный отрядъ Вилера, между тѣмъ какъ Борегаръ старался собрать въ торопяхъ свою армію у Августы. Шерманъ исполнилъ свой походъ съ великою осторожностью и умѣньемъ. Сначала онъ направился къ югу, на Маконъ, потомъ къ востоку, перешелъ въ началѣ декабря рѣку Окони недалеко

отъ Милледжвилля и, переправившись чрезъ другую рѣку, Оджичи, держался въ долинѣ между этою рѣкою и Саванна. Успѣшно побѣдивши всѣ путевыя трудности, прошедши на разстояніи 70 миль чрезъ лѣса и низменности, чрезъ горы и рѣки, онъ 14 декабря появился въ виду приморскаго города Саванна, защищаемаго 15,000 человѣкъ подъ начальствомъ Гарди. Въ этотъ же самый день онъ взялъ передовое укрѣпленіе Макъ-Элистеръ, лежащее при устьяхъ Оджичи, и будучи поддерживаемъ союзною эскадрою Дальгрена и генераломъ Фостеромъ, высадившимся между Чирльстономъ и Саванною, сдѣлалъ нападеніе и на самую Саванну.

Генералъ Гарди не могъ сопротивляться такимъ превосходнымъ силамъ. 22 числа онъ покинулъ недостаточно укрѣпленный городъ и отступилъ къ Чарльстону. Болѣе 150 орудій и 30,000 тюковъ хлопка были плодами этой блистательной побѣды, маральное значеніе которой было почти еще больше.

12 ноября Шерманъ внезапно исчезъ съ театра военныхъ дѣйствій и въ рождественскую недѣлю слѣдующаго мѣсяца предложилъ Союзу, въ видѣ праздничнаго подарка, Саванну.

Такъ счастливо окончилось это важное предпріятіе, какъ смѣлое по своей мысли, такъ и чрезвычайно удачное по своему исполненію. Положеніе борящихся партій совершенно измѣнилось этимъ однимъ ударомъ, этимъ однимъ глубоко разсчитаннымъ стратегическимъ движеніемъ, которое разсѣяло силы мятежниковъ

по большому театру военныхъ дѣйствій и напротивъ соединило разобщенныя части союзныхъ войскъ, а потому и дало возможность Союзу устремить, собравши всѣ свои силы, рѣшительный ударъ на главный пунктъ сепаратизма.

Чрезвычайно было удивленіе всѣхъ, когда первая депеша генерала, присланная имъ по окончаніи перехода въ 300 англійскихъ миль, положила конецъ всѣмъ слухамъ о его мнимой погибели. Въ ней онъ просто извѣщалъ о томъ, что ему удалось безпрепятственно окончить свой походъ, что, испортивши 200 миль желѣзной дороги, онъ уничтожилъ вмѣстѣ съ тѣмъ огромные, необходимые и незамѣнимые для непріятеля запасы; что за весь свой походъ онъ потерялъ только одну повозку и что теперь армія, а равно и обозъ, находятся въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели когда онъ удалялся отъ Атланты.

Въ это же время чуть не была истреблена мятежническая армія въ Миссури. „Какимъ образомъ все это случилось — говоритъ „Нью-Іоркская газета“ — за все мы обязаны главнымъ образомъ Плизантону и Розенкранцу, тогда какъ Куртисъ до того растерялся, что еще при Піа-Риджѣ со всѣмъ своимъ войскомъ сдался бы на капитуляцію, если бы не подоспѣлъ къ нему Зигель и не разыгралъ бы и въ этомъ случаѣ должность тормоза.“ —Съ тѣхъ поръ какъ Прайсъ при Канзасъ-Сити получилъ первый чувствительный урокъ, Плизантонъ постоянно слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Усилія въ шесть разъ превосходнѣйшаго непріятеля были

направлены теперь къ тому, чтобы на столько подвинуться впередъ, чтобы успѣть завладѣть фортомъ Скоттъ и захватить находившіеся въ немъ запасы, прежде чѣмъ его успѣютъ аттаковать соединенныя союзныя силы. Поэтому главною задачею Сѣвера въ настоящее время было помѣшать этому плану. Совершая почти баснословные переходы, Плизантомъ съумѣлъ оказаться между фортомъ Скоттъ и Прайсомъ. 28 октября при Литль-Оседжѣ произошло столкновеніе. Плизантонъ, раздѣливши свои войска на два отряда и одновременно напавши съ тылу и съ фланга, успѣлъ разорвать непріятельскую армію. Вторичное его нападеніе имѣло послѣдствіемъ взятіе въ плѣнъ генераловъ Мармодюка и Кабелля съ 1,000 человѣкъ. При этомъ случаѣ храбрую попекскую баттарею, изъ бригады Винслоу, Плизантонъ взялъ подъ свое личное управленіе, послѣ того какъ всѣ прежніе кононеры пали каждый при своемъ орудіи. Прайсъ отступилъ, взорвавши на воздухъ обозъ съ аммуниціей и уничтоживши до 300 цовозокъ. Солдаты Плизантона, прошедшіе больше 90 миль и выдержавшіе сраженіе, были слишкомъ истощены и не могли преслѣдовать непріятеля.

Между тѣмъ и на морѣ происходили важныя событія.

13 декабря 1864 Портеръ отплылъ изъ Монроэ съ 65 военными судами и транстпортнымъ флотомъ, на которомъ находились сухопутныя войска Ботлера, для того чтобы взять мятежническую гавань Вильмингтонъ въ Сѣверной Каролинѣ, защищаемую Брэггомъ. Узкій про-

ходъ въ гавань былъ защищенъ фортомъ Фишеръ; штурмъ, произведенный на него негрскими войсками, бывшими подъ начальствомъ Вейтцеля, равно какъ и бомбардированіе остались безъ всякаго успѣха. Фортъ Фишеръ, построенный изъ глины, обведенъ былъ рвомъ, защищеннымъ на сто аршинъ крѣпкими палисадами. Баттареи Бергъ, Флаггиль и Гольфъ-Мона составляли отдѣльныя укрѣпленія этого форта.

Портеръ думалъ разрушить фортъ при помощи исполинскаго взрыва, но не сообразилъ того, что за подобнымъ разрушеніемъ непосредственно долженъ слѣдовать штурмъ. Канонерская лодка „Луизіана“ была вплотную набита порохомъ, который могъ воспламениться въ нужный моментъ посредствомъ очень ловко устроенной мины. На лодкѣ былъ поднятъ бѣлый контрабандный флагъ для того, чтобы можно было поближе подойти къ форту; самъ же флотъ вышелъ въ открытое море, потому что боялся пострадать отъ взрыва почти полмилліона фунтовъ пороху, который могъ дѣйствовать на разстояніи одной мили. Только одинъ пароходъ „Вильдернесъ“ сопровождалъ лодку, чтобы спасти экипажъ въ самую минуту взрыва. Проектъ удался въ томъ отношеніи, что взрывъ дѣйствительно послѣдовалъ въ сосѣдствѣ съ фортомъ, но все таки фортъ остался почти неповрежденъ и союзники не воспользовались происшедшимъ по этому случаю страхомъ и не сдѣлали нападенія.

Бомбардированіе послѣдовало только на другой день, оно разрушило фортъ, однако не принудило его къ

сдачѣ. Каменныя укрѣпленія были разбиты, но окопы выдерживали удары. Оказались скважины, но брешей не было и удалось только принудить непріятельскую артиллерію прекратить огонь. Штурмовыя колонны двинулись впередъ и сдѣлали нападеніе; но генералъ Вейтцель повернулъ ихъ назадъ, потому что нашелъ укрѣпленія недостаточно разрушенными и считалъ штурмъ слишкомъ преждевременнымъ.

Однимъ изъ самыхъ отважныхъ и блестящихъ эпизодовъ, происшедшихъ въ это время на морскомъ берегу Сѣверной Каролины — было уничтоженіе желѣзнаго монитора „Альбемарль“ Б. Кошингомъ. Этотъ храбрецъ возъимѣлъ слишкомъ смѣлую мысль напасть ночью на желѣзное чудовище и сдѣлать его безвреднымъ. Для этого онъ употребилъ новый родъ адской машины. „Торпедо“ состоялъ изъ двухъ исполинскихъ желѣзныхъ рукъ, укрѣпленныхъ на носу назначеннаго въ дѣло судна. Три такихъ машины онъ привязалъ къ небольшому сторожевому боту и пошелъ съ 13 охотниками, 27 октября въ темную ночь, вверхъ по Роаноку. Но вотъ раздается набатный выстрѣлъ, огонь вспыхнулъ и освѣтилъ поверхность воды, — засвистали ядра, покушеніе было открыто. Кромѣ всего этого Альбемарль былъ защищенъ сплоченными брусьями. Кошингъ приказалъ дѣйствовать своими гаубицами и старался при свѣтѣ горящихъ дегтярныхъ бочекъ, стоя подъ огнемъ изъ вахтпостовъ, пробить балки. Наконецъ ему удалось подъ водой обхватить желѣзными крючьями Альбемарль, но

въ это самое время тяжелая бомба попала въ небольшой ботъ, — онъ пошелъ ко дну, но вмѣстѣ съ тѣмъ и „Альбемарль“ погибъ. Тяжело раненный Кошингъ спасся вплавь. Одинъ негръ скрывалъ его до тѣхъ поръ, пока ему не представился удобный случай къ бѣгству.

ГЛАВА VIII.

ПОДАВЛЕНІЕ ВОЗСТАНІЯ (1865).

I. Рѣшеніе.

Результатъ выборовъ въ конгрессъ весною 1864 года доказалъ рѣшительнѣе, чѣмъ въ предыдущій годъ, что правительство много выиграло въ довѣріи народа. Этотъ благопріятный исходъ зависѣлъ непосредственно отъ личности самого президента. Ибо правительственная партія при всякомъ удобномъ случаѣ единодушно высказывалась въ пользу вторичнаго избранія Линкольна. Подобное заявленіе даже сдѣлалось условіемъ, опредѣляющимъ годность кандидатовъ. Во всѣхъ штатахъ, оставшихся вѣрными Союзу, общественное мнѣніе шло однимъ и тѣмъ же путемъ: вездѣ требовалось вторичное избраніе Линкольна во что бы то ни стало. Со временъ знаменитой эпохи „довѣрчиваго настроенія“,

во дни президенства Монроэ, еще никогда не было такого единодушія въ общественномъ мнѣніи. Но такъ какъ въ ближайшей главѣ мы еще возвратимся къ той борьбѣ, которая предшествовала вторичному избранію Линкольна въ президенты, то здѣсь намъ нужно только упомянуть о томъ, что блестящая побѣда, которую одержалъ Линкольнъ надъ своимъ соперникомъ Макъ-Клелланомъ, немало способствовала благопріятному ходу операцій на различныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій.

Послѣ того какъ первоначальный планъ Союза — дѣйствовать на непріятельскія военныя силы съ обоихъ фланговъ — приведенъ былъ въ исполненіе блестящимъ походомъ Шермана къ Саваннѣ, главнымъ основаніемъ операцій сдѣлалось море, а непосредственной цѣлью нападенія фронтъ непріятеля при Ричмондѣ. Оставалось завоевать только штаты Виргинію и обѣ Каролины, потому что штаты Миссиссипи, Алабама и Теннесси вслѣдствіе побѣды при Нашвиллѣ были потеряны для мятежниковъ. Поэтому генералу Шерману слѣдовало идти отъ Саванны къ Виргиніи, чтобы въ союзѣ съ Грантомъ нанести послѣдній ударъ Ричмонду; можно было предвидѣть, что истощенные южане не въ состояніи будутъ оказывать долгое сопротивленіе.

Положеніе армій весною 1865 было приблизительно слѣдующее:

1) Потомакская армія у Ричмонда и Петерсбурга. Главнокомандующимъ ея былъ Грантъ, а помощникомъ его — Мидъ; здѣсь были 2-й, 5-й, 6-й,

9-й, 10-й, 24-й корпуса, всего около 90,000 человѣкъ. Мидъ стоялъ у Питерсбурга на южномъ берегу Джемса, Ордъ у Ричмонда—на сѣверномъ берегу Джемса; противъ нихъ находился Ли съ дивизіями Лонгстрита, Гилля, Гордона и Андерсона и съ кавалеріей Гуго, Ли и Ваде, — до 74,000 человѣкъ при Ричмондѣ и въ Питерсбургѣ.

2) Кавалерійская дивизія Шеридана стояла противъ Ирли въ Шенандоаской долинѣ.

3) Георгійская армія въ Саваннѣ. Здѣсь былъ Шерманъ съ 14-мъ, 15-мъ, 17-мъ, 18-мъ и 20-мъ армейскими корпусами и кавалерійскою дивизіею Кильпатрика; противъ него въ Южной Каролинѣ стоялъ Джонстонъ (прежде него Борегаръ).

4) Западная армія Томаса; 4-й, 16-й и 23-й корпуса и кавалерійская дивизія Стонемана въ Тенесси. Противъ него корпусъ отставленнаго Гуда, бывшій теперь подъ начальствомъ Дика Тэйлора.

5) Отдѣльные корпуса. 10-й, 24-й и 25-й на морскомъ берегу у Вильмингтона; противъ нихъ стоялъ Гукъ съ 5,000 человѣкъ. Стиль въ Арканзасѣ, М. Кукъ на Огіо и 15,000 человѣкъ въ Новомъ Орлеанѣ. Еще у мятежниковъ былъ корпусъ въ западной Виргиніи подъ начальствомъ Пембертона, Гарди съ 10,000 человѣкъ въ Чарльстонѣ, гарнизонъ Мобиля (Тэйлоръ), а также банды гверильясовъ.

Вообще Союзъ располагалъ болѣе чѣмъ 245,000 человѣкъ, но у сепаратистовъ было только мало чѣмъ больше 170,000. Операціи открылись вторичнымъ нападеніемъ

на Вильмингтонъ. Адмиралъ Портеръ командовалъ флотомъ, генералы Терри и Куртисъ сухопутными войсками.

Движенія и операціи, о которыхъ мы станемъ разсказывать теперь, были по большей части дѣломъ и мыслью большого военнаго совѣта, который былъ созванъ президентомъ въ первой половинѣ февраля въ главной квартирѣ Гранта. Кромѣ голоса главнокомандующаго Гранта рѣшительное вліяніе имѣли здѣсь голоса Шермана и Шеридана. Главнымъ образомъ принятъ былъ одинъ планъ, состоящій въ томъ, чтобы совершенно окружить непріятельскую главную армію, бывшую подъ начальствомъ Ли и прикрывавшую Ричмондъ, и затѣмъ все болѣе и болѣе съуживать кругъ, который оставался для того, чтобы она могла развернуть свои послѣднія силы. Съ этимъ планомъ согласовалось также и благопріятное положеніе дѣлъ у приморскихъ береговъ Каролины. 15 генваря сдался важный фортъ Фишеръ, господствовавшій надъ дорогою къ Вильмингтону, т. е. къ самой важной, остававшейся еще пока въ рукахъ сепаратистовъ гавани въ обѣихъ Каролинахъ; въ скоромъ времени сдались также и два другіе форта — Смитъ и Caswell.

Вечеромъ 12 генваря адмиралъ Портеръ расположился съ своимъ флотомъ въ виду форта Фишеръ, въ устьѣ рѣки Кэпъ-Фиръ. Еще до разсвѣта онъ отдалъ приказъ первому отряду деревянныхъ судовъ стать съ сухопутными войсками на разстояніи трехъ миль отъ укрѣпленій и очистить посредствомъ обстрѣливанія береговъ рощу, находившуюся на косѣ. Между тѣмъ эс-

кадра панцирныхъ судовъ, не обращая вниманія на градъ непріятельскихъ ядеръ, стала на якорѣ прямо противъ форта. Было около девяти часовъ, когда открылась канонада съ желѣзныхъ и снабженныхъ башнями судовъ. Хорошо направленный огонь оказался до такой степени дѣйствительнымъ, что скоро была разсѣяна прислуга, находившаяся при орудіяхъ, вслѣдствіе чего имъ можно было отвѣчать только въ долгіе промежутки времени, больше чѣмъ десять минутъ. Однако жестоко тѣснимый гарнизонъ выдерживалъ ожесточенное нападеніе до тѣхъ поръ, пока позволяли вообще человѣческая стойкость и упорство. „При такихъ обстоятельствахъ можно извинить даже защитникамъ и менѣе почтеннаго дѣла ихъ справедливый упрекъ намъ за нашу медленность.“

Между 9 и 10 часами было отдано приказаніе высадиться 8,000 человѣкъ. Еще до полудня двинулся впередъ отрядъ застрѣльщиковъ, причемъ нѣсколько канонерскихъ лодокъ, стоявшихъ между берегомъ и фрегатами, помогали очищать путь. Чрезъ нѣсколько минутъ за ними двинулась масса сухопутнаго войска, а около четырехъ часовъ по полудни штурмовыя силы были удвоены, для каковой цѣли высажены еще два отряда съ деревянныхъ судовъ. Послѣ этого 312 пушекъ посыпали свои истребительные выстрѣлы на непріятельскія укрѣпленія. Говорятъ, что въ непродолжительное время отъ двухъ часовъ по полудни и до наступленія ночи было брошено въ фортъ около 20,000 снарядовъ. Непріятельскія баттареи такъ быстро принуждены были

совершенно прекратить свой огонь, что дѣйствующій союзный флотъ понесъ сравнительно ничтожныя потери. На слѣдующій день, послѣ трехчасоваго бомбардированія, сухопутныя войска вмѣстѣ съ бригадою Куртиса пошли на штурмъ и, поддерживаемыя двумя другими бригадами, утвердились на западномъ концѣ лицевой стороны форта.

Теперь загорѣлась жаркая битва, такъ что штурмовыя колонны подвигались впередъ шагъ за шагомъ, пока уже наконецъ изнемогшій непріятель не былъ выгнанъ изъ всѣхъ отдѣльныхъ укрѣпленій форта и оттѣсненъ на самый конецъ косы. 2,000-й гарнизонъ сдался. Побѣдителямъ достались 72 орудія и др.

Потеря, которою окончательно была куплена эта побѣда, была значительна; со стороны союзныхъ войскъ пало болѣе 500 человѣкъ и кромѣ того ранены начальники всѣхъ трехъ штурмовыхъ бригадъ.

11 февраля начался штурмъ укрѣпленій Вильмингтона; нападенія были отбиты; но дивизія Шофильда, пришедшая на поддержку и высадившаяся у Смитвилля, взяла 18 февраля въ соединеніи съ флотомъ фортъ Андерсонъ, прикрывавшій сухопутныя сообщенія съ городомъ. 21 февраля генералъ Гукъ очистилъ съ двухъ сторонъ находящійся въ опасности городъ, и такимъ образомъ погибла и та важная гавань, которая обезпечивала мятежникамъ привозъ военныхъ матеріаловъ; съ этихъ же поръ пріобрѣтенъ новый операціонный базисъ для наступательныхъ дѣйствій Союза.

Генералъ Шерманъ, двинувшійся впередъ 17 генваря

тремя колоннами, направилъ свой походъ къ Флоренціи, чтобы въ соединеніи съ корпусомъ, осаждающимъ Вильмингтонъ, отрѣзать гарнизонъ Чарльстона. — Генералъ Гарди избѣжалъ этой опасности, онъ очистилъ 17 февраля Чарльстонъ и оставилъ блокадному корпусу это важное мѣсто со всѣми его запасами. 12 февраля Шерманъ обратился отъ Флоренціи къ Сѣверной Каролинѣ; для этого онъ соединился съ колоннами Перри и Шофильда, которыя шли отъ Вильмингтона.

Ралэ, главный городъ Сѣверной Каролины, былъ защищаемъ Джонстономъ, занимавшимъ позицію при Файствиллѣ, и 20,000 бывшими подъ начальствомъ Брэгга въ Гольдсборо. Противъ Брэгга двинулись колонны Перри и Шофильда, между тѣмъ какъ Шерманъ самъ пошелъ на флангъ Джонстона. Колонны Шермана незначительными схватками отбросили непріятеля и въ концѣ марта заняли позицію при Файствилль-Гольдсборо, мятежническіе же корпуса Джонстона, Брэгга и Гарди сконцентрировались у Ралэ.

Но между тѣмъ положеніе этой арміи сдѣлалось довольно опаснымъ вслѣдствіе операцій Гранта, который заперъ ей дорогу въ Виргинію.

Напротивъ Шерманъ съ позиціи, занятой имъ при Гольдсборго, господствовалъ не только надъ вельдонскою желѣзною дорогой, но и надъ самимъ кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ къ виргинскимъ границамъ. Находясь въ то же время и у Смитфильда, онъ былъ такъ близокъ къ укрѣпленному Ралэ, что вслѣдствіе

этого непріятель былъ принужденъ еще къ большему раздробленію своихъ силъ.

Уже 5 февраля Грантъ двинулъ одинъ корпусъ потомакской арміи вдоль берега Гэтчеръ-Ренъ противъ линчбургской желѣзной дороги и такимъ образомъ воспрепятствовалъ Ли послать подкрѣпленія на югъ. Шериданъ, аттаковавшій 2 марта между Стантономъ и Шарлотвиллемъ и разбившій Ирли, появился теперь предъ Линчбургомъ, разрушилъ ричмондско-линчбургскую желѣзную дорогу и каналъ Джемсъ-Риверъ, такъ что въ Ричмондѣ, которому теперь отрѣзаны были всѣ пути сообщенія, долженъ былъ наступить голодъ. Послѣ такихъ успѣховъ онъ перешелъ Памунки и присоединился къ арміи Гранта, которая приготовлялась къ послѣднему великому удару. Ли понялъ неотвратимо грозившую опасность и 25 марта попытался разорвать непріятельскую линію. Дивизія Гордона изъ Питерсбурга пошла на земляныя укрѣпленія Стидмана, но такъ какъ она не была поддержана во время, то и была отбита.

Теперь въ лагерѣ конфедератовъ рѣшились на отчаянный планъ — именно, отрѣзать отъ Вашингтона правое крыло Гранта.

Между тѣмъ Портеръ сконцентрировалъ всѣ панцирныя суда въ Вильмингтонѣ. Рѣка Джемсъ была въ половодьи по причинѣ продолжительныхъ дождей. Мятежники разсчитывали спуститься съ мониторами и панцирными судами, построенными въ Ричмондѣ въ строгой тайнѣ, чрезъ искуственныя лагуны внизъ, разрушить понтонный мостъ Дикъ-Боттома, уничтожить транспорт-

ный флотъ, стоявшій при Сити-Пойнтѣ и захватить депо, — короче, однимъ ударомъ вдругъ дать совершенно другой видъ положенію дѣлъ. Этотъ сильный флотъ, каждое судно котораго было крѣпче „Тенесси“, могъ, господствуя надъ рѣкою Джемсъ и Чизапикскою губою, принудить Гранта отступить, стало быть, угрожать Вашингтону, и могъ уничтожить всѣ доселѣ сдѣланные Союзомъ успѣхи.

Новый флотъ, которому поручена была столь трудная задача, покинулъ фортъ Дарлингъ, прошелъ мимо форта Гаррисона и былъ открытъ только тогда, когда уже приблизился къ лагунамъ, которыя сдѣлалъ Грантъ для обороны на случай подобнаго нападенія. „Фридериксбургъ“ проложилъ себѣ дорогу сильнымъ ударомъ, но „Виргинія“ и „Ричмондъ“ сѣли на мель. „Фридериксбургъ“ долженъ былъ вернуться, чтобъ помочь имъ,— и это погубило все предпріятіе. Произошло чрезвычайное замѣшательство; отъ страха потерять два судна забыли о предпріятіи, думали только о спасеніи, котораго и добились, потерявъ одну панцирную лодку. Само собою разумѣется, что со стороны Гранта было сдѣлано теперь все, чтобы предупредить повтореніе подобныхъ несчастій. Одновременно съ этимъ онъ усилилъ также свое лѣвое крыло, для того чтобы наконецъ овладѣть линчбургской желѣзной дорогой, съ этою же цѣлью онъ сконцентрировалъ довольно значительныя силы. Но Ли предупредилъ его. 13 марта онъ двинулся изъ своей позиціи противъ фланга штурмовыхъ колоннъ Гранта и противъ питерсбургской линіи.

Этой послѣдней борьбѣ предшествовало отчаянное нападеніе Ли на фортъ Стидманъ. Но наконецъ таки нужно было очистить Питерсбургъ — эту сильную крѣкрѣпость, изъ за обладанія которой такъ долго и такъ отчаянно боролись, а тамъ палъ и Ричмондъ, душа мятежа. Слишкомъ поздно увидѣлъ Ли, что нужно было давно очистить Питерсбургъ. Но теперь уже было поздно; и когда онъ старался найти новую точку опоры, погибель уже приблизилась.

1 апрѣля Шериданъ, командовавшій въ то время лѣвымъ крыломъ, напалъ съ отрядомъ спѣшившейся кавалеріи на земляныя укрѣпленія въ Фивъ-Форксѣ, сооруженныя для защиты линчбургской желѣзной дороги, окружилъ ихъ своею пѣхотою и такимъ образомъ въ тылу этихъ укрѣпленій овладѣлъ давно желанною линіею желѣзной дороги. Вслѣдствіе этого дальнѣйшее обладаніе питерсбургско-ричмондской позиціей сдѣлалось невозможнымъ.

Точно также и Грантъ воспользовался въ это время пріобрѣтенными выгодами. Ночью на 1 апрѣля онъ отдалъ приказъ бомбардировать Питерсбургъ, а утромъ — двинуться впередъ штурмовымъ колоннамъ. Начиная отъ Аппатамокса и до вельдонской дороги пушечная пальба свирѣпствовала съ ужасною силою. Вмѣстѣ съ штурмовыми колоннами она подвигалась къ высокимъ валамъ, которые въ смутныхъ и неясныхъ очертаніяхъ отдѣлялись отъ сѣраго горизонта.

Борьба кипѣла то тутъ, то тамъ, массы людей за-

топили валы укрѣпленій, — и еще не было полудня, а уже сраженіе было рѣшено.

Кавалерія Шеридана очищала поле сраженія отъ бѣгущихъ. Наступила ночь. Портеръ засыпалъ снарядами съ своихъ мониторовъ фортъ Дарлингъ. Громъ раздавался все сильнѣе, сильнѣе, — непріятель сдѣлалъ вылазку изъ Питерсбурга, для того чтобы замаскировать свое отступленіе.

Послѣ полудня Шериданъ появился у непріятельскаго фланга и докончилъ пораженіе сепаратистовъ. Что касается упорства и ожесточенія сражающихся, то происходившая здѣсь пятнадцатичасовая битва не имѣетъ себѣ другой подобной. Непріятельскія укрѣпленія были взяты штурмомъ, потомъ очищены и наконецъ снова взяты союзниками. Шериданъ носился подобно урагану по полю сраженія, воодушевляя своихъ словомъ и примѣромъ. Его жизнь казалась неприкосновенною; каждую минуту вокругъ него очищалось мѣсто, но самъ онъ не получилъ ни одной раны. День уже приближался къ концу, а побѣда все еще не была совершенно окончена. Тогда Шериданъ посылаетъ въ тылъ и флангъ непріятеля двѣ кавалерійскія бригады — и это рѣшаетъ дѣло. Въ ночь на 3 апрѣля Ли очистилъ Питерсбургъ и Ричмондъ, предавши предварительно послѣдній городъ въ жертву огню и взорвавши панцирныя суда съ пороховыми магазинами. При этомъ случаѣ въ руки союзниковъ достались 12,000 плѣнныхъ и 50 полевыхъ орудій.

На разсвѣтѣ союзная армія вошла въ городъ, нѣко-

торыя части котораго сильно пострадали. Затѣмъ, спустя нѣсколько часовъ, послѣдовало назначеніе генерала Вейтцеля, командовавшаго негрскими полками, комендантомъ города. Съ какою радостью привѣтствовали теперь своихъ освободителей тѣ уніонистскіе военноплѣнные, которые содержались въ палаткахъ Белль-Иля на Джемскомъ каналѣ у Ричмонда! Но сколько погибло изъ числа этихъ 7000 плѣнниковъ, содержавшихся въ открытыхъ помѣщеніяхъ, страдающихъ поэтому и отъ дурной погоды, и отъ дурного присмотра: Осталось дѣломъ нерѣшеннымъ—погибла ли главная масса ихъ еще прежде, или освободилась послѣ вступленія своихъ въ Ричмондъ.

Часто слышались жалобы на ту жестокость, съ которою жители Ричмонда, а еще болѣе жестокіе сепаратистскіе правители истязывали попавшихся къ нимъ въ руки сѣверныхъ салдатъ. Зимою 1864--1863 года генералъ Кильпатрикъ, послѣ того какъ вашингтонское правительство уже много мѣсяцевъ спорило съ ричмондскимъ объ условіяхъ размѣна плѣнныхъ, рѣшился просто освободить союзныхъ плѣнныхъ, находившихся въ Ричмондѣ. Однако предпріятіе это не удалось и при этомъ даже былъ убитъ полковникъ Дальгренъ. Съ этихъ поръ въ газетахъ стали появляться такія ужасающія извѣстія о возрастающемъ безчеловѣчіи южнаго правительства, что мы охотно отвергли бы все это какъ ложь, если бы только процессъ Виртца, о которомъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ, не выяснилъ намъ тѣхъ

побужденій, которыми руководились Дэвисъ и его товарищи къ стыду нашего гуманнаго времени.

2. Подавленіе мятежа.

4 ч. Авраамъ Линкольнъ, окруженный густою толпою народа, явился передъ воротами Ричмонда. Онъ въѣхалъ въ городъ, сопровождаемый волнующимся потокомъ народа до самаго капитолія. Появившись на балконѣ правительственнаго дворца, онъ съ грустью смотрѣлъ на необозримую массу мущинъ, женщинъ и дѣтей, черныхъ, бѣлыхъ и коричневыхъ, которые при громкихъ крикахъ и привѣтствіяхъ танцовали, прыгали и махали въ знакъ радости своими шляпами и платками. Послѣ продолжительной оваціи Линкольнъ отправился въ домъ, занимаемый прежде главою мятежниковъ. Здѣсь при безконечныхъ привѣтствіяхъ собравшагося на дворѣ народа, безпрерывно кричавшаго „Heil, Heil“! онъ принялъ мѣстныя власти и почетнѣйшихъ гражданъ. Еще разъ выйдя на балконъ, онъ, сопровождаемый оглушительными привѣтстіями, немедленно оставилъ домъ, а вскорѣ и главный городъ Юга, чтобы въ тотъ же вечеръ возвратиться въ Вашингтонъ.

Южная армія, повсюду разбитая и оттѣсненная отъ Ричмонда и Питерсбурга, состояла теперь изъ трехъ отрядовъ. Одинъ, составлявшій право крыло Ли, былъ разбитъ Шериданомъ при Фивъ-Форксѣ и, преслѣдуемый кавалеріей Кустора, перешелъ Аппаматоксъ. Центръ

и лѣвое крыло Ли, ночью съ 2 на 3 апрѣля, точно также перешли эту рѣку; третья часть состояла изъ гарнизона Ричмонда, который въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ держалъ непріятель въ осадѣ при рѣкѣ Джемсъ. Эти три отряда соединились 3 апрѣля при Честерфильдъ-Куртузѣ, между Питерсбургомъ и Ричмондомъ, составивъ почти 60,000 армію. Не смотря на эту цифру, бодрость войскъ упала и дисциплина ослабѣла до такой степени, что единственная надежда оказать нѣкоторыя услуги дѣлу, за которое они сражались, состояла въ разсчетѣ на отсрочку, которая нужна была союзной арміи, чтобы собраться послѣ такой страшной борьбы. Но Ли обманулся и въ этомъ разсчетѣ.

Теперь даже не нужно было дѣлать какихъ нибудь воззваній къ союзной арміи и убѣждать ее, чтобы она употребила свои послѣднія силы для довершенія полной побѣды. Генералъ-гражданинъ Грантъ не былъ на столько суетенъ, чтобы тратить время на парадный въѣздъ въ Ричмондъ. Питерсбургъ, который такъ долго ему противился и который въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, казалось, былъ подъ особеннымъ покровительствомъ неба, увидѣлъ на разсвѣтѣ, что густыя толпы двигаются по его улицамъ и что онѣ удаляются проворными шагами, какъ будто не стоило труда осматривать мѣсто, завоеваніе котораго стоило такъ много крови. Ли еще не тронулся съ мѣста, а Грантъ уже началъ свой фланговый маршъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ соединеніе его съ Джонстономъ. Отъ Честерфильда, гдѣ стоялъ

Ли, шла данвилльская желѣзная дорога. Если бы Ли достигъ Борксвилля прежде Гранта, онъ не былъ бы отрѣзанъ, а только былъ преслѣдуемъ по параллельному направленію. Шериданъ во главѣ авангарда остался на мосту данвилльской желѣзной дороги, идущей чрезъ Аппаматоксъ, главный же корпусъ взялъ направленіе къ Амеліа-Куртузъ, Ордъ—на Борксвилль. Трудные переходы, тяжелые ранцы, недостаточные раціоны и топкія дороги были обременительны для храбрыхъ солдатъ, но они были веселы и бодры.

Шериданъ прежде Ли достигъ Джеттерсвилля, аттаковалъ форпосты непріятеля, взялъ 2000 плѣнныхъ и оттѣснилъ его къ Амеліа-Куртузъ; обозъ съ провіантомъ, идущій къ Ли, былъ отрѣзанъ и взятъ. Ночью Ли снова тронулся съ мѣста и по полю пошелъ къ Фэрмвиллю. Но былъ опереженъ. Гумфрей бросился на его аррьергардъ и взялъ обозъ. Едва только Ли пошелъ по направленію къ Гай-Бриджу, какъ натолкнулся на Орда, который шелъ изъ Борксвилля. Ли отбросилъ его назадъ, но въ это время подоспѣлъ главный корпусъ Гранта. Теперь Ли нужно было, если только онъ не хотѣлъ быть совершенно истребленнымъ, обратиться противъ своего ожесточеннаго преслѣдователя. Онъ это и сдѣлалъ. Эвель, его лучшій генералъ, приготовился къ битвѣ, но Шериданъ, всегда смѣлый и геніальный, быстро бросился на врага, не осмотрѣвши даже его позиціи, и разбилъ его на части. Между тѣмъ загремѣли пушки Гумфрея, а Райтъ пошелъ въ аттаку; 9000

человѣкъ, въ томъ числѣ и самъ Эвель, попали въ плѣнъ.

Этотъ ударъ нанесъ мятежникамъ окончательное пораженіе.

Линія, по которой слѣдовало отступать непріятелю, была завалена всевозможными матеріалами; орудія и пороховые ящики загораживали ему дорогу. Но Ли все таки бѣжалъ дальше; тогда съ тылу и съ фланга у него появляется армія, стоявшая при рѣкѣ Джемсъ, и отрѣзаваетъ ему послѣдній путь къ отступленію. Только ночь спасла его на этотъ разъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Но онъ все еще надѣется достигнуть Линчбурга. Онъ опять быстро трогается съ мѣста, но и непріятель слѣдуетъ за нимъ, какъ голодная стая собакъ. Теперь Ли принужденъ вступить въ послѣднюю битву. Еще разъ раздается воинственный кличь Юга, его испытанные ветераны очертя голову бросаются впередъ; они думаютъ встрѣтиться съ одной только кавалеріей, но противъ нихъ стоитъ весь второй корпусъ, страшный огонь опрокидываетъ ихъ первые ряды.

Упрямый мятежникъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса, онъ чувствовалъ на своей шеѣ петлю. Оттѣсненный отъ данвилльской желѣзной дороги, отрѣзанный отъ арміи Джонстона, Ли, которому даже и при благопріятныхъ обстоятельствахъ можно было разсчитывать только на отступленіе къ Линчбургу , гдѣ ему угрожали Грантъ, Ганкокъ, Стонеманъ, обреченный на неизбѣжную погибель съ совершенно изнемогшей отъ лишеній, усталости и потерь

деморализованной арміею—долженъ былъ выбирать теперь или отчаянную борьбу, которая должна была кончиться совершеннымъ его уничтоженіемъ, или же капитуляцію.

Грантъ, руководимый чувствами истиннаго героя, который, уважая храбрость и способности своего противника и имѣя въ виду его несчастіе, старается облегчить неизбѣжное, писалъ Ли и во имя человѣчества требовалъ отъ него, чтобы онъ сдался съ виргинскою арміею. Ли спрашивалъ объ условіяхъ; Грантъ отвѣчалъ, что онъ хочетъ только одного, именно у всѣхъ принадлежащихъ къ непріятельской арміи отнять всякую возможность снова поднимать оружіе противъ Соединенныхъ Штатовъ. Ли отвѣчалъ уклончиво: онъ хотѣлъ договариваться; онъ рѣшился въ послѣдній моментъ сдѣлать попытку и заставить признать мятежниковъ политическою силою. Грантъ понялъ все это, и окруженный Ли долженъ былъ подчиниться. Потому что для него было совершенно невозможно продержаться даже и одинъ день. И однакожъ не смотря па все это условія, предписанныя Грантомъ своему противнику, скорѣе носили на себѣ признаки гуманной любви ко врагу, нежели разсчета на месть, обусловливаемаго положеніемъ дѣлъ. Грантъ дошелъ въ своей снисходительности даже до того, что непріязненнымъ войскамъ, численность которыхъ колебалась въ послѣднее время между 10,000 и 20,000, не далъ формальнаго приказанія положить оружіе, а требовалъ только простого распущенія ихъ, чтобы они разошлись по различнымъ направленіямъ, кто куда хочетъ. А изъ этого могло выйти

то, что многіе остатки арміи Ли могли немедленно отправиться въ армію Джонстона.

Джонстонъ, сжатый арміями Гранта и Шермана, еще могъ бы спастись въ Южную Каролину или Георгію, но Стонеманъ двинулся быстрымъ маршемъ къ Салисбюри, разрушилъ тамъ всѣ запасы и на 100 миль рельсовъ, а все это было необходимо непріятелю для его отступленія. Шерманъ въ это время занялъ Ралэ, однако Джонстонъ уклонился отъ битвы и отступилъ къ Гронсборо. Побѣдитель при Саваннѣ согласился на остановку оружія, — единственный случай во все продолженіе этой войны. Но такъ какъ президентъ не согласился на это, то сюда поспѣшилъ Грантъ и окончилъ дѣло капитуляціей. Блистательная заключительная катастрофа мятежа произошла съ мониторомъ „Веббъ" на Редъ-Риверѣ, когда онъ пытался, минуя блокадный флотъ, выйти въ открытое море. Его узнали только тогда, когда онъ уже прошелъ сторожевыя суда; стоя подъ огнемъ непріятеля, онъ выкинулъ мятежническое знамя, но фрегатъ „Ричмондъ" вдругъ загородилъ ему дорогу. Онъ устремился къ берегу; экипажъ разбѣжался, положивши напередъ внутрь судна огонь.

Между тѣмъ Вильсонъ быстро прошелъ чрезъ Алабаму. Недалеко отъ Маріона-Плантерсвилля онъ уничтожилъ сопротивлявшагося непріятеля. И при Мобилѣ также еще случилось одна серьезная схватка, о которой слѣдуетъ упомянуть. Тамъ еще развѣвалось мятежническое змамя, не смотря на то, что этотъ фортъ

былъ взятъ и Фэррагот уничтожилъ непріятельскій флотъ.

Въ мартѣ адмиралъ Тэтчеръ получилъ приказъ сдѣлать нападеніе. Флотъ и сухопутныя войска дѣйствовали сообща. Два судна были разрушены посредствомъ адской машины. Наконецъ 8 апрѣля Кэнби два раза бомбардировалъ укрѣпленія города и взялъ послѣдніе валы въ тотъ самый день, когда пришло извѣстіе объ очищеніи Питерсбурга. Когда 10 апрѣля флотъ вошелъ въ гавань, онъ уже нашелъ Мобиль очищеннымъ.

Такъ кончилась страшная война, свирѣпствовавшая въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Много человѣческихъ жертвъ, матеріяла и собственности поглотила эта братоубійственная борьба. Трудно сосчитать, сколько богатства и крови погибло у мятежниковъ. Быть можетъ даже самыя ричмондскія власти не могутъ дать намъ вѣрнаго понятія объ этихъ потеряхъ, служащихъ для нихъ справедливымъ укоромъ.

Со стороны сѣверянъ номинально призванныхъ къ службѣ было 1,400,000 человѣкъ, но дѣйствительно участвовало въ дѣлѣ 810,000. Потери въ войскѣ (убитыми и раненными) были объявлены въ 320,000. Мы не можемъ лучше заключить этого изображенія великой кровавой драмы, какъ словами передового бойца эманципаціи, сенатора Сомнера, который 10 сентября 1863 пророчески сказалъ въ Нью-Іоркѣ:

„Теперь наконецъ, по смерти рабства, республика начнетъ жить. Ибо что за жизнь безъ свободы? Про-

стираясь отъ одного океана до другого, богато населенная и изобилующая средствами всѣхъ родовъ, втройнѣ счастливая своею общею свободою, она сдѣлается больше, чѣмъ однимъ только побѣдителемъ, для ея силъ не будетъ ничего слишкомъ великаго, для ея заботъ ничего слишкомъ малаго! Наша республика, торжествуя надъ постыднѣйшимъ безправіемъ, какое когда либо существовало, торжествуя послѣ самой кровопролитной борьбы, которая когда либо была ведена, узнаетъ величіе права и благословеніе мира, будучи всегда готова первое неизмѣнно сохранять и о второмъ заботиться. Могущественная по своему естественному положенію, исполненная новой жизни и покрытая славою, она возвѣститъ міру, что господство не имѣетъ никакой цѣны, если оно не содѣйствуетъ человѣческому счастью!“

ГЛАВА IX.

ПОБѢДА И СМЕРТЬ.

1. Внѣшняя и внутренняя политика во время войны.

Тотъ фактъ, что театромъ только что оконченной войны была большею частію обширная и почти непроходимая лѣсистая мѣстность, лучшія же дороги вблизи линій были по большей части дѣломъ армій, — не допускаетъ здѣсь примѣненія обыкновенной европейской военной критики. Ибо трудно понять, какъ на такой мѣстности располагалась боевая линія, какъ она была построена или какимъ образомъ могла здѣсь съ пользою примѣняться артиллерія. Кавалерійская аттака при такихъ условіяхъ была немыслима. Подобная невозможность дѣйствительнаго примѣненія всѣхъ военныхъ силъ, особенно кавалеріи, и была причиною того, что большая часть данныхъ сраженій не имѣла рѣшитель-

наго характера. Но рекогносцировка встрѣчала еще большія затрудненія, такъ что подобныя изслѣдованія нужно было производить съ помощію значительнаго числа всей арміи. Съ своей стороны и пикетныя линіи нерѣдко помѣщались такъ близко одна отъ другой, что перестрѣлка являлась чѣмъ-то безполезнымъ и поэтому была совершенно оставляема.

Помѣщеніемъ для генерала Гранта при Сити-Пойнтъ была небольшая избушка, голыя стѣны которой вмѣщали въ себѣ складную кровать, ящикъ, помѣченный первыми буквами имени владѣтеля, столъ и два или три стула.

Нельзя отвергать того, что сѣверная армія много потеряла отъ постояннаго отпуска выслужившихся ветерановъ и отъ замѣщенія ихъ новичками; притомъ эти вновь поступающіе рекруты были безразсудно формируемы въ новые полки, вмѣсто того чтобы размѣщать ихъ по старымъ. Олигархи южныхъ штатовъ лучше соображали, они понимали, что слѣдуетъ удержать своихъ ветерановъ въ полѣ. Срокъ службы солдатъ, обязанныхъ быть подъ ружьемъ въ продолженіе одного года, былъ сначала продолженъ сепаратистскимъ конгрессомъ на три года, а потомъ и на все время войны— вѣроломный поступокъ, которому едва ли можно найти другой примѣръ. Между тѣмъ нужда заставила ихъ призвать подъ знамя всѣхъ достигшихъ сорокалѣтняго возраста, потому что уже въ іюнѣ 1863 Джефферсонъ Дэвисъ увидѣлъ необходимость снова пополнить свою армію. Дезертирство, какъ естественное слѣдствіе это-

го, приняло наконецъ такіе размѣры, что при концѣ войны конфедератскіе генералы должны были употреблять значительную часть своихъ войскъ только для того, чтобы стеречь остальныхъ.

Всѣ остальные вопросы какъ внѣшней, такъ и внутренней политики отступили на задній планъ предъ тѣми великими заботами, которыя возникли для Авраама Линкольна по случаю этой войны, объемъ которыхъ мы укажемъ въ послѣдней главѣ.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о томъ неудовольствіи, которое порождалось вѣроломствомъ Англіи, по случаю постройки и вооруженія ею сепаратистскихъ каперовъ и панцирныхъ судовъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ нарушеній международнаго дружества, не смотря на то, что Великобританія 13 мая 1861 объявила нейтралитетъ; говорили мы также и о подобномъ возбужденіи неудовольствія на Францію за ея страсть къ вмѣшательству и за ея иногда двусмысленное поведеніе. Страна и ея верховный представитель отложили разсчетъ съ своими враждебными единоплеменниками и съ своими прежними союзниками на морѣ до болѣе удобнаго времени; они не хотѣли и не могли забыть открытаго покровительства измѣнѣ, равно какъ и вреда своимъ самымъ ближайшимъ интересамъ, что и дано почувствовать въ нотѣ государственнаго секретаря Сьюарда отъ 19 февраля 1863 г. о соотвѣтственномъ вознагрежденіи.

На столько жители Союза были согласны съ своимъ мудрымъ верховнымъ сановникомъ. Но много не

согласій породило слишкомъ деликатное отношеніе къ вопросу, сдѣлавшемуся почти спорнымъ пунктомъ, о нарушеніи границъ американской территоріи сепаратистскими отрядами волонтеровъ и ихъ англійскими единомышленниками въ сосѣдней Канадѣ. Съ этою цѣлію еще въ 1863 году производились ими различныя приготовленія, которыя озабочивали сѣверное правительство и относительно которыхъ англійское правительство предостерегало вашингтонскій кабинетъ. Когда въ половинѣ 1864 года командовавшій въ сѣверовосточныхъ департаментахъ уніонистскій генералъ Диксъ объявилъ нарушителей мира, сдѣлавшихъ нападеніе на городъ С. Альбанъ, шайкою разбойниковъ и въ энергической прокламаціи обвинялъ Англію въ открытомъ вѣроломствѣ, вашингтонскій кабинетъ не поднялъ брошенно ему перчатки и не одобрялъ горячаго усердія своего генерала. Линкольнъ открыто высказалъ, что гораздо лучше будетъ направить всѣ силы страны къ окончательному покоренію сепаратизма. Роковыя неудачи на театрѣ военныхъ дѣйствій научили его, что раздробленіе силъ равнозначительно потери колеблющейся побѣды. Этимъ же глубокимъ пониманіемъ положенія дѣлъ и своихъ собственныхъ средствъ объясняется и то, почему президентъ, вопреки преданіямъ доктрины Монроэ, не помогалъ словомъ и дѣломъ къ поддержанію республиканскаго государственнаго устройства въ сосѣдней Мехикѣ, а удовольствовался только простымъ отрицаніемъ габсбургской имперіи, возникшей подъ наполеоновскимъ протекторатомъ, въ то время какъ его

министръ иностранныхъ дѣлъ Сьюардъ ограничился заявленіемъ протеста противъ всякаго кореннаго государственнаго переворота въ Сѣверной и Южной Америкѣ безъ содѣйствія Союза. Точно также далеко держались Линкольнъ и его государственный секретарь отъ испанско-перуанскихъ смутъ, и можно положительно утверждать, что эта умѣренная иностранная политика находила въ то время тѣмъ большее всеобщее одобрѣніе, что основывалась на преданіи высокочтимыхъ первыхъ президентовъ, стремленія которыхъ точно также были направлены къ тому, чтобы удерживать республику отъ вмѣшательства, такъ какъ она сама устраняла отъ себя подобныя же притязанія другихъ государствъ.

Заботы или лучше сказать опасенія разнаго рода принудили добросовѣстнаго Линкольна объявить въ сентябрѣ 1862 г. отмѣну акта Habeas Corpus въ интересѣ военной власти, особенно въ округахъ, занятыхъ войною, и въ пограничныхъ штатахъ. Онъ вполнѣ оправдывалъ эту мѣру, совершенно необходимую для общаго блага, указывая на соотвѣтственныя мѣста въ конституціи. При этомъ онъ очень хорошо сознавалъ, что этотъ актъ только тогда достигнетъ своей цѣли, когда съ нимъ будетъ связана исполнительная власть, допускаемая государственнымъ устройствомъ. Онъ убѣдительно доказывалъ, что главная опасность заключается въ замедленіи, которое неизбѣжно должно произойти, — какъ скоро приходиться дѣйствовать въ то время, когда еще конгрессъ не собрался, какъ это напримѣръ и случилось при взятіи „Ballandigham.“

Не меньшія затрудненія проистекали для президента и изъ слишкомъ разнообразнаго управленія его генераловъ, которыхъ усердіе къ Союзу заставляло иной разъ или же быть очень поспѣшными, или же издавать не совсѣмъ законныя объявленія, прокламаціи и обѣщанія. Преждевременно обнародованныя Фримонтомъ и Гунтеромъ конфискаціи и эманципація были объявлены Линкольномъ, 30 августа 1861 и въ маѣ 1862, недѣйствительными, мѣры же, позднѣе принятыя восторженными друзьями невольниковъ, были имъ по крайней мѣрѣ значительно измѣнены.

Но больше всего обременяло испытаннаго государственнаго правителя то обстоятельство, что онъ былъ лично отвѣтственъ за распоряженія своихъ уполномоченныхъ, дѣйствующихъ въ главныхъ пунктахъ завоеванныхъ сепаратистскихъ штатовъ. Мы знаемъ, съ какимъ восторгомъ привѣтствовали паденіе Новаго Орлеана, такъ какъ это было первое значительное пріобрѣтеніе на южномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. На командира побѣдоноснаго корпуса, генерала Бенжамена Ф. Ботлера, была возложена теперь трудная обязанность умиротворить отпавшій городъ и примирить его жителей съ тѣмъ новымъ положеніемъ, которое должно было наступить для нихъ, и притомъ, если только Союзъ дѣйствительно желалъ быть повелителемъ этого завоеваннаго города, занять мѣсто его прежнихъ сепаратистскихъ правителей. Генералъ Ботлеръ держался системы строгостей въ этой непокорной торговой метрополіи Юга. Онъ принималъ мѣры противъ мущинъ и

даже не щадилъ тѣхъ женщинъ, которыя, забывъ свой долгъ, старались играть роль въ печальныхъ смутахъ партій. На сколько окончательное утвержденіе порядка свидѣтельствуетъ объ умѣ его представителя, на столько же мало находитъ онъ себѣ ревностныхъ и постоянныхъ защитниковъ. Этому не всегда счастливому генералу, заваленному жалобами, угрозами и ругательствами, козалось, что для него легче сражаться съ непріятелемъ, чѣмъ отправлять свою мирную миссію. Наконецъ даже самъ президентъ былъ радъ видѣть генерала снова въ арміи и такимъ образомъ отдѣлаться отъ лая большихъ и маленькихъ собакъ, какъ дома, такъ и за моремъ.

На сколько удары, сыпавшіеся на „ново-орлеанскаго палача“, но попадавшіе большею частію въ правительство, были жестоки, на столько же казалось комичнымъ разгоряченіе умовъ въ своей и непріятельской странѣ, какъ скоро Линкольнъ, послѣ изданія эманципаціонныхъ актовъ отъ 22 сентября 1862 г. и отъ 1 генваря 1863 г., далъ этимъ законамъ практическое примѣненіе и приступилъ къ образованію тѣхъ много разъ упоминаемыхъ негрскихъ колоній недалеко отъ Виксбурга и въ другихъ пунктахъ по рѣкѣ Миссиссипи, посредствомъ которыхъ поселенія освобожденныхъ негровъ получили возможность оправдать доброе мнѣніе Авраама Линкольна объ ихъ трудолюбіи.

Батюшка Авраамъ былъ именно такой человѣкъ, который позволялъ добрымъ и дурнымъ друзьямъ негровъ горячиться на словахъ. Самъ же онъ энергиче-

ски продолжалъ разъ начатое дѣло, и эти развившіяся негрскія поселенія говорятъ по крайней мѣрѣ за то, что подобные опыты должны были сдѣлать больше того, чѣмъ сдѣлали ихъ противники, вообще не хотѣвшіе удовольствоваться довольно удовлетворительными успѣхами.

Непосредственно за актомъ освобожденія послѣдовалъ въ февралѣ 1863 и другой актъ — о принятіи и помѣщеніи черныхъ въ союзную армію, — тотъ рѣшительный шагъ впередъ, о которомъ мы уже говорили подробно. Безчисленный притокъ черныхъ нашелъ себѣ мѣсто какъ въ сухопутной арміи, такъ и во флотѣ, а равно и въ средѣ спеціально рабочихъ войскъ.

Употребленіе негрскихъ войскъ есть также дѣло вышеупомянутаго генерала Ботлера, неистощимая энергія и желѣзная воля котораго устраняли всѣ препятствія, грозившія въ разныя времена задержать эту моральную и соціальную революцію. „Ferro iis libertas proveniet!“ (свобода для нихъ выйдетъ изъ меча) — вотъ девизъ, который написалъ онъ на медали, выбитой для негрскихъ войскъ. Какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ Ботлеръ является образцомъ истинно-республиканскаго вождя. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, предвидѣвшихъ конечные результаты великой борьбы и съ увѣренностью предсказывавшихъ, что неизбѣжное великое общественное преобразованіе совершится только съ уничтоженіемъ рабства. Онъ былъ первый, который какъ показываетъ извѣстная нью-іорская рѣчь, на самомъ широкомъ ос-

нованіи защищалъ и предлагалъ политику амнистіи и примиренія.

Президентъ вовсе не былъ чуждъ такихъ примирительныхъ намѣреній ни во время предложенія, сдѣланнаго конгрессу (іюль 1864), ни послѣ того. Онъ былъ не только всегда готовъ вступить съ Югомъ въ переговоры, подъ условіемъ возстановленія Союза, но даже нерѣдко выражалъ подобную мысль, какъ въ неоднократныхъ отдѣльныхъ помилованіяхъ, такъ и общею амнистію. Замѣчательнѣе всего въ этомъ отношеніи была его прокламація, появившаяся 8 декабря 1863, въ которой онъ обѣщалъ всѣмъ возставшимъ забвеніе прошлаго, коль скоро они положатъ оружіе и снова присягнутъ въ вѣрности Союзу.

2. Второе президенство Авраама Линкольна.

Политика президента Линкольна и его правительства выражалась всегда ясно и отчетливо собственными ихъ устами. Скрытность и утайка не запятнали ни одного документа за все время его президенства. Свободный и откровенный, чистый и довѣрчивый, онъ говорилъ открыто, а потому и пріобрѣлъ полное сочувствіе народа и неизмѣнную любовь всѣхъ лучшихъ людей, чѣмъ пользовались до конца своей службы только очень немногіе государственные люди. „Правда“ —вотъ слово, которое постоянно было въ устахъ всѣхъ, трактовавшихъ о его политикѣ; его неподкупная правди-

вость въ связи съ истиннымъ великодушіемъ исключали всѣ эгоистическія и посторонныя цѣли. Кромѣ того онъ не только самъ былъ серьезно проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что право и истина, безконечно возвышающіяся надъ безправіемъ и ложью, заслуживаютъ всякаго предпочтенія, онъ даже не могъ и представить себѣ того, чтобы народъ не раздѣлялъ вмѣстѣ съ нимъ этой простой, чистой вѣры и не сталъ бы судить объ немъ съ такимъ же великодушіемъ, съ какимъ онъ самъ судилъ о народѣ, развивая свои планы и идеи. Духъ политики, думающей достигнуть своихъ цѣлей скрытностью и обманомъ, ни на одну минуту не омрачилъ ясности его духа и не возмутилъ чистоты его помысловъ. Это совершенно очевидно уже изъ того, что въ основаніи всѣхъ другихъ интересовъ той войны, въ продолженіе которой Авраамъ Линкольнъ призванъ бѣлъ руководить органическимъ прогрессомъ націи, на первомъ планѣ поставленъ былъ вопросъ о рабствѣ, или объ уваженіи къ африканскому элементу въ населеніи Союза. Вся его политика можетъ быть сведена почти къ одному этому вопросу, и образъ его мыслей объ этомъ предметѣ съ удивительною ясностью и откровенностью окончательно развитъ въ его письмѣ отъ 4 апрѣля 1864 къ одному частному лицу въ Кентукки.

„Я — пишетъ онъ — отъ всего сердца противъ рабства. Потому что, если бы рабство не было несправедливостью, тогда уже ничто въ мірѣ не было бы несправедливо. Я не могу припомнить себѣ ни одного

момента, когда бы я думалъ и чувствовалъ иначе. Но я никогда не могъ себя убѣдить въ томъ, что мой президентскій санъ даетъ мнѣ неограниченное право руководиться въ моей оффиціальной дѣятельности такими мыслями и чувствами. Въ данной мною присягѣ я обязался всѣми силами охранять, защищать и удерживать государственное устройство Соединенныхъ Штатовъ, а свою должность я могъ принять только вмѣстѣ съ присягою. Конечно, мнѣ не могло придти на умъ давать присягу только ради власти, чтобъ потомъ, получивъ власть, нарушать ее. Даже больше того, я вполнѣ сознавалъ, что присяга возлагала на меня обязанность отказываться во время моего правленія въ моей оффиціальной дѣятельности отъ своихъ личныхъ воззрѣній на моральную сторону невольническаго вопроса. Я часто и въ различной формѣ высказывалъ это народу и до сего дня не совершилъ еще ни одного такого оффиціальнаго акта, который бы главнымъ образомъ проистекалъ изъ моихъ личныхъ мыслей и чувствъ относительно рабства. Напротивъ, я ни на одну минуту не сомнѣвался въ томъ, что моя клятва всѣми силами сохранять государственное устройство, клятва, налагавшая на меня обязанность всѣми возможными средствами поддерживать только Союзъ и націю, сама есть органическій основный законъ этого государственнаго устройства; потому что возможно ли погубить націю и въ тоже время сохранять ее государственное устройство?

„Вообще наша обязанность такова,—сохранять нашу жизнь, заботиться о нашемъ тѣлѣ. И однако же мы

ежедневно видимъ, какъ у больного тѣла отнимается какой нибудь членъ для того только, чтобы сохранить жизнь остального; но было ли бы разумно погубить жизнь для того только, чтобъ сохранить одинъ членъ? Я вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что нѣкоторыя мѣры, несогласныя при однихъ обстоятельствахъ съ государственнымъ устройствомъ, могутъ стать совершенно законными при другихъ случаяхъ, впрочемъ если только онѣ необходимы для того, чтобы посредствомъ спасенія націи спасти государственное устройство.

„Справедливо это или нѣтъ, но я могу поставить себя только на такую точку зрѣнія и я свободно и открыто говорю это. Для меня невозможно понять, какимъ образомъ я могъ бы дѣлать даже однѣ попытки сохранять всѣми своими силами конституцію, если бы я долженъ былъ въ интересѣ рабства или какого нибудь другого второстепеннаго предмета допускать погибель государства, страны и конституціи. Когда въ первое время войны генералъ Фримонтъ старался ввести эманципацію военными мѣрами, я запретилъ ему это и именно только на томъ основаніи, что тогда еще не могъ видѣть крайней необходимости въ подобномъ шагѣ. Когда, немного спустя, генералъ Камеронъ, тогдашній секретарь военнаго министерства, предложилъ вооруженіе черныхъ, я не принялъ этого предложенія, просто по той причинѣ, что опять-таки не видѣлъ въ этомъ крайней необходимости. Точно также, когда позднѣе генералъ Гунтеръ старался осуществить эманципацію посредствомъ военныхъ приказовъ, я снова запретилъ

это, потому что и тогда еще не было, по моему мнѣнію, крайней необходимости прибѣгать къ подобной мѣрѣ. Когда же въ мартѣ, маѣ и въ іюлѣ 1862 г. появились въ первый разъ рѣшительныя и неоднократныя требованія помочь эманципаціи посредствомъ выкупа, тогда только я повѣрилъ, что наступила пора осуществить эманципацію путемъ войны, и вооруженіе черныхъ,, если бы оно не было устранено осуществленіемъ цѣли само собою становилось дѣломъ неизбѣжнымъ. Мои предложенія были отклонены, и я, по моему крайнему разумѣнію, вынужденъ былъ къ альтернативѣ — или погубить Союзъ и конституцію, или же энергически стараться дать цвѣтному элементу мѣсто въ нашемъ населеніи. Я выбралъ послѣднее, потому что тутъ я видѣлъ меньше потерь. Теперь опытъ болѣе чѣмъ одного года показываетъ, что мы чрезъ это ничего не потеряли ни въ нашихъ заграничныхъ отношеніяхъ, ни въ общественномъ мнѣніи, ни въ военномъ достоинствѣ нашихъ бѣлыхъ полковъ, вообще ни въ какомъ отношеніи. Но съ другой стороны эта мѣра дала намъ 130,000 солдатъ, матросовъ, работниковъ. Это—поразительный фактъ, о которомъ, какъ о фактѣ, не можетъ быть никакого спора. Мы имѣемъ солдатъ, а мы не могли бы имѣть ихъ, не прибѣгая къ извѣстной мѣрѣ. И послушайте теперь, что говоритъ объ этой мѣрѣ какой-нибудь уніонистъ, прежде жаловавшійся на нее. Напишемъ съ одной стороны, что онъ согласенъ на подавленіе мятежа посредствомъ вооруженной силы, а съ другой, что онъ стоитъ за

уменьшеніе силъ на всѣ эти 130,000 человѣкъ. Если же онъ не можетъ смотрѣть прямо на такое изложеніе спорнаго пункта, то это значитъ именно только то, что онъ не можетъ смотрѣть въ глаза истинѣ. Позвольте мнѣ въ заключеніе еще одно слово, которое имѣетъ отношеніе къ мотиву моихъ настоящихъ разсужденій. Я вовсе не претендую на славу предвидѣть и руководить событіями, напротивъ, я откровенно и свободно заявляю, что событія управляютъ мною. Теперь, послѣ борьбы трехъ лѣтъ, положеніе націи все еще не таково, какъ желали и ожидали каждая партія и даже каждый гражданинъ. Одному Богу принадлежитъ эта слава. Впрочемъ понятно, къ чему дѣло клонится. Если Богъ въ своемъ неисповѣдимомъ совѣтѣ рѣшилъ искоренить великое зло и опредѣлилъ, чтобы мы, жители Сѣвера, и вы, жители Юга, были наказаны за него, то безпристрастно оцѣнивая обстоятельства, мы можемъ найти здѣсь только новое основаніе для исповѣданія и прославленія благости и справедлавости Его".

Само собою разумѣется, что политика президента не можетъ быть изожена яснѣе и отчетливѣе того, чѣмъ сдѣлалъ это здѣсь самъ благородный человѣкъ. Отсюда видно, что Линкольнъ, который при своемъ вступленіи въ должность нашелъ Союзъ раздробленнымъ, высшую цѣль своихъ стремленій видѣлъ въ совершенномъ возстановленіи Союза со всѣми его областями и въ уничтоженіи, на сколько то возможно, чернаго пятна рабства съ его знамени. Всѣ его безчисленныя рѣчи и прокламаціи были направлены къ этой же самой цѣли,

потому что сохраненіе націи въ цѣлости было его высшею цѣлью. Линкольнъ полагалъ, что лучше сохранить страну, хотя бы не оставивши и буквы ея конституціи, чѣмъ имѣть конституцію безъ куска земли. Но онъ спасъ и то, и другое.

Однимъ изъ затрудненій для него было то, что онъ не могъ признать Дэвиса главою южнаго правительства, потому что въ такомъ случаѣ онъ призналъ бы сепаратизмъ и этимъ далъ бы наилучшій предлогъ признать его и правительствамъ Европы. Поэтому онъ и не могъ вести никакихъ переговоровъ съ лицами, присылаемыми къ нему отъ Дэвиса. Возможность переговоровъ съ нимъ Линкольнъ очень ловко устранилъ своею краткою, но многозначительною прокламаціею, отъ 18 іюня 1864 года, обращенною къ тому, „кто чувствуетъ, что это къ нему относится“.

Но даже на самомъ Сѣверѣ появилось опасное меньшинство, видѣвшее въ Линкольнѣ не вполнѣ законнаго президента. Даже между собственными его приверженцами, республиканцами, большинству казались его медленные шаги въ дѣлѣ эманципаціи слишкомъ быстрыми, а когда наконецъ его непоколебимая твердость влила бодрость и въ нихъ, то слишкомъ медленными. Все, что ни дѣлалъ онъ, порицалось одними какъ превышеніе закона и мѣры, а все, чего онъ не дѣлалъ, считалось другими за признакъ слабости и нерѣшительности. Между тѣмъ онъ спокойно шелъ своей дорогой, слѣдовалъ своимъ собственнымъ внушеніямъ и привелъ страшную войну къ счастливому окончанію. Ему удалось на-

конецъ, послѣ четырехлѣтняго бурнаго управленія, заслужитъ безраздѣльное довѣріе всей націи. Онъ ожидалъ всего отъ времени и народа; послѣднему онъ предоставилъ опредѣлять и рѣшать, а на себя смотрѣлъ только какъ на орудіе исполненія народной воли. Поэтому у него вовсе не было однажды принятой программы дѣйствій, которая припуждала бы его принимать какія нибудь неблагоразумныя или противорѣчившія мѣры.

Въ настоящее время найдется немного такихъ людей, которые не считали бы политику Линкольна мудрою и приличною обстоятельствамъ; даже Югъ признаетъ, если не раньше, то по крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ поколѣніи, что онъ только часть великаго цѣлаго, что рабство не могло быть единственною опорою его благосостоянія и земного счастія.

Но рабовладѣльцы возстали не потому, чтобы въ друзьяхъ негровъ они видѣли опасность для своей системы рабства, а потому только, что считали себя довольно сильными низвергнуть правительство Союза и на развалинахъ его построить свое рабовладѣльческое государство. И между тѣмъ, какъ на этомъ основаніи мятежъ въ ихъ глазахъ заявлялъ притязаніе на право человѣчества, никто, казалось, не думалъ о томъ, что первая обязанность правительства подавлять каждый мятежъ, который угрожаетъ болѣе всего его собственному существованію. Такимъ образомъ вся борьба не была борьбою южнаго эгоизма и аболиціонныхъ гуманныхъ теорій Сѣвера, скорѣе это было борьба деспотизма съ

республикою, принциповъ стараго свѣта съ принципами новаго.

Въ послѣднее время рѣдко встрѣчается искренняя довѣрчивость со стороны управляемыхъ, какъ и неподкупная правдивость со стороны правительства. Въ послѣдней добродѣтели никто не могъ отказать президенту. При его вступленіи въ должность тотчасъ же обнаружилось, что на этотъ разъ дѣло ведется не съ такимъ человѣкомъ, который будетъ только слѣдовать по торной дорожкѣ своихъ менѣе совѣстливыхъ предшественниковъ. Онъ объявилъ во всеуслышаніе, что такъ какъ прежде не входилъ ни въ какія предварительныя обязательства, то теперь тѣмъ не менѣе можетъ взять на себя какія нибудь такія обязательства, которыя могли бы препятствовать ему руководиться въ выборѣ своихъ министровъ чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ ихъ личныхъ достоинствъ и годности. Обыкновенно случалось, что при каждомъ новомъ президентѣ почти всѣ должности, раздаваемыя вашингтонскимъ правительствомъ, замѣщались новыми лицами изъ господствующей партіи. Линкольнъ уклонился отъ позорнаго спектакля начинающейся въ подобномъ случаѣ охоты за должностями. Мыслящая часть народа, хорошо знакомая съ тѣми пріемами и способами, посредствомъ которыхъ большая часть важныхъ и мелкихъ чиновниковъ пріобрѣтаютъ свои должности и званія въ правительственной іерархіи, знакомая какъ съ причинами отчаянной расточительности, такъ и съ источникомъ подлоговъ и воровства, бывшими отчасти слѣдствіемъ вышеупомянутой охоты за

должностями, съ увѣренностію взирала на этого человѣка, который способенъ былъ устранить отъ себя всякое стѣснительное и недостойное вліяніе. Съ тѣхъ поръ словамъ и дѣламъ этого государственнаго человѣка оказывалось безусловное довѣріе. Нѣтъ ничего удивительнаго, если и представители націи почтили избранника ея такою довѣрчивою предупредительностію, какъ пожалуй ни одного изъ его предшественниковъ. Когда, 14 іюля 1861, Линкольнъ потребовалъ у конгресса 400 милліоновъ долларовъ и 400 тысячь солдатъ, конгрессъ охотно предложилъ ему 500 милліоновъ долларовъ и полмилліона солдатъ.

Самый конгрессъ получилъ въ послѣдніе годы, когда агитаторы Юга не присутствовали въ немъ, совершенно другой видъ. Въ дни горячей парламентской борьбы, когда были предлагаемы мѣры—замѣнить наконецъ форму союза государствъ формою союзнаго государства, поведеніе этого великаго собранія представляло совершенно иное зрѣлище, чѣмъ прежде. Дебаты велись безъ сценъ личнаго раздраженія и грубыхъ выходокъ, изложеніе противоположныхъ мнѣній не приводило къ ссорамъ и вызывамъ, какъ это обыкновенно привыкли видѣть въ послѣднія два десятилѣтія.

Поэтому вторичное избраніе Авраама Линкольна означало уничтоженіе института рабства, возстановленіе Союза, правды и откровенности во внутренней и внѣшней политикѣ, порядка въ государственномъ управленіи, возвращенія къ благопристойности, къ добрымъ нравамъ и почтен-

нымъ преданіямъ, образовавшимъ то основаніе исполинскаго зданія, на которомъ высится современное устройство Соединенныхъ Штатовъ.

Срокъ службы Авраама Линкольна кончался 4 марта 1865 года, поэтому различныя партіи за нѣсколько мѣсяцевъ до этого времени находились въ ужасномъ возбужденіи, волнуемыя мыслями объ его преемникѣ. Республиканцы ставили эманципацію невольниковъ краеугольнымъ камнемъ своей програмы. Уже при весеннихъ выборахъ 1864 г. почти для всѣхъ сѣверныхъ штатовъ сдѣлалось яснымъ, что республиканская партія необыкновенно возрасла съ 1860 года. Почти вездѣ народный голосъ единодушно и съ энтузіазмомъ объявлялъ себя за вторичное избраніе Линкольна.

Кандидатомъ демократовъ былъ М'Клелланъ, прежній фельдмаршалъ союзной арміи. Эта могущественная партія распадалась на два подраздѣленія, на такъ называемыхъ мирныхъ и на воинственныхъ демократовъ. Первые хотѣли мира съ Югомъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, потому что война стоила необыкновенныхъ жертвъ въ людяхъ и деньгахъ. Уже почти двѣ тысячи милліоновъ долларовъ государственнаго долга обременяли страну; прямые налоги и подати всѣхъ родовъ, о которыхъ прежде не имѣли и понятія, были причиною многихъ несогласій съ существующимъ правительствомъ. Притомъ казалось, до самаго паденія Атланты, что война никогда не придетъ къ счастливому концу. Хотя Грантъ уже давно расположился предъ Ричмондомъ и въ виду его страшныхъ укрѣпленій съ

непоколебимымъ упорствомъ держался своего плана, но побѣда все таки казалась также далека, какъ и за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ. И дѣствительно подобныя обстоятельства чрезвычайно уменьшали бодрость духа, и мирные демократы стали преобладающей партіей.

Главные пункты ихъ программы были слѣдующіе: „Такъ какъ почти четырехлѣтняя война оказывается недѣйствительною для возстановленія Союза, такъ какъ подъ предлогомъ военной необходимости нарушается конституція и гражданская свобода, а матеріальное благосостояніе страны сильно падаетъ, то справедливость, гуманность и государственное благо требуютъ, чтобы тотчасъ же было приступлено къ прекращенію враждебныхъ дѣйствій, чтобы затѣмъ былъ созванъ конвентъ и заключенъ миръ.“

Другими словами это значило, что слѣдовало признать независимость Юга, если нельзя возстановить миръ никакимъ другимъ способомъ. Эти мирные демократы въ августѣ 1854 г. выставили своимъ кандидатомъ М'Клеллана. Во время избирательнаго движенія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ пароль заключался въ двухъ именахъ: „Абе Линкольнъ или М'Клелланъ?“

Но между тѣмъ какъ чашки вѣсовъ обоихъ кандидатовъ то поднимались, то опускались, Атланта, важнѣйшій пунктъ Юга, достался въ руки Союза. Вслѣдствіе этого положеніе обѣихъ спорящихъ партій весьма измѣнилось, потому что вмѣстѣ съ этимъ воинственный духъ Сѣвера принялъ почти неожиданные размѣры. М'Клелланъ хотя

и получилъ свою кандидатуру отъ мирныхъ демократовъ, однакожъ въ обнародованной имъ программѣ оставилъ безъ вниманія ихъ мирныя идеи и принципы. Онъ началъ высказываться въ пользу хотя кратковременнаго, но энергическаго и рѣшительнаго продолженія войны, если уже южные штаты никакимъ другимъ способомъ не могутъ быть побуждены снова присоединиться къ Союзу, впрочемъ подъ условіемъ сохраненія рабства и всѣхъ ихъ старыхъ правъ. Конечно это было не что иное какъ программа такъ называемыхъ воинственныхъ демократовъ, — такимъ образомъ М'Клелланъ могъ теперь считаться и ихъ кандидатомъ. Вслѣдствіе этого партія мирныхъ демократовъ раздѣлилась и слилась съ двумя партіями: республиканцами и демократами. — Программа Линкольна поставляла главнымъ условіемъ безусловное подчиненіе Юга и уничтоженіе рабства. Теперь народъ зналъ, чего онъ можетъ ожидать отъ одного и отъ другого.

Линкольнъ снова былъ выбранъ огромнымъ большинствомъ голосовъ (8 ноября 1864). Всѣ сѣверные штаты, за исключеніемъ Делавара, Нью-Джерси и Кентукки, подали за него свой голосъ; вицепрезидентомъ избрали Андрью Джонсона, бывшаго въ то время губернаторомъ Тенесси. Чтобы имѣть понятіе о томъ, какія усилія дѣлались въ метрополіи сѣверо-американской торговли, для того чтобы провести своего кандидата — стоитъ только вспомнить ожесточенную борьбу тогдашнихъ газетъ, а также и тѣ уличныя схватки, которыя не всегда оканчивались безъ кровопролитія.

Такимъ образомъ нація, вторично избравъ Линкольна, одобрила его политику и энергическое продолженіе войны. Важность и абсолютная необходимость этого многозначительнаго акта очевидны. Линкольнъ въ продолженіе страшныхъ четырехъ лѣтъ выдерживалъ испытаніе предъ націею и цѣлымъ свѣтомъ и дѣйствительно выдержалъ его; превосходному, неутомимому и безукоризненному слугѣ нація за всѣ его труды и опасности не могла дать лучшей награды. У него не было никакого другого честолюбія, кромѣ стремленія такъ управлять націей, чтобы это управленіе вело ее къ истинному счастью. Даже въ самыя мрачныя минуты, когда казалось все было потеряно, когда самыя непоколебимыя сердца начинали отчаяваться, онъ сохранялъ самообладаніе и твердую вѣру въ промыслъ, который все приводитъ въ свое время къ лучшему. Спокойствіе, увѣренность и бодрость только тогда имѣютъ цѣну, когда въ нихъ есть нужда. Линкольнъ, много разъ высказавшій всѣ эти превосходныя качества въ минуты опасности, въ такой степени пріобрѣлъ себѣ довѣріе народа и всего свѣта, въ какой это удавалось немногимъ. Поэтому народъ, когда зашла рѣчь о его вторичномъ избраніи, ни какъ не могъ отказаться отъ него. Этотъ выборъ непремѣнно долженъ былъ вести къ побѣдѣ Союза. Южные штаты съ нетерпѣніемъ ожидали конца его службы, и только одна надежда на то, что приближающіеся выборы въ президенты раздѣлятъ Сѣверъ на враждебныя партіи, поддерживала ихъ бодрость въ послѣдній годъ, когда они должны были принести огромныя жертвы.

*

Теперь эта надежда исчезла совершенно и Югу предстояло или еще четыре года войны, если только онъ былъ въ состоянiи ее выдержать, или же безусловное подчиненiе съ потерею всего, за что онъ сражался.

Изъ 4,034,789 избирателей Линкольнъ имѣлъ за себя 2,223,035; слѣд. во второй разъ былъ избранъ большинствомъ 411,281 голосовъ. Полнѣйшее отчаянiе, овладѣвшее умами на Югѣ въ виду все безнадежнѣе и безнадежнѣе кажущейся будущности, не мало содѣйствовало къ тому, чтобы ускорить ту катастрофу, которая такъ нечаянно прервала побѣдное торжество.

3. Смерть Авраама Линкольна.

14 апрѣля въ страстную пятницу 1865 г., въ тотъ самый день, въ который за четыре года предъ этимъ многозвѣздое знамя Союза было спущенно на фортѣ Сомтерѣ, въ Вашингтонъ пришло извѣстiе о возстановленiи нацiональнаго знамени на этомъ союзномъ укрѣпленiи. По поводу этихъ благопрiятныхъ извѣстiй съ театра войны господствовала всеобщая радость. Послѣднiй бастiонъ сепаратистовъ былъ взятъ; войска ихъ разсѣялись, генералы убиты или принуждены сдаться: побѣда Союза была полная. Утромъ 14 же апрѣля Авраамъ Линкольнъ имѣлъ долгiй разговоръ съ своимъ старшимъ сыномъ, который состоялъ капитаномъ въ армiи Гранта и недавно прiѣхалъ въ Вашингтонъ изъ потомакской армiи. Во время разговора, въ которомъ дѣло шло о

подробностяхъ недавно послѣдовавшей капитуляціи Ли, доложили о приходѣ оратора палаты представителей, г. Кольфакса, съ которымъ Линкольнъ и заговорилъ о своей политикѣ относительно мятежниковъ. Потомъ явился еще посланникъ при мадритскомъ дворѣ, Джонъ Гэль, равно какъ и многіе другіе сенаторы и депутаты. Около 11 часовъ составилось засѣданіе кабинета, въ которомъ принялъ участіе и генералъ Грантъ. Теперь скоро послѣдовало соглашеніе на счетъ будущей политики правительства, которое чувствовало себя теперь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой періодъ мятежа. Президентъ, безъ сомнѣнія, считался самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Союзѣ, и безусловное довѣріе, которое оказывала ему нація, распространялось также и на его министровъ. При этомъ случаѣ президентъ между прочимъ спросилъ генерала Гранта — не слышалъ ли онъ чего нибудь новаго о генералѣ Шерманѣ. Грантъ отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что каждую минуту ожидаетъ депеши съ извѣстіемъ о капитуляціи Джонстота. — „И я также думаю — замѣтилъ президентъ, — что вы скоро получите ожидаемыя благопріятныя извѣстія и что депеши принесутъ важныя событія.“ — „Почему вы такъ думаете?“ — спросилъ генералъ. — „У меня есть на это свое особенное основаніе и я вамъ объясню его“ — таинственно отвѣчалъ президентъ; — „въ послѣднюю ночь я снова видѣлъ тотъ сонъ, который снился мнѣ такъ часто во время войны и именно всякій разъ, когда происходили какія нибудь важныя военныя событія. Такъ

онъ снился мнѣ во время событій при Буль-Ронѣ, Антіетамѣ, Геттисбургѣ и при другихъ подобныхъ обстоятельствахъ.“ Послѣ этихъ словъ президентъ обратился къ морскому министру Виллесу и громко продолжалъ: „Дѣло касается вашего департамента, мистеръ Виллесъ! Мнѣ именно снился быстро идущій корабль, и я твердо убѣжденъ, что онъ принесетъ намъ чрезвычайно важныя извѣстія.“ — Этимъ и кончилось утро дня.

Послѣ полудня президентъ имѣлъ очень длинный и интересный разговоръ съ депутаціей отъ гражданъ Иллинойса. Подъ вечеръ онъ еще говорилъ съ гг. Кольфаксомъ, Эшманомъ, предсѣдательствовавшими 1860 въ народномъ собраніи въ Чикаго. Говорили о поѣздкѣ въ Ричмондъ, причемъ сдѣлано было замѣчаніе, что подобная поѣздка президента Сѣвера не совсѣмъ безопасна, потому что съ его присутствіемъ въ главномъ непріятельскомъ городѣ невольно связывается мысль объ убійствѣ. Линкольнъ шутя сказалъ, что конечно и онъ безпокоился бы, если бы при подобныхъ обстоятельствахъ отправился туда кто нибудь другой, а не президентъ; о себѣ самомъ онъ вовсе не заботится.

Такимъ образомъ именно въ этотъ день вниманіе президента было обращенно на возможность убійства, но и теперь, какъ прежде, это не вызвало со стороны его никакихъ предосторожностей. Одинъ изъ членовъ его кабинета незадолго передъ этимъ совѣтовалъ ему побольше заботиться о своей особѣ. Въ отвѣтъ на это президентъ открылъ пюпитръ и вынулъ оттуда пачку

писемъ. „Здѣсь — сказалъ онъ — заключается множество угрозъ, изъ которыхъ каждая обѣщаетъ мнѣ смерть. Мнѣ пришлось бы стать чрезвычайно нервнымъ и раздражительнымъ, если бы я захотѣлъ долго останавливаться на этомъ предметѣ. Я отгоняю отъ себя подобныя мысли слѣдующимъ соображеніемъ: случаевъ убить меня ежедневно такъ много, и что если дѣйствительно какой нибудь измѣнникъ задастся подобной мыслью, то я при всемъ моемъ желаніи не могу избѣжать своей судьбы. Слѣдовательно зачѣмъ же мнѣ послѣ этого напрасно безпокоиться?“

Въ этотъ же самый вечеръ Линкольнъ далъ вышеупомянутому г. Эшману одно изъ многихъ тысячь доказательствъ привлекательнаго миролюбія своего характера. Именно президентъ думалъ, что этотъ господинъ могъ какъ нибудь оскорбиться его замѣчаніями и откровенно сказалъ: „Вѣрно ли вы поняли меня, Эшманъ? Я не думалъ о томъ, что вы быть можетъ хотите заключить изъ моихъ словъ, а то иначе я беру ихъ назадъ и прошу извиненія.“ Въ то же время онъ подалъ ему свою карточку и выразилъ надежду поговорить съ нимъ на слѣдующій день. На карточкѣ было написано: „Принять въ 9 часовъ г. Эшмана, моего друга. А. Л.“ Это были послѣднія слова, написанныя Авраамомъ Линкольномъ.

Потомъ Линкольнъ обратился къ мистеру Кольфаксу и сказалъ.

„Вы будете сопровождать насъ, меня и мадамъ Линкольнъ, въ театръ?“ Незадолго предъ этимъ президентъ

и генералъ Грантъ были приглашены на спектакль въ Фордскій театръ. Въ Америкѣ страстная пятница не бываетъ строгимъ и тихимъ праздникомъ, подобно тому какъ это дѣлается въ Европѣ; лавки и театры бываютъ открыты. Кромѣ того радость по случаю побѣды и надежды на миръ отодвинула церковное значеніе этого праздника болѣе чѣмъ на задній планъ. Поэтому приглашеніе въ театръ было столь же обыкновенно, какъ и то, что вообще въ этотъ день давались общественныя представленія и празднества. Генералъ Грантъ не могъ принять приглашенія по случаю скораго отъѣзда; съ своей стороны Линкольнъ не хотѣлъ совершенно не являться въ театръ, такъ какъ объ этомъ было уже объявлено. Когда Кольфаксъ рѣшительно отказался отъ приглашенія и хотѣлъ откланяться, президентъ сказалъ ему у дверей: „Кольфаксъ, не забудьте при своемъ проѣздѣ сообщить въ горныхъ округахъ народу, что я вамъ сказалъ сегодня утромъ на счетъ ихъ требованій послѣ заключенія мира. О подробностяхъ я буду телеграфировать въ С. Франциско.“ Съ этими словами онъ пожалъ руку гг. Эшману и Кольфаксу и простился съ ними, затѣмъ сказалъ женѣ, чтобъ она приготовлялась ѣхать въ театръ.

Когда карета президента подъѣхала къ дому сенатора Гарриса, на углу 15 и Н.—улицы, Линкольнъ приказалъ остановиться, чтобы взять дѣвицу Клару Гаррисъ и ея двоюроднаго брата Генри Р. Ратбона.

Въ театрѣ для президента и его общества была приготовлена авансценная ложа въ бель-этажѣ и укра-

шена спереди звѣзднымъ знаменемъ. Въ эту обширную ложу, находившуюся во второмъ ярусѣ надъ сценою, вели двое дверей изъ сосѣдней галлереи. Въ темномъ корридорѣ, стѣна котораго образовала острый уголъ съ одними изъ этихъ дверей, помѣстился тотъ безбожный человѣкъ, который съ необыкновенною ловкостью обдумалъ планъ убійства президента. Имъ были приняты всѣ мѣры предосторожности, чтобы предотвратить открытіе его замысла и въ тоже время обезопасить свое бѣгство. Въ дверяхъ, которыя вели въ ложу, онъ продѣлалъ небольшую дыру, чрезъ которую могъ видѣть всю внутренность ложи. Убійца замѣтилъ, что президентъ сидѣлъ въ креслѣ у оркестра, рядомъ съ нимъ была его жена, въ углу дѣвица Клара Гаррисъ и у самой сцены майоръ Ратбонъ на диванѣ у задней стѣны. Пьеса, которую давали, называлась: „Нашъ американскій дядюшка“.

Въ то время, когда всѣ зрители внимательно слѣдили за началомъ представленія, вдругъ раздался пистолетный выстрѣлъ и видно было, какъ съ крикомъ „свобода“ изъ ложи президента выскочилъ на сцену какой-то человѣкъ. Когда майоръ хотѣлъ схватить убійцу, послѣдній, бросивши пистолетъ, наставилъ въ грудь своего противника большой ножъ. Этотъ отклонилъ ударъ лѣвою рукою, но не могъ удержать злодѣя, хотя немедленно схватилъ его за платье. Прежде чѣмъ можно было опомниться, убійца бросился изъ ложи, съ двѣнадцати футовъ высоты, на сцену и при этомъ оторвалъ своими шпорами большой кусокъ знамени. Быстро

поднявшись на ноги, онъ сверкнулъ кинжаломъ и съ словами: „Югъ отомщенъ“! исчезъ въ хорошо знакомомъ ему лабиринтѣ кулисъ, откуда вышелъ задними дверьми и бѣжалъ на приготовленной для него лошади. Было половина одиннадцатаго и между этимъ кровавымъ дѣломъ и бѣгствомъ прошло не больше одной минуты.

Линкольнъ былъ смертельно раненъ Вильксомъ Бусомъ, прежнимъ актеромъ. Пуля прошла по косвенной линіи отъ лѣваго къ правому уху. Президентъ тутъ же потерялъ сознаніе и уже больше не имѣлъ его.

Ужасъ, вызванный въ Вашингтонѣ покушеніемъ на жизнь президента, былъ еще удвоенъ въ тотъ же самый вечеръ страшнымъ извѣстіемъ, что такое же покушеніе было сдѣлано и на государственнаго секратаря В. Сьюарда. Одинъ молодой человѣкъ, Джонъ Сурратъ, подъ разными предлогами пробрался въ спальню министра, который вслѣдствіе одного жестокаго ушиба лежалъ въ постели; сваливши съ ногъ Робинзона, ухаживавшаго за больнымъ министромъ, Сурратъ нанесъ министру много ударовъ ножомъ и потомъ успѣлъ выбѣжать на улицу, не смотря на то, что его старались задержать сбѣжавшіеся члены семейства и жители дома. Утромъ онъ уже былъ пойманъ. Тяжело раненный государственный секретарь, спустя нѣсколько недѣль, могъ снова оставлять свою комнату.

Смертельно раненный президентъ былъ отнесенъ въ домъ г. Петерсена, находившійся напротивъ театра, въ квартиру американскаго нѣмца Гейнриха Ульке. Тамъ

онъ провелъ ночь, окруженный членами своего семейства, нѣсколькими близкими друзьями, министрами и множествомъ докторовъ. Молодой капитанъ Линкольнъ старался успокоивать пораженную горемъ мать, но неоднократно самъ долженъ былъ оставлять комнату, чтобы дать волю своимъ собственнымъ чувствамъ, которыя душили его. Всѣ были поражены глубокою скорбью; даже у военнаго министра Стантона, твердость котораго не легко было поколебать, иногда катились по щекамъ слезы. Страдалецъ лежалъ, спокойно дыша, съ закрытыми глазами. Сознаніе не возвращалось. Подъ утро доктора объявили, что перестало биться благороднѣйшее сердце въ цѣломъ Союзѣ.

Еще никогда не происходило столь быстрой перемѣны въ живомъ и радостномъ настроеніи всего народа, какая произошла въ эту страстную пятницу въ сердцѣ американской націи. Съ высоты побѣднаго торжества республика была повергнута въ глубочайшую печаль. На улицахъ и домахъ быстро исчезли праздничныя украшенія и все покрылось траурнымъ флеромъ. Опустились безчисленные національные флаги, которые незадолго предъ этимъ такъ красиво развѣвались по вѣтру; во многихъ частныхъ домахъ ставни были закрыты и обтянуты флеромъ, какъ это дѣлаютъ въ Америкѣ, когда какое нибудь печальное событіе посѣщаетъ домъ.

Такъ кончилась жизнь Авраама Линкольна, шестнадцатаго президента Соединенныхъ Штатовъ, на 57 году отъ рожденія и во второй мѣсяцъ его втораго прези-

дентства. Въ неисповѣдимомъ совѣтѣ провидѣнія было опредѣлено, чтобы онъ погибъ отъ пули не на полѣ сраженія, грустныя впечатлѣнія котораго онъ такъ краснорѣчиво изображалъ, но посреди своего семейства мученическою смертью, отъ руки убійцы. Все таки ему было предназначено насладиться предчувствіемъ великаго блага, которое онъ излилъ на страну своимъ мудрымъ правленіемъ. Онъ съ успѣхомъ пользовался ввѣренною ему властью, имѣя въ виду возвратить Союзу то, что когда-то ему принадлежало, и беречь свое пріобрѣтеніе. Ни одно союзное укрѣпленіе въ тотъ день, когда Линкольнъ палъ отъ руки убійцы, не могло уже поднять знамени измѣны. Въ день его смерти знамя Союза снова было возстановлено и на фортѣ Сомтеръ утверждено тѣми же самыми руками, которыя за четыре года предъ этимъ были принуждены мятежниками спустить его. Друзья свободы и человѣчества, торговля и обороты пошли теперь безпрепятственно своею дорогою до Чарльстона, который представлялъ видъ опустошенія.

И въ самомъ дѣлѣ, тотъ апрѣльскій день, когда по странѣ съ быстротою молніи пронеслась вѣсть: Въ президента стрѣляли! Онъ лежитъ въ мученіяхъ! Онъ умеръ! былъ самымъ печальнымъ и мрачнымъ днемъ. Когда страшная истина обошла всѣ дома одинъ за другимъ, даже самые твердые не выдержали и дали полную волю своей скорби. Безъ всякаго внѣшняго побужденія, безъ всякаго другого повода, кромѣ одного голоса сердца, это святое чувство охватило весь материкъ отъ Атлантическаго до Тихаго океана.

Какъ ни мраченъ былъ тотъ день, въ который печальное извѣстіе облетѣло страну, въ сердцахъ патріотовъ казалось онъ былъ еще мрачнѣе. Это былъ ударъ, на мгновеніе подавившій всякое размышленіе. Во всей странѣ господствовала печаль, какая бываетъ въ сердцахъ дѣтей, стоящихъ у постели своего умирающаго отца. Во времена общей нерѣшительности обыкновенно стараются заглушить въ себѣ духъ противорѣчія. Успѣхъ слишкомъ часто доказывалъ, что онъ большею частью достигается на счетъ справедливости; но въ Линкольнѣ привыкли видѣть человѣка, который счастливо оканчивалъ все, что ни начиналъ, легко разрѣшалъ затрудненія и много способствовалъ благосостоянію отечества. Теперь въ милліонахъ сердецъ царствовало одно только чувство, чувство нѣмой, тихой горести.

Между тѣмъ драгоцѣнный прахъ положенъ былъ на великолѣпномъ катафалкѣ въ союзномъ капитоліи; тысячи бѣлыхъ и черныхъ мущинъ и женщинъ стояли тутъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на усопшаго отца народа. Въ пасмурный апрѣльскій день 19 числа положили его въ гробъ и отправили погребальную церемонію въ столицѣ Союза. По всей странѣ гремѣли пушки, звонили колокола, прекратились занятія и возносились къ небу горячія молитвы. Медленно двинулась печальная процессія къ послѣднему мѣсту покоя по той самой улицѣ, по которой усопшій нѣкогда торжественно шелъ при своемъ первомъ вступленіи въ должность президента. Путь лежалъ чрезъ Балтиморъ, Гаррисбургъ, Филадельфію, Нью-Іоркъ, Альбанъ, Буф-

фало, Клевелэндъ, Колумбусъ, Индіанополисъ, Чикаго до Спрингфильда. Но прежде чѣмъ оконченъ былъ печальный актъ, по странѣ пронеслось давно ожидаемое извѣстіе, удовлетворившее чувству мести: убійца уже получилъ достойную награду и съ словами: „безполезно, безполезно!“ испустилъ свою измѣнническую душу. Когда печальная процессія направилась туда, куда въ 1861 г. собирались цѣлыя тысячи изъ одного только любопытства и изъ чувства личнаго расположенія, теперь, четыре года спустя, сюда стеклись сотни тысячъ; онѣ явились побуждаемыя искренней любовью, уваженіемъ, сердечною печалью и глубокой тоской. Цвѣты украшали земные останки умершаго, раздавалось торжественное пѣніе, которое извлекало потоки слезъ изъ сердецъ всего народа. Такъ разставались съ тѣмъ, кого едва ли знала нація при первомъ его вступленіи въ должность, но котораго потомъ узнала и полюбила среди треволненій и бѣдствій четырехлѣтней ужасной гражданской войны. На „зеленомъ дубовомъ кладбищѣ“, въ его любезномъ Спрингфильдѣ, опустили его четвертаго мая въ холодную могилу у подножія холма въ прекраснѣйшей части долины, надъ которою дружески раскидываютъ свою тѣнь великолѣпныя деревья.

Тамъ покоится все, что смертно въ Авраамѣ Линкольнѣ. Безсмертный Линкольнъ! Вѣчная ему память!

4. Характеръ Авраама Линкольна.

Когда Линкольнъ принялъ верховую власть въ государствѣ, врученную ему націею, глубокая разсѣлина проходила чрезъ все зданіе Союза отъ основанія до самой вершины. Когда же онъ, спустя четыре года, неожиданно былъ прерванъ въ своей дѣятельности, то оставилъ республику болѣе объединенною, твердою и сильною, чѣмъ она была когда нибудь прежде. Достиженіе этой цѣли прямымъ путемъ составляло для президента Соединенныхъ Штатовъ труднѣйшую задачу. Линкольнъ разрѣшилъ ее, какъ ни трудно было сохранить прямой путь вслѣдствіе ежедневно встрѣчающихся новыхъ препятствій и какъ ни заманчиво приглашали его голоса благомыслящихъ совѣтниковъ и часто нескромныя требованія народа свернуть на другой, болѣе спокойный путь.

Происходя изъ настоящаго американскаго рода и возросши среди истинно-американской жизни, онъ такъ вѣрно понималъ потребности своего народа и наилучшій способъ удовлетворенія ихъ, какъ никто другой. Линкольнъ во многихъ случаяхъ руководствовался совѣтами своего кабинета, а этотъ кабинетъ представлялъ собою настоящій образецъ разнообразнѣйшихъ мнѣній и воззрѣній на развитіе страны, онъ указывалъ, въ чемъ измѣнялись мнѣнія самого народа съ году на годъ, съ каждымъ новымъ событіемъ. Впрочемъ въ великихъ основныхъ вопросахъ по большей части президентъ полагался на

самаго себя и послѣ тщательнаго и добросовѣстнаго обсужденія своей политики рѣшался на то, что, какъ впослѣдствіи доказывалъ успѣхъ, свидѣтельствовало о вѣрномъ взглядѣ президента. Если народъ при какомъ нибудь событіи и расходился въ своихъ желаніяхъ и цѣляхъ съ мѣрами своего верховнаго правителя, то все таки онъ никогда серьезно не возставалъ противъ политической системы президента. И это удивительное согласіе доказываетъ, что его личность глубоко сроднилась съ истинными воззрѣніями и потребностями народа; потому что какъ онъ мало противился ясно и рѣшительно выраженному желанію всей націи, такъ и въ сердцѣ націи жило инстинктивное чувство, что ея достойный представитель никогда не упуститъ изъ виду чести и блага своего народа при всѣхъ политическихъ мѣрахъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ обоимъ западноеврейскимъ государствамъ. Война съ Европой и мщеніе мятежникамъ неоднократно становились не совсѣмъ тайными, а отчасти даже и открытыми сердечными желаніями американскаго народа, и президентъ за исполніе его конечно пріобрѣлъ бы себѣ на извѣстное время симпатію массы. Это онъ хорошо зналъ, но зналъ также и то, что эта симпатія будетъ только на нѣкоторое время. Поэтому рѣшительно не позволилъ себѣ увлечься общимъ потокомъ, въ которомъ онъ слишкомъ часто видѣлъ одинъ только мгновенный приливъ чувствъ, а не прочный результатъ спокойнаго размышленія. Такимъ образомъ онъ своимъ словомъ и примѣромъ очищалъ

воззрѣнія великаго народа, величайшимъ и благороднѣйшимъ представителемъ котораго онъ былъ самъ.

Что же касается до прогресса и улучшенія самой жизни, то Линкольнъ своими прокламаціями ввелъ въ народное сознаніе мудрый принципъ подобнаго прогресса. Если онъ, будучи только вѣрнымъ выраженіемъ своего народа и времени, не могъ самъ вести народъ къ развитію и прогрессу, то все таки онъ уяснилъ народу истинныя его потребности и облегчилъ ему пониманіе неизбѣжнаго прогресса въ будущемъ. Только тогда, когда онъ былъ убѣжденъ, что великіе принципы уже укоренились въ народѣ, онъ считалъ возможнымъ приступить къ осуществленію политическихъ мѣръ, слѣдовательно послѣ того уже, какъ было обезпечено за нимъ согласіе народа. Вѣрно сохраняя старые основные законы Союза, онъ скорѣе увлекался потокомъ событій, чѣмъ самъ ускорялъ ихъ слишкомъ смѣлою рукою. Прочная, дѣйствительная опора на реальную почву данныхъ отношеній, вѣрное пониманіе истинныхъ требованій прогресса и развитія, мудрое подготовленіе зрѣлости народа въ томъ, что дѣйствительно было необходимо— вотъ три главныя заслуги Авраама Линкольна, въ лицѣ котораго т. обр. сосредоточивались всѣ главныя условія для успѣшнаго разрѣшенія великой задачи. Едва ли какая нибудь другая нація столь ревниво охраняетъ свою свободу, какъ американская; твердое управленіе подобной націею возможно бываетъ для верховнаго ея главы только тогда, когда настоящія пружины этого управленія выходятъ изъ круга воззрѣній самой націи.

Авраамъ Линкольнъ, который не хотѣлъ обманывать народъ, но по своей великой любви къ нему умѣлъ достигать тѣхъ же самыхъ результатовъ другими средствами, вполнѣ, хотя безсознательно, понималъ практическое примѣненіе этихъ средствъ. Впрочемъ въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ никакой особенной заслуги для государственнаго человѣка, скорѣе это только необходимое послѣдствіе изображенныхъ нами качествъ этого дѣйствительно народнаго мужа.

Въ своихъ оффиціальныхъ прокламаціяхъ къ народу и дипломатіи, Линкольнъ не всегда можетъ выдерживать критику строгаго цензора и ученаго знатока политической науки; но что форма, въ которой онъ давалъ свободное выраженіе своимъ завѣтнымъ думамъ, не обращая вниманія на изящество языка, проникала въ сердце націи — это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и фактъ этотъ доказываетъ только то, что онъ глубоко сросся съ своимъ народомъ во всѣхъ убѣжденіяхъ своего ума и сердца. Высокое достоинство оффиціальныхъ актовъ Линкольна доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что они всегда вѣрно отражаютъ въ себѣ духъ своего автора; въ нихъ нѣтъ ни одного такого слова, которое бы не выражало вѣрно, честно, безъ всякихъ заднихъ мыслей того, чего онъ не думалъ. Въ этомъ отношеніи президентъ былъ неподражаемъ, неподражаемъ былъ и успѣхъ его рѣчей, которыя будучи продиктованы обстоятельствами всегда воспламеняли страну.

Не нужно никакихъ доказательствъ для поврежде

нія того, что его по самому существу своему кроткій характеръ обнаруживалъ при осуществленіи всѣхъ политическихъ мѣръ требуемую рѣшительность. Когда 1 генваря пополудни 1863 г. онъ подписалъ ту незабвенную прокламацію, которая сдѣлала его освободителемъ цвѣтного населенія Америки, вечеромъ того-же дня онъ сказалъ нѣсколькимъ своимъ друзьямъ:

„Хотя почеркъ подписи кажется нѣсколько нетвердымъ, потому что рука была утомлена, но моя воля и рѣшимость никогда еще не была такъ тверда. Я объявилъ въ сентябрѣ, что если мятежники не возвратятся къ покорности и не прекратятъ убійства нашихъ войскъ, то я наложу руку на основаніе ихъ могущества. Теперь пришло время исполнить мое обѣщаніе, и я не откажусь ни отъ одного своего слова!“ Среди всѣхъ измѣняющихся событій, чрезъ которыя онъ велъ свой народъ, среди всѣхъ крайностей внезапныхъ поворотовъ, среди радости и горя, онъ твердо и спокойно, опредѣленно и рѣшительно держался, какъ бы путеводной звѣзды, чувства своего долга и голоса совѣсти. Ежечасно подвергаясь великимъ опасностямъ, онъ смѣло какъ храбрый воинъ шелъ на поле сраженія, никогда не останавливаясь, никогда не колеблясь, презирая всякое отступленіе, постоянно имѣя въ виду ту цѣль, къ которой слѣдовало направлять государственный корабль. Онъ самъ часто и опредѣленно говорилъ, что его миссія — спасеніе Союза. И онъ дѣйствительно спасъ его. Можно положительно утверждать, что спасеніе его едва ли было возможно какимъ-ни-

будь инымъ путемъ, чѣмъ тѣмъ, какимъ слѣдовалъ Линкольнъ. Впрочемъ это праздный теоретическій вопросъ. Онъ разрѣшилъ задачу практически и могъ разрѣшить ее только по своему способу; онъ терпѣливо, долго и энергически работалъ, пока не достигъ своей цѣли.

Вашингтонъ справедливо называется отцомъ своей страны. Но подобное названіе скорѣе родилось изъ чувства благоговѣнія, чѣмъ искренней любви; потому что большая часть его современниковъ видѣла непроходимую пропасть между собою и героемъ-патріотомъ, который, казалось имъ, былъ созданъ изъ совершенно другого вещества, чѣмъ они сами.

Авраамъ Линкольнъ былъ какъ спасителемъ, такъ равно и отцомъ своего народа, потому что все, что нужно было удержать изъ стараго порядка, онъ удержалъ, и въ тоже время создалъ новый порядокъ вещей съ такимъ знаменательнымъ и важнымъ содержаніемъ, какого никогда не было у стараго порядка, и за это народъ, искренно полюбившій его, далъ ему имя спасителя и отца. Характеристическія черты его личности уже неоднократно были указаны въ этой книгѣ, но здѣсь къ заслугамъ государственнаго человѣка мы прибавимъ еще и то, что въ Линкольнѣ человѣкъ и политикъ, сановникъ и гражданинъ совершенно сливались въ одно цѣлое. Въ его рѣчи рѣшительно незамѣтно было никакого различія, говорилъ ли онъ ее у себя дома, или въ засѣданіи кабинета. Какъ думалъ и чувствовалъ онъ въ одномъ положеніи, такъ же почти

поступалъ онъ и въ другихъ. Будучи больше меланхолическаго темперамента, чѣмъ веселаго и общительнаго, онъ однакожъ не давалъ чувствовать этого въ своемъ обращеніи. Въ разговорѣ, какъ и въ совѣщаніяхъ, онъ по большей части казался оживленнымъ и веселымъ, нерѣдко приправлялъ даже свои дѣльныя объясненія и частные отвѣты пикантными сравненіями и анекдотическими намеками, причемъ постоянно обнаруживалась замѣчательная кротость его характера и ясное, быстрое пониманіе самыхъ запутанныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ смыслѣ никто не могъ быть скромнѣе его. Когда издатель конгрессоваго адресъ-календаря попросилъ его сообщить кое-что о себѣ для біографическаго очерка, онъ отвѣчалъ ему слѣдующими семью простыми данными:

„Родился 12 февраля 1809 г. въ графствѣ Гарденъ, въ Кентукки; воспитаніе — недостаточное; званіе — юристъ. Въ войнѣ противъ индѣйцевъ былъ капитаномъ волонтеровъ; потомъ чиновникомъ при незначительномъ почтамтѣ; четыре раза членомъ законодательнаго собранія въ Иллинойсѣ; наконецъ членомъ второй палаты конгресса. — Преданный вамъ Линкольнъ.“

Будучи столь кроткимъ и скромнымъ, онъ ни къ кому не питалъ ненависти, и только враги человѣческаго рода были его врагами. И однакожъ онъ вовсе не старался о поимкѣ и наказаніи виновниковъ братоубійственной войны и по отношенію къ нимъ навѣрно велъ бы себя съ такою же точно мягкостью,

какъ и его преемникъ. Генералъ Шерманъ жаловался, что правительство никогда не дало ему ясно понять, какимъ образомъ онъ долженъ будетъ поступить съ бѣжавшими правителями Ричмонда въ случаѣ ихъ поимки. Наконецъ онъ прямо спросилъ президента, нужно ли ему схватить или упустить Джефферсона Дэвиса. „Я вотъ что скажу вамъ на это, — отвѣчалъ президентъ; — въ Сангамонскомъ округѣ жилъ одинъ проповѣдникъ трезвости, который и въ ученіи, и въ жизни чрезвычайно строго соблюдалъ воздержность. Однажды, послѣ долгой ѣзды въ жаркое время, онъ остановился въ домѣ своего друга, который сталъ приготовлять для него лимонадъ. Разливая пріятный напитокъ, другъ лукаво спросилъ проповѣдника, не желаетъ ли онъ прибавить сюда полкапли чего нибудь покрѣпче, чтобы нѣсколько подкрѣпить ослабѣвшіе отъ продолжительной ѣзды нервы?“ — „Нѣтъ, отвѣчалъ апостолъ трезвости, я не пью по принципу. Но прибавилъ онъ, томно поглядѣвши на стоявшую бутылку, если вы можете такъ сдѣлать, чтобъ я не зналъ, какъ туда упадетъ одна капля, то я думаю, что это нисколько не огорчитъ меня.“ — „Видите ли, генералъ, заключилъ Линкольнъ, моя обязанность препятствовать бѣгству Джефферсона Дэвиса, но если вы такъ сдѣлаете, что онъ убѣжитъ безъ моего вѣдома, то я думаю — это нисколько не огорчитъ меня.“ Такъ легко было ему даже по отношенію къ главѣ мятежа замѣнить справедливость государственнаго человѣка милосердіемъ христіанина! Впрочемъ онъ очень часто пользовался и

своимъ правомъ помилованія. Множество вѣнковъ, положенныхъ на его гробъ въ Вашингтонѣ, означаютъ болѣе чѣмъ одинъ только простой знакъ общей печали страны: многіе изъ нихъ положены близкими родственниками солдатъ, приговоренныхъ военнымъ судомъ къ смерти, но помилованныхъ президентомъ. Въ своей домашней жизни онъ былъ образцомъ отличнаго супруга и заботливаго отца семейства. И въ этомъ отношеніи общій голосъ народа съ готовностью выразилъ ему свое уваженіе.

Относительно сердечной доброты этого благороднаго человѣка существуетъ множество анекдотовъ. Одинъ изъ наиболѣе характеристическихъ есть слѣдующій: „Въ послѣдній понедѣльникъ—разсказываетъ вашингтонскій корреспондентъ „Chicago-Tribune“ — былъ я у президента и нашелъ его серьезно занятымъ отсчитываніемъ банковыхъ билетовъ. На мой удивленный видъ онъ тотчасъ же отвѣчалъ: „Конечно, сэръ, подобное занятіе кажется выходящимъ изъ ряда моей служебной дѣятельности, но президентъ Соединенныхъ Штатовъ на ряду съ своими оффиціальными обязанностями имѣетъ также еще множество и другихъ меньшихъ, обязанностей, которыя не указаны ни въ конституціи, ни въ актахъ конгресса. Здѣсь вы собственными глазами видите исполненіе ихъ. Считать эти деньги собственно нужно было одному бѣдному негру, который служитъ въ одномъ изъ отдѣленій министерства финансовъ, но который теперь заболѣлъ. Въ настоящее время онъ лежитъ въ госпиталѣ и не въ состояніи считать свои

денежныя пачки, тѣмъ болѣе обозначать ихъ своею подписью. Такимъ образомъ я заступилъ его мѣсто и вотъ занимаюсь отсчитываніемъ денегъ и складываніемъ ихъ, по его желанію, въ отдѣльныя пачки."

Все величіе своихъ сердечныхъ стремленій, которымъ, какъ мы то видѣли, соотвѣтствовали и его дѣла, президентъ выразилъ въ тѣхъ превосходныхъ словахъ, которыми онъ заключилъ свою вторую вступительную рѣчь: „Не думая никому мстить, говорилъ онъ, мы, исполненные любви и примиренія со всѣми, твердо держась того права, которое далъ намъ Богъ признавать за право, будемъ стремиться къ окончанію того великаго дѣла, которое составляетъ все наше желаніе; будемъ перевязывать раны, изъ которыхъ текла кровь націи, станемъ братски помогать нашимъ храбрымъ воинамъ, подвергавшимъ свою жизнь опасности на полѣ сраженія. Будемъ помнить о вдовахъ и сиротахъ, нуждающихся въ помощи и утѣшеніи; однимъ словомъ, сдѣлаемъ все, что будетъ содѣйствовать намъ къ поддержкѣ справедливаго и прочнаго мира какъ внутри, такъ и со всѣми другими народами на землѣ."

Что касается его внутреннихъ убѣжденій, то Линкольнъ хотя никогда строго не придерживался какой нибудь формы религіи, но всегда, особенно въ тяжелыя минуты, твердо надѣялся на Бога и часто въ горячей молитвѣ искалъ себѣ утѣшенія. На вопросъ одного духовнаго лица — каковы его религіозныя убѣжденія, какъ онъ смотритъ на основателя христіанства, — Линкольнъ отвѣчалъ: „Когда меня избрали въ первый

разъ, я не имѣлъ никакой вѣры въ Спасителя; когда Богъ взялъ у меня сына, я хотя былъ и сильно огорченъ, но все-таки еще не чувствовалъ потребности въ Спасителѣ, когда я же стоялъ на полѣ сраженія при Геттисбургѣ, тогда мое сердце предалось Спасителю и тогда я могъ сказать, что люблю Его.“

5. Духъ примиренія и духъ мести.

Авраамъ Линкольнъ болѣе чѣмъ какой нибудь другой государственный правитель обнаружилъ на дѣлѣ духъ истинно христіанскаго милосердія. Но какъ сильно дѣйствовалъ въ немъ этотъ духъ милосердія и какъ онъ оживляемый имъ распространялся и на другихъ, доказываетъ то обстоятельство, что онъ съумѣлъ передать этотъ примирительный духъ, какъ прекрасное наслѣдство, и своему преемнику.

Еще въ послѣдніе дни своей жизни Линкольнъ, менѣе всего расположенный платить зломъ за зло, заботился о томъ, какъ бы устранить всѣ обнаруженія мести противъ Юга, дѣло котораго уже склонялось тогда къ упадку. Уже въ томъ самомъ военномъ совѣтѣ, въ которомъ онъ присутствовалъ въ виду главной непріятельской крѣпости Питерсбурга, онъ объявилъ своимъ генераламъ тѣ снисходительныя условія, которыя они впослѣдствіи должны были предписать непріятелю. Эти условія намъ извѣстны изъ капитуляціи Ли. Въ основу примиренія было поставлено, чтобы всякій житель Юга,

будетъ ли офицеръ, или простой гражданинъ, могъ, если только положитъ оружіе, снова возвратиться въ братство съ Союзомъ.

Въ томъ же духѣ умѣренности и скромности были изданы и тѣ постановленія, которыя потомъ ознаменовали наступленіе мира. Собственно о заключеніи мира не могло быть рѣчи, потому что вѣроломные южане считались неравноправною воюющею державою, а просто мятежниками, которые принуждены къ покорности.

Точно также у павшихъ штатовъ, какъ замѣтилъ самъ Линкольнъ, не было такой общественной власти, которая бы могла во имя послѣднихъ дѣйствовать полновластно. Предписанія, издаваемыя въ формѣ простыхъ прокламацій о возвращеніи къ мирному положенію, состояли именно въ уничтоженіи блокады, въ уменьшеніи сухопутныхъ и морскихъ силъ, остановкѣ закупокъ и фабрикаціи военныхъ матеріаловъ, отмѣнѣ исключительныхъ мѣръ, установленныхъ большею частью военными властями въ подчиненныхъ областяхъ и т. д.

На сколько сильнымъ должно было чувствовать себя то правительство, которое тотчасъ послѣ самой кровопролитной войны, какую только видѣлъ когда нибудь свѣтъ, не только выступило въ такомъ примирительномъ духѣ съ неограниченною амнистіею, но и отложило въ сторону, безусловно довѣряя признательности врага, то оружіе, которымъ только едва вынудило повиновеніе! Чтобы вполнѣ оцѣнить подобное благородство и подобное довѣріе, мы должны обратить вниманіе также и на оборотную сторону этой величественной картины.

Во время перехода отъ войны къ миру во всѣхъ частяхъ конфедераціи господствовали деморализація и анархія. Уже давнымъ давно исчезли честь, довѣріе и кредитъ; съ начала войны отмѣнены были всѣ гражданскіе законы. Около шести мѣсяцевъ по возстановленіи мира никто не могъ приносить жалобъ или самъ быть обжалованъ. Такъ прибавлялись долги къ долгамъ въ частныхъ оборотахъ, но общее экономическое управленіе конфедератскихъ штатовъ было гораздо хуже. Возросшій государственный долгъ уже къ 1 генваря 1864 года простирался до 1,220 милліоновъ долларовъ, а къ концу войны онъ достигъ до $1^{3}/_{4}$ милліардовъ. Кромѣ банковыхъ билетовъ тамъ были въ обращеніи денежные знаки всѣхъ возможныхъ формъ и подраздѣленій; выпускаемые не только правительствомъ отдѣльныхъ штатовъ, графствами, общинами, корпораціями и банками, но даже отдѣльными лицами, такъ что страна наводнена была бумагами, они послѣ побѣды Союза совершенно потеряли свою цѣнность. Въ то время какъ золото и серебро окончательно исчезли изъ оборота, цѣна на предметы первой необходимости дошла до сумазбродной величины; одинъ центнеръ муки стоилъ 140 долларовъ, фунтъ чаю 40 дол., пара сапогъ 150 дол., бутылка пива 20 дол., бумага и т. д.

Въ этотъ безпокойный и мучительный періодъ школы и другія общественныя учрежденія были отчасти на время закрыты, отчасти совершенно уничтожены; ученики распущены, учителя размѣщены по полкамъ, мѣста общественнаго богослуженія обращены въ казармы или госпитали.

Всѣмъ населеніемъ Юга овладѣло полное одичаніе; взрослые забыли свои религіозныя обязанности, а молодежь выростала безъ всякаго воспитанія и ученья. Въ той же самой степени, въ какой страдала страна, падала справедливость и нравственность правительства.

Неестественный принципъ терроризма поддерживалъ существованіе мятежа. Вмѣсто добровольныхъ ссудъ и вмѣсто свободныхъ волонтеровъ они прибѣгали къ грабежу, насилію и контрибуціи; вмѣсто открытой и честной борьбы, они употребляли каперство и банды гверильясовъ, убійство и грабежъ; вмѣсто человѣчности они поставили безчеловѣчную грубость; вмѣсто великодушнаго примиренія, которымъ сами такъ щедро воспользовались, они знали только варварскій произволъ и безчеловѣчную жестокость. Какъ злодѣйское убійство своего благороднаго противника вполнѣ достойно увѣнчало дѣло мятежа, такъ и послѣ обнаружившіеся факты достаточно доказали, что изъ этого адскаго сѣмени измѣны могло произойти только зло.

Этотъ духъ безчеловѣчной грубости самымъ яснымъ образомъ выразился въ обращеніи съ военноплѣнными. Тогда какъ Союзъ весьма гуманно обращался съ южными военноплѣнными и заботился объ нихъ такъ, какъи о своихъ собственныхъ солдатахъ, главнымъ правиломъ мятежниковъ было — сдѣлать военноплѣнныхъ Сѣвера навсегда неспособными къ войнѣ посредствомъ голода и другихъ мученій. Подлая спекуляція на размѣнъ плѣнныхъ простиралась до того, что у нихъ не только ограничивали и отнимали предметы первыхъ

потребностей, каковы — пища, воздухъ, вода, опрятность и т. д., подлыя креатуры правительства даже утаивали посылки отъ родныхъ, вручаемыя ричмондскому правительству для передачи по принадлежности. Одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ орудій своего безчеловѣчнаго управленія мятежъ нашелъ въ личности извѣстнаго Гейнриха Виртца, которому былъ порученъ надзоръ за такъ называемою темничною загородкою, и какъ потомъ обнаружилъ начатый противъ него уголовный процессъ, онъ далеко превзошелъ жестокостью всѣхъ другихъ смотрителей тюремъ. Изъ числа ихъ мы укажемъ здѣсь только на генерала Виндера и на смотрителя Либбской тюрьмы въ Ричмондѣ, Дика Тэрнера; наши читатели вѣроятно не будутъ обременены, если мы для оцѣнки истиннаго духа мятежа разскажемъ кратко о безчеловѣчіяхъ, совершенныхъ во имя его Виртцемъ.

Этотъ лагерь состоялъ изъ площадки въ 440 шаговъ длины и такой же ширины, которая вокругъ была обнесена стѣною изъ свай, а по серединѣ ея протекалъ мелкій едва двигавшійся ручеекъ. На разстояніи 12 — 15 футовъ, параллельно стѣнѣ, шелъ другой заборъ въ 2—3 фута высоты, называемый „чертою смерти“, потому что каждое покушеніе переправиться чрезъ эту границу наказывалось выстрѣломъ часоваго, стоявшаго отсюда только на разстояніи двѣнадцати футовъ. Часовые за каждое геройское дѣло подобнаго рода получали отъ Виртца отпускъ на 30 дней. Одинъ старый нѣмецкій солдатъ, томимый смертельнымъ голодомъ, протянулъ руку за заборъ, чтобъ достать заплѣсневѣ-

лый кусочекъ хлѣба, но онъ тотчасъ же былъ застрѣленъ; другой, непроизвольно подкатившійся во снѣ къ забору, уже не проснулся больше, потому что подвергся той же самой участи.

Чѣмъ болѣе наполнялась съ теченіемъ времени эта темничная загородка, тѣмъ ужаснѣе были мученія заключенныхъ несчастныхъ.

Многіе пользовались вышеупомянутымъ распоряженіемъ: одинъ шагъ за черту смерти, и всѣ страданія окончены, потому что караульный рѣдко могъ промахнуться на двѣнадцатифутовомъ разстояніи. Все пространство, находившееся внутри черты смерти, разсчитанное спачала въ самомъ крайнемъ случаѣ на 10,000, скоро было обращено въ жилище болѣе чѣмъ 30,000 человѣкъ. Эти несчастные, сбитые здѣсь въ кучу какъ муравьи, преданные всѣмъ непріятностямъ непогоды, подверженные ужасному дѣйствію зараженнаго экскрементами воздуха, должны были сверхъ того еще бороться съ постоянными мученіями голода. То, что они получали на свое содержаніе, состояло изъ самыхъ маленькихъ раціоновъ и притомъ необыкновенно дурного качества: соленое мясо, гнилое, червивое и прогорклое, крѣпкій какъ камень хлѣбъ, наполовину сгнившій и заплѣснѣвѣлый, отпускаемы были въ количествѣ, едва ли достаточномъ для пятилѣтняго ребенка.

Недолго заставили себя ждать естественныя слѣдствія столь ужаснаго содержанія: идіотизмъ, самоубійство и другія болѣзни самаго злокачественнаго свойства. Истощенные какъ скелеты, лежали они на голой

землѣ съ неподвижными членами и съ гнойными нарывами на всемъ тѣлѣ, предоставленные въ жертву всевозможныхъ паразитовъ. Въ такомъ ужасномъ состояніи конечно смерть представлялась всѣмъ имъ какимъ-то спасителемъ. И дѣйствительно они умирали какъ мухи. Рано поутру толпа могильщиковъ проходила по тюрьмѣ и складывала въ кучу трупы, которые валялись среди спящихъ. Однажды утромъ, въ августѣ 1864 года, было поднято 207 труповъ, среднимъ же числомъ въ мѣсяцъ ихъ умирало до 2,000.

Ко всѣмъ этимъ ужаснымъ мученіямъ нужно прибавить еще грубые порывы личной жестокости безчеловѣчнаго палача Виртца. По одной своей прихоти или самодурству онъ приказывалъ однихъ заковать въ колодки, другихъ цѣлой группой сковать вмѣстѣ тяжелыми цѣпями и привѣсить къ ихъ истомленнымъ тѣламъ тридцатифунтовыя ядра. Особенное удовольствіе доставляли ему попытки къ бѣгству его плѣнныхъ. Для подобныхъ случаевъ онъ имѣлъ наготовѣ стаю гончихъ собакъ, которыя безошибочно находили слѣдъ несчастныхъ бѣглецовъ и душили ихъ къ удовольствію своего жестокаго господина. Такой же точно жестокій способъ преслѣдованія былъ въ ходу и у гверильяскихъ бандъ. Эти разбойническія шайки также употребляли во время своихъ хищническихъ набѣговъ гончихъ собакъ, чтобы отыскивать несчастныхъ фермеровъ, скрывавшихся при ихъ приближеніи въ ближайшіе кусты. Стая голодныхъ и жадныхъ до крови собакъ, въ особенности пріученныхъ къ человѣческой охотѣ, слѣдовала за

своей жертвой въ самыя отдаленныя убѣжища, и что ускользало отъ револьвера господина, то не могло уйти отъ ихъ ужасныхъ зубовъ.

Само собою разумѣется, что дѣйствія безчеловѣчнаго Виртца никакимъ образомъ не были единственныя въ своемъ родѣ, хотя ему, можетъ быть, преимущественно предъ другими представлялись удобные случаи безпрепятственно давать волю своей дьявольской страсти истязывать своихъ братьевъ. Болѣе чѣмъ 13,000 военноплѣнныхъ должны были погибнуть во время его управленія отъ голода и жажды, отъ сырости и холода, отъ болѣзней и неопрятности, отъ выстрѣловъ и безчеловѣчныхъ пытокъ разнаго рода. Одинъ нѣмецъ, не могшій стоять въ рядахъ, когда приказано было сдѣлать сборъ, нетвердымъ шагомъ подошелъ къ этому звѣрю и просилъ о снисхожденіи. Тогда Виртцъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ него, бѣшено закричавши на ломанномъ англійскомъ языкѣ: „Зачѣмъ же ты сражался противъ насъ, проклятая нѣмецкая собака?“

Другого плѣннаго, который почти падалъ отъ безсилія, какъ утверждаютъ оставшіеся въ живыхъ плѣнные, Виртцъ до тѣхъ поръ топталъ своими ногами, пока мученикъ не испустилъ духъ.

Но оставимъ эти ужасныя сцены безчеловѣчной жестокости, разсказъ о которыхъ во всякомъ случаѣ представлялся намъ необходимымъ для лучшей оцѣнки обѣихъ воюющихъ сторонъ. Вѣсы вѣчнаго правосудія, взвѣшивавшія преступленія великой братоубійственной войны, еще ниже должны были склониться къ погибели

мятежниковъ даже отъ одного факта подобной жестокости. Но съ другой стороны тѣмъ возвышеннѣе представляется намъ поистиннѣ удивительная умѣренность и мудрость союзнаго правительства, которое на всѣ злодѣйства и жестокости постоянно и неизмѣнно отвѣчало однимъ только снисхожденіемъ и прощеніемъ. Величественное, можетъ быть, безпримѣрное въ лѣтописяхъ исторіи явленіе представляетъ намъ поведеніе побѣдившей стороны, ея отношеніе къ своимъ вѣроломнымъ согражданамъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ долго боролись съ нею не на жизнь, а на смерть. Ни одна нація, ни одна монархія старой Европы не можетъ указать въ своей исторіи благороднаго эпизода, подобнаго этому. Тамъ, въ Америкѣ, избранный народодъ президентъ смягчаетъ громкій голосъ всего народа, требующаго мщенія, хорошо понимая, что великодушная нація впослѣдствіи будетъ благодарна лучшимъ намѣреніямъ своего мудраго правителя, между тѣмъ какъ по эту сторону океана монархи даютъ полную волю своей мстительности, часто даже вопреки желанію своихъ лучше мыслящихъ народовъ.

ГЛАВА X.

ВОЗСТАНОВЛЕННЫЙ СОЮЗЪ.

---

1) Относительныя силы обѣихъ сторонъ.

Необыкновенное увеличеніе военныхъ средствъ. — Усиленіе духа изобрѣтательности во время войны.

Уже одинъ поверхностный взглядъ на народныя силы враждующихъ сторонъ, которымъ пришлось бороться на жизнь и смерть, наполняютъ насъ точно такимъ чувствомъ, какое мы получаемъ при взглядѣ на борьбу какихъ нибудь двухъ силъ природы. Если же мы присмотримся къ дѣлу еще ближе, то это впечатлѣніе еще болѣе будетъ усилено тѣми необыкновенными рессурсами, которые находились въ распоряженіи Юга, а еще болѣе Сѣвера. Въ продолженіе кровопролитной борьбы силы борящихся возрастали въ такой пропорціи, которая далеко превышала всѣ прежніе раз-

счеты. Но намъ нужно указать здѣсь и на роковое несходство. Сѣверъ всегда открывалъ у себя новые источники, онъ удивительнымъ развитіемъ своей интеллигенціи всякій разъ создавалъ для себя новыя средства для борьбы, между тѣмъ какъ Югъ при всѣхъ своихъ разсчетахъ никакъ не могъ отвязаться отъ того убѣжденія, что силы и рессурсы, имѣвшіеся у него при началѣ войны, будутъ истощены еще за долго до назначеннаго срока.

Превосходный разборъ національныхъ силъ Сѣвера, сдѣланный нью-іоркскими газетами незадолго до начала враждебныхъ дѣйствій, уже тогда не оставлялъ никакого сомнѣнія относительно рѣшительной побѣды сѣверныхъ штатовъ. Поэтому когда Югъ вздумалъ поднять оружіе со своимъ бѣлымъ населеніемъ въ 7,528,831 душъ противъ 20,004,151 сѣвернаго населенія, его начинаніе казалось не только слишкомъ смѣлымъ, но просто безумнымъ. Кромѣ тото, по сравненію съ Сѣверомъ, гдѣ въ распоряженіи правительства былъ каждый человѣкъ способный носить оружіе, — Югъ имѣлъ еще и ту невыгоду, что его правительство должно было употреблять извѣстное число вооруженныхъ людей для того только, чтобы караулить орду въ 3,912,096 рабовъ. Относительно подобнаго наблюденія за рабами на случай войны въ Луизіанѣ былъ даже особый законъ, который молча практиковался и въ другихъ южныхъ штатахъ. Надежды и предположенія какъ съ той, такъ и съ другой стороны оказались болѣе чѣмъ обманчивы, и именно событія первыхъ годовъ войны доказали, что

на основаніи ценза, слѣдовательно на одномъ только поголовномъ счетѣ, никакъ нельзя разсчитывать на военные успѣхи. Южные штаты вдругъ отбросили свою старую привычку, которая съ 1814 года сдѣлала и у нихъ систему милиціи самымъ щекотливымъ учрежденіемъ государственнаго организма, хотя съ другой стороны можно сказать, что именно вслѣдствіе подобнаго отвращенія отъ большой постоянной арміи республика принуждена была мало по малу поднять на ноги всѣ народныя силы и призвать къ жизни ту національную армію, которая въ послѣднее время гражданской войны, по отзыву компетентныхъ судей, сдѣлала гораздо болѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ самыхъ испытанныхъ солдатъ Европы. Да и могъ ли бы Союзъ находить столь громадные источники, если бы сбереженія, составляющія благосостояніе націи, уже напередъ были высосаны чрезвычайными и напрасно потраченными издержками для содержанія постоянной большой арміи по образцу Европы? Можно положить, что содержаніе такой арміи въ продолженіе пятидесяти-лѣтняго мира, отъ 1811—1861, не считая милліоныхъ процентовъ, стоило бы болѣе чѣмъ 5,000 милліоновъ доллар. Но при арміи только въ 150,000 человѣкъ (вмѣсто того дѣйствительно была у нихъ ничтожная армія въ 20,000—25,000), вслѣдствіе подобнаго отказа отъ дорогого военнаго учрежденія, въ распоряженіе страны давалось много дѣйствительныхъ рабочихъ силъ, экономическое значеніе которыхъ слѣдуетъ оцѣнить по меньшей мѣрѣ въ 2,000 милліоновъ долларовъ. Вся сумма

отъ 7000 до 8000 милліоновъ долларовъ, сбереженная за неимѣніемъ огромной мирной арміи и поэтому обращенная прямо на благосостояніе націи, составляетъ вдвое большую цифру противъ тѣхъ издержекъ, которыя были покрыты чрезвычайнымъ военнымъ налогомъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Для уравненія баланса, который приблизительно можетъ быть выведенъ, къ этимъ издержкамъ нужно было бы прибавить еще новыя суммы, назначенныя для выкупа рабовъ, если бы выкупъ этотъ состоялся мирнымъ путемъ, а эти суммы могли бы простираться никакъ не менѣе 2,000 милліоновъ долларовъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что Союзъ отъ этой страшной войны, которую онъ велъ главнымъ образомъ за дѣло великой культурной миссіи, не только не понесъ, по сравненію съ добытыми результатами, никакихъ потерь, но еще и много выигралъ. Сравнивая издержки, поглощенныя войною въ имуществѣ и людяхъ, съ полученными великими результатами, можно положительно сказать, что возстановленіе великой республики за океаномъ и освобожденіе цѣлой человѣческой расы, совершившіяся чрезъ пожертвованіе сотни тысячъ людей, было куплено еще не слишкомъ дорогою цѣной. И для того, чтобы достигнуть трехъ великихъ результатовъ: превращенія союза государствъ въ государственный союзъ, разрушенія рабовладѣльческихъ бароній и уничтоженія рабства, потребовалось всего, какъ показываетъ государственный долгъ, $2^3/_4$ милліарда долларовъ.

Подобные разсчеты нѣсколько разъ составлялись какъ прежде этого, такъ и послѣ. Югъ разсчитывалъ иначе. Но онъ имѣлъ на своей сторонѣ общее единодушіе своихъ жителей относительно одного великаго вопроса—сохраненія „домашняго института невольничества,“ въ которомъ соединились всѣ общіе интересы, между тѣмъ какъ на Сѣверѣ чрезвычайно многіе не сходились относительно этого существеннаго вопроса. Ясно сознаваемое чувство всеобщаго интереса господствовало на Югѣ, тогда какъ Сѣверъ еще долженъ былъ работать надъ уясненіемъ своихъ стремленій. И только грозно приближавшаяся опасность вызвала тамъ сильное движеніе общественнаго мнѣнія, которое Авраамъ Линкольнъ съумѣлъ направить къ надлежащей цѣли.

Одновременно съ дѣйствительнымъ началомъ сецессіи руководители ея стали диктаторами. Это полномочіе оказалось гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ 100,000 войско, и имѣло больше значенія, чѣмъ обманчивое приращеніе нѣсколькихъ милліоновъ, изъ которыхъ должны были произойти миліціонеры. Прежде чѣмъ Сѣверъ могъ создать свою милицію, Югъ уже пустилъ въ ходъ систему вербовки и помѣщалъ подъ свои знамена взрослыхъ и молодыхъ, массами приходившихъ изъ сѣверныхъ штатовъ. Обѣщанъ былъ хорошій задатокъ, хорошее содержаніе и жалованье, привольную жизнь и награду по окончаніи войны,—чего жъ еще не доставало, чтобы заманить ирландцевъ и даже нѣмцевъ? Огромному количеству природныхъ офицеровъ южной арміи Сѣверъ могъ противопоставить только небольшое число образо-

ванныхъ военныхъ людей, между которыми особенно отличались нѣмецкіе офицеры и извѣстные по оружію политическіе эмигранты. Югъ организовалъ армію, между тѣмъ какъ Авраамъ Линкольнъ могъ располагать только массою неопытныхъ милиціонеровъ.

Самъ Линкольнъ не имѣлъ никакихъ военныхъ способностей и, при военномъ диллетантизмѣ своихъ совѣтниковъ, долженъ былъ прибѣгать къ выжиданью, чтобы найти наконецъ въ этой путаницѣ какую нибудь руководящую идею. Образованіе арміи изъ толпы, являвшейся на зовъ президента, составляло сверхчеловѣческую, достойную Наполеона I задачу. Линкольнъ справедливо могъ жаловаться: „что дѣлать съ этими сотнячи тысячь? что будетъ тогда, когда явится съ сѣверо-запада еще 250,000 волонтеровъ, а между тѣмъ конгрессъ не дастъ ни 1,600, ни можетъ быть даже 600 милліоновъ долларовъ для комиссиріата и казначеевъ?

Но заслуга Линкольна состояла въ томъ, что узнали наконецъ совершенную негодность комиссиріата, этого безплоднаго наслѣдства староанглійскаго военнаго управленія. Мѣра, принятая послѣ этого президентомъ, вполнѣ обнаруживаетъ отсутствіе въ немъ эгоизма. Онъ далъ главнокомандующему диктаторскую власть требовать всего необходимаго, а на себя самаго принялъ трудную обязанность исполнять всякое его требованіе. Даже хладнокровный Сьюардъ пришелъ въ ужасъ по поводу обязательствъ, принятыхъ на себя Линкольномъ. „Какъ вы доставите М'Клеллану въ восемь дней

150,000 фунтовъ сѣна, для того чтобы солдаты потомакской арміи могли сдѣлать въ своихъ палаткахъ постели?“ —спросилъ министръ. — „Какъ?—Отнынѣ не знаетъ этого Линкольнъ“ —отвѣчалъ президентъ. „Отнынѣ Линкольну мало дѣла въ томъ, какъ онъ съ завтрашняго дня будетъ исполнять свои обязательства, довольно того, что товарищъ долженъ давать ему съ завтрашняго дня совѣты.“

На сколько тяжелы были для президента эти заботы о прiисканiи новыхъ средствъ, въ виду постоянно возрастающихъ требованiяхъ арміи, лучше всего можно видѣть изъ огромной общей цифры собранныхъ войскъ, которая простиралась до 1,400,000 человѣкъ. — Съ такою огромною цифрою солдатъ часто связывались самыя странныя сужденiя о способностяхъ союзнаго правительства. Дѣйствительно, въ послѣднiе годы войны численность войскъ простиралась до 810,000 человѣкъ, но было бы очень ошибочно полагать, будто Союзъ всегда располагалъ столь огромнымъ войскомъ. Напротивъ эту цифру нужно убавить болѣе чѣмъ на 100,000 человѣкъ, которые по окончанiи своего срока и иногда даже въ виду самаго сраженiя, отпускались на родину; далѣе нужно исключить отсюда безчисленное множество дезертировъ, а также и тѣхъ, которые совершенно никогда не являлись подъ знамена, наконецъ лежавшихъ въ госпиталяхъ — и неучаствующихъ въ сраженiяхъ, — всего навѣрно будетъ до 150,000, такъ что Союзъ въ послѣднiй годъ войны могъ выставить противъ непрiятеля едва ли болѣе полмиллiона

солдатъ, хотя и давалъ содержаніе на 800,000 человѣкъ. Напротивъ Югъ едва ли когда нибудь могъ снарядить болѣе 280,000 — 300,000 человѣкъ. Въ это же число нужно включить и тѣ безчисленныя толпы искавшихъ добычи и войны ландскнехтовъ изъ всѣхъ частей свѣта, которые одинаково наполняли собою какъ армію Юга, такъ равно и Сѣвера. Когда же въ послѣднее время, при болѣе и болѣе увеличивающемся истощеніи, число сепаратистскихъ дѣйствующихъ войскъ уменьшилось до того, что нужно было призвать подъ знамена даже людей пятнадцатилѣтняго возраста, и когда счастье все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе стало склоняться на сторону Сѣвера, тогда прекратились и продажныя симпатіи къ Югу. Его силы и средства совершенно истощились.

Самый ходъ событій убѣдилъ Линкольна въ томъ, что его героическое самоотверженіе клонилось главнымъ образомъ только къ тому, чтобы поддерживать сепаратистскіе планы своихъ злѣйшихъ враговъ. Снабженіе арміи необходимыми средствами до такой степени не довало Линкольну свободно вздохнуть, что онъ долженъ былъ скоро понять, что цѣль арміи еще не достигнется тѣмъ, если для каждаго солдата будетъ сдѣлана багажная повозка. Въ это время Линкольнъ прошелъ при М'Клелланѣ хорошую школу относительно снабженія продовольствіемъ арміи. Комиссаріатская система была преобразована; вызванная со стороны купцовъ конкурренція удовлетворяла съ этихъ поръ самымъ необыкновеннымъ запросамъ. Послѣ того какъ

эта машина, снабженная такой новой движущей силой, получила правильный ходъ, армія въ полмилліона солдатъ уже могла быть снабжаема съ такою же исправностью, съ какою прежде того снабжались провіантомъ и военными снарядами небольшіе гарнизоны въ пограничныхъ укрѣпленіяхъ.

Другую трудную задачу Сѣверъ разрѣшилъ относительно гораздо легче. Вслѣдствіе перехода большей части морскихъ силъ на сторону сепаратистовъ, вашингтонское правительство поставлено было въ большое затрудненіе. Нужно было снова построить почти цѣлый флотъ. Въ продолженіе войны сооружено было болѣе 500 военныхъ судовъ болѣе чѣмъ съ 4,000 орудій, въ томъ числѣ было 180 большихъ морскихъ судовъ и 40 морскихъ желѣзныхъ пароходовъ. Флотъ былъ совершенно новый какъ по своей конструкціи, такъ и по вооруженію. Прежде всего сдѣлали 11 панцирныхъ канонерскихъ лодокъ и 38 пловучихъ баттарей, предназначенныхъ для стоянки на Миссиссипи. Онѣ начали собою новую эру въ постройкѣ защитительныхъ и наступательныхъ судовъ. Суда эти были снабжены чрезвычайною силою отпора, орудіями Паррота и колумбіадами. Въ постройкѣ канонерской лодки „Бентонъ“ уже заключалась идея знаменитыхъ впослѣдствіи мониторовъ: надъ поверхностью воды возвышались только орудія и дымовая труба „Бентона.“ Прибавивъ къ нему устройство подвижной башни для орудій, Эриксонъ изобрѣлъ то страшное судно — „мониторъ,“ превосходство котораго надъ обыкновенными во-

ёнными судали вознаграждали Союзъ за его потери вслѣдствіе отпаденія флота.

Духъ изобрѣтательности Сѣвера, обнаружившійся въ постройкѣ новыхъ военныхъ судовъ, оказалъ чрезвычайное вліяніе на одну европейскую державу, которая при своемъ могуществѣ имѣла интересъ и несомнѣнное желаніе воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы придти на помощь къ южнымъ штатамъ. Но былъ изобрѣтенъ мониторъ и англійской націей овладѣлъ ужасъ.

Великобританія, еще такъ недавно говорившая съ увѣренностью вооруженнаго исполина, подняла теперь громкій крикъ ужаса и была совершенно права. Несмотря на свои 500 пловучихъ укрѣпленій, она съ появленіемъ на морѣ монитора, вдругъ упала до второстепенной морской державы. Вмѣсто того, чтобы своими, по мнѣнію всѣхъ, непобѣдимыми линейными кораблями дѣлать внушенія Союзу, которыхъ желала вся нація, Англія принуждена была считать себя счастливою, что можно сохранить нейтралитетъ и такимъ образомъ выиграть время для постройки флота американскаго изобрѣтенія.

Выдѣлка снарядовъ, пушекъ, пороху, огнестрѣльнаго ручнаго и холоднаго оружія, производившихся прежде въ Союзѣ не въ очень большихъ размѣрахъ, приняла теперь такіе размѣры, на которые смотрѣла съ изумленіемъ даже сама Англія. Вдругъ появились громадныя мастерскія огнестрѣльнаго оружія, заводы для отливки стальныхъ пушекъ и пр. въ Гарперсъ-Ферри, Бостонѣ и другихъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ же-

лѣзные корабли разнообразнѣйшей конструкціи доставлялись верфями Нью-Іорка, Бостона и Филадельфіи. При началѣ великой войны самыя необходимыя принадлежности дѣлались англійскими и бельгійскими фабриками, цейгаузы доставляли всѣ годные еще къ употребленію матеріалы—тамъ были старые (кремневые) мушкеты.—Но скоро обнаружилось, что Союзъ долженъ самъ взяться за это дѣло, если онъ желаетъ вести войну на долгое время. Въ первое время по открытіи военныхъ дѣйствій вывозъ оружія съ Сѣвера на Югъ былъ весьма значителенъ. Къ тому же нужно прибавить еще производство какъ большихъ оружейныхъ фабрикъ Ричмонда, такъ и нѣсколькихъ мастерскихъ меньшаго размѣра въ другихъ штатахъ Юга. И однакожъ за исключеніемъ только оружія, которое впослѣдствіи доставляли англійскіе торговые дома, положительно каждое ружье, каждый штыкъ и кинжалъ, даже каждое зерно пороху, съ которыми Югъ выходилъ на поле сраженія, были приготовлены на Сѣверѣ. Но такой способъ вооруженія сепаратистовъ скоро уступилъ мѣсто лучшей англійской фабрикаціи, потому что при началѣ войны и даже позже бумажныя цѣнности сепаратистовъ охотно принимались въ Лондонѣ и притомъ даже въ высшихъ сферахъ и правительственныхъ кружкахъ. Въ индустріальномъ отношеніи южные штаты были въ продолженіе войны столь же непроизводительны, какъ и всегда. И когда однажды въ ричмондскомъ парламентѣ зашла рѣчь объ учрежденіи мастерскихъ холоднаго оружія, одинъ членъ

замѣтилъ, что старая практика основательно не допускала фабрикаціи оружія въ невольническихъ штатахъ. До сихъ поръ только въ рѣдкихъ случаяхъ довѣряли тамъ невольнику косу и скорѣй соглашались запускать великолѣпные луга, не получать съ нихъ сѣна или какого нибудь корма. Лучше всего оставить негра въ той увѣренности, что косы, ножи, сабли и ружья падаютъ для бѣлаго человѣка съ неба.

Вмѣстѣ съ огромнымъ производствомъ оружія на Сѣверѣ и необыкновенными усиліями вознаградить потери во времени, въ людяхъ и матеріалѣ, слѣдуетъ намъ упомянуть также о цѣломъ рядѣ опытовъ, служащихъ къ расширенію и увеличенію военныхъ рессуровъ примѣненіемъ къ нимъ новѣйшихъ открытій науки. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ для примѣра примѣненія открытій въ области электричества.

Отдаленнѣйшіе пункты и отдѣльныя части арміи связывались съ главною квартирою посредствомъ электрическаго телеграфа, причемъ его проводили часто въ невѣроятно короткое время, нерѣдко даже въ продолженіе самой битвы. Понятно, что для этой цѣли нуженъ былъ возможно легкій и удобопереносимый аппаратъ. Проволока протягивалась даже по деревьямъ, изгородямъ или на особо приготовленныхъ къ тому легкихъ шестахъ. Она раскручивалась съ валика, помѣщавшагося въ повозкѣ, перевозившей вмѣстѣ съ тѣмъ и главный аппаратъ. Гдѣ не доставало повозки, тамъ нужно было только два человѣка, которые быстро несли валикъ. Аппаратъ, находившійся въ повозкѣ,

былъ чрезвычайно простъ. Онъ дѣйствовалъ посредствомъ стрѣлки, двигающейся по циферблату, снабженному алфавитомъ, цифрами и знаками, которая останавливалась на каждой буквѣ депеши. Довольно было одного человѣка, чтобы прочитать депешу, написать ее и, если нужно, телеграфировать дальше.

Кромѣ того необыкновенная сила электрическаго освѣщенія часто была употребляема для изслѣдованія непріятельской позиціи, какъ напр. для изслѣдованія береговъ рѣки и замаскированныхъ баттарей. Понятно, что производство подобныхъ рекогносцировокъ днемъ было сединено по большей части съ чрезвычайными опасностями. Поэтому тамъ, гдѣ гарнизонъ и баттареи были слишкомъ бдительны, для изслѣдованій выбиралась ночь. Суда, снабженныя свѣтильнымъ аппаратомъ профессора Гранта, осторожно ѣхали по рѣкѣ, вдоль берега. Коль скоро попадался на глаза какой нибудь подозрительный пунктъ, задвижка аппарата падала и окресность заливалась, какъ бы по мановенію магическаго жезла, ослѣпительнымъ потокомъ свѣта.

Сколько мы знаемъ, уніонисты рѣдко употребляли торпедо и адскія машины, бывшія въ большомъ ходу у ихъ непріятелей. Союзъ, имѣвшій слишкомъ большое превосходство по своимъ морскимъ силамъ, совсѣмъ не боялся сравнительно незначительнаго флота своего противника. Напротивъ для конфедератовъ, которые немогли побѣдить въ открытой борьбѣ превосходныхъ силъ своего непріятеля, чрезвычайно важны были необыкновенныя разрушительныя орудія, скрытыя взры-

вающіяся машины и т. п., чтобъ дать ему по крайней мѣрѣ хотя нѣкоторый отпоръ. Для того чтобы не допустить сѣверный флотъ въ рѣки и гавани Юга, проходы къ нимъ были завалены массами затопленныхъ камней, заперты цѣпями и вообще были въ высшей степени опасны по причинѣ подводныхъ взрывающихъ аппаратовъ. Мы имѣли уже случай упоминать въ нашемъ разсказѣ о подобныхъ разрушительныхъ снарядахъ новѣйшаго военнаго искуства, и теперь, когда дѣло идетъ преимущественно объ успѣхахъ военной науки, хотимъ сообщить еще нѣсколько свѣдѣній объ этомъ предметѣ.

Торпедо, или подводная адская машина — сѣвероамериканскаго происхожденія. Именно Робертъ Фультонъ, по случаю русской войны 1855 года, сдѣлалъ этотъ самый аппаратъ, который тогда и былъ употребленъ для защиты кронштадскаго порта.

Воспламененіе аппарата, наполненнаго достаточнымъ количествомъ взрывающагося вещества и имѣвшаго обыкновенно форму бутылки, производилось или треніемъ проходившаго надъ нимъ корабля, или же электричествомъ съ какого нибудь скрытаго пункта на берегу. Такъ какъ разрушительный аппаратъ, удерживаемый для этой цѣли при помощи деревянныхъ бочекъ въ пловучемъ положеніи, долженъ былъ находиться подъ водой, впрочемъ недалеко отъ ея поверхности, то обыкновенно два аппарата связывались вмѣстѣ канатомъ, который выходилъ на берегъ и посредствомъ блока могъ, смотря по надобности, приближаться къ

требуемому мѣсту. Лишь только непріятельскій корабль касался такого снаряда, поставленнаго на самомъ удобномъ для проѣзда мѣстѣ, мгновенно слѣдовалъ взрывъ, который причинялъ столь сильное поврежденіе этому кораблю, что онъ въ нѣсколько минутъ опускался на дно.

Эти торпедо не слѣдуетъ смѣшивать съ взрывающими лодками. Въ послѣдніе мѣсяцы войны духъ изобрѣтательности преимущественно обратился къ сооруженію такихъ подводныхъ разрушительныхъ снарядовъ, все равно какъ немного прежде къ устройству брандерныхъ судовъ. Взрывающія лодки, построенныя изъ желѣза и стали, опускались въ глубь посредствомъ сжатаго воздуха. Большой, наполненный порохомъ сосудъ, взрывающійся посредствомъ электричества, могъ поднятъ и брошенъ въ корпусъ непріятельскаго корабля при помощи одного аппарата, укрѣпленнаго на носу подобной лодки. Но въ сѣвероамериканскую войну онѣ еще не находили себѣ примѣненія, и теперь мы можемъ радоваться, что дѣлу свободы удалось, не смотря на всѣ искусныя средства сопротивленія и скрытыя адскія машины, одержать открытою и честною борьбою совершенную побѣду надъ своимъ эгоистическимъ, не пренебрегающимъ никакими средствами непріятелемъ.

Главныя затрудненія вашингтонскаго правительства заключались въ недостаткѣ средствъ обмундированія, а между тѣмъ спросъ на это для приходящихъ со всѣхъ сторонъ волонтеровъ былъ необыкновенно большой. Потому что фабрикація сукна и полусукна ни-

когда не достигала на Сѣверѣ до начала войны сильнаго развитія, не смотря на чрезвычайно покровительственный тарифъ, а можетъ быть даже и вслѣдствіе этого самаго тарифа. Только производство кожанныхъ и мѣховыхъ товаровъ, также шляпъ и жестяныхъ издѣлій значительно усилилось вмѣстѣ съ необыкновеннымъ развитіемъ стальныхъ издѣлій. Война быстро произвела рѣшительную перемѣну. Въ продолженіе одного года обмундированіе и экипировка союзной арміи покрывалась сначала большею частью, а наконецъ и совсѣмъ собственнымъ, внутреннимъ производствомъ.

Огромная сѣть желѣзныхъ дорогъ въ сѣверныхъ штатахъ играла чрезвычайно важную роль при необходимости иногда сосредоточить военныя силы на одномъ пунктѣ. Вслѣдствіе обладанія или занятія рельсовыхъ путей, которые при неизмѣримомъ пространствѣ операцій были часто чрезвычайно полезны для быстрой транспортировки войскъ, были выиграны многія отдѣльныя битвы и даже многія большія сраженія. Необходимость вести войну по новому способу уже не разъ побуждала чрезвычайно спѣшить устройствомъ такого рода сообщеній между отдаленными операціонными пунктами, которые еще не были соединены между собою, съ чисто военною цѣлью. Величественный примѣръ этого представляетъ сдѣланная отдѣльными отрядами арміи Гранта въ 1864 году желѣзная дорога между Питерсбургомъ и Сити Пойнтъ, которая на пространствѣ девяти нѣмецкихъ миль окончена была въ продолженіе одиннадцати дней, безъ предварительныхъ работъ, подъ руко-

водствомъ оберъ-интенданта военныхъ дорогъ, майора Вентца. Если при этомъ имѣть въ виду, что тутъ побѣждены были большія препятствія мѣстности и построенъ мостъ въ 20 футовъ высоты и 800 ф. длины, то должно исчезнуть всякое сомнѣніе относительно того, что въ американской войнѣ употреблены были средства и примѣнены новѣйшія открытія въ такой степени, въ какой до сихъ поръ военная исторія не представляла примѣровъ. Что касается употребленія въ пользу рѣчныхъ путей и силъ воды, постройки каналовъ, отвода рѣкъ и т. д., то мы уже знаемъ изъ разсказа о важнѣйшихъ событіяхъ этой войны, что было сдѣлано и испробовано въ этомъ отношеніи. Подобныя работы напоминаютъ колоссальныя сооруженія древнихъ египтянъ и доказываютъ, что многія изъ нихъ исполнимы.

2. Способные люди въ совѣтѣ и въ лагеряхъ борящихся партій.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сѣвероамериканецъ вездѣ практиченъ и энергиченъ, что онъ представляется закаленнымъ какъ сталь въ побѣжденіи всѣхъ препятствій и затрудненій; но никогда неустающему янки отказываютъ въ той геніальности и возвышенномъ умѣ, при помощи которыхъ великій характеръ вліяетъ на свое время, людей и направленіе судьбы націи съ творческою силою. Мы уважаемъ въ Линкольнѣ высокій образецъ правдивости, практической, житейской мудрости и рѣдкаго величія души, но ему недостаетъ гені-

альности Оксенштирна, Питта, Штейна и др., которые гораздо самостоятельнѣе вели свой народъ по новому пути. Но за то тѣмъ легче онъ могъ выбрать себѣ совѣтниковъ и всегда находилъ то, что ему нужно было — годныхъ и надежныхъ сотрудниковъ, которые отчасти дополняли недостававшее въ самомъ президентѣ.

Между его министрами прежде всѣхъ слѣдуетъ назвать Виллььяма Генри Сьюарда, бывшаго правой рукой Линкольна. Онъ родился въ маѣ 1801 г. въ штатѣ Нью-Іоркъ. Подобно Линкольну, прежде знаменитый адвокатъ и защитникъ въ уголовныхъ процессахъ, онъ является въ первый разъ въ сенатѣ въ 1830 г. и съ этихъ поръ считался, особенно съ 1849 по 1860, большою подпорою анти-невольнической партіи и талантливѣйшимъ оппозиціоннымъ предводителемъ въ первой палатѣ республики. Тотчасъ по вступленіи Линкольна въ должность назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ съ этихъ поръ соединялъ свое имя со всѣми важнѣйшими актами вашингтонской политики въ продолженіе самаго бурнаго времени послѣднихъ годовъ.

Отличаясь не столько практическимъ искуствомъ управленія, сколько тѣмъ высокимъ политическимъ взглядомъ, который, устраняя мелочи, шелъ къ главному, Сьюардъ при всякихъ обстоятельствахъ постоянно имѣлъ въ виду главный великій соціальный вопросъ, органическое разрѣшеніе котораго съумѣлъ гармонически ввести въ историческое развитіе страны. Преимущественно это возвышенное, идеальное воззрѣніе и уяснило рабовладѣльческой политикѣ, которая, гдѣ только имѣла слу-

чай, охотно ссылалась на букву закона, существованіе высшаго закона.

Рядомъ съ этимъ государственнымъ человѣкомъ, какъ главный помощникъ президента и его многолѣтній военный министръ, выступаетъ трудолюбивый Эдвинъ М. Стантонъ, который въ генварѣ 1862 г. занялъ мѣсто Камерона и по своей неутомимой энергіи и отличному пониманію своей главной задачи считался создателемъ тѣхъ могущественныхъ національныхъ военныхъ силъ, организація которыхъ при возраставшей трудности положенія требовала всѣхъ усилій неистощимаго въ средствахъ ума. Даже тѣ горячія головы между предводителями войскъ, которые думали, что имѣютъ причины жаловаться на твердую рѣшительность этого дѣйствительно замѣчательнаго человѣка, признали за нимъ замѣчательныя способности, на основаніи которыхъ онъ является какъ бы душою ожесточенной четырехлѣтней войны.

Много помогалъ Стантону его товарищъ, прежній публицистъ Р. Дана, который по своему участію въ общественной жизни и по положенію въ прессѣ, при необыкновенномъ знакомствѣ съ управленіемъ страны и людей, могъ даже внѣ круга своей дѣятельности имѣть сильное вліяніе на общественныя дѣла. Возросши въ школѣ ежедневной прессы, этотъ дѣятельный, высоко образованный и одаренный великою проницательностью человѣкъ привыкъ въ короткое время справляться съ грудою матеріала.

Съ такою же умѣренностью и рѣшительностью во

время самыхъ натянутыхъ отношенiй Виллъямъ Л. Дайтонъ (умеръ 2 декабря 1864 года въ Парижѣ) и ловкiй Ч. Ф. Адамсъ, какъ посланники Союза, отстаивали интересы своего отечества противъ такъ называемыхъ „дружественныхъ" державъ, которыя по всей вѣроятности тотчасъ же оставили бы свое двусмысленное поведенiе и перешли въ ряды противниковъ Союза, лишь только на сторонѣ южанъ были бы сдѣланы прочные успѣхи. Въ это же самое время умный Камеронъ, посланникъ республики въ Петербургѣ, успѣлъ утвердить дѣйствительно дружественныя отношенiя съ могущественнымъ западнымъ сосѣдомъ, и худо скрываемая Сѣверомъ ненависть къ Англiи была удовлетворена отчасти тѣмъ, что часть русскаго флота самымъ торжественнымъ образомъ привѣтствовалась въ главныхъ портахъ Союза.

Наряду съ дѣятельностью иностраннаго вашингтонскаго министерства заслуживаетъ нашего вниманiя чрезвычайно даровитый министръ финансовъ, Т. П. Чэзъ, который оказался вполнѣ способнымъ удовлетворять все болѣе возраставшiя тяжелыя требованiя, изъ года въ годъ добывать миллiарды на содержанiе миллiона солдатъ и на покрытiе увеличивающихся издержекъ государства. И онъ такъ безукоризненно исполнилъ свою задачу въ смыслѣ своихъ согражданъ, что его финансовыя мѣры никогда не встрѣчали серьезнаго противорѣчiя, а кредитъ, которымъ правительство могло пользоваться въ своей странѣ, казался почти неисчерпаемымъ. Нужно приписать его заслугамъ, что аме-

риканскія бумаги даже въ самыя трудныя времена американской войны держались на извѣстной высотѣ и что государство никогда тщетно не обращалось къ крезамъ Нью-Іорка, что напротивъ оно находило въ нихъ охотныхъ помощниковъ и опытныхъ совѣтниковъ, къ словамъ которыхъ Чэзъ всегда былъ очень внимателенъ. Не смотря на четырехлѣтнюю войну и на дороговизну американскаго національнаго войска сравнительно съ арміями Европы, государственный долгъ Союза къ 31 октября 1865 года, послѣ того какъ въ послѣдніе мѣсяцы онъ мало по малу уменьшился на сумму въ 17 милліон., былъ не болѣе 2,740 милліоновъ долларовъ, между тѣмъ въ это же самое время и 50 милліоновъ находившихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ были превращены въ фонды. Морскимъ министромъ Линкольна былъ дѣятельный Гедеонъ Виллесъ (изъ Коннектикута), о дѣятельности котораго мы говорили при разсказѣ о постройкѣ почти совершенно новаго флота. Дѣятельность министра внутреннихъ дѣлъ Джона П. Эшера не до такой степени интересна для иностранцевъ, чтобы на ней слѣдовало останавливаться.

Значеніе и характеръ вицепрезидента, Андрью Джонсона, при жизни Линкольна мало, но за то тѣмъ болѣе послѣ его убійства были предметомъ общихъ сужденій.

Относительная важность заслугъ постепенно смѣнявшихся главнокомандующихъ, каковы—В. Скоттъ, Макъ-Клелланъ, Галлекъ, Мидъ, Борнсайдъ, Гокеръ и Грантъ, равно какъ замѣчательнѣйшихъ генераловъ, каковы — Шерманъ, Ганкокъ, Плизантонъ, Розенкранцъ, Попе,

Ботлеръ, Логанъ, Вейтцель, далѣе замѣчательнѣйшихъ морскихъ офицеровъ, именно — Д. Д. Портера, Д. Г. Фэррагота, С. П. Ли, Ч. Г. Бэли, І. А. Дальгрена, І. Л. Ларднера и другихъ была нами уже болѣе или менѣе указана при изложеніи самыхъ операцій.

Теперь намъ остается только бросить бѣглый взглядъ на противный лагерь и на стоящихъ въ немъ на первомъ планѣ даровитыхъ лицъ. Здѣсь предъ нами прежде всего выступаетъ тотъ преданный тяжкому осужденію коноводъ, на котораго слѣдуетъ смотрѣть какъ на душу мятежа.

Какъ въ Авраамѣ Линкольнѣ идея Союза и его возстановленія составляла дѣйствительный центръ тяжести всѣхъ его мыслей, такъ въ Джефферсонѣ Дэвисѣ воплощалась мысль объ образованіи независимаго государства, ядро котораго должна была составлять плантаторская аристократія. На сколько поэтому различны и противоположны были цѣли обоихъ великихъ государственныхъ людей, на столько же несходны были и средства, употребляемыя ими для достиженія своихъ цѣлей. Въ Линкольнѣ преобладалъ духъ умѣренности, милосердія и примиренія, но жестокому, ловкому и умному представителю сепаратизма нравились больше всякія насильственныя и устрашающія мѣры, если онѣ только казались ему цѣлесообразными. Родившись въ 1818 году въ штатѣ Кентукки, Джефферсонъ Дэвисъ, послѣ многолѣтней военной дѣятельности, отъ 1835 до 1844 года, хорошо ознакомился на своей собственной плантаціи съ жизнью южныхъ штатовъ среди рабовъ и тю-

ковъ хлопка и увидѣлъ, что главная задача Юга состояла въ поддержаніи эгоистическихъ, узкихъ интересовъ.

Выбранный въ 1846 году въ конгрессъ, онъ говорилъ за войну противъ Мехики и позднѣе принималъ личное участіе въ этомъ походѣ, въ которомъ отличился и занималъ высокій постъ; съ 1853 до 1857 онъ облеченъ былъ должностью военнаго министра Соединенныхъ Штатовъ, причемъ заслужилъ себѣ добрую славу своими улучшеніями въ арміи и въ устройствѣ укрѣпленій, — дѣятельность, которая впослѣдствіи вся была обращена въ пользу конфедераціи. Когда весною 1860 года республиканцы торжествовали свою избирательную побѣду, Дэвисъ проѣзжалъ по главнымъ штатамъ Юга — Луизіаннѣ, Миссисиппи, Алабамѣ, Флоридѣ, Георгіи, Южной Каролинѣ и др. и старался расположить общественное мнѣніе въ пользу созванія конгресса южныхъ штатовъ. Послѣдній дѣйствительно собрался весною 1871 года въ Монтгомери, въ Алабамѣ, и избралъ Джефферсона Дэвиса своимъ президентомъ. Если и можно сказать что нибудь въ пользу мнѣнія Дэвиса о цѣлесообразности раздѣленія великой республики на двѣ группы и объ основаніи сепаратистскаго государства, то все таки его близорукость, которая скрыла отъ него превосходныя силы и упорство его противника, равно какъ беззастѣнчивость его въ выборѣ безнравственныхъ и безчеловѣчныхъ средствъ заслуживаютъ рѣшительнаго осужденія. Какъ вполнѣ деспотическая натура, глава сепаратистовъ изображается до чрезмѣрности упрямымъ,

непостояннымъ въ своихъ привязанностяхъ, злопамятнымъ и мстительнымъ ко всѣмъ, кто противорѣчилъ его планамъ. Многое разсказываютъ о его бездушной жестокости къ своимъ собственнымъ рабамъ, о невыносимой тираннiи въ своемъ собственномъ семействѣ. Онъ до такой степени сроднился съ своею любимою мыслью, съ учрежденiемъ отдѣльнаго Союза, что даже въ послѣднiй моментъ, когда ему предлагали выгоднѣйшiя и почетнѣйшiя условiя для соглашенiя, а впослѣдствiи для заключенiя мира, не могъ разстаться съ своей задушевной мыслью. Во время происходившей весной 1865 года на Гэмптонской дорогѣ мирной конференцiи Авраамъ Линкольнъ предлагалъ широкую амнистiю относительно чести, безопасности и собственности мятежниковъ, въ случаѣ если они только откажутся отъ требованiя независимости. Между прочимъ были обѣщаны шестилѣтнiй срокъ для уничтоженiя рабства и 400 миллiоновъ долларовъ въ видѣ вознагражденiя. На такiя либеральныя условiя согласилось бы не только большинство жителей южныхъ штатовъ, но и большинство членовъ ричмондскаго правительства и прежде всего благомыслящiй сепаратистскiй вицепрезидентъ, Алекс. Г. Стефенсъ, который представлялъ собою въ правительствѣ консервативный элементъ, и это вывело бы изъ необыкновенныхъ затрудненiй южанскаго министра финансовъ. Послѣднiй въ виду совершеннаго обезцѣненiя въ громадномъ количествѣ выпущенныхъ въ обращенiе бумажныхъ денегъ и увеличенiя государственнаго долга, превышавшаго 1½ миллiарда, давнымъ давно исчер-

палъ всю свою мудрость и только съ большимъ затрудненіемъ могъ доставлять едва необходимыя средства къ продолженію войны. Но Джефферсонъ Дэвисъ, продолжая игнорировать затруднительное свое положеніе и сравнительное превосходство непріятельскихъ силъ, съ необыкновеннымъ упорствомъ не отставалъ отъ желаннаго раздѣленія обѣихъ группъ штатовъ и вслѣдствіе этого погибель своего дѣла запечатлѣлъ еще наконецъ ужаснѣйшимъ терроризмомъ. На сколько недостойно было его господство и беззаконно его управленіе, на столько же былъ жалокъ и плачевенъ его быстрый конецъ. Когда Ричмондъ палъ, бѣжавшій глава мятежниковъ былъ окруженъ у Ирвинсвилля, въ 17 нѣмецкихъ миляхъ отъ Макона, отрядомъ сѣверной кавалеріи и долженъ былъ, нарядившись въ женское платье, искать спасенія въ кустахъ. Но онъ былъ пойманъ и какъ государственный преступникъ отведенъ въ союзную крѣпость Монроэ, гдѣ отданъ подъ строгій надзоръ до окончанія грозившаго ему уголовнаго процесса.

Впрочемъ если Джефферсона Дэвиса рѣшительно невозможно сравнивать съ Авраамомъ Линкольномъ относительно превосходныхъ качествъ характера, все таки онъ является самымъ замѣчательнымъ американцемъ послѣднихъ смутныхъ временъ, если не принимать въ разсчетъ его высокочтимаго соперника. Диктатору Ричмонда ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать въ чрезвычайныхъ дарованіяхъ и въ необыкновенномъ талантѣ господствовать надъ другими, потому что онъ болѣе четырехъ лѣтъ стоялъ во главѣ конфедераціи, которая

конечно могла поддерживаться только постояннымъ успѣхомъ.

Существенную помощь въ проведенiи своей политики, именно въ выработкѣ декретовъ, прокламацiй и другихъ объявленiй, Джефферсонъ Дэвисъ нашелъ въ искусномъ, практическомъ государственномъ человѣкѣ Iудѣ П. Бенжаменѣ, изъ Луизiаны, который въ 1860 году избранъ былъ своимъ штатомъ вмѣстѣ съ Джономъ Слиделлемъ сенаторомъ въ конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ. Съ началомъ мятежа онъ одинъ изъ первыхъ перешелъ въ мятежническiй лагерь и во время такъ называемаго временнаго правительства конфедерацiи управлялъ отъ 18 февраля 1861 до 18 февраля 1862 года министерствомъ юстицiи, а потомъ военнымъ министерствомъ; но во время „безсмѣннаго“ правительства съ 19 февраля 1862 онъ занималъ должность государственнаго секретаря (министра иностранныхъ дѣлъ) и на этомъ важномъ постѣ былъ въ нѣкоторомъ родѣ правою рукою президента Дэвиса. Военное министерство въ безсмѣнномъ правительствѣ принялъ отъ него генералъ Георгъ В. Рэндольфъ, который когда-то вмѣстѣ съ В. Бэлляръ-Престономъ и Александромъ Г. Стюартомъ принималъ участiе въ депутацiи, отъ имени собранiя штата Виргинiи спрашивавшей въ апрѣлѣ 1861 года у президента Линкольна объ его политикѣ. Морскимъ министерствомъ управлялъ Стефанъ Р. Мэллори, изъ Флориды; министромъ финансовъ съ iюня 1864 года былъ Георгъ А. Тренгольмъ, а предъ нимъ Карлъ Г. Мемминджеръ, родомъ изъ Виртемберга, еще въ

дѣтствѣ переселившійся въ Америку, воспитанный въ Южной Каролинѣ и съ двадцати лѣтъ занимавшій мѣсто въ финансовомъ комитетѣ въ нижней палатѣ этого штата. Кромѣ того въ конфедератскомъ лагерѣ считались дѣятельными предводителями партій два Кобба (Р. В. Коббъ и особенно Говелль Коббъ, президентъ конфедератскаго конгресса), далѣе оба Орда, ученый, извѣстный морякъ капитанъ Мори, сенаторъ Чарльзъ Мичель, конфедератскіе комиссары І. М. Мэзонъ, Форсисъ и Крауфордъ, генералъ Робертъ Тумбсъ, В. Г. Кэмпелль и др.

Въ точно такомъ же свѣтѣ, какъ Дэвисъ, представляется намъ и главнокомандующій конфедератскою арміею, генералъ Робертъ Эдмондъ Ли, потому что и его характеръ не можетъ считаться безупречнымъ. На полѣ сраженія мы привыкли видѣть въ немъ умнаго, вполнѣ понимающаго свое положеніе человѣка, старавшагося на сколько возможно поддерживать дѣло, которому онъ служилъ. При изложеніи военныхъ дѣйствій мы нѣсколько разъ видѣли, съ какою легкостію онъ замѣчалъ своимъ быстрымъ и привычнымъ глазомъ слабости своего военнаго противника и съ какою поспѣшностью и энергіею умѣлъ пользоваться ими посредствомъ искусно разсчитанныхъ маневровъ.—Родившись въ 1808 году и происходя изъ самой высокой аристократической фамиліи Виргиніи, онъ по окончаніи военнаго образованія вступилъ въ армію въ 1829 году въ чинѣ лейтенанта инженернаго корпуса. Мексиканская война представила и ему возможность отличаться распорядитель-

ностью и храбростью. Въ 1852 году мы видимъ его директоромъ военной школы въ Вэстъ-Пойнтѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе своею аристократическою вѣжливостью и тонкимъ обращеніемъ. Во время русской войны Ли въ обществѣ М'Клеллана, своего позднѣйшаго противника на полѣ, посѣтилъ Европу для изученія въ Крыму военнаго искуства. Возвратившись на родину, онъ занялъ мѣсто начальника генеральнаго штаба союзной арміи. Его упрекали въ томъ, что онъ при началѣ войны злоупотреблялъ властью и средствами, которыя давались ему его положеніемъ, въ интересахъ Юга и что, уже только послѣ захвата главнѣйшихъ картъ, плановъ, военныхъ росписей и другихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, открыто перешелъ на сторону мятежниковъ. Онъ былъ генералъ-майоромъ въ арміи Соединенныхъ Штатовъ, но на Югѣ ему предлагали быть главнокомандующимъ конфедератскихъ войскъ. Въ концѣ апрѣля 1861 года онъ принялъ личное командованіе надъ главною арміею конфедератовъ, но еще лѣтомъ того же года былъ замѣненъ Барегаромъ. Когда послѣдній въ 1862 году пошелъ въ Тенесси, Ли снова вступилъ въ командованіе виргинскою арміею. Онъ въ продолженіе цѣлаго года, какъ помнятъ наши читатели, удерживалъ на почтительномъ разстояніи отъ столицы конфедераціи все неудержимѣе наступавшую армію Союза, пока наконецъ не принужденъ былъ положить оружіе предъ рѣшительно превосходными силами, предъ хорошо разсчитаннымъ маневромъ своего врага и въ виду конечнаго истощенія средствъ южанъ. Какъ человѣкъ,

ли, подобно Джефферсону Дэвису, не смотря на все аристократическое изящество богатаго свѣтскаго человѣка, имѣлъ тираннический, властолюбивый характеръ; онъ нерѣдко съ удивительною жестокостью поступалъ съ своими безчисленными невольниками, причемъ истязывалъ ихъ даже собственноручно.

Далеко лучшія личныя качества имѣлъ другой частоупоминаемый главнокомандующій южныхъ штатовъ, генералъ Г. Т. Борегаръ, который, будучи вѣренъ своему маленькому отечеству, Луизіанѣ, уже въ февралѣ перваго года войны открыто объявилъ себя за мятежъ. Въ союзной арміи онъ пользовался репутаціей не только умнаго и дѣльнаго инженернаго офицера, но также считался образцовымъ тактикомъ и отличнымъ стратегикомъ. Онъ былъ хорошо знакомъ съ устройствомъ европейскихъ армій; его дѣятельность въ различныхъ походахъ, особенно въ войнѣ съ Мехикою, представлялась образцовою. Въ арміи конфедератовъ онъ началъ свою службу 4 марта 1861 года въ чинѣ главнокомандующаго и съ великою энергіею трудился надъ сооруженіемъ укрѣпленій въ Южной Каролинѣ. Съ дальнѣйшею его дѣятельностью въ полѣ наши читатели знакомы изъ разсказа о военныхъ дѣйствіяхъ.

Самымъ блестящимъ военнымъ образомъ въ конфедератскомъ лагерѣ является предъ нами южанскій Аннибалъ, генералъ Томасъ Джаксонъ, названный отъ Бюль-Рона Стонваллемъ, потому что въ этомъ жаркомъ дѣлѣ и многихъ другихъ сраженіяхъ онъ словомъ и примѣромъ умѣлъ влить въ солдатъ своей арміи тотъ воин-

ственный, геройскій духъ, о непоколебимую стойкость котораго, какъ о „живую каменную стѣну", разбивались превосходныя силы непріятеля.—Этотъ герой, обожаемый своими солдатами и высоко уважаемый на Сѣверѣ и на Югѣ, появился на свѣтъ въ Виргиніи въ 1846 году. Подобно большинству своихъ товарищей получивши военное образованіе въ Вэстъ-Пойнтѣ, онъ въ 1846 году вступилъ въ артиллерію офицеромъ, но въ 1852 году, по окончаніи мехиканской войны, вышелъ изъ арміи Соединенныхъ Штатовъ съ чиномъ капитана.

При началѣ гражданской войны мы находимъ скромнаго и истинно благочестиваго виргинца во главѣ корпуса конфедератской арміи. Его смѣлый маршъ чрезъ долину Шенандоа, соединеніе съ главною арміею сепаратистовъ предъ Ричмондомъ и его превосходное дѣло съ уніонистскимъ генераломъ Попе должны быть причислены къ славнѣйшимъ военнымъ дѣламъ своей эпохи. Впрочемъ съ этими и послѣдующими его подвигами читатели могли уже познакомиться изъ предыдущихъ главъ нашей книги. Тяжело раненный, онъ умеръ нѣсколько дней спустя послѣ своей побѣды при Чанслорсвиллѣ какъ истинный герой. Во всякомъ случаѣ конецъ его военной дѣятельности положила не непріятельская пуля. Онъ палъ жертвою недоразумѣнія при одной вечерней рекогносцировкѣ, когда солдаты его собственнаго корпуса встрѣтили его ружейнымъ залпомъ, когда онъ неожиданно подъѣхалъ къ нимъ съ своимъ штабомъ. Пуля раздробила ему руку, которую поэтому слѣдовало отнять. Параличъ легкихъ окончилъ его достойную жизнь. Когда

ему 10 мая сказали о близкой смерти, онъ отвѣчалъ: „Я смотрю на свою рану, какъ на благословеніе неба, которое послало его мнѣ для какой нибудь мудрой цѣли.“

„Тысяча одно дѣло“ этого превосходнаго генерала долго составляли главный предметъ разговоровъ его ветерановъ у лагерныхъ огней. Послѣ смерти Джаксона рыцарскій духъ, который одинъ возвышаетъ солдата до истиннаго героя, казалось совершенно исчезъ въ арміи южныхъ штатовъ. И дѣйствительно смерть этого храбраго и достойнаго воина вызвала такое горестное участіе на Сѣверѣ и на Югѣ, какимъ не пользовался ни одинъ изъ другихъ убитыхъ генераловъ. На этомъ же великодушномъ и благородномъ человѣкѣ мы видимъ потрясающій примѣръ борьбы тяжкихъ личныхъ страданій съ чувствомъ долга, въ которую мятежъ повергнулъ многихъ благомыслящихъ гражданъ и способныхъ людей Юга. Связанный съ дѣломъ Сѣвера семейными и родственными узами, Джаксонъ своими политическими убѣжденіями и господствующими въ то время теоріями, особенно своимъ религіознымъ настроеніемъ былъ увлеченъ въ среду мятежниковъ. Послѣ жестокой внутренней борьбы между привязанностями и долгомъ, подкрѣпленный горячею молитвою, онъ рѣшился наконецъ объявить себя за свою родину и съ геройскою рѣшимостью бросился въ водоворотъ мятежа, чтобы остаться ему вѣрнымъ до смерти.

Благо ему, что онъ не дожилъ до конца его, что онъ еще прежде разстался съ міромъ!

Въ то время, когда на Сѣверѣ жаловались на недостатокъ кавалеріи, какъ на самую зловредную язву, „рыцарь“ Стюартъ пріобрѣлъ себѣ блестящее имя во главѣ южной кавалеріи. Онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ Зейдлицемъ конфедератской арміи. Какимъ образомъ онъ и его кавалеристы, о которыхъ говорили, что „всадникъ и лошадь составляли одно“, переправлялись чрезъ рѣки, пробирались чрезъ большія ущелья, рыская по обширнымъ богатымъ областямъ сосѣднихъ непріятельскихъ штатовъ; какъ опять они разчищали лѣса, чтобы на протяженіи сотенъ миль провозить транспорты, потомъ снова двигались по совершенно противоположному направленію, чтобы безпокоить и предавать огню пограничные штаты; до какой степени онъ, какъ истинный партизанъ, любимый въ странѣ и страшный непріятелю, воспламенилъ во многихъ сердцахъ баснословную страсть къ военной поэзіи: все это можно было читать въ южанскихъ газетахъ, не имѣя впрочемъ возможности составить себѣ вѣрное представленіе о великомъ значеніи этого во всякомъ случаѣ отважнаго и искавшаго приключеній кавалериста. Все, что онъ сдѣлалъ съ своими отрядами, не заслуживаетъ назваться образцовымъ въ сравненіи съ лучшими кавалерійскими генералами Сѣвера, съ которыми мы, какъ напримѣръ, съ Шериданомъ, Томасомъ, Кильпатрикомъ, Кустаромъ, Вильсономъ и др. уже знакомы.

Объемъ книги не позволяетъ выходить за предѣлы характеристики наиболѣе часто упоминаемыхъ именъ; но намъ кажется, что заслуги полковыхъ командировъ,

каковы: оба Джонстона, Лонгстритъ, Эвель, Гудъ, Гилль,励лькъ, Ирли, Брэггъ и др. не менѣе заслуживаютъ упоминанія, чѣмъ прославленныя дѣла „рыцаря“ Стюарта.

3. Важнѣйшіе экономическіе моменты во время и послѣ войны.

Борьба Союза въ продолженіе только одного года, съ 1864—1865, поглотила сумму въ тысячу милліоновъ, или въ милліардъ долларовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если въ виду требуемыхъ главнокомандующими громадныхъ операцій со стороны сѣверныхъ штатовъ главнѣйшій факторъ — солидность финансовыхъ отношеній сильно пострадала особенно въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и Бостонѣ. Конечно и южные штаты безъ слѣпой спекуляціонной горячки лондонскаго сити и франкфуртскихъ финансовыхъ бароновъ были бы совсѣмъ безпомощны и въ самомъ дѣлѣ вели войну только почти на занятые капиталы, тогда какъ Сѣверъ уплачивалъ свои военныя издержки, разумѣется, только изъ своего собственнаго кармана. Предположеніе, что президентъ можетъ достать въ одномъ Нью-Іоркѣ цѣлые милліоны долларовъ за умѣренные долголѣтніе проценты, блестящимъ образомъ подтвердилось на самомъ дѣлѣ.

Общая сумма цѣнностей, находившихся въ распоряженіи кассъ американскихъ банковъ, простиралась въ 1860 году нѣсколько болѣе 300 милліоновъ долларовъ. Къ южнымъ штатамъ, которые составляли двѣ пятыхъ

населенія всей республики, отошла только четвертая часть, 75 милліоновъ, именно—Луизіанѣ 22,5 милліоновъ, Мэриланду 10, Виргиніи 8,7, Кентукки 6,4, Алабамѣ 5,5, Тенесси 4,9, Южной Каролинѣ 4,7, другимъ новымъ штатамъ 12 милліоновъ. Остальной движимый капиталъ Америки, 225 милліоновъ, принадлежалъ сѣвернымъ штатамъ. На Нью-Іоркъ приходилось больше половины этого капитала, 117 милліоновъ, между тѣмъ какъ такъ называемый Нью-Іоркъ Юга, Чарльстонъ, имѣлъ только около 4,6 милліоновъ. При сравненіи суммы выданныхъ ссудъ сѣверными и южными банками и величины дисконта получается совершенно подобный результатъ. Для четырехъ важнѣйшихъ сѣверныхъ штатовъ эта сумма достигаетъ въ 1860 году до 435 милліоновъ; для четырехъ важнѣйшихъ южныхъ штатовъ 128 милліоновъ. Здѣсь кстати замѣтить, что производство Юга относилось къ производству Сѣвера какъ 889 къ 452; напротивъ—и что особенно важно,—относительное увеличеніе производства Сѣвера за 8 лѣтъ предъ войною составляло 77 процентовъ, а Юга только 21 процентъ. Если принять это въ разсчетъ, то можно сообразить, чѣмъ пожертвовалъ для войны Сѣверъ и чѣмъ—Югъ, который, не обременяя себя, велъ свою войну на счетъ вѣчнаго долга. Та и другая сумма кажутся еще больше, если принять въ разсчетъ, что скоро по открытіи войны вездѣ, на Югѣ и на Сѣверѣ, громадные капиталы были вынуты изъ банковъ. Извѣстно, что въ южныхъ банкахъ было 20 милліоновъ далларовъ звонкою монетою, а въ банкахъ

пограничныхъ штатовъ около 5 милліоновъ. Недолго спустя, за исключеніемъ большого ново-орлеанскаго банка, всѣ банки штатовъ, расположенныхъ по заливу, Сѣверной Каролины, Виргиніи и большая часть подобныхъ учрежденій въ Тенесси и Кентукки принуждены были прекратить всякія уплаты звонкою монетою и выпустить билеты, скоро почти совершенно потерявшіе цѣну. Банки Нью-Іорка, Бостона, Филадельфіи пошли на встрѣчу военной бури съ 51 милліономъ звонкой монеты; кромѣ того казначейство и монетный дворъ имѣли сумму въ 15 милліоновъ. Сберегательныя кассы Новой Англіи, Нью-Іорка и Пенсильваніи имѣли около 120 милліоновъ долларовъ звонкою монетою, принадлежащихъ большею частью рабочему классу. Отъ послѣдняго союзное правительство въ своихъ финансовыхъ операціяхъ получило такую подержку, которая, далеко провосходя всѣ ожиданія, обнаружила размѣръ ихъ способностей, котораго никогда не предполагали въ производительныхъ слояхъ народа. Прибавьте къ этому, что Сѣверъ имѣлъ весьма значительные денежные долги на иностранныхъ государствахъ, напротивъ Югъ рѣшительно ни одного.

Однако нужно же объяснить, какимъ же образомъ сепаратисты были въ состояніи покрывать текущія военныя издержки. Главнѣйшимъ источникомъ богатства ихъ были рабы и преимущественно то, что они производили,—хлопокъ, который пріобрѣлъ въ Англіи значеніе на столько сильное, чтобы опредѣлять политику этой націи.

„Cotton is king!“

Ни одна область богатаго Юга республики по живописной красотѣ и плодородности почвы не можетъ соперничать съ группою низменныхъ острововъ, образовавшихся изъ желтаго песку и разсѣянныхъ у морскихъ береговъ Южной Каролины и Георгіи. Тутъ—разсадникъ наилучшей хлопчатой бумаги, которую только можно найти въ мірѣ. Необыкновенный успѣхъ, который за 150 лѣтъ передъ этимъ произошелъ отъ введенія на морскихъ островахъ (Sea-Islands) губернаторомъ Смитомъ воздѣлыванія хлопчатника, побудилъ къ соревнованію Георгію, Миссиссипи, Луизіану и Алабаму; сѣмена хлопчатника принадлежали первоначально острову Агвилла на Караибскомъ морѣ и покупались въ Вагама и Барбадосѣ. Gossipium Barbadense (барбадосскій хлопокъ) сталъ воздѣлываться на островахъ и на южномъ материкѣ. Рисъ, индиго, маисъ и табакъ, какъ предметы плантаторства, въ южныхъ штатахъ повсемѣстно должны были уступить мѣсто хлопку, гдѣ только почва и климатъ благопріятствовали этому. Впрочемъ область хлопчатника высшаго достоинства—длиннаго и тонкаго—весьма мала и ограничивается почти шестью нѣмецкими милями. Какъ лучшее мѣсто произрастанія безподобнаго хлопка славятся маленькіе острова Эдисто, Вэдмаланъ и С. Елена у береговъ Каролины. Не смотря на превосходное качество продукта, доставляемаго островами, и болѣе грубаго и короткаго качества внутреннею территоріею Юга Сѣвероамериканскихъ Штатовъ, мѣстный климатъ невполнѣ благопрія-

тенъ ему. Гусеницы и особенно дожди во время вскрытія зернышка хлопчатника часто уничтожаютъ надежду на самую богатую жатву. Плантаторъ хлопка въ одинъ часъ можетъ лишиться всего своего годового сбора. Вотъ причина, почему даже при самомъ сильномъ возрастаніи производства хлопка въ южныхъ американскихъ штатахъ цѣна на него никогда сильно не падаетъ. Фунтъ хлопка съ морскихъ острововъ въ послѣдніе пять — шесть лѣтъ до войны никогда нельзя было купить меньше 9 пенсовъ. Напротивъ въ 1840 году этотъ же самый хлопокъ достигалъ въ Ливерпулѣ трехъ шиллинговъ за фунтъ, а въ 1359 и 1860 годахъ этотъ сортъ съ теченіемъ времени упалъ до 1 шиллинга 2 пенсовъ.

Наибольшее производство сѣвероамериканскаго хлопка падаетъ на 1859—1860 годы. Было запаковано и продано 4,675,770 тюковъ хлопка. Въ слѣдующемъ году общій сборъ въ Союзѣ обозначенъ только 3,756,000 тюковъ. Шестая часть всей этой громадной массы товара была отправлена въ Чарльстонъ. —По вѣрнѣйшему вычисленію, спросъ хлопка въ Европу ежегодно простирался до 4,321,000 тюковъ. Въ томъ числѣ одна Англія въ 1860 году взяла 12,419,096 центнеровъ. Остындскій хлопокъ и хлопокъ съ Земли Королевы и другихъ мѣстъ составлялъ самую незначительную часть всей этой массы и Америка доставляла матеріалъ всѣмъ главнымъ хлопчатобумажнымъ фабрикамъ Англіи. Сколько могли обработывать эти фабрики, изъ которыхъ только въ окрестностяхъ Манчестера, Болтона, въ общинѣ Бюри

въ Рочдэлѣ, Ольдгэмѣ, Аштонѣ, Стали-Бриджѣ и т. д. существуетъ 820 великолѣпныхъ заведеній, видно изъ мѣсячныхъ отчетовъ вывоза. Среднимъ числомъ ежемѣсячный вывозъ изъ Великобританіи бумажныхъ товаровъ можно считать на два съ половиною милліона фунтовъ стерлинговъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще на 750,000 или 800,000 фунт. стерл. количество ежемѣсячно вывозимой бумажной пряжи. Капиталъ, вложенный въ англійскую хлопчатобумажную промышленность съ 1860 до 1861 года, простирался до 125 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Непосредственно были заняты фабрикаціею въ Великобританіи, по М'Кулоху, 1,468,000 человѣкъ, а посредственно болѣе 4 милліоновъ. Не нужно никакихъ дальнѣйшихъ поясненій, почему дѣло американскихъ сепаратистовъ встрѣтило горячее сочувствіе въ Англіи и почему милліоны за милліонами отправлялись изъ Англіи въ Чарльстонъ и Ричмондъ, чтобы отвратить грозившую погибель рабству и производству хлопка.

Хлопчатобумажное производство Юга вмѣстѣ съ массою цѣнностей въ другихъ предметахъ, — риса, табаку и др., но безъ добычи благородныхъ металловъ, оцѣнивавшееся ежегодно до 200 милліоновъ долларовъ, конечно превосходило производство Сѣвера, maximum котораго не стоялъ выше 100 милліоновъ долларовъ. Но еще больше была несоразмѣрность въ привозѣ въ обоихъ группахъ штатовъ. Ввозъ Сѣвера представлялъ въ 1859 году цѣнность въ 306 милліоновъ, ввозъ Юга только 33 милліона долларовъ. Нельзя отрицать, что самая су-

щественная часть ввоза подъ вліяніемъ часто до безумія доходящаго покровительственнаго тарифа была покрываема южными штатами. Если южные штаты не хотѣли довольно дорого платить за мануфактурныя издѣлія покровительствуемымъ сѣвернымъ промышленникамъ, то имъ оставался одинъ исходъ — допустить ввозъ дешевыхъ англійскихъ или вообще европейскихъ фабричныхъ издѣлій и платить за нихъ таможенную пошлину.

Покрытіе нѣкоторой части этой разницы между ввозомъ и вывозомъ Сѣвера средствами Юга прекратилось съ открытіемъ войны. Сѣверъ былъ предоставленъ самому себѣ. Авраамъ Линкольнъ признавался, что эта темная сторона войны озабочивала его гораздо больше, чѣмъ проигранное сраженіе.

„Что станемъ дѣлать?“ —часто спрашивали въ Бѣломъ Домѣ—въ Вашингтонѣ, и на это Линкольнъ непоколебимо отвѣчалъ: „Что будетъ, то будетъ. Если небо обрушится, тогда конечно всѣ воробьи упадутъ. Но до тѣхъ поръ мы и особенно наши промышленники должны работать,—работать подъ страхомъ смерти. Работа на фабрикахъ теперь почти болѣе необходима, чѣмъ работа саблями и пулями; потому что если меня покинутъ промышленники, тогда мнѣ не помогутъ и солдаты, хоть бы они говорили: „Насъ пришло, батюшка Авраамъ, больше трехъ сотъ тысячь!“

Чтобы фабрики не терпѣли недостатка въ работѣ и матеріалахъ производства, Линкольнъ явился съ заказами на содержаніе арміи. „Сѣверное населеніе спря-

тало въ карманъ три милліарда, какъ будто кроткую мышь.“ Во время жесточайшихъ битвъ армій работающая часть населенія Сѣвера пользовалась благосостояніемъ, подобное которому можетъ породить только долголѣтній миръ. Сѣверяне создали даже совершенно новыя промышленныя отрасли и не только въ состояніи были содержать свою армію въ полѣ, но успѣвали еще покрывать расходы, происшедшіе отъ прекращенія прежняго притока золота съ Юга.

Къ счастью за промышленностью Сѣвера стояла земледѣльческая сила, которая не была потрясена даже продолжительною ужасною войною. Мы освобождаемъ читателя отъ просмотра массы цифръ и удовольствуемся здѣсь нѣкоторыми только статистическими данными о штатѣ Огіо. За двадцать лѣтъ предъ этимъ онъ не имѣлъ столько шерсти, чтобы доставить фермеру одежду; въ 1860 году онъ уже производилъ 10 милл. фунтовъ шерсти и владѣлъ 2 милл. овецъ. Когда начаты были работы на армію, вывозъ шерсти, прежде оцѣниваемый въ 3 до 3½ милліоновъ долларовъ, прекратился и фабрики Нью-Джерси, Нью-Іорка, Бостона, Ловеля и т. д. обработывали не только всю массу своей шерсти, но употребляли еще иностранный сырой матеріалъ. Огіо имѣетъ около 2½ милліоновъ свиней; цѣнность, представляемая лошадьми, мулами и быками, простирается не много что въ 50 милл. долларовъ. Обработанная земля цѣнится въ 390 мил. долларовъ. Ежегодно она производитъ 15 мил. бушелей ржи, 59 мил. бушелей маиса, 14 мил. бушелей овса, 11 мил.

фунтовъ табаку, 5 мил. бушелей картофеля, на 800,000 долларовъ плодовъ, 80,000—110,000 галлоновъ вина, 40 мил. фунтовъ масла, 22 мил. фунтовъ сыру и т. д. Иллинойсъ и Индіана стольже мало уступаютъ Огіо въ общей суммѣ производства, какъ и по естественному плодородію; съ ними наряду стоитъ и Нью-Іоркъ.

Линкольнъ хорошо сознавалъ важность земледѣлія, когда вмѣсто того чтобы увеличивать силы арміи, постоянно настоятельно твердилъ: „кто же станетъ обработывать землю? Половина мущинъ Союза должна быть пощажена, для того чтобы кормить другую половину, стоящую предъ непріятелемъ". И онъ былъ правъ, когда говорилъ: „Слава нашимъ храбрымъ солдатамъ, но только при помощи свободнаго земледѣлія Сѣвера сецессія можетъ быть окончательно побѣждена и уничтожена." Среди самыхъ трудныхъ государственныхъ дѣлъ Линкольнъ находилъ еще время заниматься пособіями земледѣлію, вопросомъ о выгодѣ воздѣлыванія на сѣверо-западѣ калифорнскаго черносемяннаго хлопчатника, разведеніемъ китайскаго сахарнаго тростника и пр. и трудиться для развитія выдѣлки чрезвычайно важнаго продукта — керосина. Любимѣйшею его мыслью было споспѣшествовать переселенію китайцевъ въ видѣ противодѣйствія дурнымъ послѣдствіямъ рабства, открыть съ Китаемъ самыя близкія торговыя сношенія, сблизить Союзъ съ Японіею, но къ своему великому сожалѣнію онъ долженъ былъ отказаться отъ этого. Кто его хотѣлъ утѣшить въ этомъ, тотъ получалъ грустный, полный предчувствія отвѣтъ: „Должна же кончиться эта

бѣда; но лишь только она кончится, я переживу ее не долго.

И онъ не много пережилъ ее.

Если бы ему пришлось дальше управлять кормиломъ государства, то онъ, подобно своему преемнику, прежде всего въ умѣренности искалъ бы смягченія существующаго зла. Вашингтонскія власти разсуждали совершенно опять таки въ духѣ Авраама Линкольна, когда они въ противоположность средневѣковому vae victis! облегчали побѣжденнымъ сепаратистамъ возвратъ въ могущественный государственный Союзъ и сохраняли въ дѣлахъ внѣшней политики ту умѣренность, которая, не смотря на всѣ нападки западныхъ европейскихъ державъ во время войны, еще и въ настоящее время умѣстна и благоразумна.

4. Упроченіе мира и быстрое развитіе торговли и промышленности.

Едва только послѣдніе удары войны прекратили существованіе мятежа, какъ полмилліона воиновъ, за исключеніемъ 100,000 человѣкъ было распущено по своимъ домамъ. 31 мая, какъ бы въ заключеніе всей войны, былъ произведенъ смотръ оставшемуся войску, состоявшему по большей части изъ загорѣвшихъ и почернѣвшихъ ветерановъ, которые тянулись теперь длинной вереницей на пространствѣ 3 нѣмецкихъ миль по улицамъ столицы Союза съ своими невзрачными, но тѣмъ не менѣе достопамятными значками и своими изорван-

ными знаменами, сопровождаемые громкими привѣтствіями и восклицаніями. Вскорѣ затѣмъ эти военныя силы, находившіяся подъ ружьемъ, были раздѣлены на 5 вновь устроенныхъ дивизій великой республики: 1. Дивизія Атлантическаго океана, подъ командою генерала Мида, имѣла свою главную квартиру въ Филадельфіи; II. Дивизія Миссисипи, подъ управленіемъ генерала Шермана, съ главной квартирой въ Ст. Луи; III. Дивизія Залива, подъ командою генерала Шеридана, имѣла главную квартиру въ Новомъ Орлеанѣ; IV. Дивизія Тенесси, съ генераломъ Томъ во главѣ и съ главной квартирой у Нашвилля; V. Дивизія Тихаго океана, во главѣ ея генералъ Галлекъ, а главная квартира въ С. Франциско. Для того чтобы переходъ изъ военнаго положенія въ мирное совершился болѣе удачнымъ образомъ, во главѣ этихъ пяти округовъ были поставлены пять вышеупомянутыхъ военныхъ предводителей, обладавшихъ всеобщимъ довѣріемъ и хорошо знакомыхъ съ положеніемъ ввѣренныхъ имъ округовъ. И дѣйствительно, такое распредѣленіе военныхъ силъ вполнѣ соотвѣтствовало цѣли: оно не только содѣйствовало усмиренію нѣкоторыхъ штатовъ, находившихся еще въ полномъ броженіи, но также и къ тому, чтобы держать армію на границахъ Мехики, чтобы самымъ скорымъ образомъ расправляться съ бандами гверильясовъ, все еще бродившихъ по нѣкоторымъ мѣстностямъ, и наконецъ оно помогало прекращенію нѣкоторыхъ безпорядковъ, происшедшихъ по случаю освобожденія негровъ. Были изданы необходимые приказы, въ

силу которыхъ войска захватывали лѣнивыхъ и бродившихъ негровъ, которые частію были помѣщаемы въ армію, частію же высылаемы въ колоніи черныхъ поселенцевъ, основанныя уже въ послѣдніе годы войны, какъ напримѣръ, при Виксбургѣ и въ нѣкоторыхъ мѣсттяхъ на Миссиссипи, и начавшія теперь развиваться. Дѣйствіемъ такихъ энергическихъ мѣръ и можно объяснить себѣ ту быстроту, съ которою совершился переходъ отъ ожесточенной гражданской войны къ глубокому миру, воцарившемуся въ Америкѣ на нашихъ глазахъ. Намъ представляется почти волшебною та легкость и поспѣшность, съ которыми были возстановлены прерванные въ продолженіе 4 лѣтъ пути сообщенія между Сѣверомъ и Югомъ, какъ напримѣръ линіи желѣзныхъ дорогъ между Вашингтономъ и Атлантой, между Мемфисомъ и Новымъ Орлеаномъ и т. д. Поразительна и та оживленная дѣятельность, которая тотчасъ же развернулась на великомъ водномъ пути Миссиссипи, притомъ гораздо оживленнѣе, нежели когда нибудь прежде. Лѣтомъ 1865 года на рѣчныхъ пристаняхъ Ст. Луи, Луисвилля и Цинциннати было свалено товару на 40% болѣе, нежели въ 1859 г. Въ продолженіе короткаго времени береговая торговля по направленію къ Югу снова пришла въ цвѣтущее состояніе, и количество товаровъ было гораздо значительнѣе прежнихъ годовъ.

Обитатели возставшихъ провинцій, которые, не смосмотря на нѣкоторыя особенности въ своемъ историческомъ развитіи, все таки оставались практическими американцами, не могли не признать великодушія Сѣвера, стре-

мившагося къ увеличенію ихъ производительности; они старались теперь находить для себя въ величіи возстановленнаго Союза нѣкоторое утѣшеніе за свои дорого обошедшіяся имъ ложныя увлеченія сердца, а еще болѣе за свои матеріальныя потери.

Война потребовала цѣлыя тысячи народу, скота, пароходовъ и машинъ всякаго рода, и она же, по своемъ окончаніи, сдѣлала опять эти предметы ненужными. Но они тотчасъ нашли свое примѣненіе въ другихъ отрасляхъ, такъ что оказался даже недостатокъ въ рабочихъ силахъ. Едва можно было замѣтить увеличеніе производительныхъ рукъ и силъ, предлагаемыхъ теперь тѣми, которые за нѣсколько мѣсяцевъ были отпущены изъ арміи. Еще менѣе бросались въ глаза тѣ 10—15 тысячь пришельцевъ, которые почти каждую недѣлю высаживались въ гавани Нью-Іорка. Желѣзныя дороги, пароходы, каналы и всевозможные пути сообщенія ежедневно приносили цѣлыя тысячи дѣлового люду изъ дальняго Запада и Юга, которые и производили тутъ свои покупки и продажи. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ послѣ окончанія войны почти лихорадочная дѣятельность господствовала въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ и Филадельфіи. Уже въ концѣ послѣдняго года войны, въ 1864 году, торговля и промышленность достигли совершено неожиданной цифры, а въ будущемъ можно было разсчитывать на еще большіе размѣры. Отчеты, изданые во всеобщее извѣстіе управленіемъ по сбору налоговъ, представляютъ намъ такія цифры, которыя возбуждаютъ совершено основательное изумленіе. Такъ напримѣръ

оборотъ фондовъ у биржевыхъ маклеровъ Джентиля и Фипса простирался на 139,33,5765 долларовъ, Э. Морисона и К⁰ на 136,490,440, наконецъ Лайонса и К⁰ на 130,824,400. За ними слѣдуютъ Локвудъ и К⁰ на 405,790,7700 долларовъ. Какъ образщикъ оборотовъ товаровъ мануфактурнаго производства мы приводимъ цифры дома Кляффина и К⁰, которыя доходятъ до 42,500,716 долларовъ.

Точно также и торговля хлопкомъ получила весьма большое развитіе со времени окончанія войны, не смотря на очень упавшую обработку хлопка вслѣдствіе запрещенія ричмондскаго правительства, которое позволяло воздѣлываніе хлопка только въ размѣрѣ, опредѣляемомъ самою крайнею необходимостію; не смотря также на то, что вслѣдствіе этихъ ограниченій въ послѣднее время у многихъ плантаторовъ оказался даже недостатокъ въ сѣмянахъ, все таки общій вывозъ его простирался осенью 1865 г. почти до 300,000 тюковъ.

Сѣверъ и въ особенности атлантическіе промышленные штаты достигли во время войны цвѣтущаго состоянія частію на счетъ Юга и Запада, однако они не злоупотребляли своимъ выгоднымъ положеніемъ; напротивъ купцы изъ прежнихъ отдѣлившихся штатовъ пользовались полнѣйшимъ снисхожденіемъ своихъ кредиторовъ, которые немедленно подали имъ руку примиренія, и превосходили другъ друга въ либерализмѣ и предупредительности.

„Заплати мнѣ, что ты долженъ, на сколько это тебѣ позволяютъ твои разстроенныя обстоятельства, а если ты

во время войны потерялъ все, то я этимъ подаю тебѣ руку въ знакъ совершеннаго окончанія нашихъ счетовъ. Ободрись и начинай снова, а я по моимъ силамъ готовъ помогать тебѣ: — такія и подобныя слова слышались очень часто. Само собою разумѣется, что такая разумная и снисходительная предупредительность скоро вполнѣ возстановила нарушенныя дѣловыя связи.

Къ этому благопріятному настроенію главныхъ двигателей торговли присоединилось еще то важное обстоятельство, что разность между вывозомъ и привозомъ, склонившаяся въ противность прежнему времени, на сторону перваго, представляла совершенно неожиданные результаты. Увеличеніе вывоза однако же началось только съ послѣдняго времени; онъ постоянно возрасталъ, переходя изъ одного фазиса въ другой, въ особенности отъ увеличенія вывоза керосина, того очень важнаго произведенія почвы, которое какъ расплавленное золото вытекаетъ изъ земли и снабжаетъ съ тѣхъ поръ освѣтительнымъ матеріаломъ не только новый, но и старый свѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ развилась одновременно и новая вѣтвь промышленности — фабрикація лампъ и фонарей. Цѣлые корабли, нагруженные этими полезными и въ высшей степени искусно обработанными матеріалами, отправляются съ тѣхъ поръ не только во всѣ части Европы, но даже въ Австралію, Китай и т. д. Однимъ словомъ, со времени окончанія войны, спросъ на туземныя и заграничныя произведенія сдѣлался столь великъ, что запасы далеко не удовлетворяли ему. Поэтому всѣ промышленныя за-

веденія находились въ полной дѣятельности и все-таки едва удовлетворяли и половинѣ требованій. Постоянно, со дня на день, цѣны возрастали; но въ равной пропорціи съ ними возрастали также и рабочая плата, цѣны на сырой матеріалъ, на наемъ помѣщеній, на поземельную собственность и т. д., такъ что сравнительно съ нормальнымъ состояніемъ, бывшимъ до начала войны, цѣны возвысились на 50 и даже на 100 процентовъ. Эта лихорадочная, возбужденная дѣятельность обнаруживается въ особенности въ постоянно увеличивающейся охотѣ къ постройкамъ. Въ большихъ торговыхъ городахъ выростаютъ по всѣмъ направленіямъ мраморные дворцы для жилыхъ помѣщеній и для магазиновъ, и каждое новое зданіе находитъ себѣ немедленныхъ съемщиковъ.

Не смотря на такое процвѣтаніе торговли и промышленности, финансовую задачу Вашингтона ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать легкою: теперь нужно было, не нарушая обыкновеннаго порядка дѣлъ, произвести переводъ цѣнности кредитныхъ бумагъ на звонкую монету. Министръ финансовъ между прочимъ высказался по этому случаю такимъ образомъ, что не нужно придавать особеннаго значенія крикамъ тѣхъ господъ, которые довольны высокими цѣнами на всѣ первѣйшія жизненныя потребности и поэтому въ быстромъ обращеніи къ звонкой монетѣ видятъ нарушеніе нынѣшняго торговаго развитія. И если бы конгрессъ былъ согласенъ съ нимъ въ этомъ отношеніи, то уничтоженіе лажа на звонкую монету было бы совершенно пустымъ дѣломъ. Для

этого было бы достаточно обратить 200 или въ самомъ крайнемъ случаѣ 250 милліоновъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ въ процентныя облигаціи, такъ какъ процентныя бумаги, вначалѣ употребляемыя какъ мѣновые знаки, будутъ выходить все болѣе и болѣе изъ обращенія, по мѣрѣ того какъ текущіе по нимъ проценты увеличатся, чтобы служить на нѣкоторое время хорошимъ основнымъ капиталомъ. Въ настоящее время находится въ обращеніи: 417¾ милліоновъ безпроцентныхъ бумагъ (собственно бумажныхъ денежныхъ знаковъ), 205½ милліоновъ процентныхъ билетовъ (по большей части внѣ обращенія), 203¾ милліона билетовъ національнаго банка и почти на 60 милліоновъ билетовъ старыхъ банковъ. Это составляетъ 897 милліоновъ, изъ которыхъ 750 милліоновъ могутъ имѣть курсъ. Дѣйствительная потребность въ мѣновомъ орудіи для оборотовъ будетъ простираться при необыкновенно возрастающемъ движеніи промышленной дѣятельности, вслѣдствіе открытія Юга, по крайней мѣрѣ до 500 милліоновъ, и если существующая потребность въ цѣнности кредитныхъ бумагъ будетъ сведена до этихъ размѣровъ, то навѣрно исчезнетъ денежный лажъ. Тотъ вопросъ, надъ которымъ европейскіе финансисты ломали свои головы при подобныхъ обстоятельствахъ, вопросъ, возможно ли и какимъ образомъ возможно подобное улучшеніе кредитныхъ бумагъ, совершенно не занималъ Союза, напротивъ, онъ думалъ только, можетъ ли торговый оборотъ выдержать подобное улучшеніе, не потерпѣвъ чувствительныхъ потрясеній. Если конгрессъ

думаеть, что можно на послѣднее отвѣчать утвердительно, и если бы онъ далъ полномочіе произвести переворотъ въ денежныхъ знакахъ, то это можно было бы осуществить безъ малѣйшаго труда въ одно полугодіе. Американскій народъ, уже съ давнихъ поръ привыкшій предпочитать въ дѣйствительныхъ оборотахъ денежные знаки звонкой монетѣ, считалъ бы вполнѣ на равнѣ съ золотомъ бумажныя деньги, основывающіяся на союзномъ кредитѣ, если бы объемъ ихъ не превышалъ нужду въ оборотахъ, а при коммерческихъ дѣлахъ, которыя могутъ простираться на очень отдаленныя разстоянія, быть можетъ онъ отдалъ бы имъ даже и преимущество. Настоящая цѣнность бумажныхъ денегъ, какъ мѣновыхъ знаковъ, вполнѣ видна въ отдаленныхъ территоріяхъ и гористыхъ странахъ, гдѣ эти знаки стоятъ почти на ровнѣ съ золотомъ, такъ какъ они гораздо удобнѣе для оборотовъ.

Если поэтому опасенія за продолжительныя вредныя дѣйствія 4-хъ-лѣтняго періода войны на торговлю и промышленность оказались вполнѣ неосновательными, даже напротивъ того, имѣли совершенно обратное вліяніе, то этого никакъ нельзя сказать въ отношеніи настоящаго положенія вопроса о невольничествѣ. Разрубленный мечемъ, но отнюдь не разрѣшенный, онъ еще ожидаетъ соломоновской мудрости. Авраамъ Линкольнъ не отваживался на полное разрѣшеніе этой великой соціальной проблеммы. Болѣе всего онъ старался о томъ, чтобы достигнуть эмаципаціи черныхъ отъ барскаго кнута но онъ никогда не отрицалъ въ себѣ недостатка въ сим-

патіи къ черному элементу и его смѣшенію съ бѣлымъ. Своимъ вліятельнымъ словомъ онъ разрушаетъ опасенія за результаты освобожденія и говоритъ: „когда мы освобождаемъ негра, то мы еще не обѣщаемъ его женить!“ Онъ долженъ былъ предоставить своимъ наслѣдникамъ болѣе трудную часть рѣшенія этого великаго насущнаго вопроса. Между тѣмъ поколѣнія пройдутъ за поколѣніями, прежде нежели черный элементъ вполнѣ сроднится съ природою, образомъ мыслей и съ жизнью болѣе могущественной кавказской расы. Въ этомъ отношеніи правителямъ Союза предстоятъ еще величайшія затрудненія. Побѣда на полѣ сраженія перевела этотъ вопросъ только на другую стадію. Главный центръ тяжести со всѣми неизбѣжными послѣдствіями освобожденія заключается теперь въ слѣдеющемъ вопросѣ: „Долженъ ли вообще черный человѣкъ и на сколько долженъ пользоваться равными съ бѣлымъ человѣкомъ правами въ обществѣ, предъ избирательною урною и въ великомъ совѣтѣ республики?“

Съ неменьшими затрудненіями сопряженъ былъ и переходъ господствующихъ классовъ Юга, бывшихъ до этихъ поръ непроизводительнымъ, въ новый распорядокъ вещей. Что на Югѣ должна произойти перемѣна, въ этомъ согласны всѣ тѣ, на которыхъ народъ прежнихъ сепаратистскихъ штатовъ взираетъ теперь съ надеждой и ожиданіемъ. Уже давно на Югѣ земледѣліе было сильно запущено, промышленность игнорировалась, торговля пренебрегалась. Здѣсь опасались прибытія ино-

странныхъ поселенцевъ, отъ которыхъ другіе штаты становятся многолюдными и богатыми. Даже самые необходимые жизненные предметы добывались сюда изъ другихъ штатовъ; — съ запада: лошади, рогатый скотъ, свиньи; съ сѣвера: домашняя рухлядь, мебель, экипажи и одежда. Перри, новый губернаторъ Южной Каролины, говоритъ: „отнынѣ же каждый плантаторъ долженъ считать себѣ за честь покрывать свои нужды своими собственными произведеніями. Съ уничтоженіемъ рабства трудъ сдѣлался не только почетнымъ, но даже и необходимымъ.“

Обработка плантацій и научныя занятія уже не будутъ съ этихъ поръ исключительнымъ, сообразнымъ съ привычками занятіемъ молодыхъ южанъ. Тѣ, которые проводили свою жизнь только въ одномъ благородномъ ничего недѣланіи, отнынѣ будутъ работать, сдѣлаются коммиссіонерами, фабрикантами, ремесленниками, техниками. „Переселеніе трудолюбивыхъ иностранцевъ будетъ поощряться, дѣятельная, промышленная жизнь разовьется на Югѣ, торговля снова оживится и южане сдѣлаются въ хорошемъ смыслѣ слова истинно свободнымъ народомъ.“

И дѣйствительно часть южныхъ штатовъ чрезвычайно способна къ принятію новыхъ переселенцевъ. Вовсе не рѣдки также удобные случаи къ пріобрѣтенію дешевыхъ земель и нужныхъ рабочихъ рукъ. Слѣпое, почти суевѣрное довѣріе негровъ къ „янки“ и ихъ единомышленникамъ доходитъ до того, что десять работниковъ предлагаютъ свои услуги тамъ, гдѣ

нуженъ только одинъ работникъ. И это ни въ какомъ случаѣ не одни только пустыя предположенія, напротивъ въ тѣхъ мѣстахъ Юга, гдѣ союзное войско стало прочной ногой, уже были сдѣланы въ послѣдніе два года предпріимчивыми жителями Сѣвера опыты къ воздѣлыванію хлопчатобумажныхъ плантацій, которые увѣнчались необыкновенно блистательными результатами. Въ особенности это нужно сказать о штатѣ Тенесси, который и можетъ быть рекомендованъ теперь нѣмецкимъ переселенцамъ въ такой же мѣрѣ, въ какой прежде этого обыкновенно рекомендовался Миссури; и который совершенно особеннымъ образомъ приспособленъ къ тому, чтобы привлекать къ себѣ именно нѣмцевъ, а не ирландцевъ. Кромѣ того оливковыя поля Пенсильваніи, золотые и серебрянные рудники Невады, Идаго, Монтаны и др., представляютъ въ будущемъ въ высшей степени значительные барыши, но впрочемъ все это имѣетъ что то родственное съ азартною игрою. Но вотъ хлопчатобумажныя поля сѣвернаго Тенесси и Сѣверной Алабамы обѣщаютъ не менѣе богатые выигрыши и при гораздо меньшемъ рискѣ.

Если описанное нами матеріальное положеніе по ту сторону океана и представляется въ розовомъ свѣтѣ, то съ другой стороны тамъ нѣтъ также недостатка и въ мрачныхъ, черныхъ оттѣнкахъ. Какъ ни была умѣренна внутренняя и внѣшняя политика во время войны, однакожъ никто въ настоящее время не можетъ предвидѣть затрудненій и путаницы, могущихъ произойти отъ того участія, которое принимали запад-

ныя державы въ дѣлахъ сепаратистскихъ штатовъ. Союзъ потребовалъ удовлетворенія за убытки, причиненные его торговлѣ тѣми военными кораблями, которые снаряжались въ англійскихъ гаваняхъ и отчасти даже наполнялись англійскими матросами. Конечно, совершившіеся поборы еще не даютъ права превозносить до небесъ подвиги Симмеса, Виделля и другихъ, какъ это часто дѣлается сецессіонистами и англичанами. Вообще каперствомъ было разрушено или уведено болѣе 200 уніонистскихъ судовъ, въ томъ числѣ до 120 малыхъ, часто даже простыхъ рыбачьихъ лодокъ. Общая стоимость собственности, погибшей такимъ образомъ, опредѣляется различно: одни говорятъ, что она простирается на сумму отъ 4 до 5 милліоновъ долларовъ, другіе же оцѣниваютъ ее такимъ же количествомъ фунтовъ стерлинговъ; между тѣмъ какъ число судовъ, принадлежащихъ сепаратистамъ и ихъ друзьямъ и уведенныхъ или разрушенныхъ сѣверными крейсерами, простирается до 700. Если бы на случай Англія вздумала уклониться отъ отвѣтственности и не намѣрена была давать какихъ нибудь удовлетвореній за причиненные ею убытки, то она этимъ во всякомъ случаѣ дала бы очень хорошій предлогъ, на который Соединенные Штаты могли бы сослаться при всякой будущей войнѣ, въ которой Англія будетъ воюющей стороной, а Союзъ нейтральной. Тогда наступилъ бы день воздаянія, по извѣстной пословицѣ: „око за око, зубъ за зубъ,“ и конечно предпріимчивый янки выигралъ бы гораздо больше, чѣмъ если бы вѣроломный Альбіонъ

вознаградилъ его теперь за тѣ потери, которыя были сдѣланы Алабамою, Флоридою и Шенандоа.

Хотя въ тотъ моментъ, когда мы пишемъ это, Союзъ имѣетъ всего только 100,000 человѣкъ подъ ружьемъ, но въ случаѣ какой нибудь войны, ему достаточно будетъ только одного мановенія, чтобы войско его увеличилось вдесятеро; съ Сѣвера и съ Юга потекутъ привычныя къ войнѣ толпы подъ извѣстныя знамена, и какая часть его арміи будетъ употреблена на высылку за границу, точно такая же часть будетъ пополнена гарнизонными войсками, стоящими внутри страны. Вопросъ о прiисканiи денежныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія такого количества національнаго войска, даже на 6 мѣсяцевъ, едва ли могъ бы заставить призадуматься государственныхъ мужей Вашингтона. Потому что, спустя полгода послѣ окончанія гражданской войны, уже начались уплаты національнаго долга и 50 милліоновъ бумажныхъ денегъ обращены въ фонды; это такой финансовый тріумфъ, который почти затемняетъ военный. Сборы, получаемые отъ внутреннихъ повинностей, превышаютъ 360 милліоновъ долларовъ, а доходы отъ ввозныхъ пошлинъ достаточны уже теперь для покрытія процентовъ всего государственнаго долга. Поэтому въ средѣ вліятельныхъ кружковъ принимается за дѣло рѣшенное, что Союзу нечего опасаться войны даже съ обѣими европейскими западными державами; и тогда было бы представлено доказательство того, что республика безъ колос-

сальной и постоянной арміи можетъ вести продолжительную и дорогую войну. Доказательство того, что народное войско, пріученное къ нужному отпору, можетъ по окончаніи войны снова возвратиться къ гражданской жизни безъ замѣтныхъ потрясеній для общества,— Союзъ уже представилъ; мы не говоримъ о томъ, что готовность къ войнѣ правительства, приступающаго къ дѣлу подобнымъ образомъ даже послѣ изнурительной войны, гораздо больше, нежели готовность тѣхъ боевыхъ силъ, которыми располагаетъ Англія и даже сама воинственная Франція.

Морскія державы Европы, которыхъ мы въ настоящемъ случаѣ коснулись, понимаютъ все это очень хорошо. Англія найдетъ какое нибудь средство удовлетворить Союзъ, а дряхлѣющій Наполеонъ III, который нуждается въ мирѣ, не будетъ начинать, очертя голову, изъ за Мехики продолжительнаго, опаснаго и отдаленнаго раздора. Соединенные же Штаты — цѣль стремленій для сотенъ тысячь наскучавшихъ Европой людей, получатъ на долгое время возможность проводить въ свое государственное устройство тѣ великіе принципы, которые потребовали для своего возрожденія мученика.

Этотъ краткій обзоръ наиболѣе интересныхъ для насъ стремленій и фактовъ относительно необыкновеннаго развитія силъ на Сѣверѣ и Югѣ Союза въ періодъ послѣднихъ годовъ, этотъ очеркъ соотносительныхъ силъ и слабостей казался для насъ необходимымъ для составленія вѣрнаго масштаба, по которому можно

было бы справедливо оцѣнивать характеръ и заслуги Линкольна. Это былъ герой мира. Поставленный среди опасностей ожесточенной борьбы, онъ шелъ впередъ подобно храброму воину, никогда не отрѣшаясь отъ мысли, что провидѣніе избрало его для возвращенія и утвержденія въ своей странѣ даровъ мира, гуманности и прогресса.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Историческое развитіе американскаго Союза.

ГЛАВА I.

Семейство дровосѣка и молодые годы.

ГЛАВА II.

Годы обученія американца.

ГЛАВА III.

Политическія тенденціи и адвокатская практика.

ГЛАВА IV.

Въ конгрессѣ и предъ народомъ.

ГЛАВА V.

Война и бѣда.

ГЛАВА VI.

Освобожденіе и поворотъ (1862—1863).

ГЛАВА VII.

Новая эра военныхъ дѣйствій (1864).

ГЛАВА VIII.

Подавленіе возстанія (1863).

ГЛАВА IX.

Побѣда и смерть.

ГЛАВА X.

Возстановленный Союзъ.